Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2020

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2020
© Составление: Редколлегия журнала
“Российская археология”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2020

Палеолитическая культура Кавказа конца эоплейстоцена:
олдован, ранний ашель, переходная стадия?
Амирханов Х.А. 7

Технология расщепления на эпипалеолитической стоянке в Мезмайской пещере,
Северо-Западный Кавказ
Недомолкин А.Г. 22

Радиоуглеродная хронология памятников синташтинской культуры в степном Приуралье
Ткачев В.В. 31

Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье
Григорьев С.А., Салугина Н.П. 45

Микрорегион поселений “Плющань” позднеримского времени
на территории Верхнего Подонья
Земцов Г.Л., Сарычев Д.В., Гончаров В.О., Фабрициус Е.В. 60

О стеклоделательной мастерской в Алма-Кермене
Румянцева О.С. 72

О единой системе описания
деревянных погребальных конструкций позднего Средневековья и Нового времени
Васильева Е.Е. 85

Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму
(предварительное сообщение)
Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 91

Дискуссии

Археологический музей: конфликт интересов и новые форматы
Гринько И.А., Лагутин А.Б., Гончаров А.А. 111

История науки

Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург: полвека дружбы и сотрудничества
(К 100-летию Российской академии истории материальной культуры)
Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. 120

Письмо, изменившее судьбу... (неопубликованные материалы к биографии В.С. Адрианова)
Панкратова Е.Г. 130

Публикации

Памятники тасмолинской культуры на территории Новосибирской области
(по материалам 2014—2017 гг.)
Автушкова А.Л., Плахута Д.О. 142

Бокинский могильник средневековой мордвы
Андреев С.И. 151

Перекрестие меча из раскопа на ул. Большая Московская в Великом Новгороде
Каинов С.Ю., Олейников О.М. 167

Металлические украшения с Багаевского селища в Нижнем Поволжье
Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. 177

Хроника

X международная научная конференция “Проблемы сарматской археологии и истории” (Севастополь, 2019 г.)
Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 190

К 80-летию Марка Григорьевича Крамаровского
Недашковский Л.Ф., Недашковская Н.И. 191

CONTENTS

Number 2, 2020

Palaeolithic culture of the Caucasus in the upper Eopleistocene:
Oldowan, early Acheul, transition stage?
Amirkhanov Kh.A. 7

Knapping technology at the Epipalaeolithic site in Mezmay cave, the Northwest Caucasus
Nedomolkin A.G. 22

Radiocarbon chronology of the Sintashta culture sites in the steppe Cis-Urals
Tkachev V.V. 31

Petrovka and Alakul pottery of the Mochishche settlement in the Southern Trans-Urals
Grigoriev S.A., Salugina N.P. 45

Plyshchan microregion of settlements of the Late Roman period in the Upper Don region
Zemtsov G.L., Sarychev D.V., Goncharov V.O., Fabritsius E.V. 60

The glass workshop in Alma Kermen
Rumyantseva O.S. 72

The unified system for describing
wooden funerary structures of the late Middle Ages and the Modern period
Vasilyeva E.E. 85

The Roman Period cemetery Frontovoye 3 in the Southwestern Crimea (preliminary publication)
Gavritukhin I.O., Sviridov A.N., Yazikov S.V. 91

Discussion

Archaeological museum: clash of interests and new formats
Grinko I.A., Lagutin A.B., Goncharov A.A. 111

History of science

N.Ya. Marr and S.F. Oldenburg: half a century of friendship and cooperation
(to the 100th anniversary of the Russian Academy of the history of material culture)
Ananyev V.G., Bukharin M.D. 120

A letter that changed the fate... (unpublished materials to the biography of V.S. Adrianov)
Pankratova E.G. 130

Publications

The Tasmola culture sites in the territory of Novosibirsk Region
(on the materials of 2014–2017)
Avtushkova A.L., Plakhuta D.O. 142

The Bokino medieval Mordvin cemetery
Andreev S.I. 151

A sword guard from the excavation site in Bolshaya Moskovskaya street in Veliky Novgorod
Kainov S.Yu., Oleynikov O.M. 167

Metallic wearing-apparel components from the Bagaevka settlement
Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. 177

Chronicle

The X international scientific conference “Issues of the Sarmatian archaeology and history” (Sevastopol, 2019)
Khrapunov I.N., Stoyanova A.A. 190

To the 80th anniversary of Mark Grigoryevich Kramarovsky
Nedashkovsky L.F., Nedashkovskaya N.I. 191

Вниманию читателей! В №1 2020 на стр. 177, правая колонка, второй абзац – опечатка, следует читать: “Двухступенчатый цоколь западной стены храма 1698 г. сложен...”

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1.5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, **кегль 14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском (**можно еще и на английском) **языке** (не менее 0.5 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице – **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электроннного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева[1,*], М.А. Очир-Горяева[2, 3,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия
[3]Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия

[*]E-mail: amvlad11@yandex.ru
[**]E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в,..., включая первое упоминание. Например:

монография: *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: *Коваль В.Ю.* “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: *Решетова И.К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего дате года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iaran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 7–21

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАВКАЗА КОНЦА ЭОПЛЕЙСТОЦЕНА: ОЛДОВАН, РАННИЙ АШЕЛЬ, ПЕРЕХОДНАЯ СТАДИЯ?

© 2020 г. Х.А. Амирханов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: amirkhanov@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

В статье рассматриваются материалы археологических памятников Кавказа конца плейстоцена (эоплейстоцена) в диапазоне примерно с конца (?) палеомагнитного эпизода Харамильо (около 1 млн лет назад) и до конца раннего плейстоцена (около 0.8 млн л. н.). Отмечается наличие объединяющих их признаков, значимых с точки зрения технологической эволюции индустрии раннего палеолита и указывающих на начало смены в этот период времени традиций местной культуры олдована чертами, свойственными индустрии эпохи ашеля. Памятники, о которых идет речь, обладают следующими общими для них существенными культурно-стадиальными характеристиками: органичность для каменного инвентаря стоянок заготовок в виде крупных отщепов (>10 см); отсутствие выработанных форм рубил при наличии элементов бифасиальной обработки; представленность в индустрии предметов, которые можно отнести к протобифасам. Определение этого культурно-хронологического горизонта может быть сформулировано, как “раннеплейстоценовая переходная крупноотщеповая индустрия”.

Ключевые слова: Дагестан, Мухкай II, финальный эоплейстоцен, олдован, ашель, переходная индустрия.

DOI: 10.31857/S086960630008862-7

В кругу вопросов, относящихся к эволюции культуры и общей периодизации раннего палеолита, принципиальное значение имеет проблема смены эпохи олдована ашелем, на протяжении последних двух десятилетий привлекающая к себе пристальное внимание специалистов (Semaw et al., 2009; Torre de la et al., 2012; The Emergence..., 2018). Приводимая ниже цитата из статьи авторитетных авторов, посвятивших свою работу данной проблеме, говорит красноречиво о ее состоянии даже для такого, казалось бы, хорошо изученного в этом отношении региона, как Восточная Африка. “Мы до сих пор не можем ответить на такие простые вопросы, как: чем конкретно отмечен конец олдована и что свидетельствует о начале ашеля? Когда завершился олдован и начался ашель? Сколько длился переход? Почему развитый олдован считается переходным?” (Semaw et al., 2009. P. 181).

Из сказанного нетрудно понять, что и применительно к кавказским материалам вопрос о времени, причинах и механизме смены рассматриваемых эпох в литературе специально не рассматривался. Тем не менее в практических исследованиях уже сложилось два подхода к трактовке хронологического аспекта этой проблемы. Согласно одному из них ранний ашель возникает на Армянском нагорье (Беляева, Любин, 2012) и в Южном Приазовье (Щелинский, 2019) около 2 млн лет назад (1.8 млн л. н. на Армянском нагорье и 2.1 млн л. н. в Приазовье соответственно). При этом получается, что между этими двумя регионами на всей территории Большого Кавказа в это же время распространена культура олдована (Таймазов, 2012; Амирханов, 2016; Зейналов, Кулаков, 2017; Ожерельев, 2017; Кулаков, 2019б) или преолдована (Lumley et al., 2005).

“Раннеашельские” памятники Армянского нагорья и Приазовья не встраиваются и в какой-либо иной культурно-хронологический контекст соседних регионов, ибо в материалах Армянского нагорья не отмечаются культурные связи с африканским и ближневосточным ашелем, а приазовские памятники “раннего ашеля” оказываются самыми древними в мире и уже только поэтому не могут иметь генетических корней где-либо на стороне (впрочем, их не обнаруживают и на месте).

Ко всему прочему, повторим, эти два рассматриваемых культурных образования отделены друг от друга пространством “инокультурного” (при указанном взгляде на вещи) Большого Кавказа. Явные “нестыковки” в концепции сторонников отмеченной точки зрения будут сняты тогда, когда будут решены вопросы датировок памятников, на материалах которых базируются соответствующие построения. Соответственно и дискуссии по поводу генезиса, тафономии и геологической позиции культурных слоев увенчаются выработкой непротиворечивых заключений.

Иной подход к проблеме перехода от олдована к ашелю на Кавказе предлагается нами, в частности, в этой работе. При этом мы исходим из признания возможности существования стадии, переходной от олдована к ашелю. Вопрос о переходной стадии, не затрагиваемый обычно в палеолитическом кавказоведении, актуален для проблематики нижнего палеолита в целом. Стадия, о которой идет речь, понимается нами вне контекста бывшей в свое время классической концепции, предполагавшей последовательность таких составляющих, как “развитый олдован А” и “развитый олдован Б” (Leakey, 1971). Эта схема оказалась не соответствующей реальной картине развития культуры в самом Олдувайском ущелье, и она тем более не может быть прямо перенесена на иные территории. Особенно, если исходить из того, что процесс становления ашеля в разных регионах варьируется, хотя в целом сохраняет однонаправленность своих главных технологических и общетипологических векторов.

К признанию переходной от олдована к ашелю стадии в развитии раннепалеолитической культуры Кавказа приводит возможность фиксации в археологических материалах хронологического рубежа, на котором в индустрии еще присутствует типологический набор преобладающих форм олдована, но происходят существенные изменения в технологии изготовления орудий. Этот факт (особенно последний аспект), отмеченный уже давно для материалов Восточной Африки (Isaac, 1977), обнаруживает свои проявления в разных регионах и в разное время. Последнее свидетельствует о его сути, проявляющейся не единовременно (и, может быть, не единообразно) в ойкумене олдована, но неизбежной в стадиальном отношении для заключительного этапа эволюции индустрии олдована. Начало смены олдована ашелем на Кавказе, как показывает дальнейшее рассмотрение, приходится на время около 1 млн л. н. Будучи не одномоментным актом, а процессом с определенным временны́м содержанием, он не может не иметь более или менее определенной хронологической протяженности.

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных материалов по данной теме, уместно пояснить наше понимание основных технико-типологических характеристик самих индустрий олдована и ашеля. В типологическом отношении для олдована характерен следующий набор категорий пердметов: небольшой нуклеус (в среднем 5 см в высоту); чоппер разных модификаций, изготовленный на обломке, гальке или валуне; пик, относимый исследователями часто, особенно применительно к материалам олдована, к протобифасам. Разумеется, общий состав инвентаря этим не ограничивается. В индустрии рассматриваемого типа обычны скребки, скребла (на обломках и отщепах), шиповидные орудия, наковальни, отбойники. Заготовка, когда она представлена отщепом, соответствует здесь по габаритам нуклеусу или имеет более мелкие размеры, указывающие на их получение в ходе изготовления чопперов.

Для индустрии ашеля диагностичны систематическое использование техники сплошной плоской двусторонней оббивки и появление категорий орудий, отсутствующих в индустрии олдована, – рубила и кливера. Конечно, присутствуют и формы, возникшие еще в олдоване, – пики, скребла, скребки, ножи, острия, наковальни и др. Категории, составляющие эту совокупность, предстают в сравнении с олдованом более вариабельными внутри каждой из морфологических групп.

Индустрия, определяемая как переходная, характеризуется такими показателями, как систематическое использование в качестве заготовок крупных (>10 см) отщепов и соответствующих им по размерам нуклеусов; появление элементов бифасиальной обработки; наличие грубых (не стандартизованных) форм рубил (проторубил). Естественно, этот репертуар дополняется и другими категориями изделий, которые обычно органично связаны с названными (например, пики, ножи на крупных отщепах, скребла и др.).

Перейдем далее к анализу конкретных материалов, которые могут быть привлечены для рассмотрения обозначенной проблемы

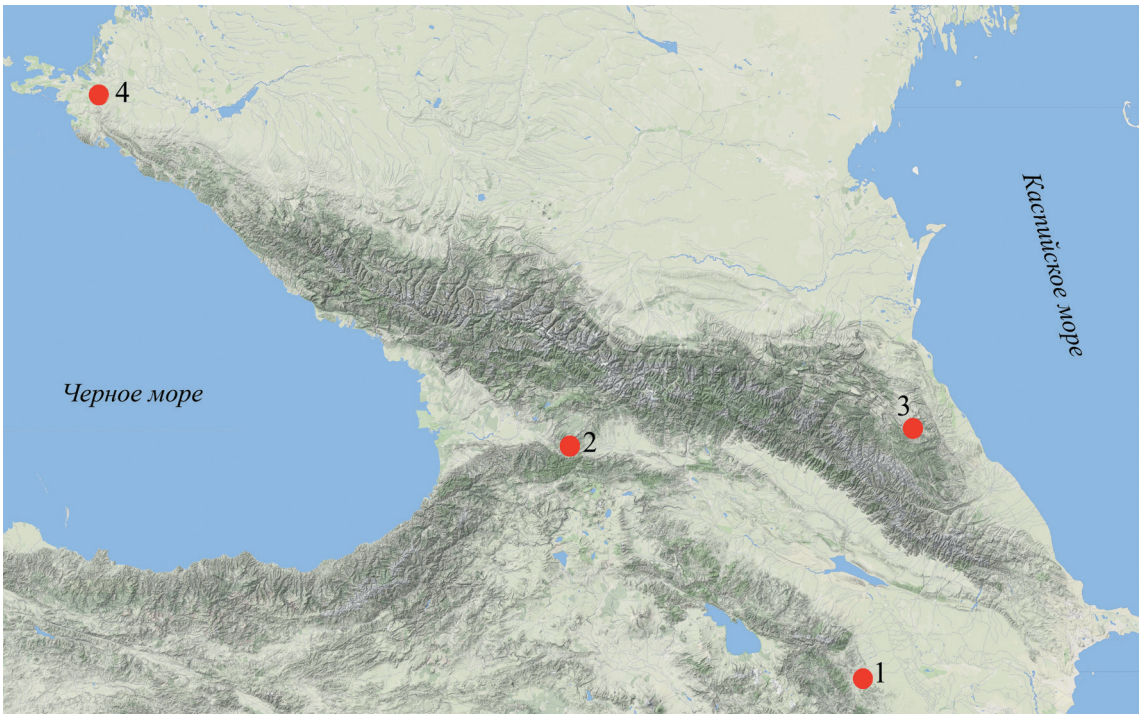


Рис. 1. Памятники конца раннего плейстоцена Кавказа, рассматриваемые в работе. 1 – Азыхская пещера; 2 – Амиранис-го́ра, 3 – Мухкай I; 4 – Родники 1.

Fig. 1. The sites of the end of the Caucasus Early Pleistocene discussed in the paper. 1 – Azykh cave; 2 – Amiranis-gora; 3 – Muhkai I; 4 – Rodniki 1

применительно к территории Кавказа. Подходящими для этого являются материалы памятников, которые соответствуют хотя бы двум критериям пригодности для анализа из обозначенных выше: наличие датировки, не вызывающей острых дискуссий, и обладание более или менее удовлетворительным геологическим контекстом. В Кавказском регионе таких памятников достаточно: Азыхская пещера в Азербайджане (слои 7–10); Амиранис-го́ра в Грузии; верхи разрезов раннеплейстоценовых памятников Мухкай I и II Центрального Дагестана, раскопанных на широкой площади; памятники Приазовья (Богатыри/Синяя балка, Родники 1–4). Рассмотрим далее кратко основные характеристики тех из названных пунктов, по которым имеются более или менее полные публикации: Азых (слои 7–10), Амиранис-го́ра, Мухкай I (верхи культурных отложений) и Родники 1. Как видно из карты их распространения (рис. 1), они охватывают Большой и Малый Кавказ, а также Южное Приазовье.

Амиранис-го́ра. Памятник исследовался М.К. Габуния с начала 90-х годов прошлого века и в начале 2000-х годов. Расположен на Ахалкалакском плато, формирующем значительную часть Джавахетского вулканического нагорья современной Южной Грузии. Пункт исследований приурочен к склону горы Амиранис-го́ра и имеет высотные отметки: над уровнем моря – 1883 м; над уровнем основной местной водной артерии – р. Паравани (Ахалкалакис-цкари) – 150 м (Габуния, 2000, 2007).

За все годы раскопок, длившихся с перерывами с 1993 по 2003 г., вскрыта площадь чуть более 50 м^2. По разрезу 2003 г. максимальная глубина раскопанных отложений составила 145 см. По данным исследовательницы памятника (Габуния, 2007), разрез выглядит следующим образом.

Слой 1 – современный почвенно-гумусовый слой. Мощность – до 30 см.

Слой 2 – перемешанный слой – отвал предыдущих раскопок. Мощность – до 40 см.

Слой 3 – суглинок желтоватый, светлый, с включением щебня и небольшого количества глыб андезита и базальта как продукта разрушения местных коренных пород. Мощность – 45–90 см.

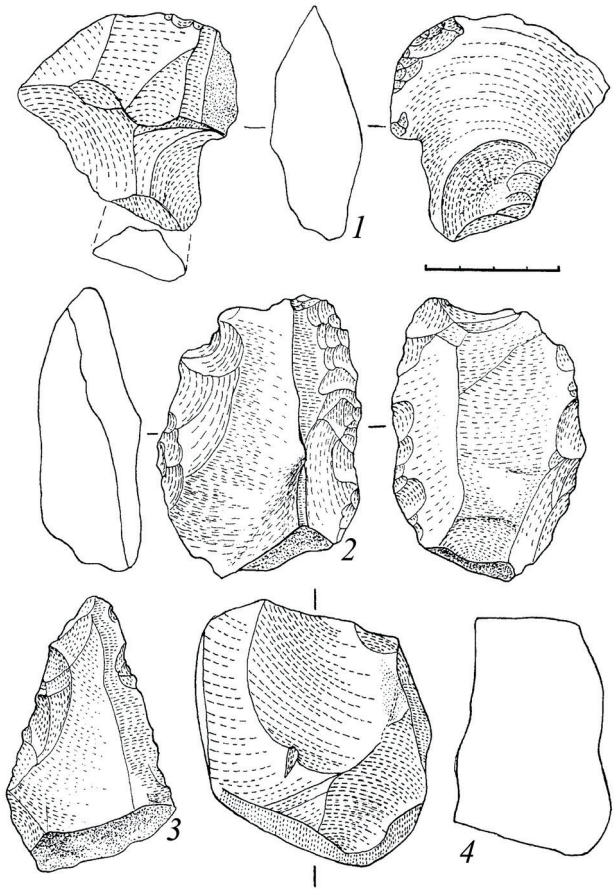


Рис. 2. Амиранис-го́ра. Образцы каменных орудий. *1, 3* – отщепы; *2* – скребло; *4* – нуклеус (по: Любин, Беляева, 2006).

Fig. 2. Amiranis-gora. Samples of lithic tools (after: Lyubin, Belyaeva, 2006)

Слой 4 – суглинок темновато-желтый, уплотняющийся по мере углубления. В нижней части (на уровне прокопа) слой насыщен глыбами и обломками вулканических пород.

Археологические находки в виде редких артефактов и костных остатков ископаемой фауны в приведенном выше разрезе начинают встречаться с глубины около 1 м и связаны, главным образом, со слоем 4. Нужно отметить, что единичные каменные изделия встречаются на стоянке и на современной поверхности. Скорее всего, это результат склоновой эрозии древних отложений и переноса материала с более высоких участков. Нельзя не учитывать, что при переносе такого рода предметы из древних (нижних) слоев будут оказываться перемещенными к верху современных напластований. К сожалению, в оригинальных публикациях сведения о факторах и процессе генезиса культурного слоя памятника скудны. Также отрывочны и данные о планиграфической картине распределения каменных изделий и фаунистических остатков.

По определениям А. Векуа, фауна стоянки характеризуется наличием следующих видов: саблезубый тигр (Homotherium sp.), лиса (Vulpes vulpes sp.), бегемот (Hippoponamus georgicus), южный слон (Archidiscodont meridionalis), трогонтериевый слон (Mammutus trogonterii), гиппарионовая лошадь (Equus hipparionoides), зюссенборнская лошадь (Equus süssenbornensis), гигантский олень (Praemegaceros verticornis), бизон (Bison sp.). Этот состав фауны дополняют некоторые другие виды, а также мелкие млекопитающие в виде грызунов. В количественном отношении подавляющее большинство костных остатков приходится на лошадь и бизона (всего 76.5 %) (Габуния, 2007).

Качественный состав фауны памятника вызывает сомнения в гомогенности коллекции и допускает механическое смешение здесь разновременного материала. Участие в формировании культурных отложений склонового фактора усиливает реальность такого предположения. Особенно не органично соседство таких двух явно разновременных таксонов лошадей, как гиппарионовая и зюссенборнская. Очевидна и неестественность совмещения в едином хронологическом срезе южного и трогонтериевого слонов.

Из данных палинологического анализа отложений памятника интерес представляет обнаружение пыльцы воробейника (Celtis glabrata) и каркаса (Lithospermum arvense). Их присутствие позволяет исследователям охарактеризовать климат времени формирования культурных отложений как относительно засушливый.

В отношении фаунистических остатков стоянки Амиранис-го́ра имеются основания для заключения о разновременности представленных здесь фаунистических остатков, но в отношении каменного инвентаря сделать это, опираясь только на технико-типологические показатели материала, практически невозможно. Правда, это не лишает возможности установления диапазона (пусть и более широкого, чем желаемый) датировки полученного здесь археологического материала средствами естественнонаучных дисциплин. Если опираться только на фаунистические данные, то они определенно отбивают верхний рубеж как границу между эоплейстоценом и неоплейстоценом (массовое присутствие в коллекции

остатков зюссенборнской лошади). А сочетание указанного вида с трогонтериевым слоном очерчивает хронологические рамки бытования таманского фаунистического комплекса в его традиционном восприятии (примерно 1.1–0.8 млн л. н.) (Вангейгейм и др., 1991). Об этом же свидетельствует и то, что по результатам палеомагнитного анализа культурные отложения Амиранис-гóра показывают обратную намагниченность, т.е. с учетом всего сказанного выше они располагаются в хронологическом отрезке между концом эпизода Харамильо и началом палеомагнитной эпохи Брюнес, т.е. в период около 1–0.8 млн л. н.

Каменный инвентарь, полученный на памятнике раскопками, немногочислен. Он состоит всего из 21 предмета. Исходным сырьем служили вулканические породы андезит и базальт. В типологическом отношении коллекция включает в себя нуклеусы, чоппер, скребла на отщепах, в том числе крупных, скребок, отщепы (рис. 2).

Малочисленность имеющегося материала не позволяет делать в отношении его категорические заключения. Однако можно фиксировать один существенный для нашего рассмотрения признак, а именно не только наличие, но и использование здесь крупных отщепов для изготовления орудий. Не менее важно отсутствие в составе находок типично ашельских изделий, при том, что в исследуемом районе на современной поверхности выразительный материал этого рода встречается достаточно часто (Габуния, 2007).

Азыхская пещера (слои 7–10). Памятник открыт М. Гусейновым в 1960 г. и раскапывался под его руководством до 1985 г. Пещера расположена на высоте 900 м над уровнем моря в предгорьях Карабахского хребта на 180–200-метровой террасе р. Куручай. Пещера протяженностью более 220 м образовалась в известняках и относится к разновидности галерейных сквозных полостей карстового происхождения (Величко и др., 2018; Джафаров, 2018; Зейналов, 2018; Зейналов, Зейналова, 2018).

Общая мощность рыхлых пещерных отложений составляет 14 м. Раскопками исследовано 242 м^2. Установлено наличие в отложениях пещеры разновременных археологических слоев с очень большой хронологической протяженностью. В нижних слоях (7–10) выявлены археологические остатки в виде каменных изделий “галечного” облика и немногочисленных раздробленных костей млекопитающих. Выше залегают слои, материалы которых отнесены к раннему ашелю (слой 6), среднему ашелю (слой 5) и позднему ашелю–раннему мустье (слой 3).

Фаунистические остатки интересующих нас слоев 7–10 пещеры малоинформативны. Остатки крупных животных представлены здесь не поддающимися определению фрагментами трубчатых костей. Имеются также единичные кости грызунов, среди которых установлены малоазийский тушканчик и полевка. Существенно, что в слое 7 обнаружены остатки полевок Microtus ex gr. Arvalis-socialis, относящиеся к Тираспольскому фаунистическому комплексу, т.е. к началу неоплейстоцена (бакинский ярус местной стратиграфической шкалы).

Основанием для датировки серии нижних слоев пещеры служит выявление в нижележащем археологическом слое 8 (литологический слой 15) отрицательной намагниченности отложений при положительной полярности всех вышележащих археологических слоев. Этот факт вместе с данными палинологического анализа позволил отнести слои 8–10 разреза к эоплейстоцену, точнее – к его заключительному отрезку. Речь идет об отрезке, включающем время несколько ранее палеомагнитного эпизода Харамильо и до границы раннего и среднего плейстоцена (эоплейстоцен–неоплейстоцен). Для слоев 8–10 Азыха в абсолютном значении это должно составлять примерно 1.2–0.8 млн л. н.

Приведем краткую характеристику коллекций каменных изделий, полученных из археологических слоев 10–7.

Слой 10 – коллекция состоит из 10 артефактов и 7 манупортов в виде речных галек. Сырье – кварцитовая галька. Определены “чоппеpовидные” изделия, скребла, лимасовидный предмет, нуклевидное изделие, отщепы, отходы производства и, как отмечено, необработанные гальки. Общая малочисленность коллекции не позволяет делать по поводу нее обязывающие заключения. В особо интересующей нас части можно отметить наличие в ней предметов в виде крупных отщепов.

Слой 9. Найдено 53 артефакта и 27 манупортов. К последним относятся необработанные речные гальки. Исходным сырьем в основной массе служила кварцитовая галька; встречается эпизодически кремень. В типологии

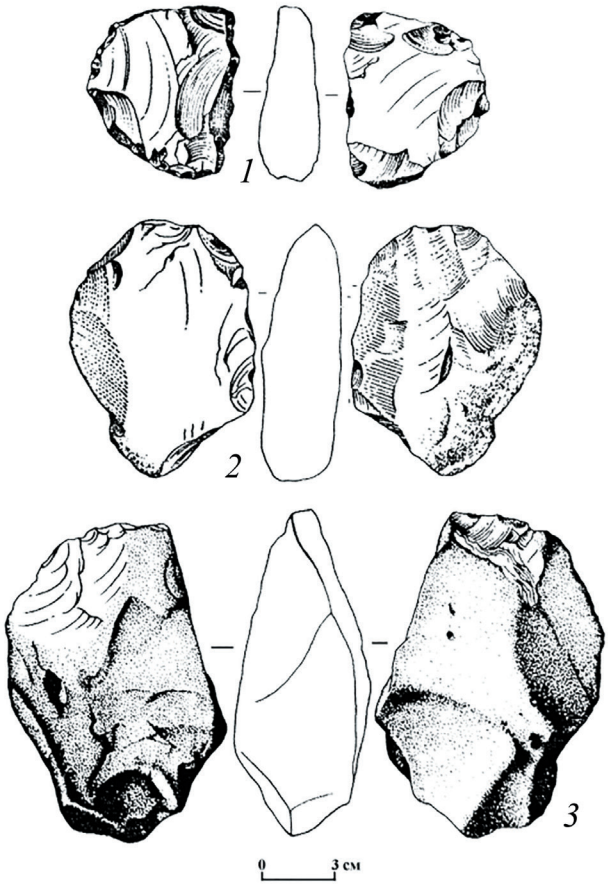


Рис. 3. Азых, слой 9. *1* – отщеп с участками ретуши; *2* – чоппер на крупном отщепе; *3* – чоппер с узким лезвием (рисунки по: Гусейнов, 2010; типологические определения автора).

Fig. 3. Azykh, layer 9 (after: Guseynov, 2010)

не прибавляется разнообразия в сравнении с коллекцией слоя 10.

По материалам данного слоя более определенно можно говорить о характере заготовок для орудий. Несмотря на скудость исходной информации, касающейся технологического и типологического описания материалов первичного скалывания, можно утверждать, что заготовка типа крупного (>10 см) отщепа типична для индустрии слоя 9 Азыха (рис. 3).

Слой 8. Выявлен 41 артефакт и 15 манупортов в виде необработанных галек. Сырьем служил по-прежнему кварцит, в небольшом количестве кремень и единично базальт.

В типологическом и технологическом отношениях материал в целом повторяет характеристики каменного инвентаря нижележащих слоев. Заметное дополнение – появление орудий типа чопперов-гигантолитов и изделий, получивших название “чоппниг с острием” (Гусейнов, 2010. Рис. 35, *2*). Более выразительны, чем в нижележащем слое, хотя также далеки от эталона типа, здесь пиковидные изделия.

Конкретных статистических данных о доле крупных отщепов в индустрии слоя 8 нет. Но можно отметить, что в производстве орудий они использовались часто.

Слой 7. Найдено 39 каменных изделий и 7 манупортов в виде речных галек. Отличия в исходном сырье в сравнении с материалами нижележащих слоев не отмечены. В типологическом и технологическом отношении находки не обнаруживают заметных отличий от состава инвентаря слоев, залегающих ниже. Крупные отщепы здесь также используются в качестве заготовок при оформлении орудий, и не только в виде крупных скребел, но и изделий олдованского типологического репертуара – чопперов.

Исследователь стоянки М.М. Гусейнов находил достаточным наличие в коллекции слоя сколов с характерной огранкой спинки и выраженным ударным бугорком (т.е. просто отщепов) для того, чтобы считать данную индустрию специфической. В наличии этих признаков исследователь увидел отличие данных материалов от обычной “галечной культуры” и пришел к необходимости отнесения ее к “...остаткам иной, новой локальной куручайской культуры” (Гусейнов, 2010. С. 68). Не отвлекаясь здесь на напрашивающиеся комментарии, ограничимся фиксацией того, что в индустрии нижних слоев пещеры заметное место принадлежит разновидности заготовки в виде крупного отщепа.

Мухкай I. Памятник открыт Х.А. Амирхановым в 2005 г. вместе с другими пунктами мухкайско-гегалашурской группы. Полевые исследования ведутся с небольшими перерывами с указанного года по настоящее время. Общая мощность раннеплейстоценовых отложений на исследованном участке составляет 66 м. Разведочной траншеей выявлено 39 культурных слоев и горизонтов, относящихся к различным стадиям раннего плейстоцена.

Археологически находки состоят только из каменных изделий (рис. 4, 5). Сырьем служил кремень, выходы которого имеются на месте в виде вкраплений в рыхлые обломочные отложения пролювиального характера. Первичные выходы кремня зафиксированы в известняковых бортах долины неподалеку от стоянки.

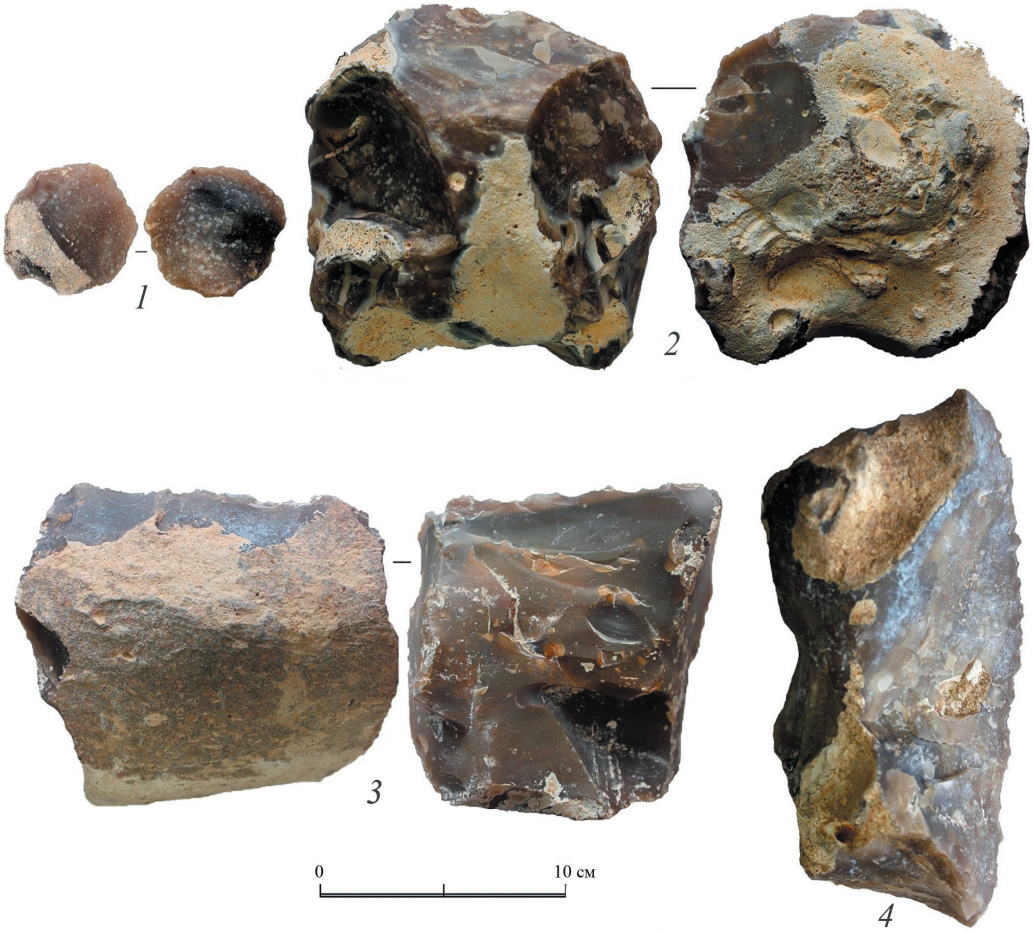


Рис. 4. Мухкай I. Образцы каменных орудий. *1* – скребок (сл. 3); *2, 3* – чопперы (сл. 4); *4* – нож (сл. 2).
Fig. 4. Muhkai I. Samples of lithic tools from the upper layers

На уровне от 7.5 до 12 м глубины от современной дневной поверхности в разрезе памятника выявлен палеомагнитный эпизод Харамильо (Амирханов, 2016). Самый верх отложений по геолого-геоморфологическим данным датируется границей раннего и среднего плейстоцена (эоплейстоцен–неоплейстоцен).

На стоянке Мухкай I в 2019 г. получена значительная коллекция каменных изделий, относящаяся к финалу раннего плейстоцена. Здесь вскрыты культурные отложения в верхней части разреза на глубину 3 м от современной дневной поверхности. Площадь раскопа на уровне глубины, достигнутом работами указанного года, составляет около 60 м^2. В литологическом отношении вскрытая часть разреза представляет собой серию слоев и горизонтов преимущественно крупнообломочного состава.

Сопоставимый по размерам и глубине раскоп был разбит в том же году и на стоянке Мухкай II. Он вскрыл аналогичные по общему характеру геологические отложения и доставил сравнимую со стоянкой Мухкай I по количеству и типологическому составу коллекцию каменных изделий. В целом эти работы не просто подтвердили некоторые прежние наблюдения относительно общих технико-типологических характеристик эволюции раннеплейстоценовой индустрии Центрального Дагестана (Амирханов, 2016). Они создают возможность исследовать рассматриваемую проблему на новом, гораздо более подробном и доказательном уровне, и подход к этому в определенной степени уже намечен (Амирханов, Таймазов, 2019).

Общие технологические, типологические и статистические показатели индустрии верхних слоев стоянки Мухкай I выглядят следующим образом. Ядро коллекции (не считая предметы с единичными сколами) состоит

из 284 изделий: из них 9 нуклеусов и 86 орудий. Число орудий на отщепах составляет 39 экз. Орудия на крупных отщепах (>10 см) представлены 25 предметами, что равно 65% от всего количества орудий на отщепах. Обращает на себя внимание, что наибольшее количество орудий на крупных отщепах приходится на чопперы (рис. 4, *2, 3*), т.е. на олдованскую в типологическом отношении категорию изделий. Весьма показательно и то, что здесь представлены морфологически выраженные нуклеусы, предназначенные для получения крупных (>10 см) отщепов (рис. 5, *3*). Последнее лишний раз свидетельствует о систематическом, а не ситуационном или эпизодическом использовании заготовок указанного типа в данной индустрии.

Особая значимость рассматриваемых материалов для решения проблемы эволюции культуры раннего плейстоцена состоит в том, что, во-первых, они происходят из памятника, который содержит для сравнения археологические материалы из нижних отрезков разреза и, следовательно, дает возможность для осуществления прямых культурно-стратиграфических наблюдений. Во-вторых, материалы, которые привлекаются для рассмотрения как в верхах, так и нижней части разреза, обеспечены надежными датировками. Верхняя хронологическая граница рассматриваемых здесь конкретных материалов определяется как рубеж раннего и среднего плейстоцена (Чепалыга и др., 2012; Амирханов и др., 2017). Нижняя же граница археологических материалов стоянок Мухкай I и II, полученных раскопками 2018 г., моложе конца палеомагнитного эпизода Харамильо. Таким образом, фиксируется диапазон в пределах <1–0.8 млн л. н.

Для общей оценки инвентаря рассматриваемых слоев стоянки наиболее существенное значение имеет отсутствие в них ашельских форм изделий – типичных рубил. При этом нельзя не отметить наличие элементов двусторонней обработки, указывающей на то, что в технологическом отношении мастера, обитавшие на данной стоянке, были способны при необходимости изготавливать крупные бифасиальные орудия, включая рубила.

Родники 1. Памятник открыт В.Е. Щелинским в 2004 г. и исследовался им в 2004–2009 гг. Входит в компактную группу из шести приазовских стоянок (Кермек, Богатыри/Синяя балка, Родники 1–4), приуроченных в геолого-геоморфологическом отношении к береговому абразионно-оползневому уступу и рассредоточенных друг от друга не более чем на 3 км. При этом пункты Родники 1–4, по мнению автора исследований, могут рассматриваться как участки одной и той же стоянки, “...протянувшейся полосой вдоль берега моря длиной приблизительно 100–150 и шириной до 50 м. ... Участок Родники 1 является наиболее информативным и характеризующим, по сути, всю стоянку” (Щелинский, 2014. С. 34).

Материалы изданы наиболее полно, поэтому применительно к приазовским источникам, относящимся к проблеме, анализируемой в настоящей работе, ограничимся рассмотрением данных именно этого пункта. Памятник раскопан на площади 36 м^2. Находки в виде каменных изделий и немногочисленных мелкофрагментированных (поэтому малоинформативных) костей крупных млекопитающих залегали в слое галечника, перекрытого морскими песками. В сохранившемся виде культурный слой Родники 1 представляет собой отложения толщиной 80 см. Он формировался в условиях древней пляжевой зоны в пределах воздействия прибойной морской волны и имеет преимущественно субаквальный характер. Это обусловило, как минимум, незначительное перемещение и переотложение археологического материала.

Палинологические исследования, сделанные по образцам из культурного слоя, показали “...широкое распространение лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов и лугово-степной растительности” (Щелинский, 2014. С. 35).

В слое обнаружены остатки фауны грызунов, относящейся к таманскому фаунистическому комплексу, что позволяет отнести памятник к конечному отрезку раннего плейстоцена. Если говорить более конкретно, то по аналогии с пунктом Родники 2, где проводились палеомагнитные исследования (Трубихин и др., 2017), материалы из культурного слоя Родники 1 в соответствующей шкале должны быть отнесены к низам эпизода Харамильо. В абсолютном выражении для Родников 2 этот отрезок оценивается, как 1.05–1.1 млн л. н. (Трубихин и др., 2017). Таким же он будет и для Родников 1.

Коллекция каменных изделий стоянки Родники 1 включает в себя 710 предметов. Сырье данной индустрии практически целиком основывается на доломите (преимущественно окварцованном) в виде плитчатых

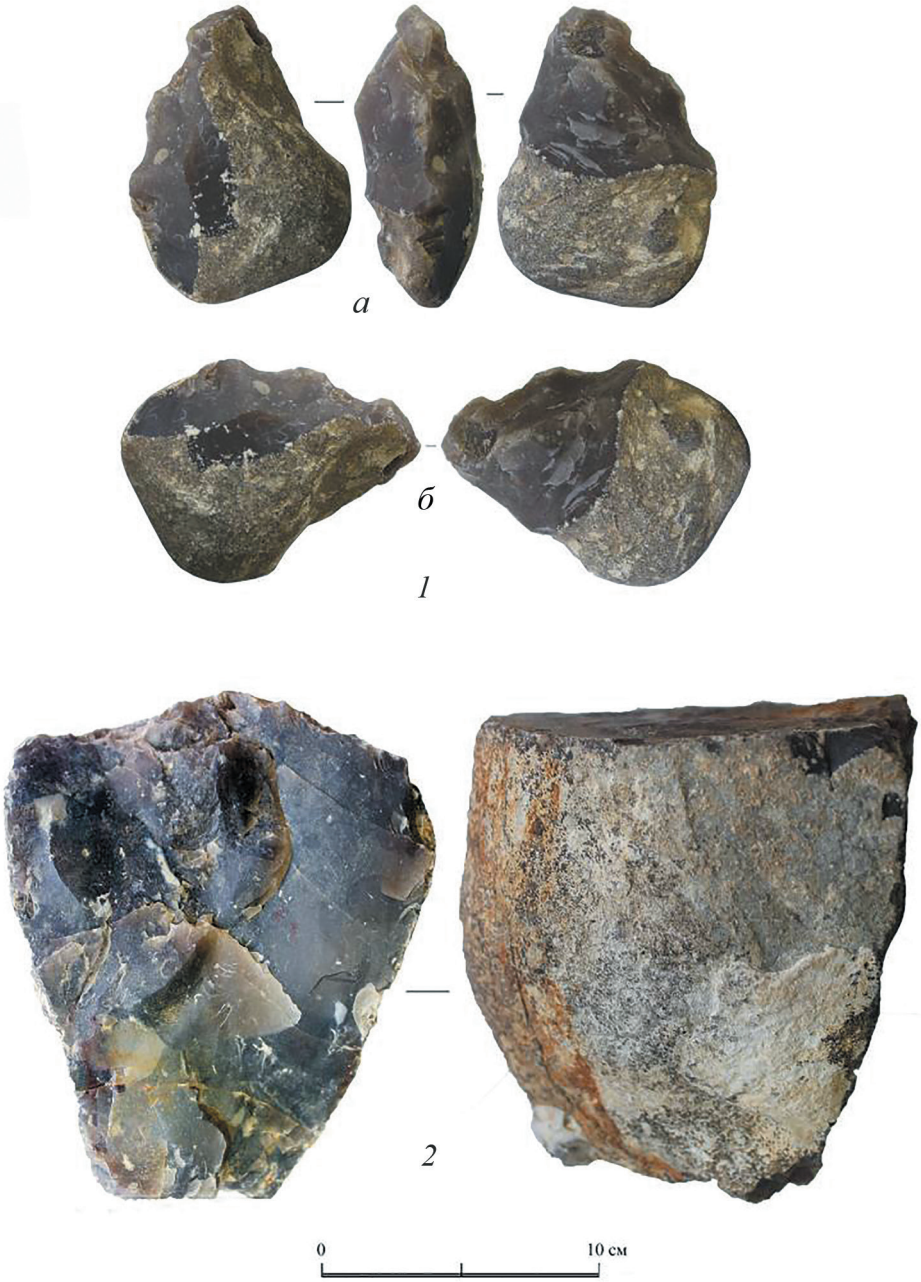


Рис. 5. Мухкай I. Образцы каменных изделий. *1* – проторубило-чоппер продольный (*а, б* – в зависимости от угла его рассмотрения предмет может типологически выглядеть двояко); *2* – нуклеус для крупных отщепов.

Fig. 5. Muhkai I. Samples of stone objects

отдельностей. Собиралось сырье в грязевулканических отложениях, залегающих в близкой от стоянки округе.

В материалах памятника насчитывается всего 255 (целых и “почти целых”) отщепов (включая предметы со вторичной обработкой). Из них на крупные (>10 см) приходится 12 экз. (4.7% от всех предметов данной категории изделий). Если учесть, что вторичной обработке крупные отщепы (>10 см) подвергались здесь в 2 раза чаще, чем их разновидности иных пропорций (соотношение – 83.3% против 44.5), то становится ясно, что фактически роль крупных отщепов в индустрии гораздо более значима, чем их количественная представленность. На это косвенно указывает и то, например, что на стоянке (участке) Родники 2

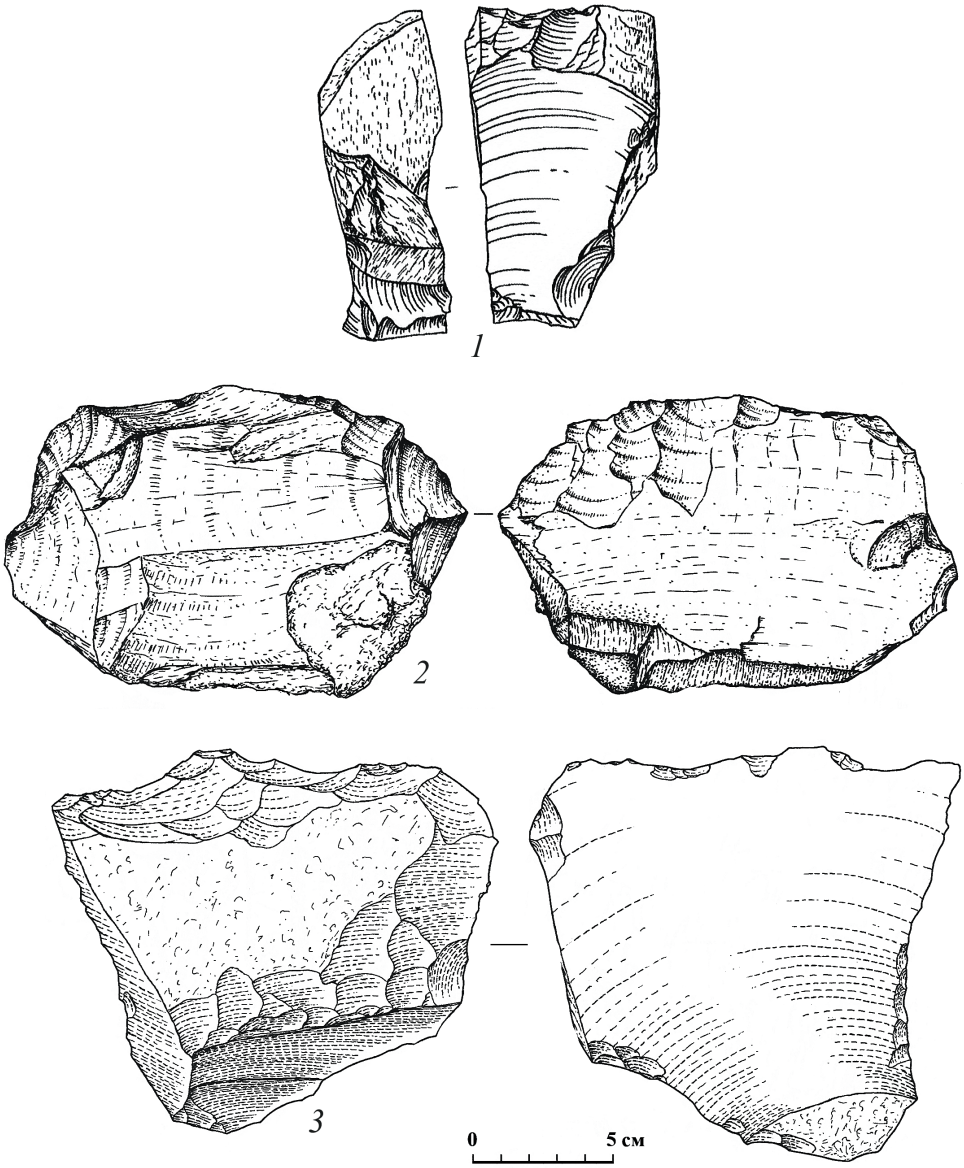


Рис. 6. Образцы каменных изделий на крупных сколах. *1* – чопперовидное орудие; *2, 3* – чопперы. *1, 3* – Синяя балка/Богатыри; *2* – Родники 1 (по: Щелинский, 2014).

Fig. 6. Samples of stone objects on large flakes (after: Shchelinsky, 2014)

доля крупных отщепов в несколько раз выше (26.7%), чем на Родниках 1 (соседнем участке).

Основную категорию орудий на обломках на стоянке Родники 1 составляют чопперы и пики. Обращает на себя внимание многочисленность пиков – черта, характерная и для центральнодагестанских материалов, происходящих из верхней пачки культурных отложений, которые сформировались во время палеомагнитного эпизода Харамильо и непосредственно после него. Интересно, что в обоих районах и чопперы, и пики в указанное время изготавливаются не только на обломках, но и на крупных отщепах (рис. 6). Использование же самих крупных отщепов (>10 см) становится в это время систематическим.

Касаясь вопроса о стадиальной атрибуции таманских материалов, В.Е. Щелинский определил пункты Богатыри и Родники 1–4 как раннеашельские. Более того, такой же статус присваивается и материалам стоянки Кермек. По поводу последней указывается, что “более ранний возраст стоянки Кермек и меньшая представительность в ее каменной индустрии раннеашельских технологических признаков, в частности крупных рубящих орудий (LCT) и

стандартизованных мелких ретушированных орудий на отщепах и обломках камня, позволяют рассматривать ее как начальный этап в развитии таманской раннеашельской индустрии, существовавшей в Приазовье длительное время в интервале от 2.1 до 1.0 млн л. н.” (Щелинский, 2018. С. 162).

Возникает сразу несколько вопросов, и один из них – как можно говорить о большей или меньшей представленности в сравниваемых коллекциях пресловутых LCT, если даже там, где они есть в приазовских материалах, их количество исчисляется лишь единичными экземплярами не вполне убедительных образцов? Многократно опубликованные в качестве диагностичных для ашеля несколько каменных изделий из таманских памятников весьма спорны с точки зрения их типологических определений. Например, приводимые на рис. 17 в последней по времени статье на эту тему (Щелинский, 2019) предметы под номерами 1, 3, 4 не могут быть названы рубилами. Изделие под номером 4 – явный нуклеус; номер 3 – это пик, а предмет на рис. 2 не может быть кливером, так как у него обработано регулярной оббивкой (как у чоппера) рабочее лезвие. И это весь имеющийся набор предметов (?) из коллекций шести памятников, на котором основывается выделяемая «новая, ранее не известная, самобытная раннеашельская индустрия (“культура”), названная таманской» (Щелинский, 2019. С. 27).

Декларируемая “самобытность” данной культуры тоже требует дополнительных обоснований. Рассуждения такого рода могут стать убедительными лишь тогда, когда они будут подтверждены сравнительным анализом рассматриваемых материалов с данными других синхронных памятников широкого пространственного ареала. Возникают вопросы и понятийно-терминологического характера, касающиеся, например, “самобытности” приазовской “культуры”. В частности, остается неясным – под понятием “культура” применительно к таманским материалам понимается археологическая культура или слово это используется здесь в значении, не претендующем на терминологическую строгость, как в случае с “куручайской культурой” (Гусейнов, 2010; Зейналов, Кулаков, 2017)? Подобные вопросы, на наш взгляд, отпадут, если сделать специальный сравнительный анализ типологии и технологии таманских материалов с индустрией слоев верхней пачки отложений стоянок раннего плейстоцена Центрального Дагестана. Мы обнаружим тут принципиальное сходство синхронной части сравниваемых материалов при наличии второстепенных отличий, связанных целиком с особенностями местных разновидностей исходного сырья. Это при том, конечно, условии, что для предлагаемых сравнений будут отобраны комплексы из однотипных в функциональном отношении памятников.

Обобщая оценки культурно-стадиальной позиции памятников финала раннего плейстоцена Тамани, отметим, что из разнообразия мнений, высказывавшихся В.Е. Щелинским на этот счет, отвечающим в наибольшей степени характеру источников представляется то, в котором индустрия Родников 1 сопоставляется с материалами соседних пунктов Богатыри, Родники 2–4 и определяется как “переходная от олдована к раннему ашелю” (Щелинский, 2016. С. 28).

Итак, существует пласт археологических памятников, рассредоточенных по всей территории Кавказа, с датировками, приходящимися на завершающую стадию раннего плейстоцена. В обобщенном виде возраст стоянок Амиранис-го́ра, Азыхская пещера, верхняя часть разрезов стоянок Центрального Дагестана (Айникаб 1, Мухкай I, II и др.), Богатыри, Родники 1–4 приходится на диапазон в пределах ~1.1–0.8 млн л. н. Это позволяет сделать обоснованные заключения о характере культуры Кавказа указанного времени и ее стадиальной позиции в общей схеме периодизации раннего палеолита данного региона.

Названные памятники обладают общими для них существенными культурно-стадиальными характеристиками. Наиболее важны следующие: органичность для каменного инвентаря стоянок заготовки в виде крупных отщепов (>10 см); отсутствие выработанных форм рубил при наличии элементов бифасиальной обработки и наличии предметов, которые можно отнести к протобифасам.

Значимы для рассматриваемой проблемы также такие признаки, как появление нуклеусов, соответствующих по размерам крупным отщепам, а также частое изготовление олдованских форм (чоппер, пик) на крупных отщепах, тогда как на стадии собственно олдована они оформляются главным образом (или почти исключительно) на обломках и гальках (валунах).

Все отмеченное выше позволяет выделить в палеолите Кавказа в диапазоне примерно с конца (?) палеомагнитного эпизода Харамильо (около 1 млн л. н.) и до конца раннего плейстоцена (около 0.8 млн л. н.) стадию с культурными признаками, которые можно характеризовать, как переходные от эпохи олдована к ашелю. Определение этого культурно-хронологического горизонта может быть сформулировано, как “раннеплейстоценовая переходная крупноотщеповая индустрия”. Представляется, что такое название, не нарушающее типологическую строгость самих дефиниций “олдован” и “ашель”, наиболее подходящее для культурного явления, промежуточного для них и фиксирующего соответствующее ему состояние перехода от одной эпохи к другой. При таком взгляде на вещи в общую схему развития раннего палеолита Кавказа логично встраиваются и материалы группы памятников конца эоплейстоцена в Приазовье.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-40026.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. М.: Мавраевъ, 2016. 344 с.

Амирханов Х.А., Таймазов А.И. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадиальный статус // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 13–33.

Амирханов Х.А., Тесаков А.С., Ожерельев Д.В. К датировке стоянки олдована Мухкай IIа в Дагестане // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2017. № 75. С. 5–10.

Беляева Е.В., Любин В.П. Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 28–36.

Вангейгейм Э.А., Векуа А.Л., Жегалло В.И., Певзнер М.А., Тактакишвили А.С., Тесаков А.С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитостратиграфической шкалах // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1991. № 60. С. 41–54.

Величко А.А., Антонова Г.В., Зеликсон Э.М., Маркова А.К., Моносзон М.Х., Морозова Т.Д., Певзнер М.А., Сулейманов М.Б., Халчева Т.А. Палеогеография стоянки Азых – древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // Палеолитическая пещерная стоянка Азых. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 20–63.

Габуния М.К. Древнейший человек на территории Южно-Грузинского вулканического нагорья // Месхети: история и современность. Ахалцихе: Ахалцих. филиал Тбилис. гос. ун-та, 2000. С. 77–81 (На груз. яз.).

Габуния М.К. Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского вулканического нагорья // Археологические вести. Вып. 14. М.: Наука, 2007. С. 11–18.

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерных стоянок). Баку: ТекНур, 2010. 248 с.

Джафаров А.К. Палеолитическая пещерная стоянка Азых и проблемы миграции // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: сб. материалов конф., посвящ. 50-летию обнаружения в пещерной стоянке Азых раннего гоминида – азыхантропа. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 67–76.

Зейналов А.А. Азых – кров для трех видов рода Homo // Палеолитическая пещерная стоянка Азых. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 96–102.

Зейналов А.А., Зейналова Л.А. Миграции человека в раннем палеолите и ареал распространения куручайской культуры // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: сб. материалов конф., посвящ. 50-летию обнаружения в пещерной стоянке Азых раннего гоминида – азыхантропа. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 85–100.

Зейналов А.А., Кулаков С.А. Еще раз к вопросу о куручайской культуре // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 39–42.

Кулаков С.А. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX – начале XXI века // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. (К столетию создания российской академической археологии). СПб.: Петерб. востоковедение, 2019а. С. 9–17.

Кулаков С.А. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2019б. 55 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петерб. востоковедение, 2006 (Труды ИИМК РАН; т. 22). 108 с.

Ожерельев Д.В. Особенности формирования культурного слоя стоянок эпохи олдована Северо-Восточного Кавказа на примере стоянки Мухкай II, слой 80 // КСИА. 2017. Вып. 249. С. 16–31.

Таймазов А.И. Палеолитические памятники Усишинской долины Дагестана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2012. 29 с.

Трубихин В.М., Чепалыга А.Л., Кулаков С.А. Возраст стратотипа Таманского комплекса и стоянок олдованского типа на Тамани (по палеомагнитным данным) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы X Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. М.: ГЕОС, 2017. С. 434–436.

Чепалыга А.Л., Садчикова Т.А., Трубихин В.М., Пирогов А.Н. Геоархеология олдувайских стоянок горного Дагестана // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2012. № 72. С. 73–94.

Щелинский В.Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: Периферия, 2014. 168 с.

Щелинский В.Е. Каменная индустрия раннеплейстоценовой стоянки Родники 2 на Таманском полуострове // Археологические вести. № 22. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 13–30.

Щелинский В.Е. Раскопки раннепалеолитической стоянки Кермек в Южном Приазовье // Записки ИИМК РАН. № 17. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 152–164.

Щелинский В.Е. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий. (К столетию создания российской академической археологии.) СПб.: Петерб. востоковедение, 2019. С. 27–55.

Isaac G.L. Olorgesailie. Archeological studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1977. 272 p.

Leakey M.D. Olduvai Gorge. Vol. 3: Exavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge, 1971. 222 p.

Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // L'anthropologie. 2005. Vol. 109, no. 1. P. 1–182.

Semaw S., Rogers M., Stout D. The Oldowan-Asheulian transition: Is there a "Developed Oldowan" Artefact tradition? // Sourcebook of Paleolithic Transitions: Methods, Theories, and Interpretations / Eds. M. Camps, P. Chauhan. New York: Springer, 2009. P. 173–193.

The Emergence of the Acheulean in East Africa and Beyond: Contributions in Honor of Jean Chavaillon / Eds. R. Gallotti, M. Mussi. Cham: Springer, 2018. 242 p.

Torre de la I., McHenry L., Njau J., Pante M. The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa // Archaeology International. 2012. Vol. 15, no. 1. P. 89–98.

PALAEOLITHIC CULTURE OF THE CAUCASUS IN THE LATE EOPLEISTOCENE: OLDOWAN, EARLY ACHEULEAN, TRANSITION STAGE?

Hizri A. Amirkhanov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: amirkhanov@rambler.ru

The article discusses the materials in the timespan from approximately the end (?) of the Jaramillo palaeomagnetic episode (about 1 million years ago) to the end of the Early Pleistocene (about 0.8 million years ago). The study noted some signs uniting them that are significant in terms of the technological evolution of the Early Palaeolithic industry. These signs indicate that during the period in question the substitution of the traditions of the local Oldowan culture for the features characteristic of the Acheulean industry started. The discussed sites possess the following essential cultural and stadial characteristics that are common to them: the relevance of blanks in the form of large flakes (>10 cm) for the lithic tools of the sites; the absence of worn-out shapes of bifaces in the presence of bifacial processing elements; items found among the lithic tools that can be identified as protobifaces. This cultural and chronological horizon can be defined as "the Early Pleistocene transitional large-flake industry".

Keywords: Dagestan, Mukhai II, the final stage of the Early Pleistocene (Eopleistocene), Oldowan, Acheulean, transitional industry.

REFERENCES

Amirkhanov Kh.A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: The dawn of prehistory]. Moscow: Mavrayev. 344 p.

Amirkhanov Kh.A., Taymazov A.I., 2019. Early Pleistocene large flake industry of the Northeast Caucasus: Stadial status. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 254, pp. 13–33. (In Russ.)

Amirkhanov Kh.A., Tesakov A.S., Ozherel'yev D.V., 2017. On dating of the Oldowan site Muhkai IIa in Dagestan. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of Commission for Study of the Quaternary]*, 75, pp. 5–10. (In Russ.)

Belyayeva E.V., Lyubin V.P., 2012. Preliminary data on the early stages of Acheulian in the Caucasus. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 227, pp. 28–36. (In Russ.)

Chepalyga A.L., Sadchikova T.A., Trubikhin V.M., Pirogov A.N., 2012. Geoarchaeology of the Oldowan sites in Mountain Dagestan. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of Commission for Study of the Quaternary]*, 72, pp. 73–94. (In Russ.)

Dzhafarov A.K., 2018. The Palaeolithic cave site of Azykh and migration issues. *Paleoliticheskaya stoyanka Azykh v Azerbaydzhane i migratsionnyye protsessy: sb. materialov konf., posv. 50-letiyu obnaruzheniya v peshchernoy stoyanke Azykh rannego gominida – azykhantropa [The Palaeolithic site of Azykh in Azerbaijan and migration processes: Proceed. of the conference to the 50th anniversary of the discovery of the early hominid Azykhanthropus in the cave site of Azykh].* Baku: IAE NAN Azerbaydzhana, pp. 67–76. (In Russ.)

Gabuniya M.K., 2000. The earliest man in the territory of the South Georgian volcanic upland. *Meskheti: istoriya i sovremennost' [Meskheti: History and modernity].* Akhaltsikhe: Akhal. filial TGU, pp. 77–81. (In Georgian)

Gabuniya M.K., 2007. The early stages of the Palaeolithic in the South Georgian volcanic upland. *Arkheologicheskiye vesti [Archaeological News]*, 14. Moscow: Nauka, pp. 11–18. (In Russ.)

Guseynov M.M., 2010. Drevniy paleolit Azerbaydzhana (po materialam peshchernykh stoyanok) [The Ancient Palaeolithic of Azerbaijan (based on cave sites)]. Baku: TekNur. 248 p.

Isaac G.L., 1977. *Olorgesailie. Archeological studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya*. Chicago: Univ. of Chicago Press. 272 p.

Kulakov S.A., 2019a. Achievements of the researchers of the Institute for the History of Material Culture RAS in studying the Palaeolithic of the Caucasus in the late 20th–early 21st century. *Proshloye chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletiy. (K stoletiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkheologii) [The past of mankind in the works of St. Petersburg archaeologists at the turn of the millennium. (To the centenary of Russian academic archaeology)].* St. Petersburg: Peterb. vostokovedeniye, pp. 9–17. (In Russ.)

Kulakov S.A., 2019b. Ranniy i sredniy paleolit Severo-Zapadnogo Kavkaza: avtoref. diss. ... doktora ist. nauk [The Early and Middle Palaeolithic of the Northwest Caucasus: the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. St. Petersburg. 55 p.

Leakey M.D., 1971. Olduvai Gorge, 3. Exavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge. 222 p.

Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie. *L'anthropologie*, vol. 109, no. 1, pp. 1–182.

Lyubin V.P., Belyayeva E.V., 2006. Rannyaya preistoriya Kavkaza [Early prehistory of the Caucasus]. St. Petersburg: Peterb. vostokovedeniye. 108 p. (Trudy IIMK RAN, 22).

Ozherel'yev D.V., 2017. Distinctive features of occupation layer formation at the Oldovan sites in the Northeast Caucasus: Mukhkay II site, layer 80. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 249, pp. 16–31. (In Russ.)

Semaw S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan-Asheulian transition: Is there a "Developed Oldowan" Artefact tradition? *Sourcebook of Paleolithic Transitions: Methods, Theories, and Interpretations*. M. Camps, P. Chauhan, eds. New York: Springer, pp. 173–193.

Shchelinskiy V.E., 2014. Eopleystotsenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavkaz'ye [The Eopleistocene Early Palaeolithic site of Rodniki 1 in the Western Ciscaucasia]. St. Petersburg: Periferiya. 168 p.

Shchelinskiy V.E., 2016. The lithic industry of the Early Pleistocene site Rodniki 2 on the Taman Peninsula. *Arkheologicheskiye vesti [Archaeological News]*, 22. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 13–30. (In Russ.)

Shchelinskiy V.E., 2018. Excavations of the Early Palaeolithic site of Kermek in the South Azov littoral zone in 2017. *Zapiski IIMK RAN [Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]*, 17. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 152–164. (In Russ.)

Shchelinskiy V.E., 2019. The beginning of settling the territory of Russia by primitive man: the oldest Early Palaeolithic sites of the South Azov littoral. *Proshloye chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletiy. (K stoletiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkheologii) [The past of mankind in the works of St. Petersburg archaeologists at the turn of the millennium.*

(To the centenary of Russian academic archaeology)]. St. Petersburg: Peterb. vostokovedeniye, pp. 27–55. (In Russ.)

Taymazov A.I., 2012. Paleoliticheskiye pamyatniki Usishinskoy doliny Dagestana: avtoref. diss. ... doktora ist. nauk [Palaeolithic sites of the Usisha valley of Dagestan: the author's abstract of a thesis for the Doctoral Degree in History]. Makhachkala. 29 p.

The Emergence of the Acheulean in East Africa and Beyond: Contributions in Honor of Jean Chavaillon. R. Gallotti, M. Mussi, eds. Cham: Springer, 2018. 242 p.

Torre de la I., McHenry L., Njau J., Pante M., 2012. The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa. *Archaeology International*, vol. 15, no. 1, pp. 89–98.

Trubikhin V.M., Chepalyga A.L., Kulakov S.A., 2017. The age of the stratotype of the Taman complex and the Oldowan type sites on Taman (based on palaeomagnetic data). *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: materialy X Vseross. soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Fundamental issues of the Quaternary: Results and main directions for further research: Proceed. of the X All-Russian meeting for study of the Quaternary period]*. Moscow: GEOS, pp. 434–436. (In Russ.)

Vangeygeym E.A., Vekua A.L., Zhegallo V.I., Pevzner M.A., Taktakishvili A.S., Tesakov A.S., 1991. The place of the Taman faunistic complex in stratigraphic and magnetostratigraphic scales. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of Commission for Study of the Quaternary]*, 60, pp. 41–54. (In Russ.)

Velichko A.A., Antonova G.V., Zelikson E.M., Markova A.K., Monoszon M.Kh., Morozova T.D., Pevzner M.A., Suleymanov M.B., Khalcheva T.A., 2018. Palaeogeography of the site of Azykh – the earliest settlement of primitive man in the USSR. *Paleoliticheskaya peshchernaya stoyanka Azykh [The Palaeolithic cave site of Azykh]*. Baku: IAE NAN Azerbaydzhana, pp. 20–63. (In Russ.)

Zeynalov A.A., 2018. Azykh as a shelter for three species of the Homo genus. *Paleoliticheskaya peshchernaya stoyanka Azykh [The Palaeolithic cave site of Azykh]*. Baku: IAE NAN Azerbaydzhana, pp. 96–102. (In Russ.)

Zeynalov A.A., Kulakov S.A., 2017. The issue of Kurucay culture revisited. *Trudy V (XXI) Vseross. arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule – Belokurikhe [Works of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]*, 1. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 39–42. (In Russ.)

Zeynalov A.A., Zeynalova L.A., 2018. Human Migration in the Early Palaeolithic and the distribution area of the Kurucay culture. *Paleoliticheskaya stoyanka Azykh v Azerbaydzhane i migratsionnyye protsessy: sb. materialov konf., posv. 50-letiyu obnaruzheniya v peshchernoy stoyanke Azykh rannego gominida – azykhantropa [The Palaeolithic site of Azykh in Azerbaijan and migration processes: Proceed. of the conference to the 50th anniversary of the discovery of the early hominid Azykhanthropus in the cave site of Azykh]*. Baku: IAE NAN Azerbaydzhana, pp. 85–100. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 22–30

ТЕХНОЛОГИЯ РАСЩЕПЛЕНИЯ НА ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ В МЕЗМАЙСКОЙ ПЕЩЕРЕ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

© 2020 г. А.Г. Недомолкин

Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп, Россия

E-mail: Nedomolkinandrei@mail.ru

Поступила в редакцию 28.03.2018 г.
После доработки 30.07.2019 г.

Эпоха верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа на всем своем протяжении характеризуется развитой пластинчатой технологией расщепления каменного сырья. Наиболее дробно отложения этой эпохи представлены в стратиграфической колонке Мезмайской пещеры. Статья посвящена анализу технологического контекста слоя 1-3 Мезмайской пещеры (коллекция раскопок 2014 г.), который датируется в интервале от 16 до 12 тыс. лет назад. Анализ морфологии нуклеусов и технических сколов, а также метрических и морфологических характеристик пластинчатого компонента показал существование развитой технологии расщепления каменного сырья, основанной на утилизации призматических одно- и двуплощадочных нуклеусов. Изменение морфологии и пропорций сколов-заготовок от нижних горизонтов слоя 1-3 к верхним позволяет предполагать переход от расщепления в технике прямого удара к отжимному скалыванию.

Ключевые слова: пластинчатое расщепление, техника скола, эпипалеолит, Мезмайская пещера.

DOI: 10.31857/S086960630009070-6

Для верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа характерен выраженный микролитоидный характер индустрий (Амирханов, 1986; Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2012). Важнейшей проблемой в настоящее время является изучение развития технологии расщепления в этом регионе в эпоху верхнего палеолита от 38/36 до 12 тыс. лет назад (л. н.). Задача данной работы – изучение особенностей и новаций в технологии расщепления на эпипалеолитической стоянке в Мезмайской пещере.

Источники. В основу анализа положена коллекция из слоя 1-3, раскопки Л.В. Голованова 2014 г. (4 м^2). Он датируется в интервале: 16–12 тыс. л. н. (Golovanova et al., 2014). Слой имел мощность около 50 см и состоял из 9 четко выраженных горизонтов угля и золы.

Сколы (включая орудия) составляют 46.7% (таблица). Среди сколов преобладают пластины, пластинки и микропластинки – 80.7%. Нуклеусы малочисленны (7 экз.), поэтому при анализе техники расщепления использованы нуклеусы из коллекций за все годы раскопок (52 экз.).

Сырье. Преобладает (64.9%) качественный кремень темно-серого и коричневого цветов, принесенный с месторождений, удаленных от стоянки на 40 (Шаханское) и 60 км (Бесленеевское) (Дороничева и др., 2014). Местный низкокачественный кремень из месторождения Азиш-Тау (2 км) встречается редко (около 3%). Изделия из обсидиана также малочисленны – 14 экз. (0.25%). Присутствуют сколы и нуклеусы из кремня темно-красного (4.1%) и желтого цветов (15.3%), месторождения которого пока не определены.

Нуклеусы разделены на несколько групп. Призматические односторонние одноплощадочные: 11 экз., рис. 1, *1*. Большинство изготовлено из качественного кремня, происходящего из удаленных месторождений, один из обсидиана. Все ядрища сильно сработаны и имеют небольшие размеры: длина – до 43 мм, ширина по фронту расщепления – 38.

Односторонние двуплощадочные нуклеусы – 9 экз. Максимальная длина – 60 мм, ширина – 38. Ударные площадки использовались последовательно. Негативы систем скалывания,

Слой 1-3, 2014 г.

Layer 1-3, 2014

Горизонт	Нуклеусы	Пластины	Пластинки	Микропластинки	Отщепы	Тех. сколы	Чешуйки	Микрочешуйки	Обломки и осколки	Необработанные гальки	**Всего**	Орудия
Кровля	-	31	42	6	10	2	11	14	46	1	163	18
1	-	36	68	16	31	3	28	31	75	2	290	21
2	-	26	68	22	22	2	48	40	110	2	340	25
3	-	28	61	16	21	1	42	16	87	-	272	30
4	1	33	83	23	38	8	53	49	99		387	56
5	2	48	136	56	26	8	103	121	179		679	60
6	2	76	113	23	58	10	68	46	124		520	44
7		63	124	75	60	11	74	120	158		685	56
8	1	108	191	72	65	13	108	138	259		955	79
9	1	114	220	67	81	19	215	190	225	2	1134	145
Всего	7 (0.13%)	563 (10.4%)	1106 (20.4%)	376 (6.9%)	412 (7.6%)	77 (1.4%)	750 (13.8%)	765 (14.1%)	1362 (25.1%)	7 (0.13%)	5425 (100%)	534 (9.8%)

функционировавших последними, перекрывают негативы более ранних систем скалывания.

Двусторонние двуплощадочные нуклеусы также имеют небольшие размеры: максимальная длина – 60 мм, ширина – 40. Они демонстрируют две модели утилизации: встречное скалывание с противолежащей ударной площадки по тыльной стороне ядрища (рис. 1, *4*); ортогональное скалывание (рис. 1, *3*).

В отдельную группу выделен двусторонний двуплощадочный нуклеус (33 × 22 × 14 мм). Первая из двух ударных площадок (рис. 1, *5*) использовалась для снятия сколов с широкого выпуклого фронта, вторая оформлена на противоположном конце нуклеуса и служила для торцового скалывания.

Торцовые нуклеусы – 4 экз. Длина – до 45 мм, ширина – до 15. Изготовлены на отщепах или плоских плитках. Среди торцовых нуклеусов – три одноплощадочных и один односторонний двуплощадочный (рис. 1, *2*).

Остаточные нуклеусы – 14 экз. Они имеют небольшие размеры: длина – 20–35 мм, ширина – 15–30. Для этих нуклеусов характерны сильно редуцированные ударные площадки, негативы бессистемных снятий. Обилие (26.9%) таких нуклеусов указывает на недостаток качественного сырья около стоянки.

Нуклевидные куски (9 экз.) из качественного кремня с 1-2 негативами, но без свидетельств систематического расщепления. Длина – 25–40 мм, ширина – 18–25.

Сколы. Преобладают пластины, пластинки и микропластинки – 77.8% от общего числа сколов. Отщепы и технические сколы малочисленны (таблица). Орудия составляют около 10% от состава коллекции. Большинство орудий (92%) изготовлено на пластинах и пластинках.

Часть сколов имеет участки, покрытые желвачной коркой (11.2%). Среди отщепов такие сколы составляют 22.3%, среди пластинчатых сколов – 5.4%. Небольшое число отщепов, а также высокий процент среди них сколов с коркой позволяют предположить, что целью расщепления были пластинчатые сколы, а отщепы получались на ранних стадиях расщепления, в процессе подготовки нуклеусов.

Технические сколы (75 экз.). Реберчатые пластины и их фрагменты – наиболее многочисленная группа (40 экз.). Но сколы с бифасиально подготовленным ребром малочисленны (3 экз.). Преобладают пластины (32 экз.), у которых на дорсальной поверхности негативы поперечных сколов только с одного края (рис. 1, *6, 9–11*). Эти сколы связаны

Рис. 1. Нуклеусы и сколы из слоя 1-3 Мезмайской пещеры (*1–23*).

Fig. 1. Cores and flakes from layer 1-3 of Mezmay cave

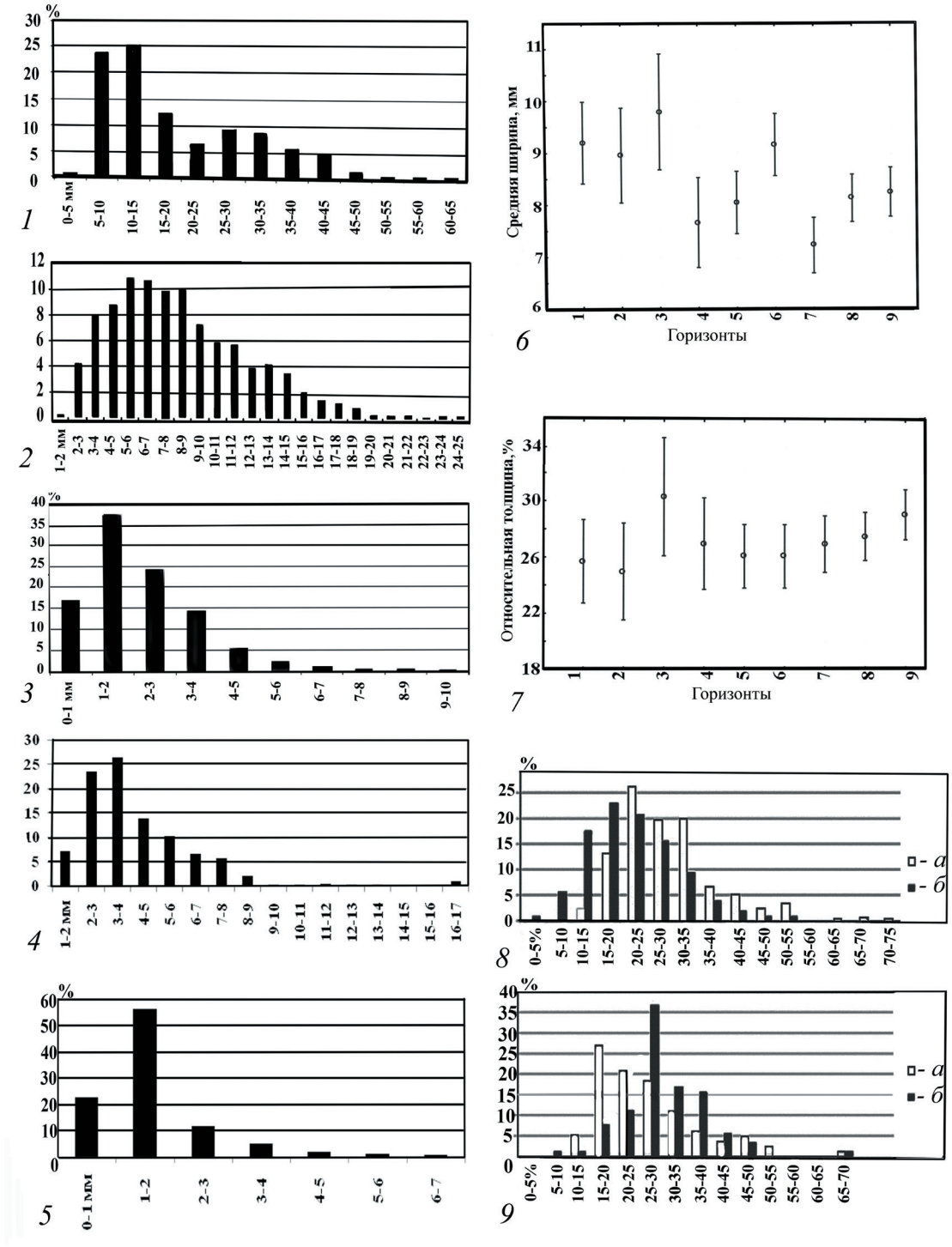


Рис. 2. Метрические параметры сколов из слоя 1-3 Мезмайской пещеры. Распределение пластинчатых сколов по длине (*1*), ширине (*2*), толщине (*3*); по ширине (*4*) и глубине (*5*) ударной площадки; *6* – изменение средней ширины (*6*) и относительной толщины (*7*) пластинчатых сколов по горизонтам; распределение сколов по относительной толщине (*8* – из горизонтов 8, 9; *9* – из горизонтов 1–3). Условные обозначения: *а* – микропластинки и пластинки шириной 2–8 мм; *б* – пластинки и пластины шириной 9–22 мм.

Fig. 2. Metric parameters of flakes from layer 1-3 of Mezmay cave. Distribution of bladed flakes by the length (*1*), width (*2*), thickness (*3*); by the width (*4*) and depth (*5*) of the impact platform; *6* – change in the average width (*6*) and relative thickness (*7*) of bladed flakes along the horizons; distribution of flakes by relative thickness (*8* – from horizons 8, 9; *9* – from horizons 1–3)

с переоформлением нуклеусов (поворот нуклеуса на 90°). Сколы подправки ударной площадки представлены “таблетками” – 5 экз. (рис. 1, *7*, *13*, *15*, *16*).

Сколы подправки поверхности расщепления (12 экз.) связаны с формированием на нуклеусе новой системы скалывания после поворота нуклеуса на 90° (рис. 1, *8*) либо образовались при скалывании с противолежащей ударной площадки (рис. 1, *12*, *14*, *16*).

Метрические параметры пластинчатых сколов. Большая часть сколов фрагментирована (89.5%). Длина целых сколов колеблется от 6 до 65 мм. Пластины длиннее 50 мм единичны (рис. 2, *1*). Среди целых сколов преобладают микропластинки шириной 2–5 мм, их длина – 5–20. Большое число микропластинок среди целых сколов объясняется тем, что они редко использовались для изготовления орудий и не дробились намеренно.

Ширина пластинчатых сколов колеблется от 2 до 25 мм. Большинство (92.6%) укладывается в интервал 2–15 мм. Пластины шире 15 мм малочисленны (рис. 2, *2*). Толщина не превышает 4 мм у 90.6% сколов (рис. 2, *3*). Сколы толщиной 4–7 мм составляют 8.3%, более массивные пластины единичны.

Анализ метрических характеристик пластинчатых сколов. Сравнение пластинчатых сколов из разных горизонтов по трем параметрам (ширина, толщина и относительная толщина (толщина : ширина × 100%)) с помощью Т-критерия Стьюдента и U-критерия Мана–Уитни (расчеты выполнены в программе Statistica12) показало близость сколов из горизонтов 1 и 2 по всем трем параметрам, аналогичное сходство выявлено между сколами из горизонтов 8 и 9.

На рис. 2, *6* показано изменение среднего значения ширины пластинчатых сколов по горизонтам. Минимальные значения зафиксированы в нижних горизонтах (8.3 мм – гор. 8; 8.1 – гор. 9). В верхних горизонтах средняя ширина возрастает до 9.8 мм. Среднее значение относительной толщины скола уменьшается от 29% в гор. 9 до 25% в гор. 1 и 2 (рис. 2, *7*).

Еще более ярко изменение пропорций сколов от нижних (более ранних) горизонтов к верхним (более поздним) проявляется при сравнении относительной толщины пластинок и микропластинок шириной 2–8 мм и пластинок и пластин шириной больше 8 мм. Графики на рис. 2, *8* и 2, *9* показывают распределение пластинок и микропластинок (*а*) и пластин (*б*) по относительной толщине в нижних горизонтах (8, 9) и горизонтах 1–3.

Для пластинчатого компонента из горизонтов 8, 9 характерно преобладание сколов, относительная толщина которых колеблется от 15 до 35%, причем пластинки и микропластинки в целом несколько массивнее пластин (рис. 2, *8*). В верхних горизонтах пластинки и микропластинки значительно тоньше пластин и пластинок (рис. 2, *9*).

Форма и размеры ударной площадки. У значительной части сколов (21%) ударная площадка утрачена либо повреждена. В составе коллекции 577 целых пластинчатых сколов и проксимальных фрагментов. Характерно преобладание точечных (менее 1 мм) и гладких ударных площадок, которые составляют 32.6 и 62% соответственно. Единичные сколы имеют двугранную (2.4%), фасетированную (0.4%) площадку. Встречаются корочные (2.6%).

Ширина гладких ударных площадок изменяется от 1 до 17 мм, почти у половины сколов (49.9%) она составляет 2–4 мм (рис. 2, *4*). Глубина площадок колеблется от 0.4 до 6.5 мм, у 56.2% этот показатель попадает в диапазон 1–2 мм (рис. 2, *5*).

Морфологическая характеристика пластинчатых сколов. Для большей части (86%) характерна параллельная однонаправленная огранка дорсальной поверхности. Преобладают пластинчатые сколы с прямым (61.9%) или слабоизогнутым (26%) профилем. Сколы с изогнутым профилем малочисленны – 11.7%.

Пластинчатые сколы имеют треугольное (51.3%) либо трапециевидное поперечное сечение (48.6%). Большая часть имеет перообразное окончание (78.5%). Сколы с ныряющим и петлеобразным окончанием составляют 15.9 и 5.5% соответственно.

Наличие изъянца на ударном бугорке отмечено у 24.4% сколов. Вентральный карниз (губа) определен у 62%. Абразивная обработка и пришлифовка края ударной площадки – у 82.6 % (рис. 3).

В верхних горизонтах отмечено присутствие серии пластин и пластинок с параллельными краями, прямым профилем и регулярной огранкой дорсальной поверхности (рис. 1, *19–23*).

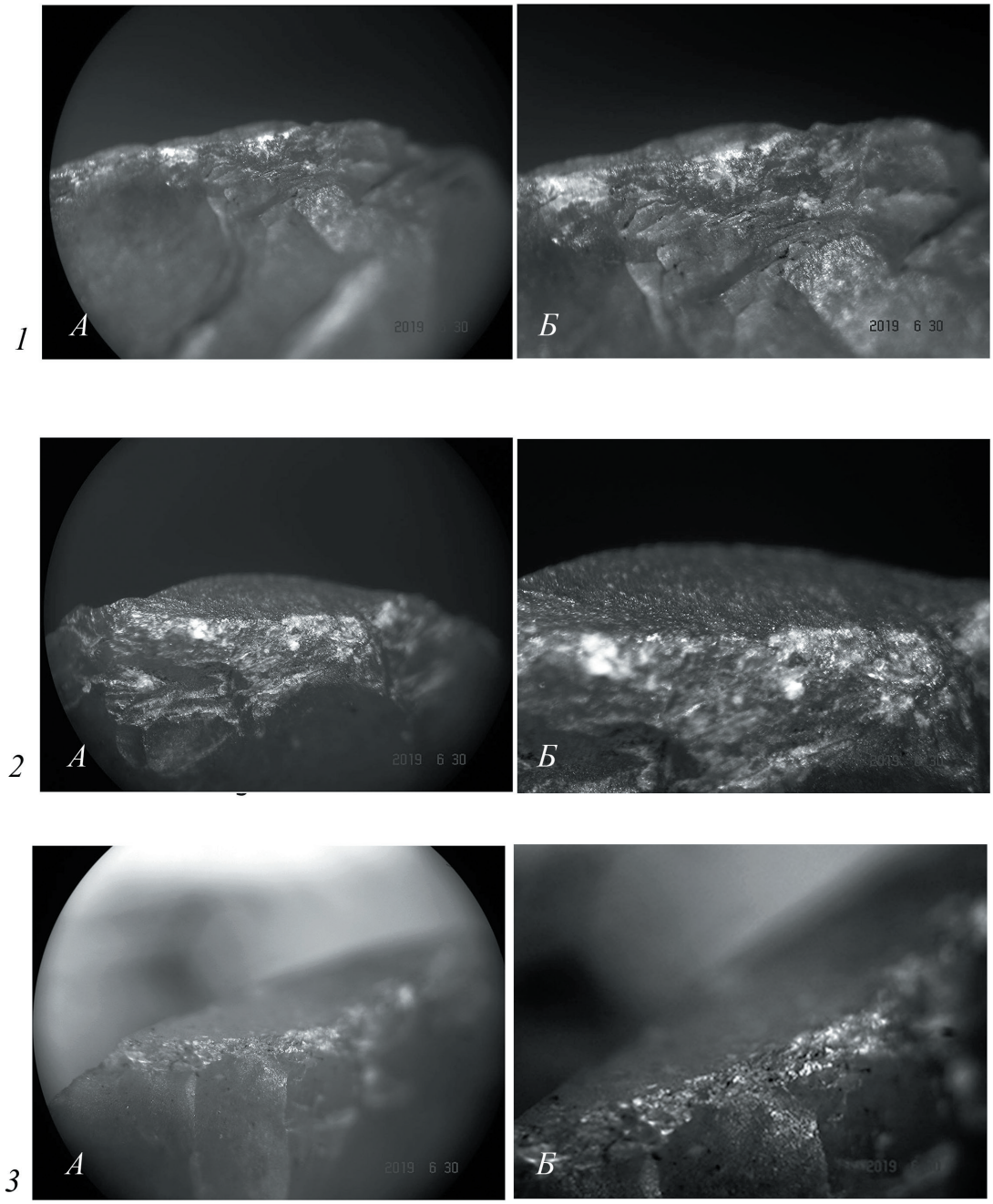


Рис. 3. Подготовка края ударной площадки на пластинчатых сколах из слоя 1-3 Мезмайской пещеры. *1, 2* – абразивная обработка и пришлифовка; *3* – абразивная обработка. *А* – ×40; *Б* – ×80. Фото Г.Н. Поплевко.

Fig. 3. Preparation of the edge of the impact platform on bladed flakes from layer 1-3 of Mezmay cave. Photo by G.N. Poplevko

Характеристика технологии расщепления. Расщепление в индустрии слоя 1-3 Мезмайской пещеры было направлено на получение пластинок и узких пластин шириной 5–15 мм. Небольшое число нуклеусов и высокий процент пластин, пластинок и микропластинок позволяют предположить, что большая часть кремня попадала на стоянку в виде готовых нуклеусов, сколов и орудий. Подготовка нуклеусов проходила за пределами стоянки, на это указывает незначительное число сколов с коркой.

На стоянке господствовала эффективная технология расщепления, позволявшая получать большое число заготовок при утилизации

каждого нуклеуса. Об этом свидетельствуют небольшие размеры нуклеусов, высокая доля остаточных ядрищ.

Слой 1-3 Мезмайской пещеры на настоящий момент исследован на площади более 30 м^2. В коллекциях, полученных с разных участков, наблюдается близкое соотношение категорий каменного инвентаря. В коллекциях разных лет нуклеусы составляют: 2001 г. – 0.78% (Дороничева и др., 2013); 2006–2007 гг. – 0.27% (Голованова, Дороничев, 2012); 2014 г. – 0.14% (настоящая статья). Соотношение разных категорий сколов также близкое – отщепы составляют 20–25%, а пластинчатый компонент – 75–80% от общего числа сколов (Голованова, Дороничев, 2012; Дороничева и др., 2013).

Для эпипалеолитических стоянок, расположенных на выходах качественного сырья, с более активным расщеплением в пределах памятника, характерно иное соотношение разных категорий каменного инвентаря. В первом верхнепалеолитическом слое Губского навеса № 1 нуклеусы составляют около 3% от общего состава коллекции, а отщепов (58% от числа всех сколов) больше, чем пластин и пластинок (42%). В нижних горизонтах 3 и 4 Губского навеса № 7 нуклеусов 4%, а число отщепов (46% от общего числа сколов) близко количеству пластин и пластинок (54%) (Голованова, Дороничев, 2012).

Таким образом, количественное соотношение разных категорий продуктов расщепления на разных участках слоя 1-3 Мезмайской пещеры близкое и сильно отличается от их соотношения на памятниках с активным расщеплением.

В коллекции слоя 1-3 Мезмайской пещеры преобладают односторонние одноплощадочные и двуплощадочные призматические нуклеусы встречного скалывания, торцовые нуклеусы малочисленны. У большинства пластинчатых сколов однонаправленная огранка.

В слое 1-3 найдены нуклеусы, у которых угол межу ударной площадкой и поверхностью расщепления близок 90° (рис. 1, *5*). На то, что скалывание под таким углом происходило регулярно, указывают характерные технические сколы (рис. 1, *13*).

Определение техники скола. Метрические и морфологические параметры нуклеусов и пластинчатых сколов позволяют реконструировать технику скола, применявшуюся в индустрии слоя 1-3.

Для пластинчатых сколов слоя 1-3 Мезмайской пещеры характерны регулярная огранка вентральной поверхности, прямой или слабоизогнутый профиль, перообразное окончание (рис. 1, *17–23*). При этом в коллекции присутствует группа сколов, имеющих ныряющее окончание. Сколы с петлевидным окончанием малочисленны. У большей части отмечены наличие вентрального карниза и отсутствие изъянца на ударном бугорке.

В целом морфологические характеристики пластинчатых сколов из слоя 1-3 Мезмайской пещеры (размеры ударных площадок, огранка дорсальной поверхности, форма окончания, наличие вентрального карниза) соответствуют техникам прямого удара мягким отбойником или отжима (Волков, Гиря, 1990; Pelegrin, 2000, 2012; Поплевко, 2007; Павленок Г., Павленок К., 2014).

На графиках хорошо прослеживается тенденция изменения средних значений ширины (рис. 2, *6*) и относительной толщины (рис. 2, *7–9*) скола от нижних горизонтов к верхним (рис. 2, *6, 7*) – сколы становятся более широкими и тонкими, что может быть связано с переходом от ударного скалывания (гор. 8, 9) к отжиму (верхние гор. 1, 2).

В заключение следует отметить, что в настоящее время самое раннее использование отжимной техники скалывания определено в верхнем палеолите о. Хоккайдо (Япония), около 20 тыс. л. н. (Inizan, 2012).

Возможность появления отжимного скалывания в эпипалеолите Северо-Западного Кавказа не противоречит имеющимся данным – на нескольких стоянках Северного Кавказа отмечено присутствие сколов и нуклеусов, имеющих морфологические признаки, соответствующие технике отжима.

Технологический анализ пластинчатых сколов из нижней части слоя 7 пещеры Двойная показал использование ударной техники скалывания предположительно мягким минеральным отбойником. Отмечено наличие нескольких фрагментов пластинок и микропластинок, изготовленных в технике удара через посредник или технике отжима (Еськова и др., 2018).

В коллекции слоев 7-4 и 7-5 навеса Бадыноко (17–14.5 cal BP) выделены цилиндрические и конические нуклеусы, с ударной площадкой, расположенной под углом 90° к поверхности расщепления. Пластинчатые сколы

характеризовались как имеющие высокую степень стандартизации, прямой профиль, точечные или линейные ударные площадки со следами абразивной обработки (Селецкий и др., 2017).

Таким образом, для группы эпипалеолитических памятников Северо-Западного Кавказа можно предполагать возможность использования отжимной техники получения пластинчатых сколов.

Автор благодарит научного руководителя, профессора кафедры археологии МГУ, д.и.н. Н.Б. Леонову и директора Адыгейского национального музея, к.и.н. Ф.К. Джигунову за поддержку своих исследований; к.и.н. Л.В. Голованову и к.и.н. В.Б. Дороничева за предоставленные коллекции и научные консультации; к.и.н. Г.Н. Поплевко за научные консультации и фотографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 112 с.

Волков В.П., Гиря Е.Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 38–56.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 59–102.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С. Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа // Археология этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 41–53.

Еськова Д.К., Леонова Е.В., Александрова О.И. Характеристика пластинчатых сколов нижнего слоя пещеры Двойная // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: материалы конф. / Ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: Изд-во Карач.-Черк. гос. ун-та им. У.Д. Алиева, 2018. С. 80–82.

Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии / Ред. П.И. Борисковский. Л.: Наука, 1989. С. 8–142.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.

Павленок Г.Д., Павленок К.К. Техника отжима в каменном веке: обзор англо- и русскоязычной литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 13, вып. 5. С. 26–36.

Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 147–162.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Kulkova M.A., Spasovskiy Yu.N. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // Quaternary International. 2014. Vol. 337. P. 189–224.

Inizan M.-L. Pressure Débitage in the Old World: Forerunners, researchers, Geopolitics – Handing on the Baton // The Emergence of Pressure Blade Making / Ed. P.M. Desrosiers. N. Y.: Springer, 2012. P. 11–42.

Pelegrin J. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde (Nemours, 14–16 mai 1997). Nemours: Assoc. pour la Promotion de la Recherche Archéologique en Île-de-France, 2000. P. 73–86.

Pelegrin J. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques // The Emergence of Pressure Blade Making / Ed. P.M. Desrosiers. N. Y.: Springer, 2012. P. 465–501.

KNAPPING TECHNOLOGY AT THE EPIPALAEOLITHIC SITE IN MEZMAY CAVE, THE NORTHWEST CAUCASUS

Andrey G. Nedomolkin

National Museum of the Republic of Adygea, Maykop, Russia

E-mail: Nedomolkinandrei@mail.ru

The entire Upper Palaeolithic period of the Northwest Caucasus is characterized by a developed blade technology of knapping lithic raw material. In most detail, deposits of this period are represented in the stratigraphic column of Mezmay cave. The article focuses on the analysis of the technological context of layer 1-3 of Mezmay cave (the collection of 2014 excavation) dated in the interval from 16 to 12 kyr ago. Analysis of the morphology of cores and technical flakes, as well as metric and morphological characteristics of the laminar component showed the existence of an evolved technology of lithic raw material knapping based on the reduction of prismatic single- and double-platform cores. Changes in the morphology and proportions of blanks from the lower horizons to the upper horizons of layer 1-3 allow us to assume a transition from the direct percussion technique to the pressure flaking technique.

Keywords: blade knapping, flaking technique, the Epipalaeolithic, Mezmay cave.

REFERENCES

Amirkhanov Kh.A., 1986. Verkhniy paleolit Prikuban'ya [The Upper Palaeolithic of the Kuban]. Moscow: Nauka. 112 p.

Doronicheva E.V., Kul'kova M.A., Shekli M.S., 2013. Use of lithic raw material in the Upper Palaeolithic of the Northwest Caucasus. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, 2 (54), pp. 41–53. (In Russ.)

Es'kova D.K., Leonova E.V., Aleksandrova O.I., 2018. Characterization of blade flaking of the Dvoynaya cave lower layer. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'ye. XXX Krupnovskiye chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and in the Middle Ages. XXX Krupnov readings on archaeology of the North Caucasus].* U.Yu. Kochkarov, ed. Karachayevsk: Izd. Kar.-Cherk. GU, pp. 80–82. (In Russ.)

Golovanova L.V., Doronichev V.B., 2012. The Imeretian culture in the Upper Palaeolithic of the Caucasus: The past and the present. *Pervobytnyye drevnosti Evrazii. K 60-letiyu A. Sorokina [The prehistoric antiquities of Eurasia. To the 60th anniv. of A. Sorokin].* Moscow: IA RAN, pp. 59–102. (In Russ.)

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Kulkova M.A., Spasovskiy Yu.N., 2014. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum. *Quaternary International*, 337, pp. 189–224.

Inizan M.-L., 2012. Pressure Débitage in the Old World: Forerunners, researchers, Geopolitics – Handing on the Baton. *The Emergence of Pressure Blade Making.* P.M. Desrosiers, ed. New York: Springer, pp. 11–42.

Lyubin V.P., 1989. The Palaeolithic of the Caucasus. *Paleolit Kavkaza i Severnoy Azii [The Palaeolithic of the Caucasus and North Asia].* P.I. Boriskovskiy, ed. Leningrad: Nauka, pp. 8–142. (In Russ.)

Pavlenok G.D., Pavlenok K.K., 2014. The pressure technique in the Stone Age: a review of literature in English and Russian. *Vestnik Novosibirskogo gos. univ. [Novosibirsk State University Bulletin]*, vol. 13, iss. 5, pp. 26–36. (In Russ.)

Pelegrin J., 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions. *L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde (1997).* Nemours: Association pour la Promotion de la Recherche Archéologique en Île-de-France, pp. 73–86.

Pelegrin J., 2012. New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. *The Emergence of Pressure Blade Making.* P.M. Desrosiers, ed. New York: Springer, pp. 465–501.

Poplevko G.N., 2007. Metodika kompleksnogo issledovaniya kamennykh industriy [Methodology for a comprehensive study of lithic industries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 388 p.

Seletskiy M.V., Shnayder S.V., Zenin V.N., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Alisher kyzy S., 2017. Epipalaeolithic complexes of the Badynoko rock-shelter (Elbrus region). *Vestnik Tomskogo gos. univ. [Bulletin of Tomsk State University]*, 418, pp. 147–162. (In Russ.)

Volkov V.P., Girya E.Yu., 1990. Experience in the study of flaking technique. *Problemy tekhnologii drevnikh proizvodstv [Issues of technology of ancient industries].* Novosibirsk: IIFF SO AN SSSR, pp. 38–56. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 31–44

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ

© 2020 г. В.В. Ткачев

Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Россия

E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.06.2019 г.

В статье рассматривается проблема календарной хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры рубежа эпох средней и поздней бронзы. Приводятся результаты радиоуглеродного датирования погребений из синташтинских могильников у горы Березовой (Буланово) и Танаберген II в степном Приуралье. Серию составили 10 калиброванных радиоуглеродных дат, три из которых получены с использованием ускорительной AMS-технологии. В результате осуществления статистических процедур установлен хронологический интервал функционирования некрополей в пределах 2200–1770 гг. до н. э. В целом можно констатировать относительную синхронность памятников синташтинской культуры по обе стороны Уральского хребта и близких в культурном отношении памятников потаповского типа Среднего Поволжья. Присутствие в синташтинских погребальных комплексах степного Приуралья разнообразных свидетельств контактов с носителями сейминско-турбинских металлургических традиций хорошо согласуется с новыми данными об их радиоуглеродном возрасте.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, степное Приуралье, синташтинская культура, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.31857/S086960630009071-7

Определение хронологической позиции синташтинской культуры имеет принципиальное значение для изучения бронзового века Северной Евразии. Это обусловлено тем обстоятельством, что появление этого яркого культурного образования ознаменовало собой наступление позднего бронзового века (ПБВ) в Урало-Казахстанском регионе. Сложившаяся в недрах синташтинской культуры модель мобильного скотоводческого хозяйства, составлявшего основу системы жизнеобеспечения, сформировавшийся комплекс технологических новаций в сфере металлопроизводства, изготовления колесного транспорта и технических средств управления упряжными животными предопределили облик материальной культуры и образ жизни населения в пределах алакульского и срубного миров.

К настоящему времени синташтинская культура обеспечена внушительной серией радиоуглеродных дат. История их накопления на протяжении четырех десятилетий с конца 1970-х годов достаточно подробно описана в специальных работах, содержащих соответствующие обзоры (Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. С. 93, 94; Епимахов, 2007. С. 402, 403; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 138–140). К 2014 г. была сформирована база, содержащая уже 74 даты (около половины из них получено с использованием ускорительной AMS-технологии), что позволило установить суммарный интервал синташтинских радиоуглеродных датировок 2010–1770 (2200–1650)[1] гг. до н. э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 140. Рис. 2).

В последние годы в ходе реализации масштабных палеогенетических проектов сопутствующим результатом стала небольшая серия новых ^{14}C дат (AMS) синташтинских погребальных памятников, укладывающихся в диапазон 2100–1800 гг. до н. э. (Allentoft et al., 2015. Sup. Tab. 1; 3). Единичные радиоуглеродные AMS даты были получены для синташтинских курганов Халвай 3 и 5 в Кустанайском Притоболье, календарный возраст которых определен в интервале 2030–1870 гг. до н. э. Обе даты оказались практически идентичными, а древесно-кольцевые серии образовали компактный 41-летний обобщенный

[1] Здесь и далее за скобками представлены результаты калибровки с доверительным интервалом в одну сигму (68.2%), в скобках – в две сигмы (95.4%).

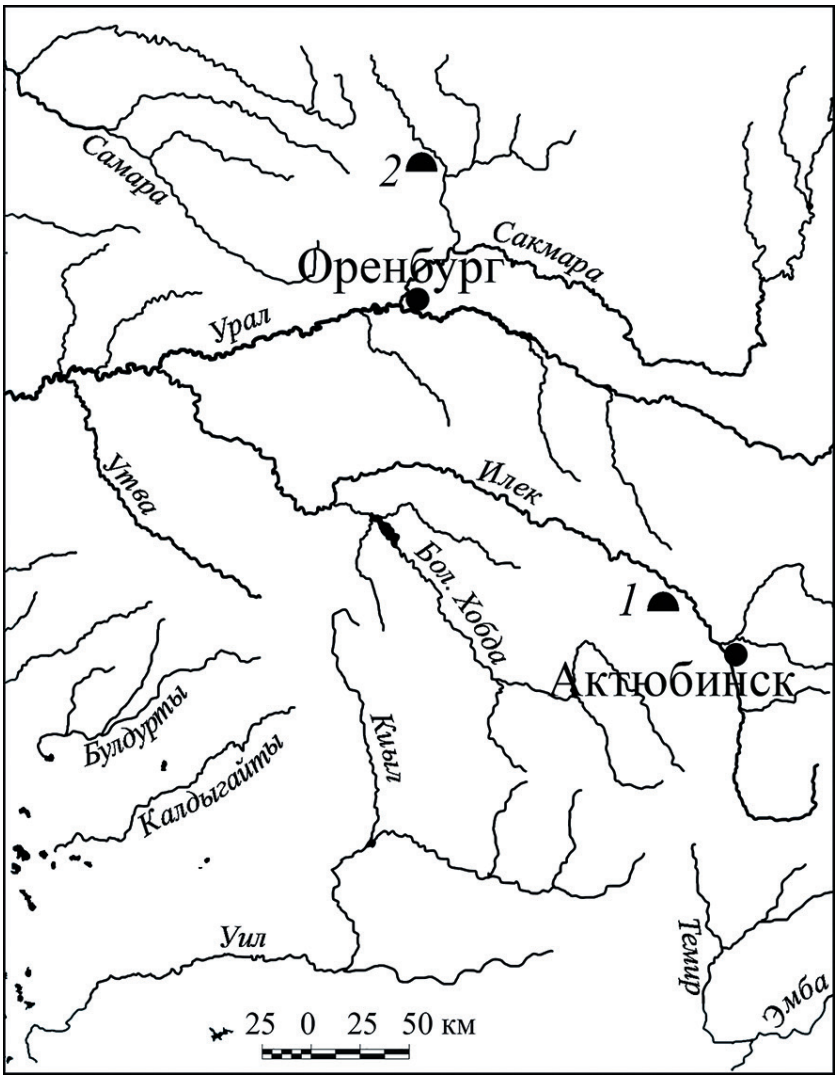


Рис. 1. Карта расположения датированных радиоуглеродным методом памятников синташтинской культуры в степном Приуралье: *1* – могильник Танаберген II; *2* – могильник у горы Березовой (Буланово).

Fig. 1. The location of the Sintashta sites dated by the radiocarbon method in the steppe Cis-Urals

дендроряд для курганной группы Халвай (Панюшкина, 2015).

В Среднем Поволжье локализуется группа близких синташтинским в культурном отношении памятников потаповского типа, в процессе изучения которых было получено 13 достоверных радиоуглеродных дат, образующих наиболее вероятный хроноинтервал в пределах 1970–1730 гг. до н. э. (Кузнецов и др., 2018. С. 90–92, 98. Табл. 4. Рис. 53).

Особенностью обсуждаемой серии синташтинских радиоуглеродных датировок является то, что практически все они получены из памятников Южного Зауралья, в то время как к западу от Уральского хребта в степном Приуралье сосредоточен значительный массив синташтинских некрополей, практически не обеспеченных ^{14}C-датами. При этом именно Приуралью порой отводится ведущая роль в формировании синташтинского культурного комплекса (Ткачев, 2007. С. 261–301; Кузнецов, 2010. С. 62).

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот новой серии ^{14}C-дат и установление хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры на основе всей совокупности имеющихся на сегодняшний день радиоуглеродных датировок.

Характеристика источников. В настоящее время мы располагаем радиоуглеродными датами только из двух памятников синташтинской культуры, локализующихся в степном

Приуралье. Это могильники у горы Березовой (Буланово) и Танаберген II. Однако именно в этих некрополях сосредоточены наиболее многочисленные и яркие синташтинские комплексы в регионе. Еще одним достоинством интересующих нас могильников является присутствие стратифицированных разнокультурных и разновременных объектов. Кроме того, погребения в могильнике у горы Березовой содержат свидетельства прямых контактов с носителями сейминско-турбинских металлургических традиций. Указанные обстоятельства определяют высокую информативность рассматриваемых синташтинских комплексов в равной мере для синхронного и диахронного анализов.

Материалы датированных радиоуглеродным методом погребений могильника у горы Березовой частично опубликованы автором раскопок (Халяпин, 2001. С. 419–421. Рис. 2, *11–19*; 3, *1–12, 15*; 2005. С. 205–207. Рис. 4, *7–18, 21*; 5, *16–19*; 6; 7). Синташтинские погребения кург. 7 мог. Танаберген II введены в научный оборот в полном объеме (Ткачев, 2007. С. 16–46). Поэтому здесь можно ограничиться самыми общими замечаниями о характере обсуждаемых погребальных комплексов.

Могильник у горы Березовой располагается на первой надпойменной террасе правобережья р. Салмыш, в 12 км выше по течению от устья ее левого притока р. Большой Юшатырь (рис. 1, *2*). С точки зрения физико-географического районирования он размещается в подзоне северной степи на границе Сакмаро-Предуральского и Общесыртовского округов Общесыртовско-Предуральской возвышенной провинции (Географический атлас..., 1999. С. 59).

Памятник представляет собой стратифицированный комплекс. В основании стратиграфической колонки лежит монументальная каменная ограда абашевской культуры. С этим наиболее ранним периодом функционирования некрополя связаны находки на уровне древней поверхности керамики и металлических изделий абашевского и посткатакомбного облика. Финальная стадия представлена единственным жертвенным комплексом срубной культуры. Основная же масса выявленных погребений, жертвенников и отдельных артефактов относится к синташтинской культуре и занимает промежуточную стратиграфическую позицию, причем для совершения двух детских захоронений этой группы была частично разобрана более древняя абашевская каменная ограда (Халяпин, 2005. С. 204, 205).

Могильник у горы Березовой стал первым синташтинским памятником в степном Приуралье, датированным радиокарбонным методом. Для трех погребений второй хронологической (стратиграфической) группы 4, 5, 6 были получены ^{14}C-даты по традиционной бензольной методике в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Моргунова и др., 2003. С. 270, 272. Табл. 1). Эти погребения атрибутированы М.В. Халяпиным как синташтинские, отражающие воздействие носителей сейминско-турбинских металлургических традиций, что наглядно иллюстрируют отдельные черты погребального обряда и сопровождающий инвентарь (Халяпин, 2001. С. 420–425; 2005. С. 208, 209) (рис. 2). Позже в ходе геномных исследований для погр. 4 и 6 в Лаборатории радиоуглеродного анализа Оксфордского университета были получены новые дублирующие ^{14}C-даты с использованием ускорительной AMS-технологии (Allentoft et al., 2015. Sup. Tab. 1).

Еще одна серия радиоуглеродных дат была получена по образцам, отобранным из исследованных автором в 1991 г. синташтинских погребений в кург. 7 мог. Танаберген II (Ткачев, 2007. С. 16–46). Этот памятник расположен в Актюбинском Приуралье на правобережье левого притока Илека р. Танаберген в 2.5 км от устья (рис. 1, *1*). В физико-географическом отношении он находится в подзоне южной степи в пределах Илек-Хобдинского сыртово-увалистого района Общесыртовско-Предуральской возвышенной провинции (Чибилев, Дебело, Рамазанов, 2001; Рамазанов, 2009. С. 9. Рис. 2).

Интересующий нас кург. 7 мог. Танаберген II также являлся стратифицированным погребальным комплексом. Раннюю группу образуют 17 синташтинских захоронений, перекрытых курганной насыпью. Позже в постсинташтинское (петровское) время в этот курган были впущены еще 18 захоронений, при этом зафиксировано четыре случая прямой стратиграфии (Ткачев, 2005. С. 123, 124. Рис. 4–7). Радиоуглеродные даты были получены для синташтинских погребений 22, 23, 30 и 36 (рис. 3, 4) в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. Впоследствии в рамках реализации масштабного палеогенетического проекта было проведено повторное радиоуглеродное датирование (AMS) погр. 36 в Лаборатории

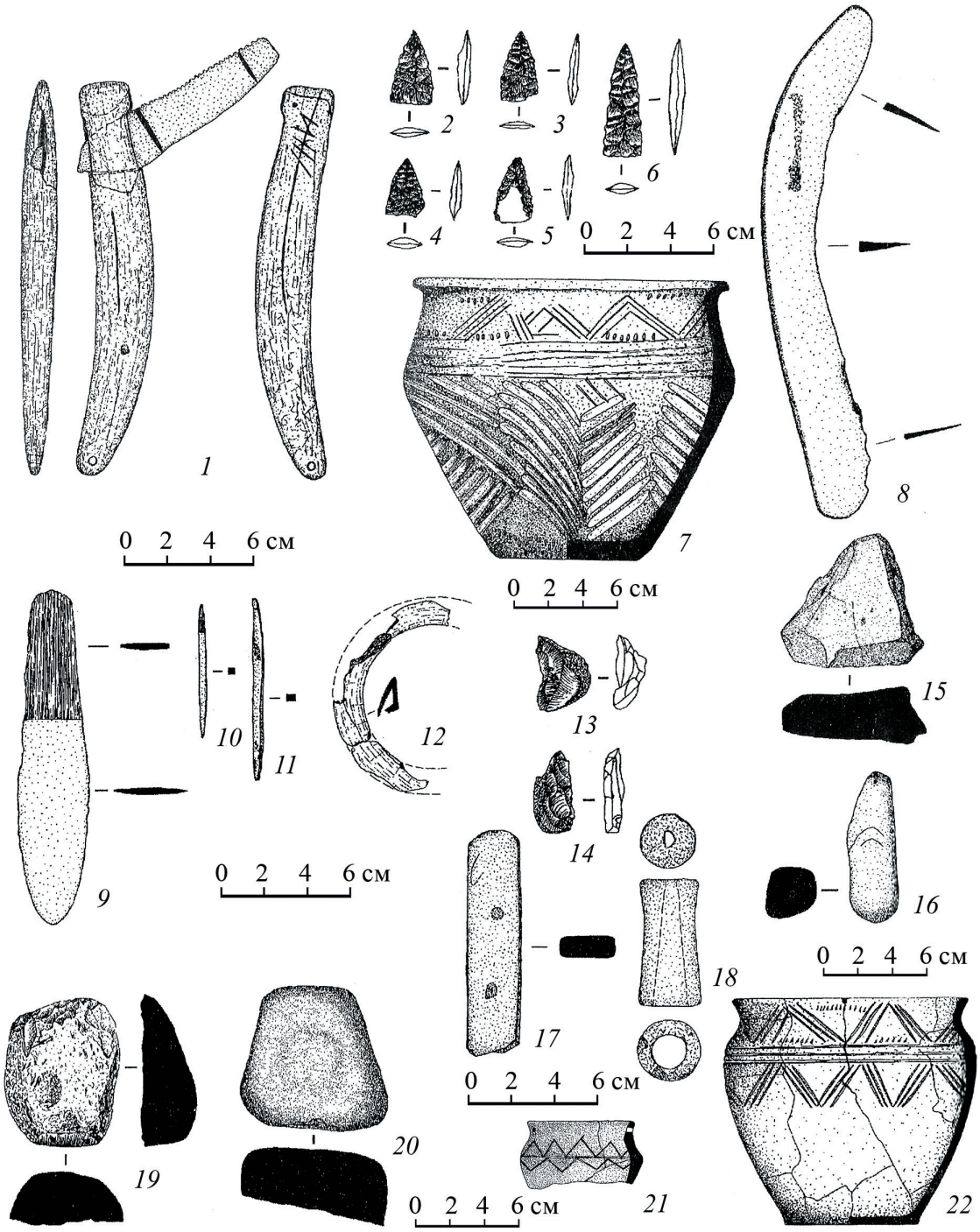


Рис. 2. Материалы датированных радиоуглеродным методом погребений могильника у горы Березовой (Буланово): *1–6* – погребение 4; *7, 8, 14* – погребение 5; *9–14, 16–22* – погребение 6; *1, 8, 9–11* – бронза; *1, 12* – кость; *2–6, 13–17, 19, 20* – камень; *7, 18, 21, 22* – керамика.

Fig. 2. Materials of the radiocarbon dated burials from the cemetery near Mount Berezovaya (Bulanovo)

радиоуглеродного анализа Оксфордского университета (Allentoft et al., 2015. Sup. Tab. 1).

Таким образом, к настоящему времени мы располагаем 10 ^{14}C-датами, полученными для 7 синташтинских погребений из двух могильников, расположенных в степном Приуралье.

Обсуждение результатов радиоуглеродного датирования. Результаты радиоуглеродного датирования погребальных комплексов

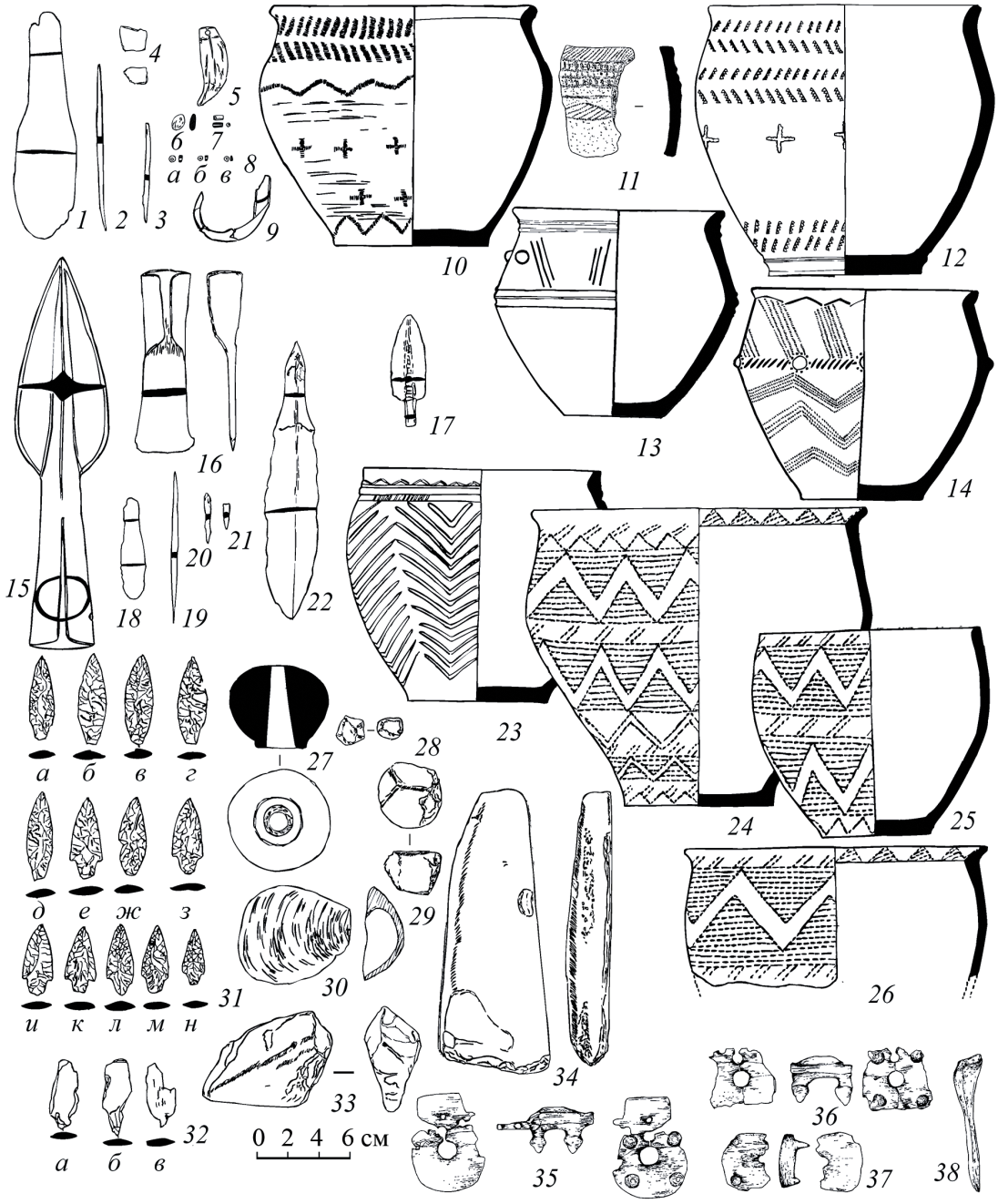


Рис. 3. Материалы датированных радиоуглеродным методом погребений кургана 7 могильника Танаберген II: *1–10* – погребение 30; *11–14* – погребение 36; *15–38* – погребение 22; *1–4, 9, 15–22* – бронза; *5, 32, 35–38* – кость; *6–8* – фаянс; *10–14, 23–26* – керамика; *30* – раковина; *27–29, 31, 33, 34* – камень.

Fig. 3. Materials of the radiocarbon dated burials from mound 7 of the Tanabergen II burial ground

синташтинской культуры в степном Приуралье приведены в таблице. Во всех 10 случаях для измерений использовались кости человека, что снимает методические барьеры, связанные с датированием различных органических материалов, но в то же время не исключает влияния резервуарного эффекта.

Калибровка радиоуглеродных дат и суммирование полученных интервалов производились в программе Оксфордской лаборатории OxCal 3.10 (Bronk Ramsey, 2005), при этом использовалась более точная калибровочная кривая IntCal13 (Reimer et al., 2013). Получение комбинированных дат, осуществление калибровки и других статистических процедур в новой версии программы OxCal 4.3.2 (Bronk Ramsey, 2017) привели к идентичным результатам, чем объясняется отказ от ее использования в

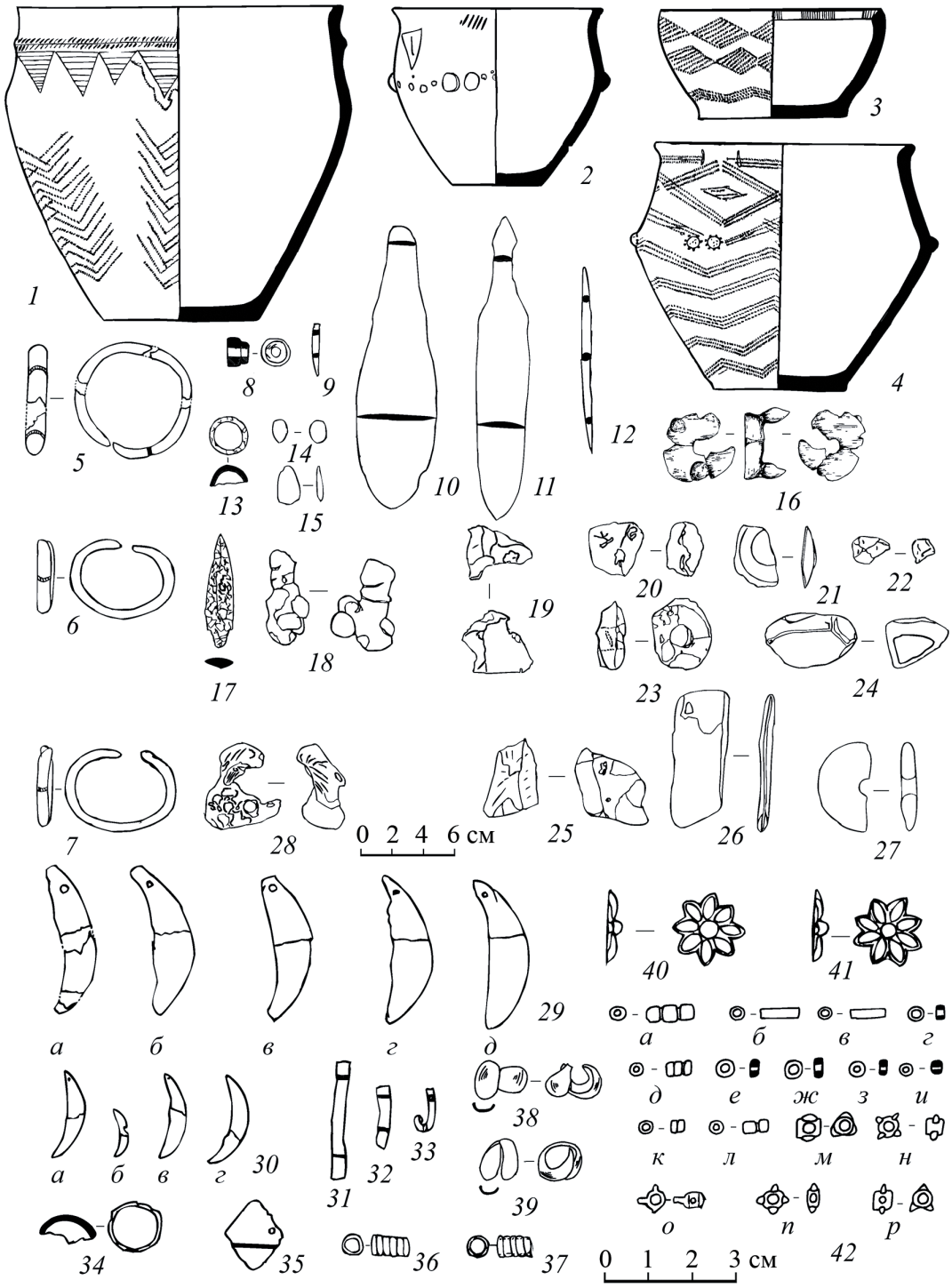


Рис. 4. Материалы датированного радиоуглеродным методом погребения 23 кургана 7 могильника Танаберген II: *1–4* – керамика; *5–7, 9–12, 31–37* – бронза; *8, 16, 29* – кость; *38, 39* – золото; *13–15, 17, 20–27* – камень; *18* – металлургический шлак; *19* – медная руда; *28* – раковина; *40–42* – фаянс.

Fig. 4. Materials of radiocarbon dated burial 23 from mound 7 of the Tanabergen II burial ground

данной работе. Значения в одну сигму с вероятностью 68.2% позволило получить более компактные интервалы, поэтому в ходе проведения статистических операций в большинстве случаев приоритет отдавался именно им.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что AMS-даты отличаются гораздо меньшими значениями квадратических отклонений и, следовательно, более компактными доверительными интервалами,

Результаты радиоуглеродного датирования погребальных комплексов синташтинской культуры в степном Приуралье

Radiocarbon dates of the Sintashta culture burials in the steppe Cis-Urals

Адрес образца*	Литература	Шифр лаборатории	BP	BC cal (probability, %)	
				1σ (68.2)	2σ (95.4)
Танаберген II, кург. 7, погр. 23, скелет 1 (F)	Публикуется впервые	Le-8840	3780±100	2400–2380 (1.5) 2350–2110 (54.3) 2100–2030 (12.5)	2480–1930 (95.4)
Танаберген II, кург. 7, погр. 30 (F)	–"–	Le-8841	3280±110	1690–1430 (68.2)	1880–1290 (95.4)
Танаберген II, кург. 7, погр. 36 (F) по ДНК, (M) по антропол.	–"–	Le-8842	3420±130	1890–1600 (63.0) 1590–1530 (5.2)	2040–1420 (95.4)
Танаберген II, кург. 7, погр. 36 (F) по ДНК, (M) по антропол.	Allentoft et al., 2015	OxA-30998 (AMS)	3612±34	2030–1920 (68.2)	2120–2090 (3.5) 2040–1880 (91.9)
Танаберген II, кург. 7, погр. 22 (M)	Публикуется впервые	Le-9675	3450±90	1890–1650 (68.2)	1980–1520 (95.4)
Могильник у горы Березовой, погр. 5 (M)	Моргунова и др., 2003	Le-6093	3650±100	2200–2170 (3.6) 2150–1890 (64.6)	2310–1740 (95.4)
Могильник у горы Березовой, погр. 4 (M)	Моргунова и др., 2003	Le-6095	3900±120	2570–2520 (7.0) 2500–2200 (61.2)	2860–2810 (1.8) 2700–2020 (93.6)
Могильник у горы Березовой, погр. 4 (M)	Allentoft et al., 2015	OxA-30991 (AMS)	3775±34	2280–2250 (16.4) 2230–2220 (3.9) 2210–2130 (47.9)	2300–2120 (88.5) 2090–2040 (6.9)
Могильник у горы Березовой, погр. 6, скелет 1 (F)	Моргунова и др., 2003	Le-6136	3750±80	2290–2030 (68.2)	2460–1940 (95.4)
Могильник у горы Березовой, погр. 6, скелет 1 (F)	Allentoft et al., 2015	OxA-30993 (AMS)	3532±34	1930–1870 (32.5) 1850–1770 (35.7)	1950–1750 (95.4)

*Материал образцов – кость человека.

что объясняется большей точностью измерений. Между тем повторное датирование с применением AMS-технологий погр. Танаберген II, 7/36 дало более древнюю дату. В то же время обе AMS-даты погр. 4 и 6 мог. у горы Березовой, напротив, существенно омолодили первичные датировки, осуществленные с использованием традиционной бензольной методики (таблица, рис. 5). Отсутствие единой тенденции соотношения радиоуглеродных дат, полученных посредством различных методик, позволяет оперировать всей их совокупностью, по крайней мере, до накопления более представительной серии AMS-датировок для синташтинских памятников Приуралья.

Анализируемая выборка демонстрирует некоторую несогласованность и существенный разброс значений не только в пределах некрополей, но даже при дублирующем датировании одних и тех же образцов (таблица, рис. 5). Видимо, причины этого кроются в разрешающей способности самого метода радиоуглеродного датирования, поскольку археологический контекст датируемых погребальных комплексов в каждом из могильников надежно документирует их относительную синхронность в силу единой стратиграфической позиции, планиграфического положения и типологии сопровождающего инвентаря (рис. 2–4). Поэтому помимо прямого датирования важно было прибегнуть к статистическим процедурам

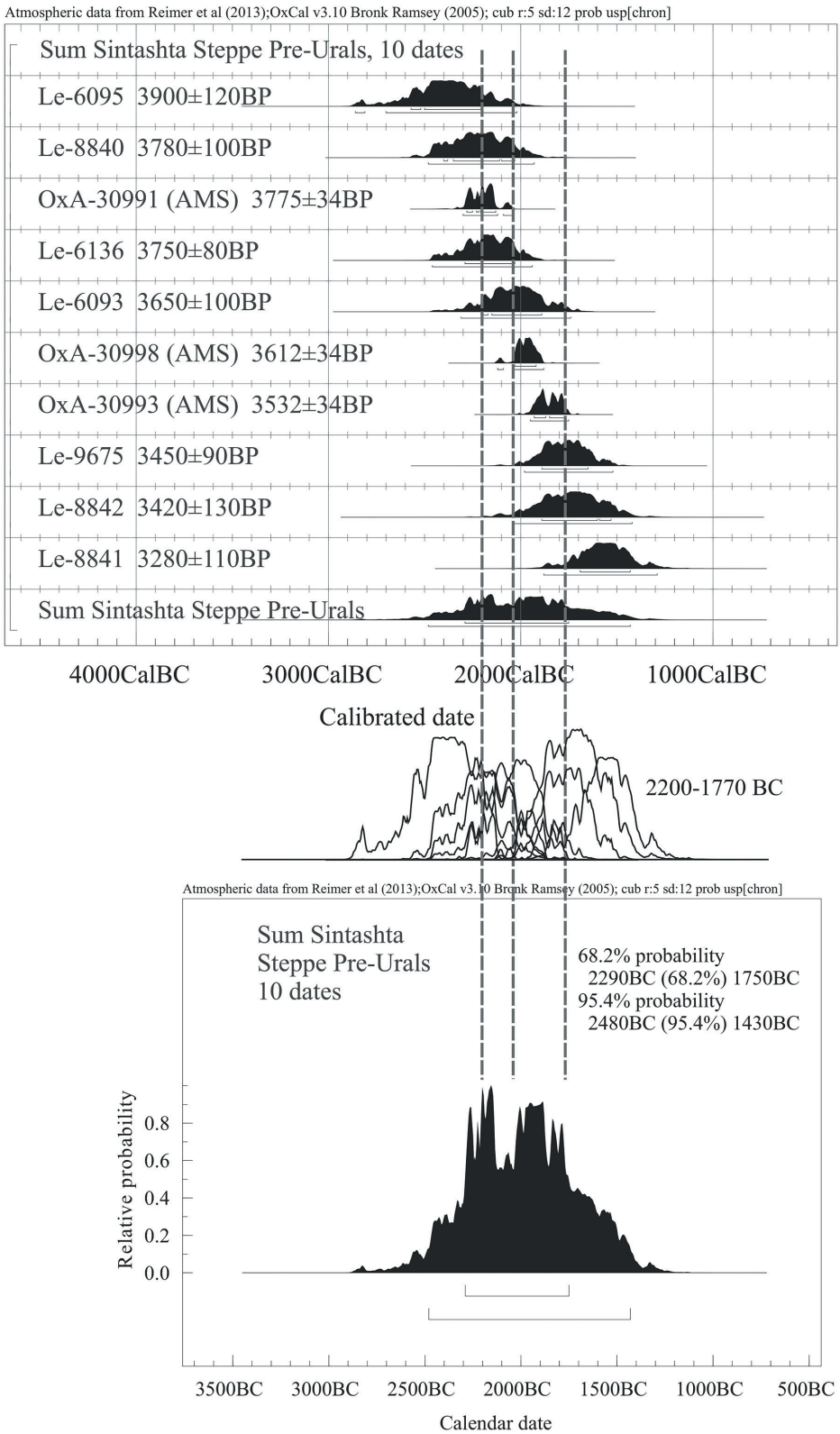


Рис. 5. Графики суммирования вероятностей калибровочных интервалов радиоуглеродных дат из памятников синташтинской культуры степного Приуралья.

Fig. 5. Graphs of summing the probabilities of calibration intervals of radiocarbon dates from the Sintashta sites of the steppe Cis-Urals

и визуально-графическому представлению результатов.

С этой целью проведено суммирование вероятностей калибровочных интервалов для всей выборки. В результате был построен график с широким диапазоном датировок 2290–1750 (2480–1430) гг. до н. э. Примечательно, что ранний шлейф этого интервала образуют даты из могильника у горы Березовой и погр. Танаберген II, 7/23 (Le-8840). Позднюю группу формируют датировки из погребений Танаберген II, 7/22, 30, 36 (Le-9675, Le-8841, Le-8842). При этом дублирующая AMS-дата Танаберген II, 7/36 (OxA-30998) фактически выводит этот комплекс из позднего эшелона значений (рис. 5).

Для верификации полученной информации нами была предпринята попытка применения предложенной П.Ф. Кузнецовым визуально-графической методики обработки исходных данных, предусматривающей графическое наложение контуров калибровочных графиков (Кузнецов и др., 2018. С. 91, 92. Рис. 53, 54). В результате этой процедуры было установлено, что наиболее плотное наложение графиков и достаточно ровное плато синташтинские даты из памятников степного Приуралья образуют в диапазоне 2200–1770 гг. до н. э., что позволило несколько сузить хроноинтервал (рис. 5).

И все-таки рамки радиоуглеродного возраста могильников у горы Березовой и Танаберген II в синташтинское время выглядят чрезмерно расширенными. В целом, можно констатировать, что первый из них имеет некоторый хронологический приоритет. Для уточнения хронологического соотношения обсуждаемых памятников было произведено раздельное суммирование вероятностей для каждого из них. С вероятностью в одну сигму (68.2%) для могильника у горы Березовой был получен интервал 2300–1770 гг. до н. э., а для могильника Танаберген II он составил 2040–1530 гг. до н. э.

Следующим этапом анализа стало совмещение графиков, которое позволило определить интервал наложения в пределах 2040–1770 гг. до н. э. Примечательно, что он совпадает с поздними пиками графика суммирования вероятностей могильника у горы Березовой и ранними – могильника Танаберген II (рис. 6). Заметим, что полученный таким образом интервал фактически совпадает с современными представлениями о радиоуглеродном возрасте синташтинских памятников Южного Зауралья, который определяется в диапазоне 2010–1770 гг. до н. э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014. С. 140. Рис. 2). Он также в целом соответствует и датировкам родственных памятников потаповского типа Среднего Поволжья 1970–1730 гг. до н. э. (Кузнецов и др., 2018. С. 90–92, 98. Табл. 4. Рис. 53).

Эти данные могут свидетельствовать об относительной синхронности памятников рубежа эпох средней и поздней бронзы Волго-Уралья. Но в то же время довольно отчетливый шлейф ранних датировок синташтинских комплексов степного Приуралья пока оставляет открытым вопрос об их хронологическом приоритете по отношению к близким в культурном отношении памятникам Среднего Поволжья и Южного Зауралья.

Учитывая специфику синташтинских памятников степного Приуралья, уместно обратиться к проблеме их хронологического соотношения с сейминско-турбинскими древностями. Дело в том, что присутствие сейминско-турбинских реплик в погребальных памятниках начала ПБВ в Волго-Уралье неоднократно фиксировалось исследователями. Так, в Потаповском и Грачевском II могильниках в Среднем Поволжье обнаружены ножи без выделенного черенка, сопоставимые с аналогичными предметами разрядов НК-2 и НК-4, характерными для сейминско-турбинской металлообработки (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. Рис. 30, *4, 5*; Кузнецов и др., 2018. С. 39, 40. Рис. 16, *1*; 31, *2*; Черных, Кузьминых, 1989. С. 92. Рис. 51, 53).

Не менее выразительны проявления сейминско-турбинского воздействия на культурогенез начальной поры ПБВ в Южном Зауралье. Например, в могильнике Каменный Амбар-5 найдены костяные панцирные пластины с отверстиями по краям (Епимахов, 2005. Ил. 13, *1, 2*), аналогичные деталям оборонительных доспехов, происходящих из сейминско-турбинского могильника Ростовка IV в Западной Сибири (Матющенко, Синицына, 1988. Рис. 9, 10, 61–66). Влиянием сейминско-турбинских традиций металлопроизводства, вероятно, объясняются находки бронзовых наконечников копий с литой втулкой, происходящих из синташтинского кургана Халвай III в Кустанайском Притоболье, а также оригинального копья с фигурными изображениями лошадей на втулке из окрестностей г. Джетыгары, относящихся к разрядам КД-28, КД-36 и КД-30 (Шевнина,

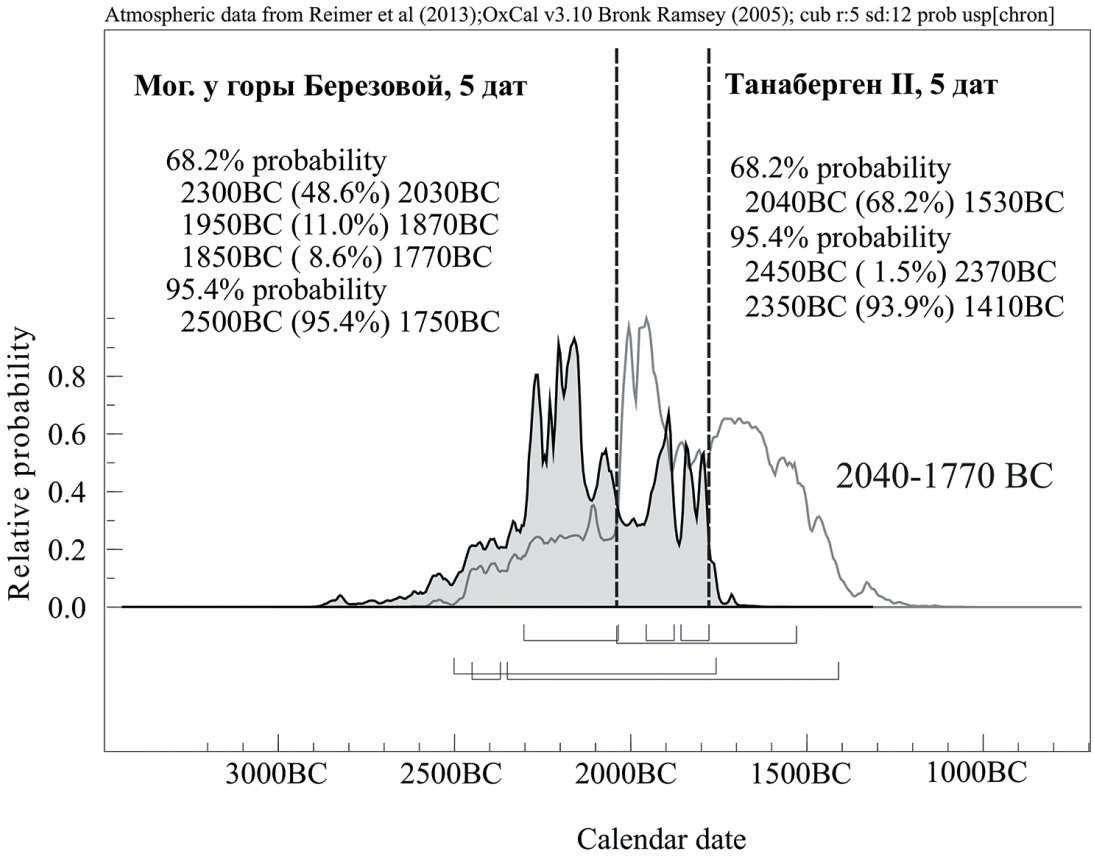


Рис. 6. Графическое представление наложения графиков суммирования вероятностей калибровочных интервалов радиоуглеродных дат из могильников синташтинской культуры у горы Березовой (Буланово) и Танаберген II в степном Приуралье.

Fig. 6. A graphical representation of overlapping graphs of summing the probabilities of calibration intervals of radiocarbon dates from the Sintashta cemeteries near Mount Berezovaya (Bulanovo) and Tanabergen II in the steppe Cis-Urals

Логвин, 2015. Рис. 62, 79, 86, 87; Мазниченко, 1985; Черных, Кузьминых, 1989. С. 79–81. Рис. 39, *2-4*; 40, 42–44, 47).

Но для нашего исследования особый интерес представляют материалы второй хронологической группы погребений могильника у горы Березовой в степном Приуралье. Целый комплекс культурообразующих признаков, включая планиграфию некрополя, характер ингумации некоторых индивидов, отдельные категории погребального инвентаря, находит убедительные аналогии в сейминско-турбинских памятниках Западной Сибири и Волго-Камья (Халяпин, 2001. С. 419–421. Рис. 2, *11–14*; 3, *1*; 2005. С. 208, 209. Рис. 4, *7*; 5, *11–16*; 7; 8, *3, 4*; 9, *2*) (рис. 2, *1–6, 9*). Показательно, что краниологические параметры черепов из погребений с сейминско-турбинскими чертами могильника у горы Березовой (Буланово) демонстрируют близость антропологическим материалам западносибирской лесостепи, в том числе могильника Ростовка I (Китов, Хохлов, Медведева, 2018. С. 226, 235, 236. Рис. 8).

До недавнего времени сейминско-турбинский феномен сравнительно слабо был обеспечен радиоуглеродным датами. Однако ситуация изменилась кардинально после открытия яркого мемориала-жертвенника Шайтанское Озеро II. К настоящему времени мы располагаем 19 надежными датировками сейминско-турбинских памятников, позволяющими определить хронологические рамки их бытования в пределах 2150–1600 (2500–1300) гг. до н. э. (Черных, Корочкова, Орловская, 2017). Таким образом, результаты радиоуглеродного датирования подтверждают относительную синхронность сейминско-турбинских и синташтинских древностей и хорошо согласуются с археологическими данными о контактах носителей этих культурных комплексов.

Подводя итоги, можно отметить, что в последние годы удалось достичь прогресса в решении вопроса о календарной хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры. Небольшая серия ^{14}C-дат из синташтинских могильников у горы Березовой (Буланово) и Танаберген II хотя и не является в полной мере репрезентативной, но в целом позволяет составить представление о статистически достоверных хронологических рубежах формирования некрополей в пределах 2200–1770 гг. до н. э., установленных на основе суммирования вероятностей калибровочных интервалов, полученных для 10 ^{14}C-дат.

Результаты радиоуглеродного датирования памятников синташтинской культуры в степном Приуралье хорошо согласуются с современными представлениями о радиоуглеродной хронологии синташтинских древностей Южного Зауралья, потаповского культурного типа Среднего Поволжья и круга культур – носителей сейминско-турбинских металлургических традиций. Можно констатировать относительную синхронность перечисленных культурных образований.

Верификация и корректировка полученных результатов станут возможными лишь по мере накопления более представительной серии радиоуглеродных датировок, причем ключевую роль, видимо, должны сыграть измерения, выполненные с использованием ускорительной AMS-технологии, позволяющей получить более точные даты с узкими доверительными интервалами.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00137 “Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа”. Автор выражает признательность П.Ф. Кузнецову и А.А. Хохлову (СамГСПУ, Самара) за содействие в отборе образцов для радиоуглеродного датирования и методическую помощь на различных этапах исследования, Г.И. Зайцевой (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) за проведение радиоуглеродного датирования образцов из могильника Танаберген II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский ун-т, 1994. 207 с.

Географический атлас Оренбургской области. М.: ДИК, 1999. 96 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. XVII. С. 402–421.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // Stratum plus. 2018. № 2. С. 225–243.

Кузнецов П.Ф. Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича: сб. науч. тр. Ч. 2. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2010. С. 59–65.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ: монография. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2018. 195 с.

Мазниченко А.П. Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Челябинский гос. ун-т; Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1985. С. 152–154.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. 134 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещерякова Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы: монография / Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2003. С. 264–274.

Панюшкина И.П. Календарный возраст курганной группы Халвай // Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Филиал Ин-та археологии

им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015 (Материалы и исследования по археологии Казахстана; т. VII). С. 184–186.

Рамазанов С.К. Географические предпосылки оптимизации землепользования в Подуральском трансграничном регионе: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Астрахань, 2009. 20 с.

Ткачев В.В. Курганная стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней – начала поздней бронзы в Приуралье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 19: Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. С. 121–138.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы” / Под ред. Ю.И. Колева. Самара: Науч.-техн. центр, 2001. С. 417–425.

Халяпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории Степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2005. Вып. 4. С. 203–217.

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 2. С. 45–55.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чибилев А.А., Дебело П.В., Рамазанов С.К. Природное районирование Заволжско-Тургайского степного субрегиона, как основа для оценки его природно-ресурсного потенциала биологического и ландшафтного разнообразия // Биоразнообразие и биоресурсы Урала и сопредельных территорий: материалы междунар. конф. Оренбург, 2001. С. 378–380.

Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2015 (Материалы и исследования по археологии Казахстана; т. VII). 248 с.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevičius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. V. 522. № 7555. P. 167–172.

Bronk Ramsey C. OxCal 3.10. [Электронный ресурс]. 2005. URL: http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal3/oxcal.htm (дата обращения: 10.12.2019).

Bronk Ramsey C. OxCal 4.3. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://c14.arch.ox.ac.uk (дата обращения: 10.12.2019).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Michael Friedrich, Pieter M. Grootes, Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Krome B.R, Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. V. 55. Iss. 4. P. 1869–1887.

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE SINTASHTA CULTURE SITES IN THE STEPPE CIS-URALS

Vitaliy V. Tkachev

Orenburg Federal Research Center, the Ural Branch of RAS, Russia

E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

The article considers the issue of calendar chronology of the Cis-Ural group of Sintashta culture sites at the turn of the Middle and Late Bronze Ages. The author presents the results of radiocarbon dating of burials from the Sintashta cemetery near Mount Berezovaya (Bulanovo) and Tanabergen II in the steppe Cis-Urals. The series consists of 10 calibrated radiocarbon dates, three of which were obtained using AMS accelerated technology. As a result of the implementation of statistical procedures, a chronological interval for the functioning of necropolises was established within the 2200–1770s BC. On the whole, a relative synchronism of the Sintashta culture sites on both sides of the Ural ridge and culturally similar sites of the Potapovo type in the Middle Volga region can be stated. Various evidence of contacts with the carriers of the Seima-Turbino metallurgical traditions present in the Sintashta funerary complexes of the steppe Cis-Urals is in good agreement with new data on their radiocarbon age.

Keywords: the Late Bronze Age, the steppe Cis-Urals, the Sintashta culture, radiocarbon dating.

REFERENCES

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevičius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E., 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, vol. 522, no. 7555, pp. 167–172.

Bronk Ramsey C., 2005. OxCal 3.10. (Electronic resource). URL: http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal3/oxcal.htm.

Bronk Ramsey C., 2017. OxCal 4.3. (Electronic resource). URL: http://c14.arch.ox.ac.uk.

Chernykh E.N., Korochkova O.N., Orlovskaya L.B., 2017. Issues of the calendar chronology of the Seima Turbino transcultural phenomenon. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, vol. 45, no. 2, pp. 45–55. (In Russ.)

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (The Seyma-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka. 320 p.

Chibilev A.A., Debelo P.V., Ramazanov S.K., 2001. Natural demarcation of the Trans-Volga-Turgai steppe subregion as a basis for assessing its natural and resource potential of biological and landscape diversity. *Bioraznoobraziye i bioresursy Urala i sopredel'nykh territoriy: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [Biodiversity and bioresources of the Urals and adjacent territories: Proceedings of the international conference]*. Orenburg, pp. 378–380. (In Russ.)

Epimakhov A.B., 2007. Relative and absolute chronology of Sintashta sites in terms of radiocarbon dating. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies]*, XVII, pp. 402–421. (In Russ.)

Epimakhov A.B., Khenks B., Renfryu K., 2005. Radiocarbon chronology of the Bronze Age sites in the Transuralian region. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 4, pp. 92–102. (In Russ.)

Epimakhov A.V., 2005. Ranniye kompleksnyye obshchestva severa Tsentral'noy Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyy Ambar-5) [Early complex communities of the north of Central Eurasia (based on the materials of the Kamenny Ambar-5 cemetery)], 1. Chelyabinsk: Chelyabinskiy dom pechati. 192 p.

Geograficheskiy atlas Orenburgskoy oblasti [Geographical atlas of Orenburg Region]. Moscow: DIK, 1999. 96 p.

Khalyapin M.V., 2001. The first moundless cemetery of the Sintashta culture in the steppe Cis-Urals. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy" [The Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of cultures, chronology and periodization: Proceedings of the international scientific conference "To the centenary of V.A. Gorodtsov's periodization of the Bronze Age in the southern part of Eastern Europe"]*. Yu.I. Kolev, ed. Samara:

Nauchno-tekhnicheskiy tsentr, pp. 417–425. (In Russ.)

Khalyapin M.V., 2005. A burial of a Bronze Age caster from the territory of the Steppe Cis-Urals. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan]*, 4, pp. 203–217. (In Russ.)

Kitov E.P., Khokhlov A.A., Medvedeva P.S., 2018. Palaeoanthropology data as a source for reconstructing the process of the society formation and social stratification (based on materials from Sintashta and Potapovo sites of the Bronze Age). *Stratum plus*, 2, pp. 225–243. (In Russ.)

Kuznetsov P.F., 2010. Study on the origin of the Sintashta culture. *Arkaim – Sintashta: drevneye naslediye Yuzhnogo Urala. K 70-letiyu Gennadiya Borisovicha Zdanovicha: sbornik nauchnykh trudov [Arkaim-Sintashta: ancient heritage of the Southern Urals. To the 70th anniversary of Gennady Borisovich Zdanovich: Collected research papers]*, 2. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 59–65. (In Russ.)

Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., Khokhlov A.A., Entoni D.U., 2018. Grachevskiye kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz: monografiya [The Grachevka mounds. Archaeology, anthropology, genomic analysis: Monograph]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskiy universitet. 195 p.

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V., 1988. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska [A cemetery at the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 134 p.

Maznichenko A.P., 1985. A bronze spear tip from the Kustanai Museum. *Eneolit i bronzovyy vek Urala-Irtyshskogo mezhdurech'ya [The Eneolitic and Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluve]*. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet; Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 152–154. (In Russ.)

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the south of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, vol. 13, iss. 3, pp. 136–167. (In Russ.)

Morgunova N.L., Khokhlova O.S., Zaytseva G.I., Chichagova O.A., Gol'yeva A.A., 2003. Results of radiocarbon dating of archaeological sites of the Southern Cis-Urals. *Morgunova N.L., Gol'yeva A.A., Krayeva L.A., Meshcheryakova D.V., Turetskiy M.A., Khalyapin M.V., Khokhlova O.S. Shumayevskiye kurgany: monografiya [Shumayevo mounds: Monograph]*. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 264–274. (In Russ.)

Panyushkina I.P., 2015. Calendar age of the Halvai mound group. *Shevnina I.V., Logvin A.V. Mogil'nik epokhi bronzy Khalvay III v Severnom Kazakhstane [The Bronze Age cemetery of Halvai III in Northern Kazakhstan]*. Astana: Filial Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana, pp. 184–186. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana, VII). (In Russ.)

Ramazanov S.K., 2009. Geograficheskiye predposylki optimizatsii zemlepol'zovaniya v Podural'skom transgranichnom regione: avtoreferat dissertatsii ... kandidata geograficheskikh nauk [Geographical prerequisites for land use optimization in the Sub-Ural cross-border region: the author's abstract of a doctoral thesis in Georgaphy]. Astrakhan'. 20 p.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Michael Friedrich, Pieter M. Grootes, Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Krome B.R, Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J., 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, vol. 55, iss. 4, pp. 1869–1887.

Shevnina I.V., Logvin A.V., 2015. Mogil'nik epokhi bronzy Khalvay III v Severnom Kazakhstane [The Bronze Age cemetery of Halvai III in Northern Kazakhstan]. Astana: Filial Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana. 248 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana, VII).

Tkachev V.V., 2005. Mound stratigraphy and the issue of the relative chronology of the Middle – the beginning of the Late Bronze Age complexes in the Cis-Urals. *Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi [Archaeology of the East European forest-steppe], 19. Pastusheskiye skotovody vostochnoyevropeyskoy stepi i lesostepi epokhi bronzy (istoriografiya, publikatsii) [Pastoralist cattle-breeders of Eastern European steppe and forest-steppe of the Bronze Age (historiography, publications)]*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 121–138.

Tkachev V.V., 2007. Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy: monografiya [Steppes of the Southern Cis-Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Age: Monograph]. Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arkheologii. 384 p.

Vasil'yev I.B., Kuznetsov P.F., Semenova A.P., 1994. Potapovskiy kurgannyy mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge [The Potapovo mound cemetery of Indo-Iranian tribes on the Volga]. Samara: Samarskiy universitet. 207 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 45–59

ПЕТРОВСКАЯ И АЛАКУЛЬСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ МОЧИЩЕ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2020 г. С.А. Григорьев[1,*], Н.П. Салугина[2,**]

[1]Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия
[2]Самарский государственный институт культуры, Россия

[*]E-mail: stgrig@mail.ru
[**]E-mail: nsalug@gmail.com

Поступила в редакцию 27.05.2019 г.

В статье рассматривается соотношение петровских и раннеалакульских керамических комплексов поселения Мочище в Южном Зауралье. Во введении и в первой части обсуждается содержание терминов “петровский” и “раннеалакульский”, а также стратиграфическое соотношение соответствующих керамических типов. Во второй части публикуется их сравнительный анализ и проводится сопоставление с материалами других памятников. Делается вывод о значительной типологической разнице, не позволяющей рассматривать эти типы в качестве генетически связанных. Раннеалакульская керамическая традиция, как и петровская, имеет большее сходство с синташтинской и формировалась, вероятно, на ее основе. В третьей части охарактеризованы гончарные традиции рассматриваемых групп населения. Выявлена значительная близость производственных навыков по всем ступеням производства. В результате делается вывод о сложении алакульского гончарства преимущественно на синташтинской основе.

Ключевые слова: Зауралье, эпоха бронзы, раннеалакульская и петровская керамика, орнаментация, технология изготовления.

DOI: 10.31857/S086960630009072-8

В исследованиях, посвященных изучению андроновской культурно-исторической общности, определение хронологического соотношения петровской и алакульской культур особых затруднений не вызывало. Было очевидно, что алакульская культура позже петровской и формируется на ее основе (Зданович, 1983). В свою очередь, петровская культура сформировалась на основе синташтинской. Затем была высказана гипотеза о том, что многие черты алакульской культуры выводимы из синташтинской (Матвеев, 1998. С. 348–352; Григорьев, 1999. С. 145, 146). Недавно было показано, что алакульская культура формируется уже в синташтинское время, синташтинский компонент принимал участие в ее формировании, и подобный подход не исключен для петровской культуры. В качестве дополнительной подосновы для обеих культур предполагался восточноевропейский компонент (Григорьев, 2016).

С этим связана еще одна проблема, терминологическая. Часто петровские памятники называются “раннеалакульскими” (Виноградов, 2011. С. 144). Очевидно, что в случае синхронизации этих культур подобная терминология неприемлема. В действительности же проблема гораздо серьезней и запутанней (подробнее см. Григорьев и др., 2018. С. 135–137). Поскольку какие-то различия между обсуждаемыми сегодня “синташтоидными/петровскими” и “кулевчинскими/петровскими” комплексами проявляются лишь на статистическом уровне, дать дефиницию каждому отдельному фрагменту оказывается нереальным. И при обработке материалов поселения Мочище весь постсинташтинский (не алакульский) комплекс именовался “петровским”, включая керамику, имеющую синташтинские черты.

Но возможность параллельного формирования алакульских и петровских керамических традиций на синташтинской и восточноевропейской основе допускает и возможность взаимодействия этих традиций на стадиях формирования и развития. Для территорий Казахстана петровская традиция была основой для последующего формирования алакульской традиции развитого этапа (под воздействием лесостепной раннеалакульской традиции). Но в лесостепном Зауралье, где зарождался

алакульский стереотип, ситуация сложнее. Публикуемые керамические материалы пос. Мочище позволяют получить дополнительную информацию по этой проблеме. Надо иметь в виду, что алакульские материалы поселения относятся к раннеалакульскому этапу и отражают зарождение и раннее развитие традиции. На развитие керамического комплекса классической алакульской культуры оказывала, вероятно, влияние и федоровская традиция. Это более сложный процесс, по-разному проявлявшийся на отдельных территориях.

Стратиграфия и хронология

Поселение Мочище I расположено к югу от Челябинска, в зауральской лесостепи (Григорьев и др., 2018). Слои эпохи бронзы объединены в три стратиграфических периода: раннеалакульский, черкаскульский и саргаринско-алексеевский, но большинство жилищ и основная масса материала относятся к первому. В его рамках выделено два горизонта. К первому были отнесены погребенная почва, оборонительный ров и ямы, функционировавшие на этапе строительства поселка. Ко второму – алакульские жилища и зольники. Мы не будем на этом останавливаться подробнее, поскольку материалы опубликованы (Григорьев и др., 2018. С. 100–103; Григорьев, 2019). В контексте настоящей работы необходимо подчеркнуть, что алакульский материал присутствует с самого начала и нет ни одного объекта или фрагмента слоя, который можно было бы назвать петровским. Петровская керамика тоже присутствует с самого начала и является дополнением к алакульской керамике. Но если убрать поздние примеси, то от горизонта 1 к горизонту 2 доля петровской керамики снижается с 32.66 до 11.73%. Более поздняя федоровская примесь появляется в финале существования алакульского поселка. Поэтому мы обсуждаем относительно чистый раннеалакульский комплекс с примесью синхронного петровского и петровско-синташтинского материала. При этом радиоуглеродные даты алакульского комплекса довольно ранние: 3700±65, 3670±55, 3690±45, 3710±75 (СОАН-7315–7318). В калиброванных значениях они соответствуют XXII–XXI вв. до н.э. С применением AMS-дат этот интервал будет смещаться в XX–XVIII вв. до н.э., но для текущего обсуждения принципиально то, что этот раннеалакульский интервал соответствует интервалу дат синташтинской культуры степной зоны, и в его рамках сосуществуют петровский и алакульский керамические типы (Григорьев, 2016. С. 49; 2018. С. 50–52).

Типы орнаментации и орнаментальные техники

Петровская керамика. Ранняя группа керамики поселения отличается сочетанием петровских и синташтинских черт. Она включает острореберные сосуды горшечно-баночной формы с широкой горловиной и конусовидным туловом. Типичны елочные орнаменты, выполненные широкими желобками по нижней части тулова. Другой ведущей техникой нанесения орнамента являлся гладкий штамп. Более 8% приходится на более узкие и выраженные желобки и вдавления различных форм. Из фигур орнамента доминируют вертикальная “елка”, горизонтальные зигзаги и линии; им уступают заштрихованные треугольники (рис. 1, *1–4*; табл. 1).

Для посуды этой группы характерны отпечатки ткани на внутренней поверхности и такие детали, как уступ, ребро или уступ-ребро, расположенные при переходе от шейки к тулову сосуда, “воротничок” под венчиком.

Таблица 1. Техника орнаментации керамики поселения Мочище (%)

Table 1. Pottery ornamentation technique at the settlement of Mochishche (%)

Техника орнаментации	Широкие желобки	Желобок	Гладкий штамп	Гребенка	Протащенная гребенка	Каннелюры	Резной	Насечки	Вдавления	Каплевидные вдавления	Угловые вдавления	Полукруглые вдавления	Овальные вдавления	Треугольные вдавления	Расчесы	Пальцевые вдавления	Двузубый штамп	Шнур	Ногтевые вдавления
Петровка	26.83	8.54	43.9	2.44	3.66	0	4.88	1.22	4.88	0	0	0	2.44	0	0	1.22	0	0	0
Алакуль	0	0.13	15.39	16.58	51.18	0.26	5.00	1.18	1.45	0.13	6.18	0.26	0.39	0.39	0.39	0.39	0.13	0.39	0.13

Одним из диагностических признаков синташтинской керамики степи являются рельефные орнаменты, в первую очередь налепные шишечки, валики и широкие желобки, формирующие валики. В коллекции поселения из этого списка присутствуют лишь желобки. Поэтому ранняя группа поселения имеет больше сходства с петровской керамикой, чем с синташтинской. Но по остальной орнаментальной технике ситуация не столь ясна, поскольку в этой группе доминирует гладкий штамп (44%) и ему уступают резной орнамент и вдавления (по 5%). Роль гребенчатого штампа незначительна (2.4%). Гладкий штамп типичен для синташтинской керамики. В петровской керамике он хорошо представлен в зауральских коллекциях, но меньше – в коллекциях Притоболья и Казахстана, где чаще используется резная техника. С другой стороны, для синташтинской керамики характерно широкое использование гребенчатого штампа, что менее свойственно петровской посуде (подробнее см. Григорьев и др., 2018. С. 109–110). Поэтому по орнаментальным техникам ранний комплекс поселения близок синташтинскому, но не идентичен ему. Он ближе петровскому комплексу поселения Устье, но имеет некоторые отличия от петровских комплексов Казахстана.

На то же указывает анализ фигур орнамента (табл. 2). На керамике Мочища они просты, а набор беден: “елка”, зигзаги, линии, реже треугольники, единичны иные фигуры. Это в целом соответствует петровской орнаментации. Однако елочная орнаментация хотя и присутствует в петровских комплексах, но в меньшей доле, чем на Мочище. В противоположность этому синташтинский набор фигур богат и формирует нарядные композиции. В нем шире распространены геометрические фигуры, встречаются криволинейные узоры, что отлично от керамики Мочища, хотя доля елочных орнаментов вполне сопоставима. В петровской керамике мы видим эволюцию в сторону упрощения, и это соответствует нашей ситуации (подробнее см. Григорьев и др., 2018. С. 110–111).

Проблема в том, что в любой синташтинской коллекции есть сосуды, которые типичны для петровских коллекций. Многие детали (уступ, ребро, уступ-ребро) находят параллели среди синташтинских, петровских и алакульских комплексов. Но уступ характерен в большей степени для алакульской керамики; ребро, как и уступ-ребро, присутствует во всех трех вышеназванных комплексах, хотя последний признак более характерен для так называемой “кулевчинской” керамики. Для этой же керамики характерны “воротнички” под венчиком и отсутствие на внутренней его стороне типичного для синташтинской посуды ребра. Два последних признака нельзя считать абсолютными (см. обсуждение Григорьев и др., 2018. С. 108), но они могут рассматриваться в качестве культурно-хронологического признака на уровне тенденции. Отталкиваясь от этого, мы можем говорить, что керамика ранней группы Мочища не имеет синташтинских признаков, она – петровская.

В степной зоне Зауралья эта посуда имеет аналоги в типах IА и IБ, куда включены постсинташтинские петровские и кулевчинские сосуды (Алаева, 2015. С. 132, 133. Рис. 52, 53),

Таблица 2. Фигуры орнамента керамики поселения Мочище (%)

Table 2. Pottery ornamentation from the settlement of Mochishche (%)

Фигуры орнамента	Елка	Зигзаг	Вертикальный зигзаг	Многорядный зигзаг	Многорядный вертикальный зигзаг	Заштрихованный зигзаг	Меандр	Косой меандр	Линии	Наклонные линии	Ряды вдавлений	Ромбы	Заштрихованные треугольники	Треугольники	Свастика	Полоса заштрихованная	Косая сетка	Наклонные оттиски	Ступенчатые пирамиды	Флажки	Фестоны	Уточки	Бахрома
Петровка	29.17	8.33	0	15.28	1.39	0	0	0	22.22	0	2.78	2.78	15.28	0	1.39	0	1.39	0	0	0	0	0	0
Алакуль	0.15	28.86	0.31	10.65	0.15	0.15	3.86	0.15	32.87	1.08	3.55	2.16	8.33	0.77	0	2.62	0	1.7	0.31	0.77	0.31	0.15	0.15

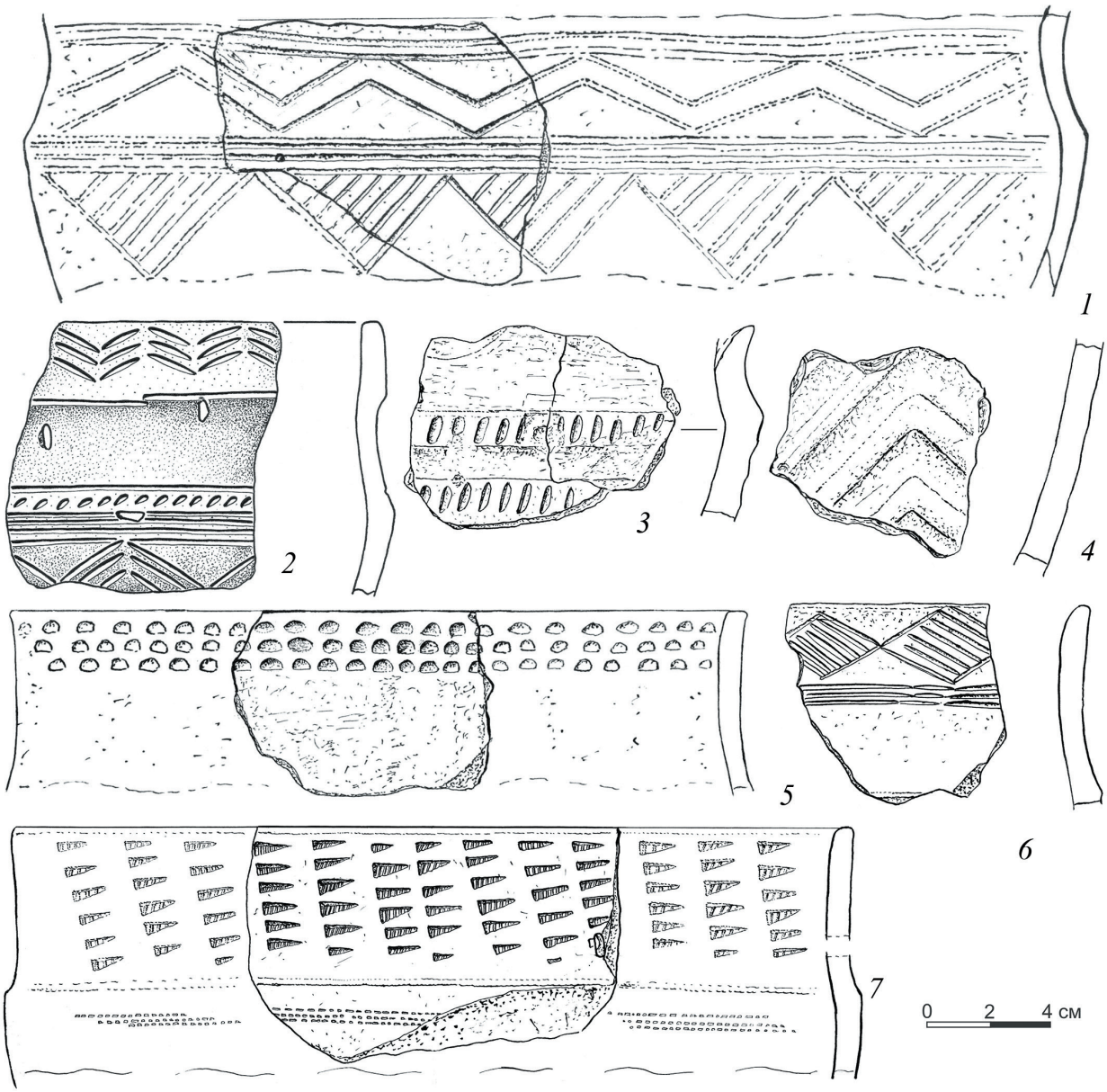


Рис. 1. Петровская (*1–4*) и алакульская (*5–7*) керамика с поселения Мочище.
Fig. 1. Petrovka (*1–4*) and Alakul (*5–7*) pottery from the settlement of Mochishche

а также в петровском комплексе поселения Устье (Виноградов, Алаева, 2013).

Поэтому ранний керамический комплекс пос. Мочище можно обозначить как петровский, отличный от петровских материалов Казахстана и имеющий ряд синташтинских черт. Формировался он, видимо, в Зауралье (или прилегающих ареалах) на синташтинской основе.

Алакульская керамика поселения представлена банками (с прямыми или слегка выпуклыми стенками) и горшками с относительно вертикальной прямой шейкой, реже с вогнутой, плавно профилированной (рис. 1, *5–7*; 2). Многие горшки имеют уступ при переходе от шейки к тулову, хотя встречаются и формы без него.

Для алакульской посуды Мочища характерно (51.2%) нанесение орнамента протаскиванием гребенчатого штампа (табл. 1). Доля гребенчатых оттисков составляет 16.6%, а угловых вдавлений того же штампа – 6.2%. Сюда следует добавить редкие расчесы, выполненные гребенчатым штампом, и заглаживание

внутренней поверхности, сделанное им же. На долю гладкого штампа приходится 15.4%, а резного орнамента – 5%. Около 4% приходится на вдавления.

Таким образом, принципиальное отличие от петровской группы сводится к широкому использованию гребенчатого штампа, к отсутствию орнаментов, нанесенных желобками, и резкому сокращению доли гладкого штампа. Исходя из того, что мы писали выше о разных орнаментальных традициях петровских и синташтинских поселений, ближайшим аналогом являются синташтинские, в частности синташтинская орнаментация пос. Устье. В петровской части последней коллекции резко падает роль гребенчатого штампа.

Набор фигур орнамента алакульской посуды Мочища беден (табл. 2) и встречается в предшествующих комплексах Зауралья: в синташтинском и петровском. Но от синташтинского его отличает простота узоров, отсутствие сложной геометрической орнаментации, и он более сопоставим с петровским орнаментом, хотя для погребальных алакульских памятников характерна пышная орнаментация.

Сопоставление с коллекциями других памятников региона показало, что керамика Мочища укладывается в алакульские каноны лесостепного Зауралья (Григорьев и др., 2018. С. 112, 113).

Соотношение петровской и алакульской керамики. Статистические данные по орнаментальным техникам и фигурам позволяют высчитать коэффициенты сходства по критерию Пирсона. Коэффициент высчитывался на основании публикуемых таблиц в программе Microsoft Office Exel. При сопоставлении алакульской керамики с петровской по орнаментальным техникам мы получили коэффициент сходства лишь 0.18, а по фигурам орнамента – 0.55. В случае учета орнаментальных техник и фигур мы получаем коэффициент 0.33. В значительной степени это обусловлено доминированием в алакульском комплексе орнамента, выполненного протащенным гребенчатым штампом. Отчасти причиной является неопределимая и неорнаментированная посуда, которой в слоях второго горизонта было около 57%. При статистической процедуре с фрагментированным материалом, когда мы опираемся на диагностические признаки и не учитываем фрагментов, которые могут быть отнесены к обоим комплексам, мы получаем утрированную ситуацию. Но в любом случае выявленные различия больше, чем следует ожидать от генетически связанных групп.

Таким образом, типологический анализ показывает, что хотя петровский и алакульский типы были родственными, формирование алакульской традиции на поселении не базировалось исключительно на петровской. В большей степени алакульская керамика сопоставима с синташтинской, чем с петровской, и раннеалакульская керамическая традиция лесостепи формировалась на синташтинской основе.

Технология производства керамики

Методические принципы и общая характеристика. Технологический анализ основывался на методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978; 1999), и исследованиях Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства (Васильева, Салугина, 2015).

Перед изложением данных по технологии изготовления керамики следует сделать несколько замечаний:

– исследованные фрагменты принадлежат условно разным сосудам;

– фрагментарность материала позволила получить информацию по всем сосудам только по особенностям исходного сырья, способам составления формовочных масс и обработки поверхностей. По крупным фрагментам донных и верхних частей определялись программы конструирования начинов и способы изготовления полого тела;

– для унификации наблюдений за особенностями исходного сырья и минеральных добавок образцы дополнительно нагревались в муфельной печи до 800 °С;

– поскольку при анализе выявлены общие для обеих групп признаки исходного сырья, составов формовочных масс и термической обработки, ниже дано их развернутое описание, а далее в тексте по конкретным группам – указание на их вид, дабы избежать повторений.

Отбор исходного пластичного сырья (ИПС). Для населения было характерно представление о глине как единственном сырье для производства посуды. Отбирались только ожелезненные глины, различающиеся по количеству, реже – по качественному составу естественного песка. Выделено пять подвидов глин:

Глина 1 характеризуется следующим составом естественных примесей: песок окатанный, редко – полуокатанный, прозрачный и глухой, с размером частиц 0.1–0.5 мм, его количество очень незначительно (до 7 включений на 1 см^2); окислы железа представлены двумя разновидностями: оолитовым бурым железняком размером до 2 мм и округлыми мягкими включениями рыжего цвета размером до 1.5 мм. Данная глина относится к разряду незапесоченных.

Глина 2 содержит аналогичные естественные примеси, отличаясь только количеством песка – до 35 включений на 1 см^2. Глина относится к слабо запесоченным.

Глина 3 по составу естественных примесей в основном аналогична первым двум, но отличается присутствием окатанного песка белого или серого цвета размером до и более 2 мм. Количество песка на 1 см^2: мелкого – до 30 включений, крупного – до 3–5 включений. Эта глина также слабо запесоченная.

Глина 4 по составу и размерности песка и железистых включений близка глине 3, но отличается количеством песка: на 1 см^2 излома зафиксировано: мелкого – до 90 включений, крупного – до 5 включений. Данная глина относится к средне запесоченным.

Глина 5 содержит следующие естественные примеси: 1) окатанный песок размером 0.2–0.5 мм (до 5 включений на 1 см^2); 2) округлые включения чистой, плотной сланцевой глины размером до 4 мм; 3) окислы железа представлены описанными выше разновидностями. Данная глина относится к незапесоченным.

Составление формовочных масс (ФМ). В качестве компонентов при составлении формовочных масс использовались минеральные (тальк и шамот) и органические добавки (органический раствор, навоз жвачных животных и выжимка из него). Сочетание компонентов ФМ дает представление о конкретных рецептах.

Конструирование посуды. Для анализа способов изготовления начинов привлекались днища, иногда вместе с придонными частями; полого тела – крупные фрагменты венчиков, реже – стенок от разных сосудов. Когда речь идет о применении форм-основ, следует иметь в виду, что зафиксированы следы (четкие или полузаглаженные) от тканевых прокладок. Иногда заключение о наличии форм-моделей при изготовлении полого тела делалось по косвенным признакам: складчатость на внутренней поверхности сосуда и особенности наращивания элементов.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости всей изученной керамики осуществлялось путем термической обработки в простых устройствах типа кострища или очага. Как показали эксперименты, различение этих двух обжиговых устройств по археологической керамике затруднительно (Волкова, 2015).

На режимы ведения обжига указывает цвет изломов.

Однотонный серый цвет означает, что термическая обработка проводилась без доступа кислорода в условиях восстановительной атмосферы. В течение длительного времени сосуды находились в зоне действия температур ниже 650 °C и, хотя не достигалась температура каления, изделия получали большую механическую прочность, и глинистые массы утрачивали пластичность.

Наличие осветленного слоя только с внешней или с обеих сторон излома указывает на кратковременное воздействие температур каления в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды. Толщина осветленных слоев в изломах большинства сосудов менее 1.5 мм. Это означает, что посуда находилась в зоне действия температур каления (650 °C и выше) менее 20 мин (Васильева, Салугина, 1999. С. 247).

Ниже приводятся конкретные данные по культурным группам керамики с пос. Мочище.

Керамика петровской культуры (рис. 1, *1–4*). Исследовано 14 образцов.

Отбор исходного пластичного сырья. Для производства керамики мастера петровской культуры отбирали преимущественно глину 1, т.е. незапесоченную (57.1% от исследованных образцов) (табл. 3). Из глины 2 изготовлено 21.5% посуды, из глин 3 и 4 – единичные сосуды.

Составление формовочных масс. Для петровской керамики выделено 6 составов ФМ (табл. 3).

Значительно преобладают рецепты глина + + тальк + выжимка из навоза – 35.8% и глина + шамот + тальк + выжимка из навоза – 28.6%. Сосуды, изготовленные по другим рецептам, представлены 1-2 экземплярами. Минеральные примеси представлены включениями размером более 2 мм. Концентрация шамота в составе ФМ от 1:4 до 1:7, талька – 1:3/4.

Таблица 3. Соотношение подвидов исходного пластичного сырья (ИПС) и составов формовочных масс (ФМ) петровской керамики с поселения Мочище

Table 3. The ratio of the types of initial raw material (IRM) and molding compositions (MC) in the Petrovka pottery from the settlement of Mochishche

Состав ФМ	ИПС				Всего образцов	Всего образцов Т/Ш/Т+Ш
	Глина 1	Глина 2	Глина 3	Глина 4	Число (%)	
Т+ОР	0	1	0	0	1 (7.1)	6 (42.9)
Т+Выж.	3	2	0	0	5 (35.8)	
Ш+Выж.	0	0	0	1	1 (7.1)	1 (7.1)
Т+Ш+Выж.	3	0	1	0	4 (28.6)	7 (50)
Т+Ш+ОР	1	0	0	0	1 (7.1)	
Т+Ш+Н	1	0	1	0	2 (14.3)	
Всего образцов, число (%)	8 (57.1)	3 (21.5)	2 (14.3)	1 (7.1)	14 (100)	14 (100)

Примечание: здесь и далее в таблицах: Т – тальк; Ш – шамот; ОР – органический раствор; Н – навоз; Выж. – выжимка из навоза.

Компонентный анализ показывает, что чаще всего в ФМ вводились тальк и выжимка из навоза, немного реже – шамот, остальные компоненты единичны. Объединение органических примесей показывает, что доля простого рецепта тальк + органика составляет 42.9%, сложного (тальк + шамот + органика) – 50% (табл. 3). Для изготовления шамота дробились сосуды, в ФМ которых в качестве примеси преобладал тальк, только в единичных случаях зафиксирован рецепт шамот + тальк.

Конструирование посуды. Способы конструирования начинов определялись по четырем образцам днищ, иногда – с придонной частью. Начины делались в соответствии с донно-емкостной программой конструирования с применением форм-основ. Строительными элементами служили лоскуты. Полое тело сосудов (шесть образцов) делалось с применением лоскутов и коротких жгутов, возможно, с использованием формы-основы.

Сочетание способов конструирования начина и полого тела в пределах одного сосуда дает информацию о схеме изготовления. Выделена одна схема: изготовление на формах-основах спирально-лоскутным способом. В процессе конструирования формообразование осуществлялось на форме-основе, затем – выдавливанием пальцами и выбиванием стенок колотушкой с гладкой рабочей частью.

Обработка поверхностей сосудов производилась заглаживанием и лощением. Для заглаживания применялись деревянные гребенчатые штампы и ножи, каменная галька, кусочки ткани и кожи. Полностью преобладает заглаживание, лощение отмечено лишь на двух сосудах. Часть посуды, особенно внутренняя поверхность, заглажена с применением двух инструментов.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Обжиг сосудов проводился как в восстановительной, так и в окислительно-восстановительной среде, следовательно, гончары владели разными навыками обжига.

Близкие навыки изготовления посуды на всех ступенях производства свидетельствуют, что население, проживавшее на поселении, было родственным.

Сравнение технологии изготовления петровской керамики поселения Мочище с материалами других памятников затруднено тем, что подобных исследований проводилось мало и представлены они в самой общей форме. Можно отметить работы А.И. Гуткова, исследовавшего петровские и синташтинские комплексы поселения Устье и могильника Кривое Озеро; работы Е.Н. Дубовцевой с соавторами (поселение Каменный Амбар) и И.В. Шевниной (могильник Халвай 3) по синташтинской керамике (Дубовцева и др., 2016. С. 100–103, 108; Гутков, 2003. С. 311–316; 2013. С. 181–184; Шевнина, 2015. С. 106–109). Тем не менее проведенный сравнительный анализ технологии изготовления показал как общие черты, так и значительные различия. К общим чертам следует отнести отбор в качестве основного ИПС ожелезненных глин (кроме мог. Кривое Озеро, где основной выступает смесь глин), к которым добавлялись тальк, шамот и органика при преимуществе талька. Общими являются ведущие способы конструирования посуды (изготовление на формах-основах спирально-лоскутным способом) и обработки поверхностей (преобладание заглаживания, незначительная доля лощения; исключение – мог. Халвай 3, где доля лощения составляет 89%).

Отличия же очень существенны и касаются, прежде всего, навыков отбора в качестве ИПС илов и илистых глин: 3.2% петровской посуды с пос. Устье; для синташтинской культуры: 24.1% посуды пос. Устье, 3% – из мог. Кривое Озеро, до 10% – с пос. Каменный Амбар. Кроме того, отмечено составление концентратов из ожелезненной и неожелезненной глин. На пос. Устье 14% петровской и 34% синташтинской керамики изготовлено из смесей глин, а в мог. Кривое Озеро 50 и 48.3% соответственно. На пос. Мочище для изготовления петровской керамики не обнаружено ни одного сосуда, изготовленного из глиноподобных материалов или из смесей глин.

При составлении ФМ различия проявляются в процентном соотношении массовых рецептов и в большем разнообразии составов ФМ, включающих дробленую, специально нагретую раковину и песок (пос. Каменный Амбар).

Данные различия отражают конкретную историю существования и направление культурных связей населения, которое формировалось из разных культурных групп, на что указывают представления об ИПС и разнообразие в способах конструирования (Гутков, 2003. С. 313, 314).

Керамика алакульской культуры (рис. 1, *5–7*; 2). Технологический анализ был проведен по 29 фрагментам условно разных сосудов.

Исходное пластичное сырье. Для производства алакульской керамики отбирались все пять описанных подвидов глин. Преобладала посуда из незапесоченой глины 1 (51.8%). Сосуды из других подвидов глин составляют от 6.9 до 17.2% (табл. 4).

Составление формовочных масс осуществлялось с использованием всех указанных компонентов. Размер включений талька более 2 мм, шамота – менее 2 мм. Концентрация шамота в составе ФМ 1:5–1:6, талька – 1:4. Преобладают рецепты глина + тальк + выжимка из навоза – 24.0%, глина + тальк + шамот + навоз – 27.5% и глина + тальк + шамот + выжимка из навоза – 31.0%. Остальные рецепты единичны.

Компонентный анализ показывает, что чаще всего алакульскими гончарами использовались тальк, шамот, навоз и выжимка из него. Обобщение данных по органическим примесям показало, что рецепт глина + тальк + органика составляет 27.5%; глина + шамот + органика – 10.2%; глина + тальк + шамот + органика – 62.1% (табл. 4). При анализе шамота выяснилось, что для его изготовления использовались сосуды, в ФМ которых преобладал тальк, только в единичных случаях зафиксирован смешанный рецепт: шамот + тальк. Даже в сосудах, изготовленных из ФМ шамот + органика, в составе шамота присутствует тальк. Следовательно, для данной группы керамики примесь талька в ФМ являлась традиционной. Следует отметить, что преобладающей органической примесью становится навоз и выжимка из него, в ФМ более 80% сосудов добавлены именно эти органические компоненты.

Конструирование посуды. Начины сосудов изготовлены в соответствии с донно-емкостной программой конструирования с применением форм-основ спирально-лоскутным (4 экз.) и спирально-жгутовым способами (1 экз.).

Способы изготовления полого тела изучены по 20 фрагментам от разных сосудов. Оно конструировалось либо при помощи форм-моделей, либо путем свободной лепки. Исходным “строительным элементом” выступал жгут диаметром 1.5–2 см, который мог использоваться целиком, либо от него отрывались различные порции глины: длиной примерно 9–10 см (короткий

Таблица 4. Соотношение подвидов исходного пластичного сырья (ИПС) и составов формовочных масс (ФМ) алакульской керамики с поселения Мочище

Table 4. The ratio of the types of initial raw material (IRM) and molding compositions (MC) in the Alakul pottery from the settlement of Mochishche

Состав ФМ	ИПС					Всего образцов	Всего образцов Т/Ш/Т+Ш
	Глина 1	Глина 2	Глина 3	Глина 4	Глина 5	Число (%)	
Т+Выж.	4	2	1	0	0	7 (24.0)	8 (27.5)
Т+Н	1	0	0	0	0	1 (3.5)	
Ш+Выж.	1	0	0	0	0	1 (3.5)	3 (10.5)
Ш+ОР	1	0	0	0	0	1 (3.5)	
Ш+Н	0	0	0	0	1	1 (3.5)	
Т+Ш+ОР	1	0	0	0	0	1 (3.5)	18 (62.0)
Т+Ш+Н	5	2	0	0	1	8 (27.5)	
Т+Ш+Выж.	2	1	4	2	0	9 (31.0)	
Всего образцов, число (%)	15 (51.8)	5 (17.2)	5 (17.2)	2 (6.9)	2 (6.9)	29 (100)	29 (100)

жгут), длиной 2–3 см (лоскут). Все элементы наращивались по спиралевидной траектории.

Обработка поверхностей осуществлялась заглаживанием и лощением. Инструментами для заглаживания служили каменная галька, деревянный скребок, кусочки кожи и ткани при преобладании инструментов с твердой рабочей частью. Иногда на одном сосуде сочетается заглаживание несколькими инструментами. Лощение внешней поверхности посуды производилось каменной галькой по слегка подсушенной основе. Лощилась либо вся поверхность сосуда, либо отдельные его части. Доля лощеной посуды составляет немногим более 46%. По некоторым включениям шамота определено заглаживание тканью и лощение, т.е. эти два способа обработки поверхностей являются устойчивыми для данной группы.

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости осуществлялось путем термической обработки преимущественно при создании окислительно-восстановительной среды, реже – восстановительной.

Сравнение результатов изучения технологии алакульской посуды с пос. Мочище и других памятников показало следующее. Близкие технологические традиции зафиксированы для алакульской керамики Южного Зауралья (пос. Ново-Байрамгулово-1) (Мухаметдинов, 2014. С. 224–227). Технология керамики Нижнего Притоболья демонстрирует значительные отличия: большая часть алакульской посуды там изготовлена из илистых глин (почти 80%); ведущим составом ФМ был рецепт шамот + органика (около 80%), рецепты с тальком составляют менее 10%; в составе шамота зафиксирован также преимущественно шамот; следов использования форм-моделей не зафиксировано (Илюшина, 2012. С. 41–47; 2015. С. 48–51). Вероятно, алакульское население по культурному составу еще более разнообразно, на что указывают материалы Нижнего Притоболья.

Сравнительный анализ. Сравнение технологии изготовления керамики петровской и алакульской культур показывает значительное сходство навыков на всех ступенях изготовления посуды:

1. Гончары обеих культурных групп имели общие представления о том, из какого сырья должна делаться посуда – ожелезненные глины. Преимущество отдавалось незапесоченной глине 1: у петровских гончаров из данной глины изготовлено 57.1% сосудов, у алакульских – 51.7%. Слабо запесоченные глины представлены примерно одинаково: из глины 2 петровскими гончарами изготовлено 21.4% посуды, алакульскими – 17.2%, из глины 3 петровскими гончарами изготовлено 14.3% посуды, алакульскими – 17.2%.

2. При составлении ФМ преобладающими в обеих группах были рецепты: глина + + тальк + органика (петровские гончары – 42.8%; алакульские – 27.6%) и глина + тальк + шамот + органика (петровские – 50%, алакульские – 62.1%).

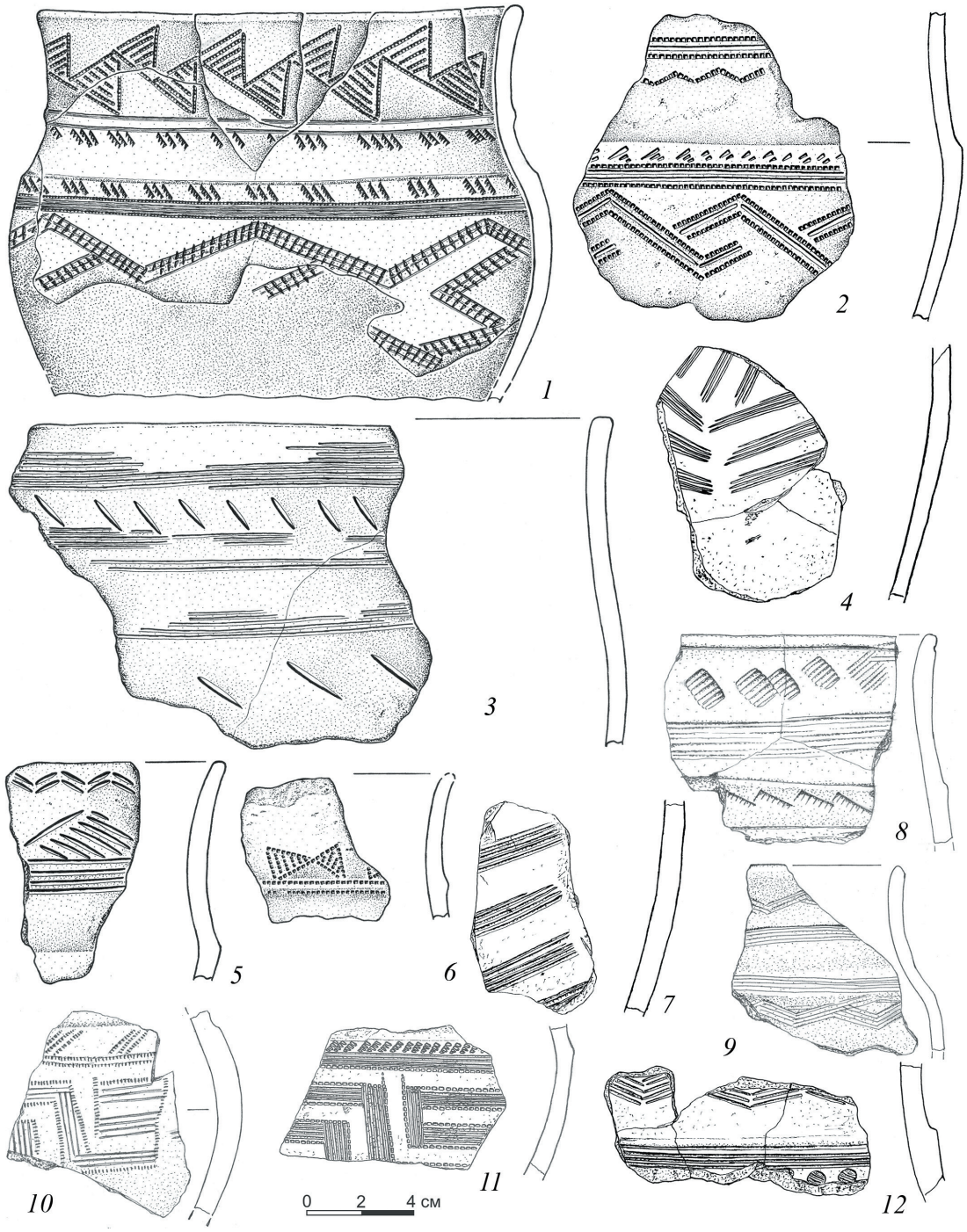


Рис. 2. Алакульская керамика с поселения Мочище.

Fig. 2. The Alakul pottery from the settlement of Mochishche

3. Анализ шамота показал, что в составе ФМ утилизированных сосудов преобладающей примесью был тальк.

4. Способы конструирования посуды также однородны: использование донно-емкостной программы изготовления начинов, применение форм-основ и близких строительных элементов как для начинов, так и для полого тела.

5. Обработка поверхностей сосудов осуществлялась двумя основными способами: заглаживанием и лощением.

6. Термическая обработка посуды производилась путем обжига в простых устройствах

Таблица 5. Сравнение процентного соотношения рецептур формовочных масс (ФМ) (%)

Table 5. Comparison of various molding compositions (MC) (%)

Состав ФМ	Памятники				
	Устье	Каменный Амбар	Кривое Озеро	Халвай	Мочище
Петровка					Петровка
Г+Т+О	15.0	0	0	0	42.8
Г+Ш+О	19.4	0	0	0	7.1
Г+Т+Ш+О	**24.7**	**0**	**21.4**	**0**	50.0
Синташта					Петровка
Г+Т+О	**20.8**	**31.8**	**15.0**	**89.0**	42.9
Г+Ш+О	11.6	0	0	0	7.1
Г+Т+Ш+О	15.0	22.7	0	0	50.0
Петровка					Алакуль
Г+Т+О	15.0	0	0	0	27.5
Г+Ш+О	19.4	0	0	0	10.2
Г+Т+Ш+О	**24.7**	**0**	**21.4**	**0**	62.1
Синташта					Алакуль
Г+Т+О	**20.8**	**31.8**	**15.0**	**89.0**	27.5
Г+Ш+О	11.6	0	0	0	10.2
Г+Т+Ш+О	15.0	22.7	0	0	62.1

Примечание: Г – глина; О – органика.

в условиях восстановительной или окислительной среды при достижении температур каления.

Значительная близость в навыках производства посуды у петровских и алакульских гончаров указывает на родственность самих производителей посуды и позволяет предположить общую основу их формирования.

В то же время зафиксированы и некоторые отличия в гончарстве этих двух групп:

1. Алакульскими мастерами производилась разработка еще одного места отбора сырья – отбор глины 5, из которого изготовлено два сосуда (рис. 2, *1, 8*). В ФМ обоих сосудов введен в качестве органической добавки навоз, а поверхности залощены. Возможно, в данном случае мы имеем дело с инфильтрацией каких-то небольших групп населения, осваивающих новые для себя источники сырья.

2. При составлении ФМ в алакульских материалах меньше доля простого рецепта тальк + органика (42.8% у петровцев и 27.5% у алакульцев); практически отсутствует использование органического раствора, ведущей органической примесью является навоз (совокупная доля в ФМ – 34.4%) и выжимка из него (58.6%); более стабильна концентрация минеральных включений.

3. Наибольшие различия наблюдаются в способах обработки поверхностей. Для алакульского гончарства доля лощеных сосудов составляет 46%, а для петровского это единичные сосуды. Различаются и инструменты для заглаживания: для петровской керамики наиболее характерно применение кусочка ткани, для алакульской – заглаживание галькой.

Поскольку массовым, а часто и основным ИПС была ожелезненная глина, а компонентный анализ ФМ также достаточно близок, было проведено обобщенное сравнение процентного соотношения рецептур ФМ керамики обеих культурных групп пос. Мочище и керамики синташтинской и петровской культур с других памятников. Картина получилась показательная (табл. 5). Сравнение ФМ петровской керамики с пос. Устье и мог. Кривое Озеро с обеими группами пос. Мочище (петровской и алакульской) показало преобладание смешанного рецепта глина + тальк + + шамот + органика. Напротив, сравнение ФМ керамики синташтинской культуры с двух поселений (Устье, Каменный Амбар) и двух могильников (Кривое Озеро, Халвай) с обеими

группами керамики с пос. Мочище продемонстрировало преобладание простого рецепта глина + тальк + органика. На наш взгляд, данное обстоятельство указывает на то, что синташтинское население послужило основой для формирования обеих групп населения на пос. Мочище.

Выводы. Изученная коллекция отражает сосуществование в рамках одного поселения двух групп, формировавшихся к северо-востоку (алакульская) и востоку (петровская) от синташтинского ареала, при этом доля петровского компонента на поселении постепенно уменьшалась. Способы орнаментации посуды обеих групп и технологии керамического производства основаны на синташтинских традициях. При этом если в орнаментации мы наблюдаем существенные различия между группами, то в технологии они менее заметны. Возможно, данный факт можно объяснить следующими обстоятельствами. Орнамент является как объединительным (распознавание своего), так и разделительным (оппозиция свой – чужой) фактором. В результате инфильтрации инокультурных групп населения и контактов между ними (например, брачных) изменения в орнаментации происходят быстрее, чем в технологии. Внешний вид посуды становится более привлекательным для потребителей (в данном случае имеется в виду лощение поверхности сосуда и нанесение сложного орнамента мелким гребенчатым штампом). Технология, а особенно субстратные навыки (способы конструирования), меняются медленнее (Бобринский, 1978. С. 242–245). А именно в субстратных навыках наблюдается значительное совпадение традиций синташтинской, петровской и алакульской посуды. Проведенное Н.Б. Виноградовым картографирование находок сосудов, достоверно сделанных на форме-основе с тканевой прокладкой, показало совпадение ареалов синташтинской и алакульской культур (Виноградов, 2011. С. 146).

Принципиальным отличием является более широкое применение лощения поверхности алакульскими гончарами, чем петровскими. Исследования синташтинской керамики показали, что для Южного Зауралья доля лощеной поселенческой посуды составляет около 20% (Гутков, 2003. С. 316), в кургане Халвай 3 Северного Казахстана – 89% (Шевнина, 2015. С. 107), т.е. данная традиция присуща синташтинским гончарам. Вероятно, от них эта традиция проявилась и в алакульском гончарстве. Другие приспособительные навыки (отбор ИПС и составление ФМ) также указывают на то, что их формирование как в алакульском, так и в петровском гончарстве основано на синташтинских традициях (табл. 5).

Кроме того, на пос. Мочище стратиграфически на заключительной фазе алакульского поселка фиксируется инфильтрация федоровского населения, для которого также характерно лощение “парадной” посуды. Примечательным отличием нашей коллекции от петровских и алакульских материалов лесостепного Притоболья является отсутствие выраженных восточноевропейских черт, как морфологических, так и технологических. Вероятно, это объясняется близостью поселения к синташтинскому ареалу.

Таким образом, в результате проведения комплексного морфологического и технологического анализа керамики петровской и алакульской культур можно сделать вывод, что синташтинский компонент был основным в сложении керамических традиций алакульской культуры на данном поселении. Возможно, обе культуры формировались примерно в одно время, но все же при несколько более раннем сложении синташты. На завершающей фазе раннего этапа алакульской культуры начинается проникновение федоровского населения, которое вступило в контакты с местным населением, что проявилось прежде всего в морфологии и частично в технологии керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 33 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара: Самарский ун-т, 1999. С. 234–257.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 8–27.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 178 с.

Виноградов Н.Б., Алаева И.П. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Виноградов Н.Б. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 143–178.

Волкова Е.В. Очаг или кострище? (Экспериментальный обжиг посуды) // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 37–55.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск: Рифей, 1999. 444 с.

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 44–53.

Григорьев С.А. Проблема хронологии синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2018. С. 37–61.

Григорьев С.А. Стратиграфия поселения эпохи бронзы Мочище в Южном Зауралье // РА. 2019. № 1. С. 127–140.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Гущина Е.В., Васина Ю.В. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.

Гутков А.И. Технико-технологический анализ керамики могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века. Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. С. 311–316.

Гутков А.И. Технико-технологический анализ керамики поселения Устье I // Виноградов Н.Б. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 181–184.

Дубовцева Е.Н., Киселева Д.В., Пантелеева С.Е. Технологическое исследование керамики синташтинского типа из поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 99–110.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских памятников Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1983. С. 48–68.

Илюшина В.В. Керамический комплекс алакульской культуры поселения Ук-3 // ВААЭ. 2012. № 2 (17). С. 41–50.

Илюшина В.В. Технология гончарного производства населения алакульской культуры поселения Нижнеингальское-3 в Нижнем Притоболье // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 47–58.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 219–228.

Шевнина И.В. Технико-технологический анализ синташтинской керамики кургана Халвай 3 // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 105–112.

PETROVKA AND ALAKUL POTTERY OF THE MOCHISHCHE SETTLEMENT IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Stanislav A. Grigoriev[1,*], Natalia P. Salugina[2,]**

[1]*Institute of History and Archaeology, the Ural Branch of RAS, Chelyabinsk, Russia*
[2]*Samara State Institute of Culture, Russia*

[*]*E-mail: stgrig@mail.ru*
[**]*E-mail: nsalug@gmail.com*

The article considers the ratio of Petrovka and early Alakul ceramic complexes of the Mochishche settlement in the Southern Trans-Urals. The introduction and the first part discuss the content of the terms “Petrovka” and “Early Alakul”, as well as the stratigraphic relationship of the corresponding pottery types. The second part presents their comparative analysis and makes a comparison with the materials from other sites. The authors conclude that there is a significant typological difference that does not allow regarding these types as genetically related. The Early Alakul pottery tradition has a greater resemblance to the Sintashta tradition and was probably formed on its basis as the Petrovka one. The third part describes the pottery traditions of the populations

under consideration. A significant affinity of manufacturing skills at all stages of production is revealed. As a result, it is concluded that the Alakul pottery was formed mainly on the basis of the Sintashta tradition.

Keywords: the Trans-Urals, the Bronze Age, the Early Alakul and Petrovka pottery, ornamentation, manufacturing technology.

REFERENCES

Alayeva I.P., 2015. Kul'turnaya spetsifika pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka stepnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The cultural peculiarities of the late Bronze Age sites in the steppe zone of the Southern Trans-Urals: the author's abstract of a doctoral thesis in History]. Moscow. 33 p.

Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A.A., 1999. Pottery technology as an object of historical and cultural study. *Aktual'nyye problemy izucheniya drevnego goncharstva: kollektivnaya monografiya [Urgent issues of studying ancient pottery: Collective monograph].* Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109. (In Russ.)

Dubovtseva E.N., Kiseleva D.V., Panteleyeva S.E., 2016. Technological study of Sintashta-type pottery from the settlement of Kamenny Ambar. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural Historical Journal]*, 4(53), pp. 99–110. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 1999. Drevniye indoyevropeytsy. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii [Ancient Indo-Europeans. An experience of historical reconstruction]. Chelyabinsk: Rifey. 444 p.

Grigor'yev S.A., 2016. The issue of the chronology and origin of the Alakul culture in the light of new excavations in the Southern Trans-Urals. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 3(34), pp. 44–53. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 2018. The issue of the Sintashta culture chronology. *Stepnaya Evraziya v epokhu bronzy: kul'tury, idei, tekhnologii [Steppe Eurasia in the Bronze Age: cultures, ideas, technologies].* Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 37–61. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., 2019. Stratigraphy of the Bronze Age settlement of Mochishche in the Southern Trans-Urals. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 1, pp. 127–140. (In Russ.)

Grigor'yev S.A., Petrova L.Yu., Pleshanov M.L., Gushchina E.V., Vasina Yu.V., 2018. Poseleniye Mochishche i andronovskaya problema [The settlement of Mochishche and the Andronovo issue]. Chelyabinsk: Tsitsero. 398 p.

Gutkov A.I., 2003. Technical and technological analysis of pottery from the Krivoye Ozero cemetery. *Vinogradov N.B. Mogil'nik bronzovogo veka. Krivoye Ozero v Yuzhnom Zaural'ye [The Bronze Age cemetery Krivoye Ozero in the Southern Trans-Urals].* Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 311–316. (In Russ.)

Gutkov A.I., 2013. Technical and technological analysis of pottery from the settlement of Ustye I. *Vinogradov N.B. Drevneye Ust'ye: ukreplennoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye [Ancient Ustye: a fortified Bronze Age settlement in the Southern Trans-Urals].* Chelyabinsk: Abris, pp. 181–184. (In Russ.)

Ilyushina V.V., 2012. Ceramic complex of the Alakul culture from the settlement of Uk-3. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 2(17), pp. 41–50. (In Russ.)

Ilyushina V.V., 2015. Technology of pottery production of the Alakul population in the settlement of Nizhneingalskoye-3 in the Lower Tobol region. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, 4(13), pp. 47–58. (In Russ.)

Matveyev A.V., 1998. Pervyye andronovtsy v lesakh Zaural'ya [The first Andronovo population in the forests of the Trans-Urals]. Novosibirsk: Nauka. 417 p.

Mukhametdinov V.I., 2014. Technological traditions of the pottery manufacture in the settlement of Novo-Bayramgulovo-1. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Eastern Economics and Law Humanities Academy]*, 1(69), pp. 219–228. (In Russ.)

Shevnina I.V., 2015. Technical and technological analysis of Sintashta pottery from Halvay mound 3. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, 4(13), pp. 105–112. (In Russ.)

Vasilieva I.N., Salugina N.P., 1999. The activities of the expedition for the experimental study of ancient pottery. *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya [Issues of the Ural and Volga region archaeology].* Samara: Samarskiy universitet, pp. 234–257. (In Russ.)

Vasilieva I.N., Salugina N.P., 2015. The Samara expedition for the experimental study of ancient pottery (SEESAP): 25 years of work. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, 3(12), pp. 8–27. (In Russ.)

Vinogradov N.B., 2011. Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervyye veka II tys. do n.e. (pamyatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa) [Steppes of the South-

ern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the 2nd millennium BC (Sintashta and Petrovka type sites)]. Chelyabinsk: Abris. 178 p.

Vinogradov N.B., Alayeva I.P., 2013. Pottery assemblage from the excavations of the fortified settlement of Ustye I. *Vinogradov N.B. Drevneye Ust'ye: ukreplennoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye [Ancient Ustye: a fortified Bronze Age settlement in the Southern Trans-Urals].* Chelyabinsk: Abris, pp. 143–178. (In Russ.)

Volkova E.V., 2015. A hearth or a fireplace? (experimental roasting of ware). *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, 3(12), pp. 37–55. (In Russ.)

Zdanovich G.B., 1983. The main characteristics of Petrovka sites in the Ural-Kazakhstan steppes (to identifying the Petrovka culture). *Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [The Bronze Age of the steppe belt of the Ural-Irtysh interfluve].* Chelyabinsk: Izdatel'stvo Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 48–68. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 60–71

МИКРОРЕГИОН ПОСЕЛЕНИЙ “ПЛЮЩАНЬ” ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ

© 2019 г. Г.Л. Земцов[1,*], Д.В. Сарычев[2,], В.О. Гончаров[3,***], Е.В. Фабрициус[1,*]**

[1]Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Россия
[2]Воронежский государственный университет, Россия
[3]Общественная организация “Поиск”, Липецк, Россия

[*]E-mail: grizem@rambler.ru, fev98@outlook.com
[**]E-mail: sarychev.geo@gmail.com
[***]E-mail: v9513021568@gmail.com

Поступила в редакцию 23.10.2018 г.
После доработки 12.02.2019 г.

Статья посвящена рассмотрению микрорегиона поселений середины III – начала IV в. н.э. на участке междуречья рек Дон, Быстрая Сосна и Красивая Меча (Липецкая обл.). Данная территория по географическому району получила название “микрорегион Плющань”. В работе проведено описание результатов полевых исследований на пяти памятниках, характеризуются керамический материал, домостроительство. Поселения относятся к группе памятников типа Каширки–Седелок[1]. Делается вывод о кратковременности слоя позднеримского периода, рассматривается проблема гибели селищ. Ставится под сомнение традиционная версия об уничтожении поселений в ходе готских походов на восток. Выдвигается гипотеза об отсутствии военных столкновений на территории региона. Она основана на изучении картографии поселков, их площади, отсутствии следов внезапного нападения. Массовые свидетельства пожарищ, зафиксированные на всех памятниках типа Каширки–Седелок, а также северо-восточных поселениях черняховской культуры, связываются с религиозными действиями древнего населения.

Ключевые слова: позднеримское время, Верхнее Подонье, поселения, киевская культура, черняховская культура, памятники типа Каширки–Седелок.

DOI: 10.31857/S086960630005677-3

Памятники позднеримского времени (середина III – начало IV в. н.э., типа Каширки–Седелок) на территории Верхнего Подонья выделены в 1999 г. и изучены недостаточно полно (Обломский, 1999). В настоящий момент идет накопление данных с целью анализа историко-культурных процессов в этот период. В литературе утвердилось мнение о складывании данной общности на основе киевской и черняховской культур. В пользу этого говорит сочетание в материальной культуре разноэтничных элементов. Прародиной пришлых племен считаются Днепровское Левобережье и бассейн Северского Донца – территории, где киевские племена включались в черняховское общество, а также район Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, где в составе черняховской культуры существовало позднескифское население (Обломский, 1999; 2001. С. 129, 130). Исторические события, приведшие к формированию разноэтничного культурного феномена на территории Верхнего Подонья, неясны. Существующая гипотеза связывает появление памятников типа Каширки–Седелок с распространением готского союза и “походами Германариха” на восток (Медведев, 1998. С. 9, 10; Обломский, 2008). Однако импульс походов объединенного войска под руководством готов в середине III в. осуществлялся из Северного Причерноморья на юг, на Римскую империю. Предполагаемые походы Германариха против венедов и других народов с целью контроля торговых речных путей традиционно относят к периоду

[1]Наименования населенных пунктов Липецкой обл. – Каширка, Седелки (ред.).

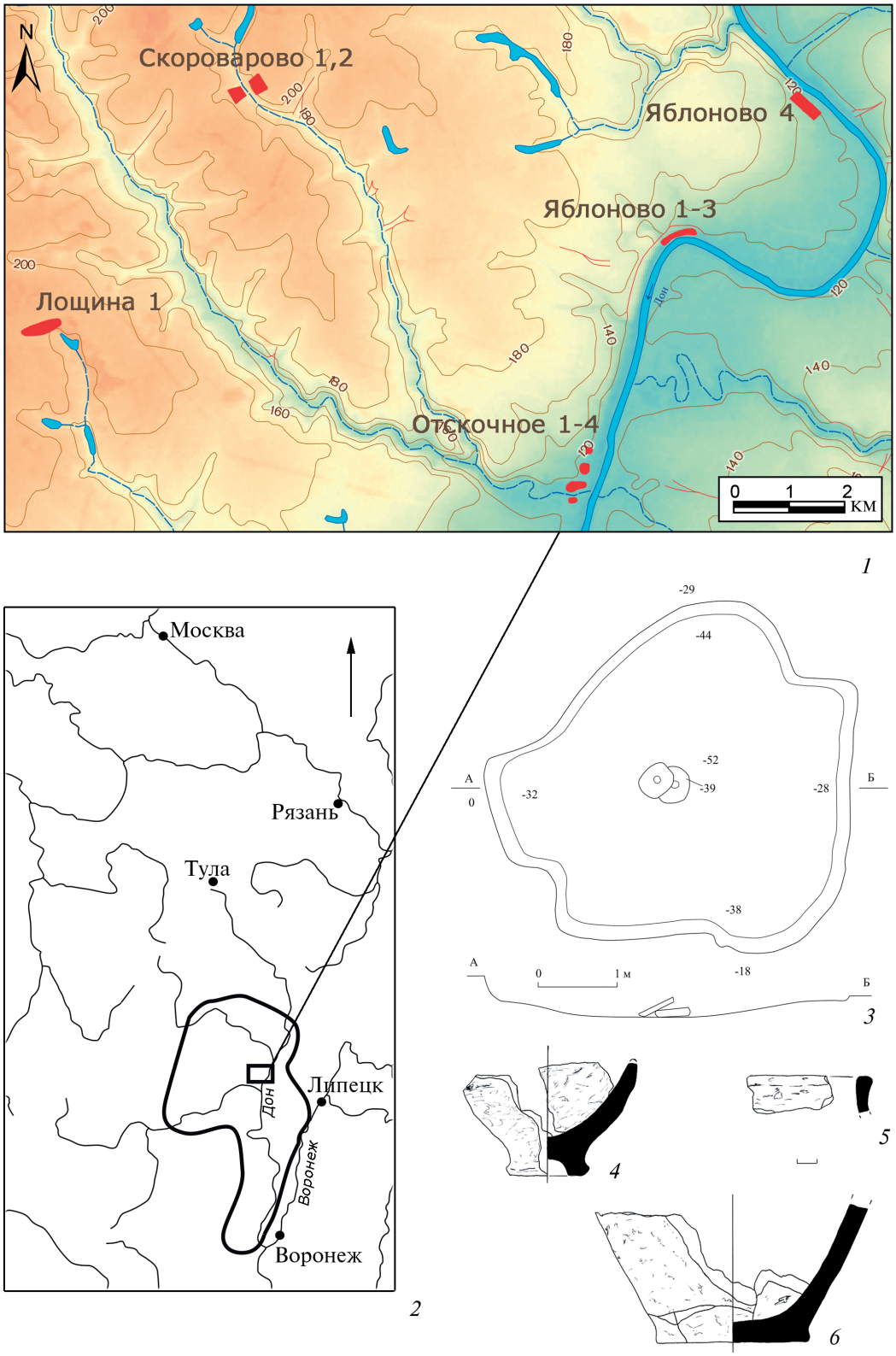


Рис. 1. *1* – расположение памятников микрорегиона Плющань; *2* – ареал памятников типа Каширки–Седелок и расположение микрорегиона Плющань; *3–6* – материалы поселения Яблоново 4: *3* – постройка (рисунок А.В. Орленко); *4–6* – груболепная керамика из заполнения постройки (рисунки Г.Л. Земцова).

Fig. 1. *1* – the location of sites of the microregion Plyushchan; *2* – the area of the Kashirka–Sedelki type sites and the location of the Plyushchan microregion; *3–6* – materials of the settlement Yablonovo 4

расцвета черняховской культуры, к середине IV в. В это время памятники типа Каширки–Седелок, судя по имеющимся датирующим вещам, уже перестали существовать.

В статье анализируется микрорегион поселений середины III – начала IV в. н.э. на участке междуречья рек Дон, Быстрая Сосна и Красивая Меча (рис. 1, *1, 2*). Данная территория по географическому району получила название "микрорегион Плющань". В работе проведено описание результатов полевых исследований на пяти памятниках и проведен анализ полученных данных.

Объекты и методы. В настоящий момент памятники типа Каширки–Седелок локализуются на территории от р. Девица (Воронежская обл.) на юге до верхнего течения р. Красивая Меча (Тульская обл.) на севере. Западная граница распространения поселений, в связи с неполной изученностью современной Орловской обл., точно не определена. Восточная граница памятников фиксируется по р. Воронеж в пределах Среднерусской возвышенности (Липецкая обл.) (рис. 1, *2*). Большинство поселений обнаружено в правобережье бассейна р. Дон, меньше найдено в бассейне левого берега реки. Таким образом, микрорегион Плющань занимает центральное положение в ареале позднеримских древностей. Он ограничен сильным изгибом р. Дон и правобережными притоками реки – обводненными балками и ручьями. Здесь проведена сплошная разведка и выявлено пять поселений: Яблоново 1–3; Яблоново 4; Скороварово 1 и 2; Лощина 1; Отскочное 1–4 (рис. 1, *1*). Все они изучены раскопами разной площади.

Поселение Яблоново 4 располагается на склоне надпойменной террасы правого берега р. Дон, на высоте 6–10 м от уровня воды. Памятник исследовался в 2011 г. (под руководством А.Н. Голотвина, раскоп 257 м^2) и в 2013 г. (под руководством А.В. Орленко, раскоп 9750 м^2) (Орленко, 2014. С. 20, 21; Голотвин и др., 2017). Изучено две постройки и несколько хозяйственных ям. Полуземлянка имела размеры 4 × 4.2 м и глубину 0.3 от уровня материка. На дне сооружения обнаружены жернова, изготовленные из известняка, и незначительное количество керамики (рис. 1, *3–6*). Также зафиксировано наземное сооружение, выделенное по скоплению обожженной глиняной обмазки. Среди хозяйственных сооружений выделяется объект 13. Это яма, имевшая округлую в плане форму, диаметром 1.4–1.5 м и глубину 0.75 от уровня фиксации. В заполнении обнаружены остатки разрушенного очага, калачевидное грузило (рис. 2, *12*), сильнообожженный глиняный шар (рис. 2, *14*), бронзовая ременная накладка с фасетками на лицевой стороне (рис. 2, *16*) и значительное количество фрагментов посуды (рис. 2, *1–5*).

Керамика представлена посудой киевской традиции, характерной для памятников типа Каширки–Седелок, – профилированные груболепные сосуды без орнаментации, слабопрофилированные горшки и корчаги, микрососуды, конические миски (рис. 2, *1, 6–8, 11*). Также найдены фрагменты трех сковородок глубиной 2.5–5 см, которые нехарактерны для позднеримского набора керамики (рис. 2, *9, 10*). В объекте 13 найдены фрагменты лепной лощеной миски, такой тип посуды редко встречается на поселениях типа Каширки–Седелок (рис. 2, *3*). Гончарной посуды – 12%, в том числе фрагмент ребристой миски и часть полого поддона от сосуда (рис. 2, *4, 5*).

Поселение Яблоново 1 изучалось В.И. Матвеевой в 1972 и 1975 гг. (1972, 1975). Поселение располагается на склоне надпойменной террасы правого берега р. Дон. Памятник разрушается карьером с 1960-х годов, в настоящее время практически полностью уничтожен. На поселении вскрыто 723 м^2, обнаружены материалы эпохи бронзы, позднеримского и древнерусского времени. Материалы типа Каширки–Седелок представлены отдельными фрагментами керамики, скоплением керамики (раскоп 5) и постройкой (сооружение 2 раскопа 3). При фиксации пятно постройки имело размеры 4 × 4.6 м, на материке зафиксировано размерами 3.1 × 3.4 м. Южная часть сооружения уничтожена карьером. Котлован имел глубину 0.4 м от уровня материка. В западной части прослежено большое округлое в плане зольное пятно толщиной 10–12 см. К югу от него зафиксированы небольшие фрагменты обгорелого дерева (рис. 3, *1*). В заполнении сооружения и культурном слое обнаружены немногочисленный керамический материал и два глиняных конуса (рис. 3, *2–11*).

Поселение Лощина 1 изучалось Г.Л. Земцовым в 2001 г. Памятник располагается на первой надпойменной террасе высотой 5 м в верховьях обводненной балки, выходящей в пойму р. Быстрая Сосна. Размеры поселения – около 60 × 400 м. Зафиксировано несколько участков концентрации материалов, а также

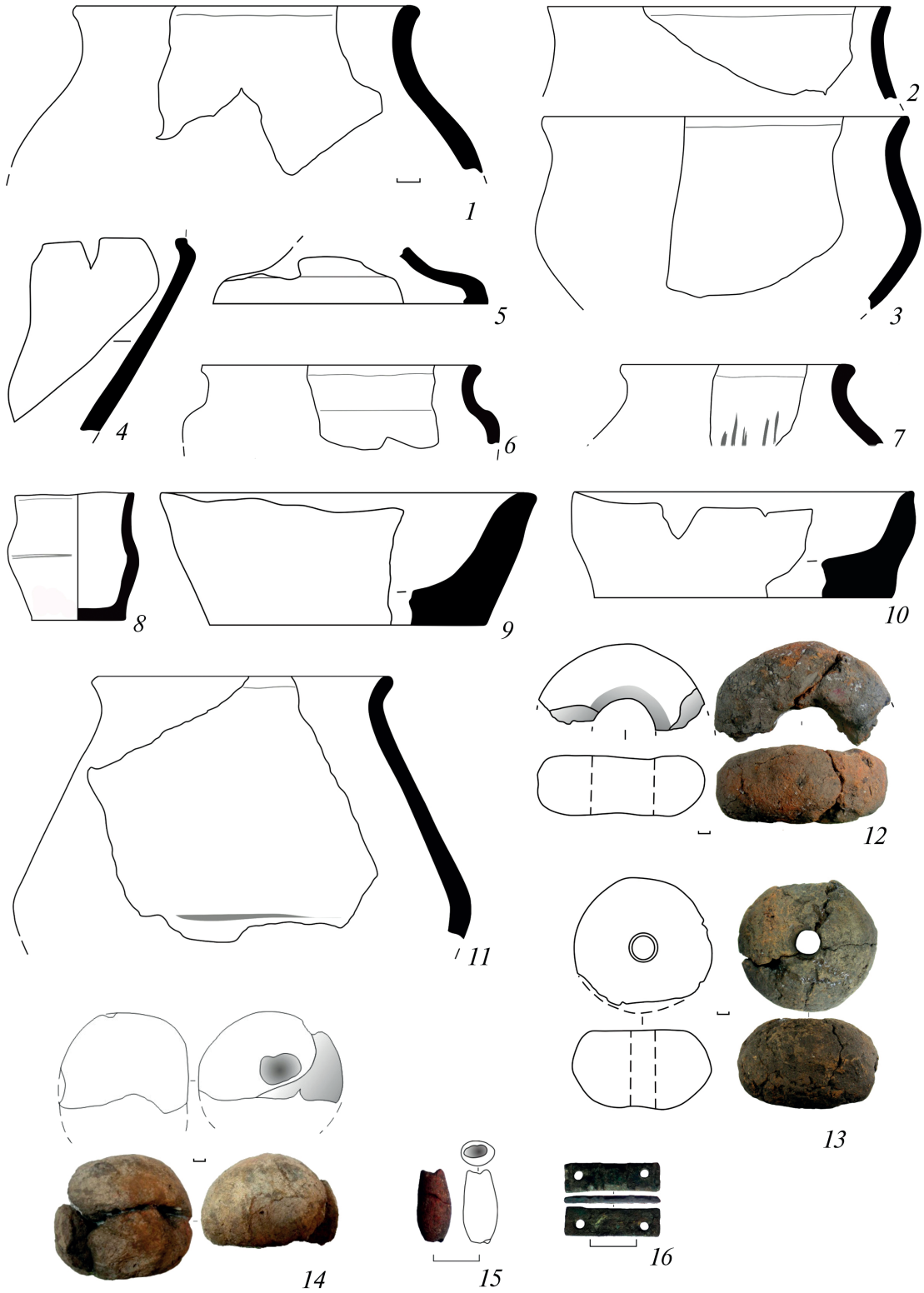


Рис. 2. Материалы поселения Яблоново 4 (по: Голотвин и др., 2017). *1–4, 12, 14, 16* – заполнение объекта 13; *5–11, 13, 15* – культурный слой. *1, 6–11* – груболепная керамика; *2, 3* – лепная лощеная керамика; *4, 5* – гончарная керамика.

Fig. 2. Materials of the settlement Yablonovo 4 (after: Golotvin et al., 2017)

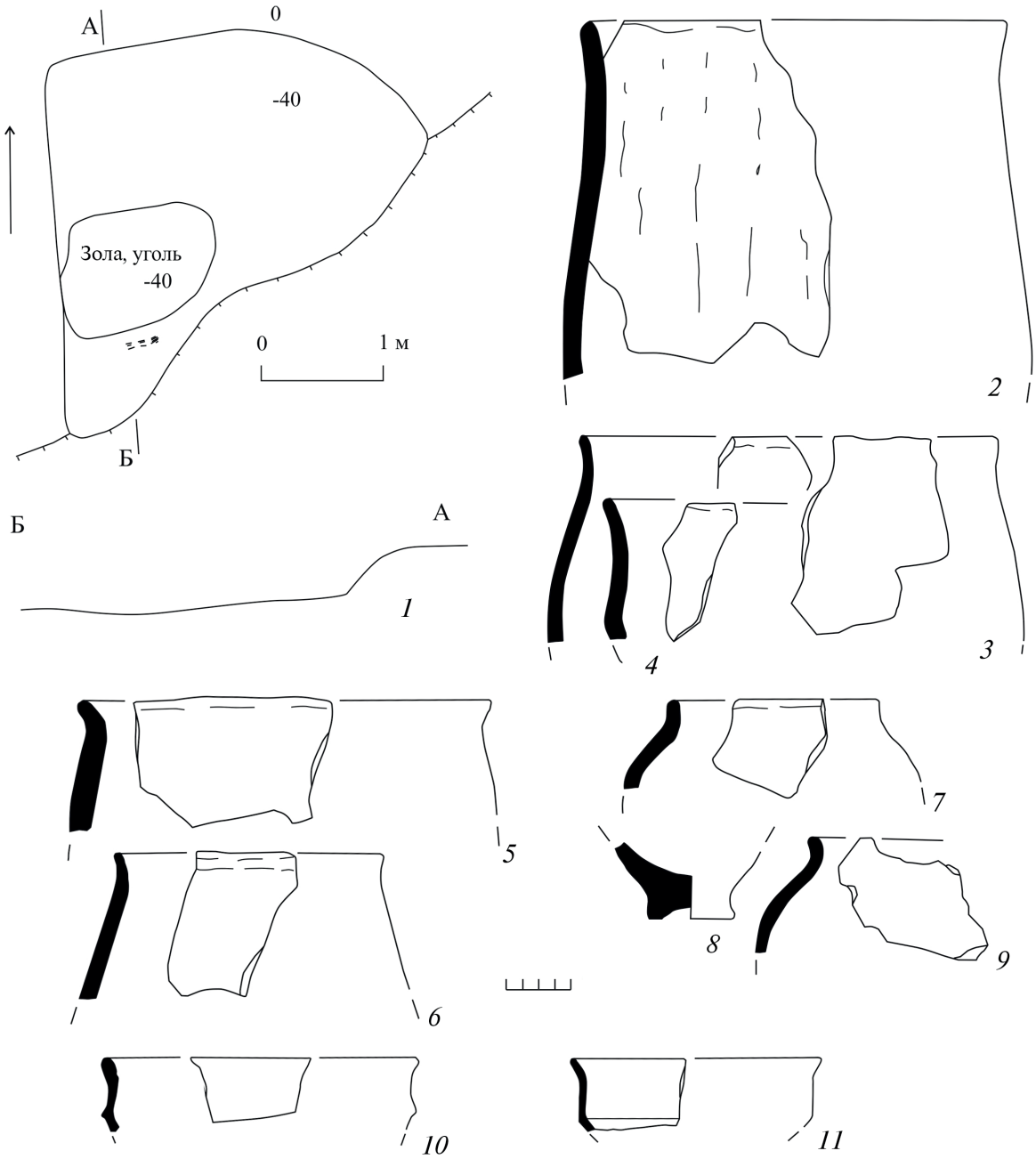


Рис. 3. Материалы поселения Яблоново 1. *1* – сооружение 2, раскоп 3; *2–11* – образцы груболепной посуды (по: Обломский, 2001).

Fig. 3. Materials of the settlement Yablonovo 1

скопления обмазки от наземных домов с глинобитными стенами. На поселении можно предполагать усадебную застройку. Раскопки проведены на небольшой площади (16 м^2) после сообщения о разрушении памятника (Земцов, 2002).

Раскоп заложен на участке, где отсутствовал не только культурный слой, но и часть материка. Выявлена хозяйственная яма овальной в плане формы, размерами 1.6 × 1.9 м и глубиной 0.4 от материка, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. В юго-западной части ямы прослежена небольшая ступенька (рис. 4, *1*).

В яме обнаружено 12 плотно стоящих друг к другу сосудов, обломки еще 3 найдены в переотложенном состоянии возле ямы. В древности все сосуды были поставлены вверх дном. Керамический комплекс представлен экземплярами разных этнокультурных групп. Сосуды киевской традиции – корчаги и

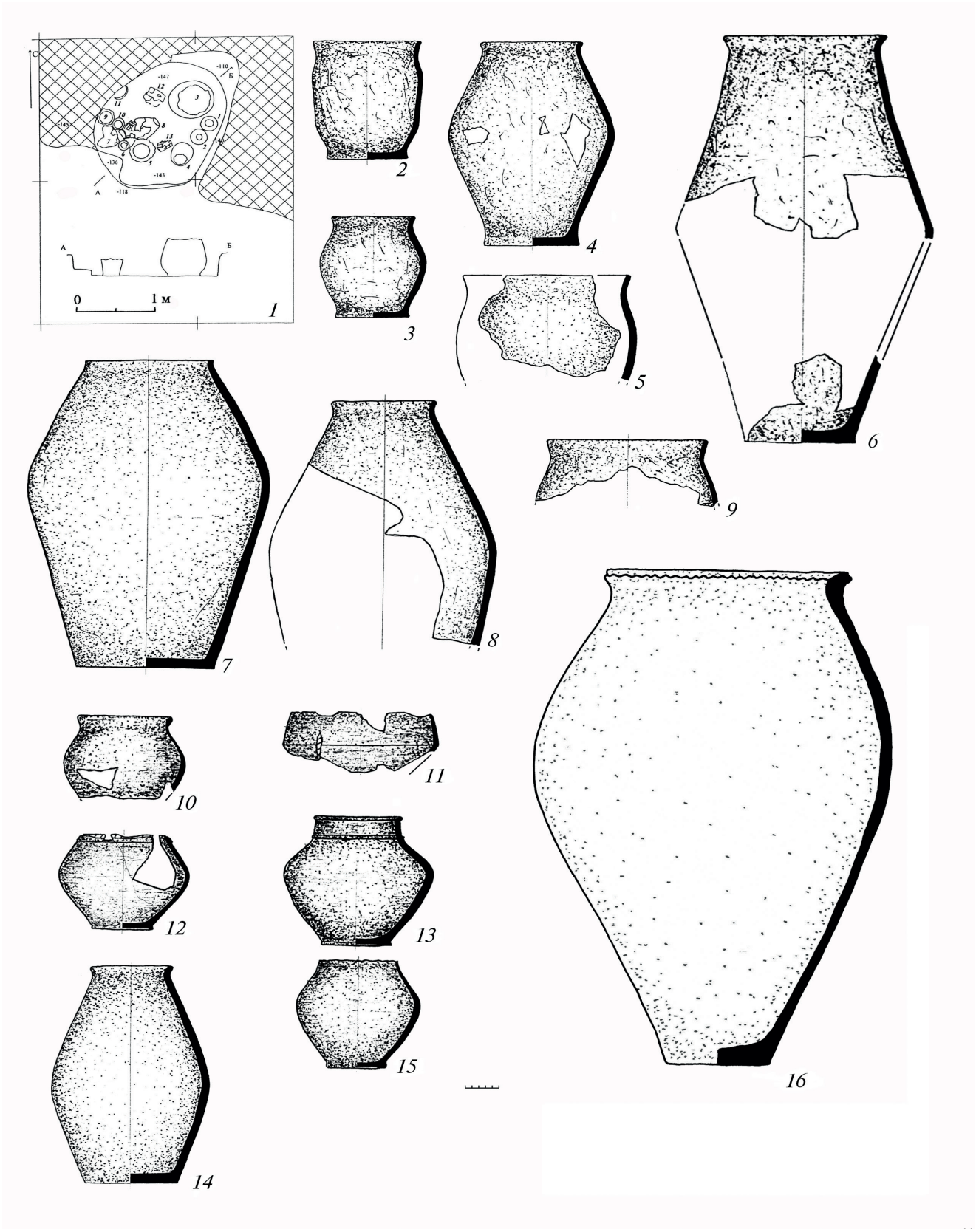


Рис. 4. Материалы поселения Лощина 1. *1* – план хозяйственной ямы; *2–16* – сосуды со дна хозяйственной ямы. Рисунки Г.Л. Земцова.

Fig. 4. Materials of the settlement Loshchina 1

горшки (рис. 4, *2–9, 14*). Корчаги – объемные, с незначительно выделенными венчиками. По краю одной из них нанесен орнамент из ногтевых вдавлений (рис. 4, *9*). Горшки слабопрофилированы, без орнамента. К черняховской посуде относится пять гончарных сосудов (рис. 4, *10–15*). Четыре из них – округлобокие сероглиняные горшки с плавно отогнутыми венчиками, один – закрытая ребристая миска без выделенного венчика (рис. 4, *11*). Два горшка орнаментированы налепным валиком под венчиком (рис. 4, *12, 13*). Интересная особенность трех черняховских сосудов – отсутствие края венчика, который был утерян еще в древности. К нижнеднепровской керамической традиции относится пифос с раздутым туловом и сильно отогнутым венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями (рис. 4, *16*).

В настоящее время среди памятников киевско-черняховского круга неизвестны комплексы, подобные яме с поселения Лощина. Возможно, перевернутые сосуды связаны с похоронно-поминальной обрядностью (Чебукина, 2014). Отметим, что захоронения на памятниках типа Каширки–Седелок до настоящего времени не выявлены.

Поселение Отскочное 1 находится на сниженной первой надпойменной террасе при впадении ручья Чернава в Дон. Судя по распространению подъемного материала, поселение состояло из четырех усадеб, расположенных вдоль р. Дон на обоих берегах ручья. На одной из усадеб в 2012 г. Г.Л. Земцовым и А.А. Свиридовым заложено два раскопа общей площадью 136 м^2 (Свиридов, 2013).

В раскопе 1 выявлены следы наземной постройки. Сооружение фиксировалось в виде пятна темного гумуса, включавшего мелкодисперсную и куски крупной обмазки. Пятно имело ширину 7.2 м на глубине 0.4–0.6 от современной поверхности. Длина постройки неясна, в раскоп попала лишь часть объекта. С постройкой следует соотнести небольшое углубление в материке неправильной формы и покатыми стенками.

Большинство материала из раскопа 1 обнаружено в заполнении постройки 1. Это лепная посуда киевской культуры (587 фрагм., 97.2%) и гончарные обломки черняховской культуры (17 фрагм., 2.8%). Материалы киевской культуры достаточно характерны, представлены грубой керамикой с примесью крупного шамота (рис. 5, *1–6*). Выделяются два лепных сосуда с узкими днищами, реконструируемых на полную высоту (рис. 5, *1, 3*). Черняховская посуда малочисленна, наиболее яркий фрагмент – сероглиняное гончарное днище на кольцевом поддоне (рис. 5, *7*).

В раскопе 2 обнаружена хозяйственная яма. Она имела размеры 2.2 × 2.4 м и глубину 0.6. В заполнении обнаружены 12 кг обмазки с завалом ее на дне ямы и немногочисленная коллекция лепной керамики, среди которой – фрагмент конической миски.

Поселения у с. Скороварово располагаются на разных берегах высокого берега обводненной балки ручья Чернавка, на высоте 15–30 м. **Поселение Скороварово 1** исследовалось во время хоздоговорных работ под руководством А.А. Иншакова, изучено 4730 м^2. К позднеримскому времени относится 17 хозяйственных ям и очаг (Иншаков, 2014. С. 22).

Поселение Скороварово 2 имело размеры около 240 × 30 м. Памятник изучался Г.Л. Земцовым в 2013 г. во время охранно-спасательных работ. Раскоп площадью 1676 м^2 заложен вдоль склона балки. В результате исследований выявлен тонкий культурный слой, включавший немногочисленные находки. В районе концентрации материала обнаружено два объекта позднеримского времени.

Яма 2 – хозяйственная, размерами 2.1 × 2.3 м по верхнему контуру с плавно сужающимися ко дну стенками. Глубина ямы – 0.8–0.9 м от уровня материка. В заполнении обнаружены мощный завал обмазки (30.6 кг) и несколько фрагментов посуды позднеримского времени.

Яма 3 имела в плане сложную форму (рис. 5, *8*). Центральная часть была подовальная в плане, размерами 2.4 × 3.4 м. На дне этой части ямы, в центре, прослежено незначительное углубление подпрямоугольной в плане формы, размерами 0.72 × 0.96 м. Внутрь ямы вела небольшая ступенька. К центральной части ямы примыкало два “приямка” (углубления в земле) – юго-восточный и северо-восточный. В заполнении ямы прослежено четыре горизонта. Один из них – прослойка углей толщиной 2–8 см. По всей видимости, хозяйственное сооружение было возведено с целью хранения содержимого органического ящика на дне ямы, от которого остался отпечаток. В заполнении объекта обнаружены фрагменты груболепных сосудов (рис. 5, *9*), фрагмент амфоры и единичные экземпляры гончарной сероглиняной посуды.

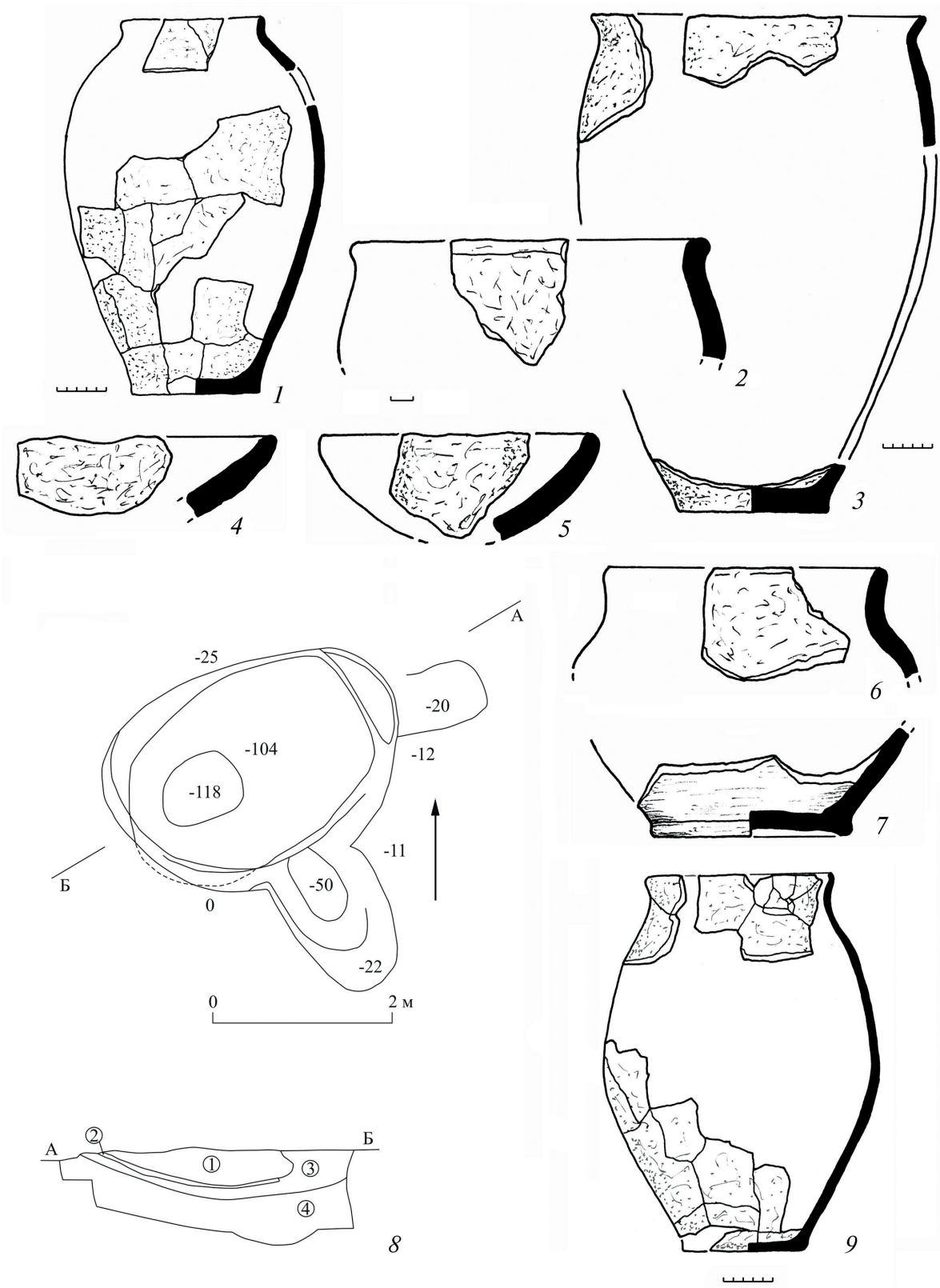


Рис. 5. Материалы поселений Отскочное 1 (*1–7*) и Скороварово 2 (*8, 9*). *1–6, 9* – груболепная керамика; *7* – гончарная керамика; *8* – яма 3 (план и профиль) поселения Скороварово 2. Обозначения профиля: *1* – светлый перемес необожженной глины и гумуса; *2* – слой углей; *3* – плотный темный гумус с углями и обмазкой; *4* – мешаный грунт гумуса и глины. Рисунки Г.Л. Земцова.

Fig. 5. Materials of the settlements Otskochnoye 1 (*1–7*) and Skorovarovo 2 (*8, 9*)

Результаты и обсуждение. В настоящий момент на территории Верхнего Подонья известно более 130 памятников позднеримского времени, из которых 15 изучено раскопами разной площади. Поселения микрорегиона Плющань, за исключением некоторых специфических черт, близки эталонным пунктам культурного типа Каширки–Седелок.

Как и другие памятники позднеримского времени Верхнего Подонья, поселения имеют очень тонкий культурный слой, материалы концентрируются лишь в заполнении некоторых строительных объектов. Логично предположить кратковременность существования поселений. При этом на памятниках изучаемого микрорегиона не прослежены следы перекрытия объектов, а также другие признаки многоэтапности заселения.

Поселения микрорегиона Плющань разделяются на усадьбы, разбросанные на расстоянии около 100-200 м друг от друга, зачастую по разным сторонам источника воды. В результате памятники имеют значительную длину, включая большие пространства без культурного слоя. Подобная структура поселений необычна для археологии Верхнего Подонья других исторических эпох и, скорее всего, свидетельствует о структуре общества – наличии отдельных семей (усадьба), входящих в родовые коллективы (поселок). Для более серьезных выводов требуется пространственный анализ большего количества памятников.

Изучая материалы позднеримского времени Верхнего Подонья, А.М. Обломский определил основные раскопанные селища группы памятников типа Каширки–Седелок как рядовые сельскохозяйственные поселки и выделил поселение Писарево как ремесленный центр (Обломский, 2008. С. 142). На территории микрорегиона Плющань, судя по отсутствию специфических находок, все поселения были рядовыми земледельческими пунктами. Среди них некоторые особенности имеют памятники у с. Яблоново. Во-первых, поселение Яблоново 1 – единственное селище группы Каширка–Седелки, на котором отсутствовали явные следы пожарищ (Обломский, 2001. С. 124). Во-вторых, поселения у с. Яблоново имеют нетипичное расположение – они находятся на берегу крупной реки (Дон). В-третьих, в материальной культуре поселения Яблоново 4 прослежены отдельные специфические элементы – в керамической коллекции представлены сковородки, калачевидные грузила, среди находок отсутствуют материалы позднескифского облика.

Сооружений на памятниках микрорегиона Плющань выявлено мало. Это часть наземной постройки с поселения Отскочное 1, постройки на поселениях Яблоново 1 и 4, а также хозяйственные ямы. Интересно выявление на поселении Отскочное 1 и Скороварово 2 двух ям, полностью забитых глиняной обожженной обмазкой. Н.А. Кренке обнаружил похожие объекты при раскопках поселения Благодать и трактует скопления обмазки как очаги (Кренке и др., 2010. С. 132).

В керамическом комплексе поселений изучаемого микрорегиона, как и на других памятниках, прослеживается два основных компонента, которые уже охарактеризованы в литературе (см. Обломский, 2001). Основную часть керамической коллекции микрорегиона Плющань составляют материалы киевской традиции. Это неорнаментированная, характерных форм груболепная посуда с примесью крупного шамота в тесте. Вторая группа керамики – материалы черняховской культуры. Во-первых, это гончарные сероглиняные горшки с незначительной орнаментацией в виде горизонтальных валиков. Подобная посуда имеет следы длительного использования – отбитые края венчика. Во-вторых, это крупные сосуды, выполненные в позднескифской традиции, – пифосы и корчаги. Керамика черняховского облика встречается в одних комплексах с лепной посудой, ее количество в разных объектах варьирует от 0 до 12%. Наиболее ярко сочетание элементов керамического набора заметно по материалам поселения Лощина, где в яме обнаружены целые сосуды всех трех традиций. Это ставит вопрос о характере взаимодействия населения киевской и черняховской культур.

Предметы быта, обнаруженные на поселениях микрорегиона Плющань, единичны. Это калачевидное грузило, пряслице и каменные жернова с поселения Яблоново 4. Датирующие вещи на поселениях не обнаружены. Интересно, что оставление на полу сооружения каменных жерновов при практически полном отсутствии других находок в строительном объекте – не единственный случай на территории распространения памятников типа Каширки–Седелок. На поселении Коллектив 1 каменный жернов обнаружен на дне хозяйственной ямы (раскопки Г.Л. Земцова, 2018 г.).

Минимальное количество находок на археологических памятниках позднеримского времени имеет свои источниковедческие плюсы и минусы. С одной стороны, отсутствие значительного количества находок привело к прекращению полевого изучения памятников. С другой стороны, кратковременность селищ дает возможность исследовать узкий хронологический срез жизни древних поселенцев. В каком-то смысле памятники типа Каширки–Седелок по источниковедческой информации близки к погребальным сооружениям или другим закрытым комплексам. Методика изучения подобных памятников должна включать комплекс естественнонаучных операций, но в настоящий момент она не разработана и не используется.

Возможны объяснения существования значительного количества слабонасыщенных поселений на территории Верхнего Подонья, обусловленные политическими и экономическими факторами. Не исключено, что быстрое исчезновение носителей культурного типа Каширки–Седелок связано с военными конфликтами древнего населения (прежде всего с походами готов на восток), о чем пишет А.М. Обломский (2008. С. 152; 2017. С. 83, 84). Главное доказательство данного тезиса заключается в обнаружении значительного количества глиняной обожженной обмазки от стен сгоревших строений.

Отметим, что следы сгоревших домов характерны не только для памятников типа Каширки–Седелок, но и для большинства поселений “черняховского облика” Днепровского Левобережья. Таким образом, определить победителя и побежденного в данной ситуации затруднительно. Добавим, что на поселениях рассматриваемого микрорегиона Плющань выявлены отдельно расположенные хозяйственные ямы, в заполнении которых найдено большое количество обмазки. Таким образом, горению подвергалась не только центральная часть усадеб, но и окраинные объекты. Объяснять такие повсеместные пожарища лишь военными действиями и “зачисткой” территории – определенное упрощение.

Какие свидетельства могут способствовать выводу о наличии военной угрозы? Во-первых, для обществ, находящихся в сложной политической обстановке, характерно выделение центров или городищ, которые притягивают к себе мелкие поселки. Анализ пространственного расположения поселений типа Каширки–Седелок такого вывода сделать не позволяет. Центральные, статусные селища отсутствуют. Более того, фиксируется равномерное расположение поселений через 5–10 км.

Во-вторых, для обществ, находящихся под угрозой, характерно укрупнение размеров поселений (Бутинов, 1968. С. 37). В качестве примера можно привести верхнедонские памятники гуннского времени (конец IV–V в. н.э.), большинство из которых либо представлены городищами, либо имеют значительные размеры. Подобные особенности не характерны для позднеримского периода.

В-третьих, как неоднократно было отмечено исследователями, на поселениях отсутствуют следы внезапного нападения. На полу построек обнаружены лишь намеренно брошенные вещи (например, жернова) и потерянные, сломанные предметы. В этом смысле интересно оставление 15 разнокультурных сосудов в хозяйственной яме поселения Лощина.

Существование значительного количества кратковременных поселений в позднеримское время может быть связано с видом хозяйственной деятельности. Это в некотором смысле объясняет наличие этапов в развитии некоторых памятников Верхнего Подонья. Напомним известный пассаж Прокопия Кесарийского о славянах и антах, которые “часто меняют места жительства” (1950. III.14). Следы пожарищ прослежены даже на сильно удаленных от крупных рек памятниках, в огне гибнут как жилища, так и хозяйственные постройки. Можно предложить гипотезу о сожжении поселков перед их оставлением в силу религиозных традиций. Подобный обычай прослежен у населения энеолитической культуры Кукутень–Триполье (Бурдо, Видейко, 2016). В любом случае политическая обстановка не способствовала длительному существованию населения в регионе.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области, проект № 18-49-480006 р_а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю. “Погребенные дома” и ритуал сожжения поселений Кукутень–Триполья // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 175–193.

Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй). М.: Наука, 1968. 256 с.

Голотвин А.Н., Бессуднов А.А., Бирюков И.Е., Иншаков А.А. Многослойное поселение Яблоново 4 на

Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: Триада, 2017. С. 94–121.

Земцов Г.Л. Поселение позднеримского времени Лощина-1 на Верхнем Дону // Археологія та етнологія Східної Европи: матеріали і дослідження. Одеса: Друк, 2002. С. 142–145.

Иншаков А.А. Раскопки поселения Скороварово 1 в Краснинском районе // Археологические открытия 2013 года в Липецкой области. Липецк: Кватро, 2014. С. 22.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Заидов О.Н., Козмирчук И.А. Раскопки селищ второй четверти I тыс. н.э. Благодать и Новокрасивое на р. Красивая Меча // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2010. С. 131–144.

Матвеева В.И. Отчет о полевых работах в Липецкой области в 1972 г. Верхнедонской экспедиции Института археологии АН СССР // Архив Гос. дирекции по охране культурного наследия Липецкой обл. 1972.

Матвеева В.И. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции ИА АН СССР в Липецкой области 1975 г. // Архив Гос. дирекции по охране культурного наследия Липецкой обл. 1975.

Медведев А.П. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998 (Археология восточноевропейской лесостепи; вып. 12). С. 4–19.

Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2008. С. 142–163.

Обломский А.М. О памятниках позднеримского времени лесостепного Подонья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: Успех-Инфо, 2001. С. 122–141.

Обломский А.М. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. 2017. № 3. С. 71–88.

Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1999. С. 127–134.

Орленко А.В. Охранные раскопки поселения Яблоново 4 в Краснинском районе // Археологические открытия 2013 года в Липецкой области. Липецк: Кватро, 2014. С. 20–21.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.

Свиридов А.А. Отчет о проведении археологических исследований на поселении Отскочное-1 в Краснинском районе Липецкой области в 2012 г. // Архив Гос. дирекции по охране культурного наследия Липецкой обл. 2013.

Чебукина Т.А. Этнографическая интерпретация археологических материалов позднеримского времени с поселения Лощина-1 // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий: материалы конф. Брянск: БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2014. С. 147–155.

PLYUSHCHAN MICROREGION OF SETTLEMENTS OF THE LATE ROMAN PERIOD IN THE UPPER DON REGION

Grigory L. Zemtsov[1,*], Dmitry V. Sarychev[2,], Vladimir O. Goncharov[3,***], Ekaterina V. Fabritsius[1,*]**

[1]P.P. Semenov-Tian-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Russia
[2]Voronezh State University, Russia
[3]Public Organization "Poisk", Lipetsk, Russia

[*]E-mail: grizem@rambler.ru, fev98@outlook.com
[**]E-mail: sarychev.geo@gmail.com
[***]E-mail: v9513021568@gmail.com

The article considers the microregion of settlements dated by the middle 3rd–the early 4th century AD in the area north of the confluence of the river Bystraya Sosna in the Don (Lipetsk Region). This territory was named "Plyushchan Microregion" after the geographic area. The paper describes the results of field studies on five sites characterizing their ceramic material and construction of dwellings. The settlements belong to the group of sites of the Kashirka–Sedelki type. The conclusion is made about the short duration of the Late Roman layer. The authors discuss the problem of the downfall of those settlements challenging the traditional version of the destruction of settlements during the Gothic campaigns to the east. A hypothesis is advanced about the absence of hostilities in the region. It is based on studying the cartography of the settlements, their area, and the absence of traces of a sudden attack. Mass evidence of fires recorded on all the si-

tes of the Kashirka–Sedelki type, as well as in northeastern Chernyakhov culture settlements, are associated with the religious activities of ancient inhabitants.

Keywords: the Late Roman period, the Upper Don, settlements, the Kiev culture, the Chernyakhov culture, sites of the Kashirka–Sedelki type.

REFERENCES

Burdo N.B., Videyko M.Yu., 2016. “Buried houses” and the ritual of burning Cucuteni–Tripolye settlements. *Kul’turnyye vzaimodeystviya. Dinamika i smysly [Cultural interactions. Dynamics and meanings].* Kishinev: Stratum Plus, pp. 175–193. (In Russ.)

Butinov N.A., 1968. Papuasy Novoy Gvinei (khozyaystvo, obshchestvennyy stroy) [The Papuans of New Guinea (economy, social order)]. Moscow: Nauka. 256 p.

Chebukina T.A., 2014. Ethnographic interpretation of archaeological materials of the Late Roman period from the settlement of Loshchina-1. *Drevnosti Sredne-Zapadnoy Rossii i sopredel’nykh territoriy: mater. konf. [Antiquities of Mid-Western Russia and adjacent regions: Conf. proceed.].* Bryansk: Bryan. gos. univ., pp. 147–155. (In Russ.)

Golotvin A.N., Bessudnov A.A., Biryukov I.E., Inshakov A.A., 2017. The multi-layered settlement of Yablonovo 4 on the Upper Don. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [The Upper Don archaeological collection]*, 8. Lipetsk: Triada, pp. 94–121. (In Russ.)

Inshakov A.A., 2014. Excavation of the settlement of Skorovarovo 1 in Krasninsky district. *Arkheologicheskiye otkrytiya 2013 goda v Lipetskoy oblasti [Archaeological discoveries of 2013 in Lipetsk Region].* Lipetsk: Kvatro, p. 22. (In Russ.)

Krenke N.A., Ershov I.N., Zaidov O.N., Kozmirchuk I.A., 2010. Excavations of the settlements Blagodat and Novokrasivoye of the second quarter of the 1st millennium AD on the river Krasivaya Mecha. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 2 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during the periods of Roman influence and the Migration. Conference 2]*, part 1. Tula: Gos. muzey-zapovednik “Kulikovo pole”, pp. 131–144. (In Russ.)

Matveyeva V.I. Otchet o polevykh rabotakh v Lipetskoy oblasti v 1972 g. Verkhnedonskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR [Report on field works of the Upper Don Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in Lipetsk Region in 1972]. *Arkhiv Gos. direktsii po okhrane kul’turnogo naslediya Lipetskoy obl. [Archive of the State Directorate for the Protection of the Cultural Heritage of Lipetsk Region]*, 1972. (Unpublished)

Matveyeva V.I. Otchet o rabote Verkhnedonskoy ekspeditsii IA AN SSSR v Lipetskoy oblasti 1975 g. [Report on field works of the Upper Don Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in Lipetsk Region in 1975]. *Arkhiv Gos. direktsii po okhrane kul’turnogo naslediya Lipetskoy obl. [Archive of the State Directorate for the Protection of the Cultural Heritage of Lipetsk Region]*, 1975. (Unpublished)

Medvedev A.P., 1998. The Upper Don region in the first half of the 1st millennium AD. *Arkheologicheskiye pamyatniki Verkhnego Podon’ya pervoy poloviny I tysyacheletiya n.e. [Archaeological sites of the Upper Don region of the first half of the 1st millennium AD].* Voronezh: Izd. Voronezh. univ., pp. 4–19. (Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi, 12). (In Russ.)

Oblomskiy A.M., 1999. On the rhythms of development of the forest-steppe Dnieper and Don regions in the late Roman and Hunnic periods. *Arkheologiya Tsentral’nogo Chernozem’ya i sopredel’nykh territoriy [Archaeology of the Central Black Earth Region and adjacent territories].* Lipetsk: Izd. Voronezh. ped. inst., pp. 127–134. (In Russ.)

Oblomskiy A.M., 2001. On the sites of the Late Roman period of the steppe Don region. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [The Upper Don archaeological collection]*, 2. Lipetsk: Uspekh-Info, pp. 122–141. (In Russ.)

Oblomskiy A.M., 2008. Considerations on the campaigns of the King of Goths Hermanaric’s troops to the east. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the periods of Roman influence and the Migration].* Tula: Gos. muzey-zapovednik “Kulikovo pole”, pp. 142–163. (In Russ.)

Oblomskiy A.M., 2017. On the eastward spread of the early Slavs in the Roman time. *RA [Russian archaeology]*, 3, pp. 71–88. (In Russ.)

Orlenko A.V., 2014. Salvage excavations of the settlement Yablonovo 4 in Krasninsky district. *Arkheologicheskiye otkrytiya 2013 goda v Lipetskoy oblasti [Archaeological discoveries of 2013 in Lipetsk Region].* Lipetsk: Kvatro, pp. 20–21. (In Russ.)

Prokopiy iz Kesarii, 1950. *Voyna s gotami [War with the Goths].* Moscow: Izd. AN SSSR. 515 p.

Sviridov A.A. Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy na poselenii Otskochnoye-1 v Krasninskom rayone Lipetskoy oblasti v 2012 g. [Report on conducting archaeological research in the settlement of Otskochnoye-1 in Krasninsky district of Lipetsk Region in 2012]. *Arkhiv Gos. direktsii po okhrane kul’turnogo naslediya Lipetskoy obl. [Archive of the State Directorate for the Protection of the Cultural Heritage of Lipetsk Region]*, 2013. (Unpublished)

Zemtsov G.L., 2002. The Late Roman settlement Loshchinsa-1 on the Upper Don. *Arkheologiya ta etnologiya Skhidnoi Evropi: materiali i doslidzhennya [Archaeology and ethnology of Eastern Europe: Materials and studies].* Odesa: Druk, pp. 142–145. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 72–84

О СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЙ МАСТЕРСКОЙ В АЛМА-КЕРМЕНЕ

© 2020 г. О.С. Румянцева

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: o.roumiantseva@mail.ru

Поступила в редакцию 25.06.2019 г.

В 1959–1961 гг. на городище Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму был обнаружен производственный комплекс с тремя “печами” и исключительными для Северного Причерноморья находками стекла, интерпретированный как мастерская стеклодела. Повторное обращение к данным находкам, детальный анализ обнаруженных здесь конструкций и сопровождающего их материала позволяет сделать вывод об отсутствии на городище признаков стеклоделательного производства. Многочисленные находки фрагментов стеклянных сосудов были, вероятно, связаны с бытовой практикой сбора стеклобоя, предназначенного для вторичной переработки. Локализация находок, их характер, а также исключительно высокое качество стекла, из которого они изготовлены, позволяют предположить их связь с монументальным архитектурным комплексом второй половины II – первой половины III в. н.э., существовавшим на городище в период римского присутствия.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, римское время, стеклоделие, мастерская, Алма-Кермен.

DOI: 10.31857/S086956870009073-1

В 1959–1961 гг. на городище Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму был зафиксирован производственный комплекс, определенный исследователями как остатки стеклоделательной мастерской второй половины II – первой четверти III в. (Высотская, 1972. С. 46–55, 62). В работах, уделявших внимание стеклоделию римского времени в Северном Причерноморье, он занял одно из ведущих мест, считаясь единственным местом производства первых веков н.э., зафиксированным *in situ* благодаря присутствию здесь трех печей (Щапова, 1983. С. 140–142, сл.). Критическая оценка впервые дана ему Ю.П. Зайцевым, который обратил внимание на местоположение комплекса, делающее устоявшуюся интерпретацию маловероятной. Он располагался на территории внутреннего двора монументального архитектурного ансамбля (рис. 1), возведенного по правилам римской строительной техники, украшенного фресковой росписью и архитектурными деталями, включая мраморные колонны и скульптуру. Очевидно, комплекс, погибший в пожаре середины III в., был связан с римским военным присутствием на городище во второй половине II – первой половине III в. (Зайцев и др., 2007. С. 260; Смекалова и др., 2015. С. 57; об архитектурном ансамбле см. также: Высотская, 1972. С. 41. Рис. 11, 14, 19)[1].

За время после публикации материалов городища Алма-Кермен накоплен большой массив свидетельств стеклоделательного производства на территории римских провинций; изменившиеся подходы к их анализу позволяют на новом уровне оценить эту находку. В данной статье составляющие комплекса в Алма-Кермене рассмотрены сквозь призму современных сведений о данной отрасли производства на территории Римской империи и сопоставлены с материалами мастерских синхронного периода. Свидетельства стеклоделательного производства оцениваются по методике Д. Фуа, разработанной на материалах французского Прованса (Foy, 2000).

Самый надежный признак стеклоделательного производства – остатки печей. Однако часто установить их связь с определенным

[1] Ю.П. Зайцев высказывал гипотезу о некорректной интерпретации комплекса как стеклоделательной мастерской в докладах на конференциях и в личных беседах, однако его точка зрения не опубликована. Выражаю благодарность Юрию Павловичу за любезное разрешение сослаться на его устное сообщение, а также за его консультации и помощь в работе с материалами городища Алма-Кермен при подготовке данной работы.

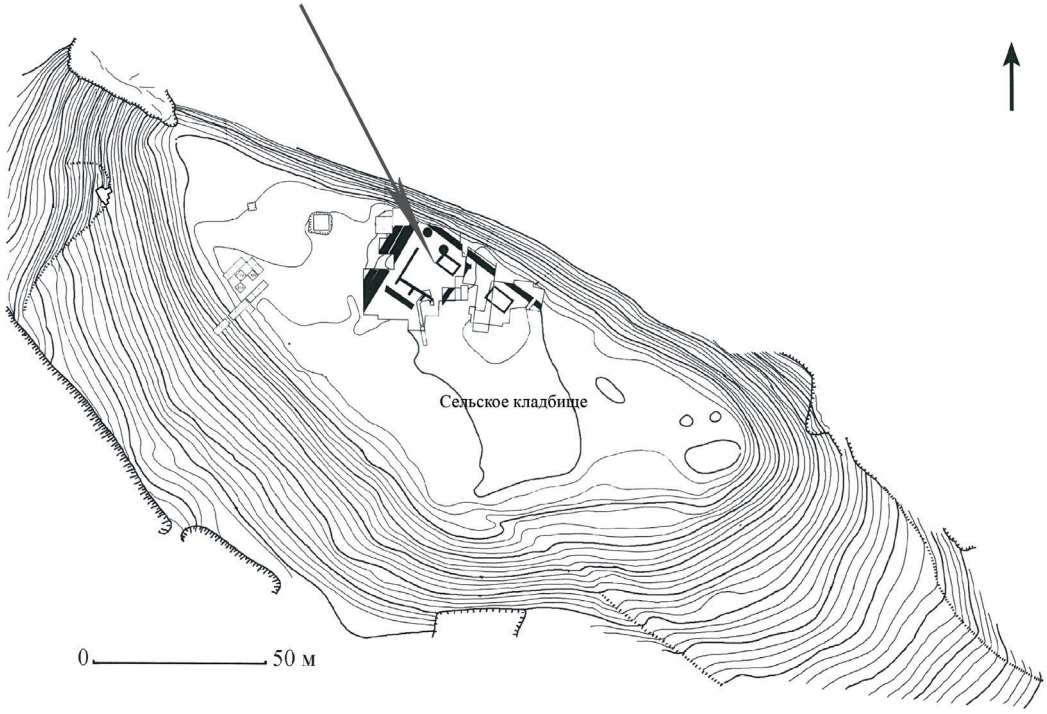


Рис. 1. План городища Алма-Кермен с обозначением раскопов и раскрытыми сооружениями (по: Смекалова и др., 2015). Стрелка указывает на монументальный архитектурный комплекс с “мастерской стеклодела”.

Fig. 1. A plan view of the fortified settlement of Alma-Kermen with the designation of excavation sites and unearthed structures (after: Smekalova et al., 2015). The arrow points to the monumental architectural complex with a “glass workshop”

видом ремесла бывает практически невозможно (Foy, 2000. P. 15, 16). Интерпретация не вызывает сомнений, когда печь сопровождается характерными отходами производства (Foy, Nenna, 2001. P. 42; подробнее см. ниже).

Конструкции, определенные как печи стеклоделов (рис. 2), – самый яркий элемент комплекса в Алма-Кермене. Одно из трех изученных сооружений представляло собой обмазанную глиной воронкообразную в разрезе яму глубиной 2 м и диаметром 3.1, нижняя часть которой была заполнена смесью угля с глиной. Как полагала Т.Н. Высотская, “эта примитивная, не имевшая перекрытия печь служила для предварительного обжига подготовленной для плавки шихты” (Высотская, 1972. С. 46).

Подобные конструкции не характерны для стеклоделательных мастерских римского времени. По данным современных исследований, в изучаемую эпоху стекло варилось в ограниченном числе крупных стекловаренных центров, преимущественно ближневосточных, откуда в качестве полуфабрикатов поступало в мастерские неполного цикла, специализировавшиеся только на производстве готовых изделий. В европейской части Империи стекловаренные центры пока не открыты, а едва ли не все исследованные здесь мастерские производили готовые изделия из привозного стекла-сырца, хотя, судя по данным письменных источников и изотопного анализа, в первые века н.э. стекло здесь все же варилось, хотя и в ограниченных объемах (Foy, Nenna, 2001; Nenna, 2007; Glass making..., 2014; библиографию см. также: Румянцева, 2011, 2015). Соответственно “предварительный обжиг шихты” во “вторичных” мастерских не проводился. Для европейских комплексов наиболее типичны круглые в плане (реже полукруглые или овальные) печи существенно меньшего, чем в Алма-Кермене, диаметра (обычно до 1–1.2 м), имеющие цилиндрическую, а не воронкообразную нижнюю часть, которая выкладывалась кирпичом и черепицей; для выкладки пола топочной камеры могли использоваться также сланец, песчаник и др. породы или плотно утрамбованная глина (Foy, Nenna, 2001. P. 62). Глубина сохранившейся части, как правило, не превышает 50–70 см (Foy, Nenna, 2001. P. 48–62).

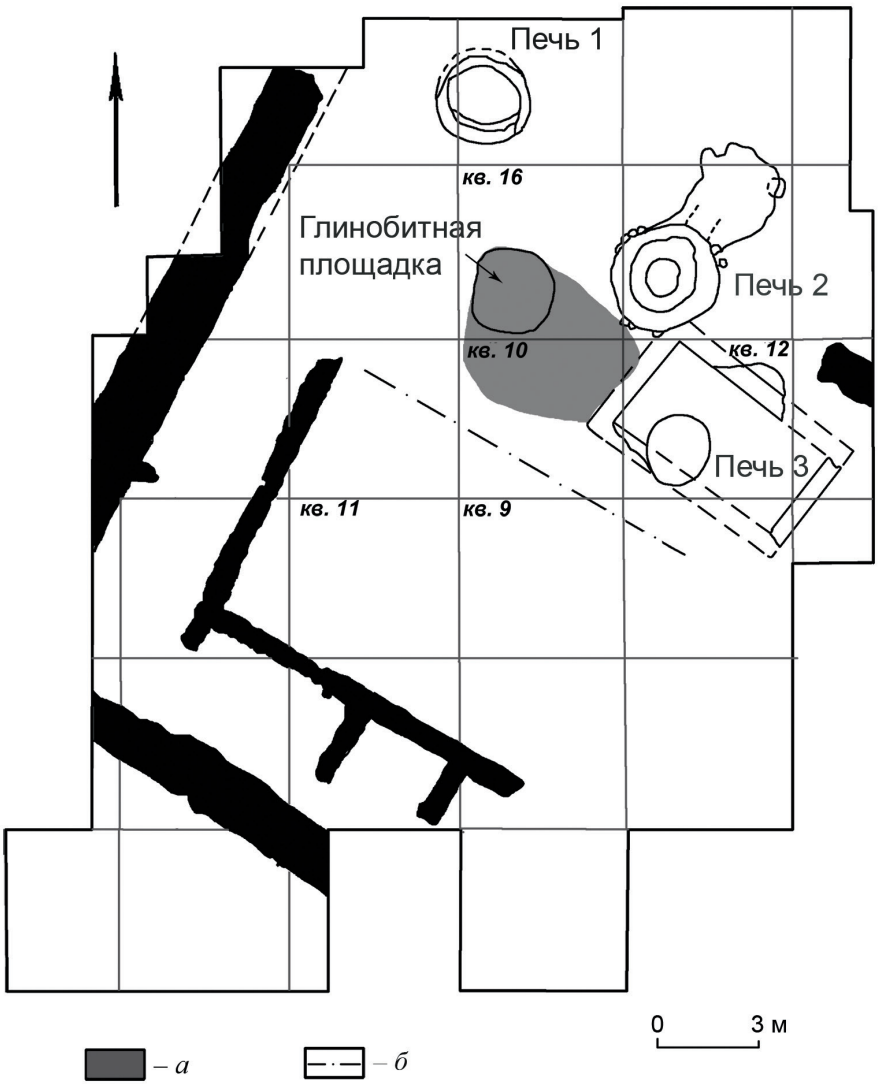


Рис. 2. Схема расположения остатков архитектурного комплекса, “печей” и скопления стекла городища Алма-Кермен (по: Высотская, 1972; с дополнениями и корректировками). Условные обозначения: *а* – участок с высокой концентрацией находок стекла; *б* – приблизительная граница глинобитного пола.

Fig. 2. The layout pattern of the remains of the architectural complex, furnaces and the glass agglomeration in the fortified settlement of Alma-Kermen (after: Vysotskaya, 1972; as supplemented and corrected)

Для собственно стекловаренных центров I–рубежа I–II тыс., изученных в Сиро-Палестинском регионе и Египте, характерны прямоугольные конструкции больших размеров, позволяющие получать стеклянные плиты весом от 8-10 до 25 т, которые на месте кололись на части, пригодные для транспортировки (Foy, Nenna, 2001. P. 36–38; Nenna, 2007; библиографию см. Румянцева, 2011, 2015). Ямы для предварительного обжига шихты ни разу в них не зафиксированы.

Нет данных о практике “предварительного обжига шихты” и в этнографических материалах, где процесс варки стекла в печах большого размера, технологически близкий производству римского времени, хорошо описан, – в частности, он практиковался в Индии еще в 1990-е годы. Здесь перед изготовлением шихты около 3 т песка загружается непосредственно в стекловаренную печь, где он прокаливается в течение суток, что позволяет удалить из него органические остатки (Sode, Kock, 2001. P. 158–163). Таким образом, отсутствует как необходимость в специальных сооружениях для “предварительного обжига шихты”, так и реальные свидетельства их существования в рассматриваемую эпоху.

Рис. 3. Арка печи 2 (по: Высотская, 1961б).

Fig. 3. The arch of furnace 2 (after: Vysotskaya, 1961б)

Ссылаясь на Георгия Агриколу, Т.Н. Высотская пишет, что при наличии трех печей в мастерской в первой обжигают материал, во второй его варят, а в третьей охлаждают (Высотская, 1972. С. 54). Вероятно, интерпретировать данные источника следует иначе. По свидетельству Агриколы, “стекловары, использующие три печи, плавят в первой все виды сырья, еще раз плавят всю массу во второй печи, а в третьей печи остуживают раскаленные стеклянные сосуды и другие изделия” (Агрикола, 1986. Кн. XII. С. 260). Другими словами, для варки стекла служит первая печь, для повторного разогрева стекла-сырца и изготовления из него посуды и др. изделий – вторая, а для их отжига – третья; о печи для предварительного обжига сырья речь здесь не идет. В отличие от средневековой модели производства, где все этапы работы со стеклом могли проводиться в одной мастерской, в римское время изготовление стекла и готовой продукции из него происходило в разных производственных центрах (см. выше).

Вторая конструкция на городище Алма-Кермен, определенная Т.Н. Высотской как печь стеклоделов, также представляла собой воронкообразную в разрезе яму диаметром 3.3 м и глубиной 1.7. Ее стенки были покрыты раствором извести и выложены укрепляющими рыхлый край плоскими камнями, также скрепленными известковым раствором. На внутренней поверхности читались следы инструмента, которым известь со стен периодически соскабливали. Ее заполнение состояло из сильно обожженных известковых блоков, плотной глины, угля, золы и мелких ракушек. С севера в печь вело арочное отверстие шириной в нижней части 0.8 м и такой же высотой (рис. 3). По сторонам арки и над нею сохранились остатки прокаленной пористой глиняной массы с примесью шамота толщиной 20 см. В заполнении ямы много бутового камня. Т.Н. Высотская предполагала, что печь сначала могли использовать для обжига и гашения извести, а потом ее могли применять для производства стекла, засыпав наполовину воронкообразную яму. По верхнему краю ямы прослеживались куски стекловидной массы темно-зеленого, почти черного цвета, пористой структуры, которую Т.Н. Высотская,

руководствуясь визуальными данными, определила как хальмозу (Высотская, 1972. С. 49).

Таким образом, и данное сооружение отличается от печей римского времени по форме, конструкции и размерам. Оценивая размеры сооружения в Алма-Кермене, Т.Н. Высотская ссылается (1972. С. 49) на описание венецианской печи XVI в., приведенное у Агриколы, однако средневековые печи отличаются от римских размерами и особенностями конструкции. Случаи, когда провинциально-римскими стеклоделами в качестве печи использовалась бы яма для обжига и гашения извести, мне неизвестны. Кроме того, в конструкции печей стеклоделов западной части Римской империи обычно присутствуют кирпичи и черепица (Foy, Nenna, 2001. P. 62); в Алма-Кермене саманные кирпичи использованы лишь для части выкладки верхнего края котлована, что не типично для подобных сооружений (Высотская, 1961б. С. 8, 9).

Помимо нехарактерно большого диаметра (3.3 м; типичный для римских печей — до 1–1.2 м)[2], нетипичной формы (воронкообразная, а не цилиндрическая) и глубины (1.7 м; обычно глубина сохранившейся части составляет до 0.5–0.7 м – Foy, Nenna, 2001. P. 47–62) необходимо остановиться на арочном отверстии[3] размерами 0.8 × 0.8 м. Т.Н. Высотская предположила, что через него мастер мог загружать дрова, а также помещать тигли с шихтой (Высотская, 1972. С. 48). В печах стеклоделов это всегда были разные отверстия, располагавшиеся на двух уровнях: снизу – для топлива, уровнем выше – рабочее (Foy, Nenna, 2001. P. 62); оба имели существенно меньшие размеры, что было связано с необходимостью поддерживать в печи стабильно высокую температуру. Ширина отверстия, через которое топочная камера загружалась дровами и

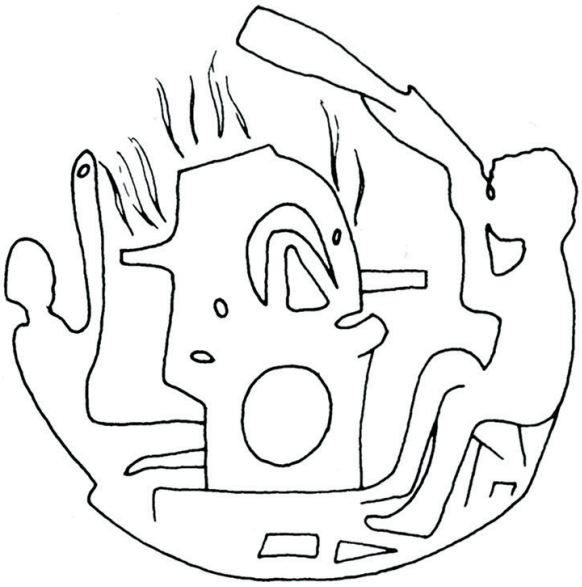


Рис. 4. Стеклодувы у печи за работой. Изображение на керамическом светильнике (по: Lazar, 2003).

Fig. 4. Glassblowers by the furnace at work. An image on a ceramic lamp (after: Lazar, 2003)

освобождалась от остатков сгоревшего топлива, у печей в мастерской Аванша I в. н.э. составляла около 0.25 м (Amrein, 2001. P. 87); в мастерских первых веков н.э. на территории Галлии она достигала 0.2–0.25 м (Foy, Nenna, 2001. P. 48–55). Верхний уровень печей обычно не сохраняется, судить о нем можно лишь по немногочисленным иконографическим данным. Изображение стеклоделов у печи за работой встречено на двух керамических лампадках (Lazar, 2003. P. 213) (рис. 4) и, как считается, на терракоте с Эросом, стоящим перед печью и держащим в руке стеклодувную трубку (Foy, Nenna, 2001. P. 61). О некоторых базовых принципах сооружения печей для данной отрасли производства можно судить также по данным этнографии (Foy, Nenna, 2001. P. 63; Sode, Kock, 2001). Судя по этим источникам, рабочее отверстие также имело размеры существенно меньшие, чем опубликованная Т.Н. Высотской арочная конструкция. Невелики они и на средневековых изображениях – в частности, из трактата Агриколы (1986. Кн. XII). Его размер должен был позволять беспрепятственно помещать в печь и извлекать из нее сосуды в ходе горячей обработки, поддерживая при этом стабильно высокую температуру при минимальном расходе топлива, требовавшегося стеклодувам в огромных количествах (Stern, 1999. P. 454).

[2] Известен единичный случай, когда конструкция диаметром 1.6 м, обнаруженная на территории Франции, была определена как печь стеклоделов предположительно римского времени. Раскопки проводились в 1860 г. (Amrein, 2001. P. 114, 115. Cat. N F-26). Самая большая печь – диаметром 2.26 м, найденная в Кельне, определена как стеклоделательная в ходе спасательных археологических исследований 1970 г. (Amrein, 2001. P. 100. Cat. N D4), однако эта конструкция уникальна. Исследователи не исключают, что круглая печь в Кельне, возможно, служила отжиговой, так как она – особенного типа (Amrein, 2001. P. 100).

[3] В дневнике раскопок Т.Н. Высотской (1961а. С. 4) указаны меньшие размеры – 0.6 × 0.8 м, однако на интерпретацию конструкции это не влияет.

Едва ли печь с рабочим или топочным отверстием размерами 0.8 × 0.8 м соответствовала этим требованиям.

Находки кусков стекловидной массы пористой структуры, которые Т.Н. Высотская интерпретировала как хальмозу (1972. С. 49), в коллекции не сохранились, а анализ их состава не проводился. Вероятно, нельзя исключать, что речь идет об остеклованной поверхности элемента глиняной/керамической конструкции, образовавшейся под воздействием высокой температуры. Она могла быть связана не только со стеклоделательным, но и с другими производствами – металлургическим, гончарным и т.п. (Foy, 2000. P. 15, 16).

Третья печь, примыкавшая к описанной выше (рис. 2), имела прямоугольную в плане форму и была выложена сырцовым кирпичом. Ее внешние размеры – 6.7 × 4.3 м, внутренние – 5.7 × 3.1, сохранившаяся высота – до 1.4 (Высотская, 1972. С. 49). Пол печи был обмазан глиной, на его поверхности читались следы горения – уголь, зола, обожженный саман (Высотская, 1972. С. 49–51). Автор раскопок определила эту печь как отжиговую. Она была перекрыта аморфной глыбой “римского бетона”, интерпретированной как остатки свода печи (Высотская, 1972. С. 50). В массе бетона содержалось около 18 амфор, как во фрагментах, так и практически целых (по мнению автора раскопок, последние служили для облегчения конструкции свода печи), обломок жернова, глиняные пряслица, фрагменты стеклянной посуды, куски битой керамики и черепицы; под глыбой, в заполнении котлована печи найдены обломки амфор, бронзовые и железные предметы, осколки стеклянных сосудов и др. (Высотская, 1961б. С. 3–5; 1972. С. 50, 51).

На территории римских провинций в европейской части Империи прямоугольные печи довольно редки: если мастерских с круглыми печами на начало 2000-х годов было известно более 100 (Amrein, 2001; Foy, Nenna, 2001. P. 48–60), то комплексов с прямоугольными – лишь 9; время их появления определяется последней четвертью I или, скорее, II в.; 3 подобные конструкции известны в IV в. (Amrein, 2001. P. 98–125; Nenna, 2007. P. 135, 136). Назначение таких печей не всегда определяется однозначно. В некоторых из них, судя по остаткам застывшего на внутренней поверхности камеры стекла, определенно проводилась его горячая обработка. Тем не менее о варке стекла речь, вероятно, не идет. Из семи мастерских с прямоугольными печами, покрытыми изнутри слоем стекла, в четырех случаях изучен его химический состав. Установлено, что исследованное стекло идентично группам, происхождение которых связывается с Восточным Средиземноморьем. В ряде случаев отсутствие слоя стекла на полу камер печей позволило предположить, что они использовались для отжига готовых изделий (Nenna, 2007. P. 136).

Одно из основных различий между опубликованными данными и печью в Алма-Кермене, как и в случае с круглыми “печами”, заключается в размерах конструкций: для прямоугольных печей на территории Империи они не превышают 2.5–2.7 м в длину и 2 в ширину, чаще всего эти параметры в 2-2.5 раза меньше (Amrein, 2001. P. 91, 98–125; Nenna, 2007. P. 135). В Западной Европе среди конструкций, определенных как печи стеклоделов, наибольший размер имеют две, но даже они существенно уступают находке из Алма-Кермена. Одна из них раскопана в Кельне, ее размеры составляют 2.8 × 3.6 м, однако они определялись по очень схематичному плану; кроме того, невозможно с уверенностью сказать, что эта печь была напрямую связана с мастерской стеклоделов (Amrein, 2001. P. 100. Cat. D4). Вторая обнаружена в Бурже (Шер, Франция), ее размеры – 3.12 × 4.9 м; при этом исследователи отмечают, что ее параметры не типичны для конструкций, известных по другим европейским мастерским неполного цикла, работающим на привозных полуфабрикатах, а ее точное назначение остается неизвестно (Foy, Nenna, 2001. P. 52).

Для отжиговой печи, в которой проводится медленная студка готовых изделий, размер является очень важным параметром. Ее назначение также подразумевает долговременное поддержание постоянной довольно высокой температуры. Судя по приведенным аналогиям, в мастерских по производству посуды необходимости в конструкциях такого размера не было, а прогрев излишнего объема, намного превышающего необходимый, должен быть весьма затратен с точки зрения расхода топлива.

По размерам печь городища Алма-Кермен ближе к стекловаренным ванным печам, которые могли достигать в длину 6-7 м (Nenna, 2007. P. 127). Однако эта версия также может быть, вероятно, исключена, так как на ее дне

отсутствует слой застывшего стекла, который в подобных сооружениях всегда фиксируется (Gorin-Rosen, 1995; Foy, Nenna, 2001. P. 38, 39; Nenna, 2007. P. 127).

Элементы конструкций свода, подобных находке в Алма-Кермене, насколько мне известно, более нигде не зафиксированы. Определение “глыбы римского бетона” с содержащимися в ней находками как свода находившейся ниже “печи” вызывает сомнения.

Одним из признаков стеклоделательной мастерской в Алма-Кермене считались не только форма, но и количество, а также сочетание разных типов печей (Щапова, 1983. С. 79–81). Действительно, тесное соседство или даже частичное совмещение в общей конструкции основной и отжиговой камер в римское время известно по археологическим данным. В частности, в Лионе отжиговая печь располагалась непосредственно на верхней части свода основной, в которой разогревалось стекло (Foy, Nenna, 2001. P. 48, 49, 62). Преимуществом для стеклодела в данном случае был легкий доступ с рабочего места одновременно к обеим камерам – и основной, и отжиговой. Однако для этого рабочее отверстие печи Алма-Кермена должно было располагаться в юго-западном секторе, а сохранившаяся здесь арочная конструкция ориентирована на север. Кроме того, судя по чертежу, северо-западный угол прямоугольной конструкции был срезан здесь котлованом круглой (рис. 2). Не говорит ли это о разновременности двух сооружений? Можно добавить, что, по данным Агриколы, в более позднюю эпоху тепло топочной камеры основной печи могло использоваться одновременно и для поддержания температуры в камере отжиговой (Агрикола, 1986. Гл. XII. С. 260). Вероятно, этим пользовались и в более раннее время. В Алма-Кермене, учитывая взаимное расположение печей – круглая на углу прямоугольной, с учетом значительной толщины ее стенок (до 0.6 м, в три кирпича) (Высотская, 1972. С. 50), рациональное использование тепла топочной камеры первой для частичного прогрева второй вряд ли было возможно.

Можно, таким образом, заключить, что обнаруженные на городище Алма-Кермен печи не характерны для стеклоделательных комплексов – ни стекловаренных, ни стеклообрабатывающих, где из привозного сырца получали готовые изделия.

Не менее важными индикаторами стеклоделательного производства служат находки, сопровождающие печи; назначение последних нередко удается определить именно по ним (Foy, Nenna, 2001. P. 42). В связи с этим необходимо остановиться на прочих находках с городища, в первую очередь происходящих из зоны у печей.

Т.Н. Высотская упоминает глинобитную площадку (рис. 2), на которой найден стекольный бой и “всякого рода брак”, раковины моллюсков, а также свинцовые слитки и изделия, в том числе частично переплавленные, которые она также рассматривала как признаки стеклоделательного производства (Высотская, 1972. С. 53).

Склады стеклобоя действительно часто сопровождают производственные комплексы стеклоделов, так как в рассматриваемый период он активно применялся для понижения температуры горячей обработки стекла, а также для экономии сырья. Однако подобные склады могут находиться и на поселениях, будучи свидетельством его сбора с целью последующей продажи/обмена, – данная практика в римское время фиксируется по данным как письменных, так и археологических источников (см., например: Keller, 2005; ссылки по теме см. также: Румянцева, 2016).

К сожалению, в публикациях, посвященных находкам из данной зоны, нет подробной характеристики материала, определенного как брак. В работе Т.Н. Высотской подпись “образцы стеклянного брака” помещена под фотографией оплавленных фрагментов сосудов (Висотська, 1964. С. 17. Рис. 9). При изучении коллекции стекла с городища Алма-Кермен производственный брак также не выявлен, зато присутствует большое количество оплавленных фрагментов стекла, которые могли быть интерпретированы подобным образом[4]. Ю.Л. Щапова также подробно не останавливается на данных находках (1983. С. 140–143). Оплавленное стекло, безусловно, может присутствовать среди отходов стекольной мастерской, однако оно не может рассматриваться как признак производства при отсутствии других видов брака и отходов. В частности, воздействие высокой температуры может быть следствием пожара (Foy, 2000), который,

[4] Выражаю благодарность научному сотруднику Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника И.И. Неневоле за его помощь в работе с коллекцией стекла (Археологический отдел) и ценные замечания, связанные с ситуацией на городище Алма-Кермен в изучаемый период.

очевидно, стал причиной гибели городища (Высотская, 1972. С. 60, 61).

Данные о прочих отходах производства, типичных для подобных комплексов (Foy, 2000. P. 15), не упоминаются в отчетах и публикациях Т.Н. Высотской и отсутствуют в коллекции находок стекла с городища. В частности, здесь не зафиксирована ни одна из следующих категорий находок, типичных для стекольных мастерских, в том числе и римского времени: обрезки стеклянных нитей и лент; капли стекла сферической или вытянутой формы; фрагменты со следами инструментов стеклодела; так называемые колпачки – излишки стекла, остающиеся на конце стеклодувной трубки после того, как мастер отделил от нее выдувное изделие; стекло-сырец, который может быть представлен как мелкими осколками привозных полуфабрикатов стекла, так и кусками стекломассы, не выработанной в процессе производства готовых изделий в мастерской; брак, однозначно связанный с деятельностью стеклоделов (который мог, однако, вторично использоваться стеклоделами на месте, поэтому подобные находки встречаются далеко не всегда) (Foy, 2000. P. 16, 17; Amrein, 2001).

В Алма-Кермене не найдены и фрагменты тиглей. Однако это можно было бы объяснить хронологическими причинами. Тигли встречаются на памятниках римского времени с IV в. и не характерны для предшествующего периода. По данным исследований, проведенных на материалах Западной Европы, в более раннее время они не использовались, а стекло разогревалось в специальной полости, устроенной в камере печи (Amrein, 2001; Foy, Nenna, 2001). Подобные конструкции известны и в современных кустарных мастерских – в частности в Египте (Foy, Nenna, 2001. P. 63).

Свинцовые изделия и слитки, которые, как полагала Т.Н. Высотская, могли добавляться в шихту для увеличения прочности стекла, а также быть использованы для окрашивания стекла в желтый непрозрачный цвет (Высотская, 1972. С. 53), также довольно сложно увязать с местным стеклоделием. В не окрашенном намеренно стекле античных сосудов (именно из такого стекла сделано подавляющее большинство находок с городища) содержание свинца, как правило, не достигает 0.1%; это его естественная примесь к сырьевым материалам. Столь низкая концентрация свинца характерна и для изделий с городища Алма-Кермен по результатам анализа их химического состава (Румянцева, Трифонов, неопубликованные данные). Чуть более высокая примесь указанного элемента обычно интерпретируется как следствие использования в производстве вторсырья. С неидеально отсортированным или содержащим фрагменты цветного декора стеклобоем в бесцветное стекло могли попадать незначительные содержания свинца – однако и в этом случае речь идет о его микропримесях (Glass making..., 2014. P. 106). Намеренно данный элемент вводился только в стекло определенных цветов при окрашивании, в том числе в желтый, так как с этой целью использовались соединения свинца и сурьмы (Галибин, 2001. С. 40, 41). Однако изделия, декорированные желтыми накладными нитями, представлены в коллекции с городища лишь единичными мелкими фрагментами сосудов, которые могли попасть на памятник уже в виде готовых изделий.

Раковины моллюсков определены Т.Н. Высотской как один из компонентов сырья (1972. С. 53). Действительно, в подавляющем большинстве случаев именно они были источником извести в стекле, варившемся на основе песка и природной соды, по рецепту, абсолютно преобладавшему в Средиземноморье в римское время (Glass making..., 2014. P. 52–64, там же см. ссылки на литературу). Однако в отсутствие других признаков производства они вряд ли могут быть интерпретированы как признак местного стеклоделия. Нет прямых свидетельств того, что они намеренно добавлялись в шихту; обломки раковин уже содержатся в береговом песке, который мог использоваться стеклоделами в качестве сырья (Glass making..., 2014). Кроме того, в мастерской Алма-Кермена, как и едва ли не во всех известных на сегодня европейских стеклоделательных комплексах, вряд ли происходила варка стекла (подробнее см. выше). Исследования песков Средиземноморского региона показали, что лишь очень немногие из них пригодны в качестве сырья для изготовления стекла по античному рецепту: лишь на шести локальных участках Средиземноморского побережья Испании, Франции и Италии был выявлен песок, который с некоторыми допущениями мог служить сырьем для стекла, производимого по “античному рецепту” (Glass making..., 2014. P. 27–50). Причина в том, что подобные пески должны были удовлетворять одновременно ряду требований (Румянцева, 2015, там же см. ссылки на литературу).

Нет оснований говорить об отсутствии песков, пригодных для варки стекла, в Северном Причерноморье – они никогда не исследовались с этой целью. Однако вряд ли вместе с солдатами XI Клавдиева легиона, которые, как считается, основали здесь небольшую крепость (Высотская, 1972. С. 55–57), в регион прибыла специализированная экспедиция для поиска крайне редко встречающихся в природе песков (о чем римские стеклоделы были хорошо осведомлены). Нужно также учитывать, что варка стекла и производство из него готовых изделий были в римское время принципиально разными отраслями производства, каждая из которых требовала своих навыков (Foy, Nenna, 2001), и заниматься этим должны были мастера различной специализации. Для быстрой организации в Алма-Кермене производства стеклянной посуды (если бы такое существовало) гораздо логичнее было бы наладить сюда импорт полуфабрикатов – именно такая практика существовала и на территории самой Империи[5].

Можно заключить, что признаки местного стеклоделательного производства на городище Алма-Кермен отсутствуют. Очевидно, что остатки конструкций, определенных ранее как печи стеклоделов, были связаны с другими отраслями ремесла – их назначение еще предстоит уточнить специалистам, а находки, типичные для комплексов данной специализации, среди материалов городища отсутствуют. Прочие находки, ранее ассоциированные исследователями с местным стеклоделием, также не имеют прямого отношения к этому виду производства.

В то же время коллекция стекла городища Алма-Кермен (Высотская, 1972. С. 136–143) действительно исключительна для памятников Северного Причерноморья. Значительная часть этих находок представлена фрагментами высококлассных изделий, выполненных из обесцвеченного сурьмой материала наивысшего качества из того, что было распространено в рассматриваемый период на территории Римской империи. В самой Империи именно из подобного стекла изготавливалась престижная посуда – со шлифованным декором, диатреты и пр., хотя и для более простых сосудов такое стекло также использовалось (Jackson, 2005). Значительная часть находок из Алма-Кермена также представлена изделиями со шлифованным и гравированным декором. Кратко остановлюсь на их локализации в слое памятника.

Массовые находки стекла были сосредоточены на участке дворика монументального архитектурного комплекса к западу от глыбы “римского бетона” и “печей стеклоделов” размерами примерно 5 × 5 м, на кв. 10, 12 и 16; на остальной территории памятника (рис. 2) они представлены единичными фрагментами (Высотская, 1959б, 1960, 1961б). На основании сохранившейся документации невозможно оценить равномерность их распределения: идет ли речь об общей зоне концентрации стекла или в ее пределах выделяются более локальные скопления. В локализации находок привлекают внимание следующие обстоятельства.

На кв. 10 находки обнаружены примерно на уровне глинобитного пола здания, однако за его пределами – в слое серого гумуса с отдельными включениями мелких камней, к северу от локализованного *in situ* пола, скоплений горелого самана и рухнувшей горелой черепицы – в отличие от амфор с зерном, а также другой керамической посуды: тарной (амфоры, лепные корчаги), кухонной (лепной) и столовой (красно-, буро- и чернолаковой). В дневнике Т.Н. Высотская отмечает, что его находки “группируются главным образом к северной стенке квадрата” (Высотская, 1959а, запись от 18.06). Найденные здесь обломки стеклянных изделий деформированы под воздействием высокой температуры (Высотская, 1959б. С. 10–12). Перечисленные керамические находки, а также некоторые другие (жернова, сельскохозяйственные инструменты) были сосредоточены на прилегающем участке, но на глинобитном полу, среди завалов самана и черепицы, главным образом на кв. 9 и 11, где располагалась, очевидно, хозяйственная зона (Высотская, 1959б. С. 10–12). В северной части квадрата, где сконцентрировано стекло, следы пожара и каких-либо горелых конструкций отсутствуют. Это позволяет предположить, что фрагменты стекла были найдены, скорее, *in situ* на открытом пространстве комплекса, а не перемещены сюда в результате разрушения здания при пожаре. Их деформация могла произойти под воздействием высокой температуры в зоне пожара.

[5] Проведенная серия анализов химического состава стекла из Северного Причерноморья подтверждает, что обнаруженные здесь изделия произведены из стекла, сваренного на песках Восточного Средиземноморья (Румянцева, Трифонов, неопубликованные данные).

В полевой описи находок содержится информация о примерно 150 фрагментах сосудов из кв. 10, при этом большая часть зафиксирована ориентировочно на уровне глинобитного пола здания (по данным отчета, отсюда происходит около 50 фрагм. стеклянных изделий (Высотская, 1959б. С. 11), согласно полевой описи – 144).

В кв. 16 фрагменты стеклянных сосудов, также оплавленные, были сосредоточены в юго-западном углу на глинобитной площадке, которая располагалась на одном уровне с глинобитным полом здания; здесь также найдены свинцовые изделия, в том числе оплавленные, раковины моллюсков и пр. (Высотская, 1961б. С. 14–16). Однако непосредственные следы пожара и разрушения здесь также не отмечены. Полевая опись содержит сведения о более 200 фрагм. стекла с кв. 16. Большое количество находок происходит из восточной бровки кв. 16, однако стекло было сосредоточено в юго-западной части квадрата (Высотская, 1961б. С. 48). О скоплении в восточной части квадрата, около “круглой печи”, в отчете сведений нет.

Высокая концентрация (не менее 1.5 кг) “фрагментов стеклянных сосудов, стекольного боя и шлака” отмечена также на кв. 12, “в непосредственной близости от обнаруженных здесь глыб римского бетона с западной стороны”, однако, в отличие от ранее отмеченных зон локализации, стекло обнаружено здесь не на уровне пола здания, а на 30–50 см ниже (Высотская, 1960. С. 9) и на уровне основания фундамента печи[6]. Происходящие из данной зоны находки также оплавлены. Фрагменты стеклянной посуды найдены и в котловане прямоугольной печи и вокруг него, а также в глыбе “римского бетона”, однако их число менее значительно (Высотская, 1961б. С. 16).

Таким образом, как упомянуто выше, учитывая отсутствие следов пожара и остатков горелых конструкций непосредственно в зоне концентрации стекла, можно предположить, скорее, его находку *in situ*, а не стихийное перемещение на обозначенный участок во время пожара. Возможно, в пользу этой версии говорит и разная глубина залегания фрагментов стекла на обозначенном участке, что является важным аргументом при интерпретации этих находок (см. ниже). В то же время стоит подчеркнуть, что на основании имеющейся документации возможны лишь гипотетические реконструкции.

Т.Н. Высотская (1972) и Н.П. Сорокина (Sorokina, 1978. S. 118) обращали внимание на исключительное число находок стекла на данном участке, интерпретируя их как стеклобой, предназначенный для вторичного использования в производстве стеклянной посуды, которое, как считалось, существовало на памятнике. Данная интерпретация по-прежнему представляется одной из наиболее вероятных, однако обнаруженное здесь стекло стоит связывать не с локальным производственным, а с бытовым контекстом. Локализация находок и высокое качество стекла позволяет предположить, что ранее оно использовалось в быту, а потом, возможно, было собрано в виде стеклобоя непосредственно на территории данного архитектурного комплекса.

Практика сбора стеклобоя для последующего обмена на другие мелкие товары отражена в письменных источниках I в. н.э. (например, у Марциала и других древних авторов – см. Keller, 2005; Алексеева, Сорокина, 2007. С. 38). Имеются археологические свидетельства его сбора в жилых зонах античных поселений, без признаков стеклоделательного производства. Яркий пример – находки на территории позднеантичной виллы в Мило (Гард, Франция) (Foy, Michel, 2003). В Северном Причерноморье одно из наиболее крупных скоплений стеклобоя, весом около 7 кг, обнаружено в подвале дома античной Горгиппии, погибшего при пожаре около 240 г. н.э.; его возможная связь с местным производством представляется спорной (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 23–37; ссылки на литературу по находкам стеклобоя см. также: Румянцева, 2016).

Факт наличия скоплений битого стекла не означает при этом, что стеклоделательная мастерская находилась в непосредственной близости от места находки. Известны свидетельства торговли стеклобоем на дальние расстояния. На корабле, затонувшем во II–III вв. в Адриатическом море (недалеко от о. Градо, Италия), была обнаружена бочка, содержавшая около 140 кг битого стекла (Keller, 2005; Silvestri et al., 2008). Подобные свидетельства известны и в эпоху Средневековья (Алексеева,

[6] Информация из дневника раскопок Т.Н. Высотской (1961а). Фундамент печи и глыба “римского бетона” на западе доходят до границы кв. 12, частично заходя в кв. 10, поэтому неясно, как скопление стекла могло располагаться в западной части кв. 12. Очевидно, речь идет об участке между печью и глинобитной площадкой.

Сорокина, 2007. С. 38, там же ссылки на литературу). Весьма вероятно, что практика бытового сбора стеклобоя с последующей транспортировкой его в мастерские по производству стеклянных изделий применялась и населением Северного Причерноморья.

Таким образом, комплекс, раскопанный на территории городища Алма-Кермен экспедицией Т.Н. Высотской, хотя и не связан со стеклоделательным производством напрямую, вполне вероятно, имеет к нему косвенное отношение. Анализу коллекции стекла, происходящему из описанных выше скоплений, будет посвящена отдельная публикация. На сегодня дата его может быть в целом синхронизирована с периодом существования "дома с фресками", определяемого в рамках горизонта второй половины II – первой половины III в. (Высотская, 1972. С. 62; Смекалова и др., 2015. С. 57–59).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агрикола Георгий. О горном деле и металлургии. Изд. 2-е. М.: Недра, 1986. 294 с.

Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии (I–III вв.). М.: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 216 с.

Висотська Т.М. Про виробництво скла в пізньоантичному Криму // Археологія. Т. XVI. Київ: Наук. думка, 1964. С. 7–20.

Высотская Т.Н. Дневник археологических раскопок на городище Алма-Кермен. 1959 г. // Архив ИА Крыма РАН. 1959а.

Высотская Т.Н. Отчет о раскопках на гор. Алма-Кермен у с. Заветное в 1959 г. // Архив ИА НАН Украины. 1959б. № 1959/9-н.

Высотская Т.Н. Отчет об археологических работах Альминского отряда Горно-Крымской экспедиции // Архив ИА НАН Украины. 1960. № 1960/18-а.

Высотская Т.Н. Дневник археологических раскопок на городище Алма-Кермен. 1961 // Архив Музея-заповедника "Неаполь Скифский". 1961а. Симферополь.

Высотская Т.Н. Отчет о работе Альминского отряда Крымской археологической экспедиции на городище Алма-Кермен за 1961 г. // Архив ИА НАН Украины. 1961б. № 1961/41.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка. 1972. 191 с.

Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнельт Э., Масякин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I–III вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.

Румянцева О.С. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. 2011. № 3. С. 86–97.

Румянцева О.С. Стекло I тыс. н.э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 20–49.

Румянцева О.С. Литое стекло с поселения черняховской культуры Комаров: престижная посуда или сырье стеклоделательной мастерской? // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. 1. С. 203–218.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015 (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XV) (Археологические атласы Северного Причерноморья). 248 с.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.

Amrein H. L' atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande, 2001 (Cahiers d'archéologie romande; 87). 186 p.

Foy D. Les indices d'une production de verre: repérages et interprétations. Étude méthodologique. L'exemple provençal // El vidrio en al-Andalus / Ed. P. Cressier. Madrid: Casa de Velazquez, 2000. P. 13–42.

Foy D., Michel D. Utilisation et recuperation du verre dans la villa de Milhaud (Gard) a la fin de l'Antiquité (vaiselle gravée et verre architectural) // Revue archéologique de Narbonnaise. 2003. T. 36. P. 319–334.

Foy D, Nenna M.-D. Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Édisud, 2001. 256 p.

Glass Making in the Greco-Roman World / Ed. P. Degryse. Leuven: Leuven Univ. Press, 2014 (Studies in Archaeological Sciences; 4). 189 p.

Gorin-Rosen Y. Hadera, Bet Eli'ezer // Excavations and surveys in Izrael. 1995. Vol. 13. P. 42–43.

Jackson C.M. Making colourless glass in the Roman period // Archaeometry. 2005. Vol. 47, iss. 4. P. 763–780.

Keller D. Social and economic aspects of glass recycling // Theoretical Roman Archaeology Journal. 2005:

Theoretical Roman Archaeology Conference 2004. P. 65–78.

Lazar I. Rimsko steklo Slovenije. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2003. 252 p.

Nenna M.-D. Production et commerce du verre a l'époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques // Facta. 2007. № 1. P. 125–148.

Silvestri A., Molin G., Salviulo G. The colourless glass of Iulia Felix // Journal of Archaeological Sciences. 2008. Vol. 35, iss. 2. P. 331–341.

Sode T., Kock J. Traditional Raw Glass Production in Northern India: The final stage of an ancient technology // Journal of Glass Studies. 2001. Vol. 43. P. 155–169.

Sorokina N.P. Facettenschliffgläser des 2^{en}–3^{en} JHd. U.Z. aus den Schwarzmeergebiet // Annales du 7e Congrès Intern. d'Étude Historique du Verre. Berlin–Leipzig, 15–21 août 1977. Liège: Ed. du Secrétariat Général da l' Association Intern. pour l'Archéologie du Verre, 1978. P. 111–122.

Stern E.M. Roman Glassblowing in a Cultural Context // American Journal of Archaeology. 1999. Vol. 103, no. 3. P. 441–484.

THE GLASS WORKSHOP IN ALMA KERMEN

Olga S. Rumyantseva

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: o.roumiantseva@mail.ru

In 1959–1961, in the fortified settlement of Alma-Kermen in the South-Western Crimea, a manufacturing complex with three "furnaces" and glass finds exceptional for the Northern Pontic region was found and interpreted as a glass workshop. Reexamination of these finds, a detailed analysis of the structures found there and the accompanying material allows for a conclusion about the absence of any signs of glass production on the site. Numerous finds of fragments of glass vessels were probably related to everyday practice of collecting cullet intended for recycling. The localization of finds, their character, as well as an exceptionally high quality of the glass which they were made from suggest their connection with the monumental architectural complex of the second half of the 2nd – the first half of the 3rd century AD that existed on the site during the Roman presence.

Keywords: the Northern Pontic region, the Roman period, glassworking, workshop, Alma-Kermen.

REFERENCES

Agrikola Georgius, 1986. O gornom dele i metallurgii [De Re Metallica]. 2nd ed. Moscow: Nedra. 294 p.

Alekseyeva E.M., Sorokina N.P., 2007. Kollektsiya stekla antichnoy Gorgippii (I–III vv.) [Glass collection of ancient Gorgippia (the 1st–3th centuries)]. Moscow: Interbuk-biznes. 160 p.

Amrein H., 2001. L'atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. 186 p. (Cahiers d'archéologie romande, 87).

Foy D., Nenna M.-D., 2001. Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Édisud. 256 p.

Foy D., 2000. Les indices d'une production de verre: repérages et interprétations. Étude méthodologique. L'exemple provençal. *El vidrio en al-Andalus.* P. Cressier, ed. Madrid: Casa de Velazquez, pp. 13–42.

Foy D., Michel D., 2003. Utilisation et recuperation du verre dans la villa de Milhaud (Gard) à la fin de l'Antiquité (vaiselle gravée et verre architectural). *Revue archéologique de Narbonnaise*, 36, pp. 319–334.

Galibin V.A., 2001. Sostav stekla kak arkheologicheskiy istochnik [Glass composition as an archaeological source]. St. Petersburg: Peterb. vostokovedeniye. 216 p.

Glass Making in the Greco-Roman World. P. Degryse, ed. Leuven: Leuven Univ. Press, 2014. 189 p. (Studies in Archaeological Sciences, 4).

Gorin-Rosen Y., 1995. Hadera, Bet Eli'ezer. *Excavations and surveys in Izrael*, 13, pp. 42–43.

Jackson C.M., 2005. Making colourless glass in the Roman period. *Archaeometry*, vol. 47, iss. 4, pp. 763–780.

Keller D., 2005. Social and economic aspects of glass recycling. *Theoretical Roman Archaeology Journal (Theoretical Roman Archaeology Conference 2004)*, pp. 65–78.

Lazar I., 2003. Rimsko steklo Slovenije. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti. 252 p.

Nenna M.-D., 2007. Production et commerce du verre a l'époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques. *Facta*, 1, pp. 125–148.

Rumyantseva O.S., 2011. The glass-making industry in the Roman times and in the early Middle Ages:

sources, facts, hypotheses. *RA [Russian archaeology]*, 3, pp. 86–97. (In Russ.)

Rumyantseva O.S., 2015. Glass in the 1st millennium AD: composition, origin and distribution. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 237, pp. 20–49. (In Russ.)

Rumyantseva O.S., 2016. Cast glass from the Chernyakhov culture settlement Komarov: prestigious vessels or raw materials for a glass workshop? *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, iss. 245, part 1, pp. 203–218. (In Russ.)

Shchapova Yu.L., 1983. Ocherki istorii drevnego steklodeliya (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy) [Studies in the history of ancient glass making (based on materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe)]. Moscow: Izd. MGU. 200 p.

Silvestri A., Molin G., Salviulo G., 2008. The colourless glass of Iulia Felix. *Journal of Archaeological Sciences*, vol. 35, iss. 2, pp. 331–341.

Smekalova T.N., Koltukhov S.G., Zaytsev Yu.P., 2015. Atlas pozdneskifskikh gorodishch predgornogo Kryma [Atlas of late Scythian fortified settlements in the piedmont Crimea]. St. Petersburg: Aleteyya. 248 p. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, XV) (Arkheologicheskiye atlasy Severnogo Prichernomor'ya).

Sode T., Kock J., 2001. Traditional Raw Glass Production in Northern India: The final stage of an ancient technology. *Journal of Glass Studies*, 43, pp. 155–169.

Sorokina N.P., 1978. Facettenschliffgläser des 2^{en}–3^{en} JHd. U.Z. aus den Schwarzmeergebiet. *Annales du 7e Congrès International d'Étude Historique du Verre. Berlin–Leipzig, 15–21 août 1977.* Liège: Ed. du Secrétariat Général da l'Association International pour l'Archéologie du Verre, pp. 111–122.

Stern E.M., 1999. Roman Glassblowing in a Cultural Context. *American Journal of Archaeology*, vol. 103, no. 3, pp. 441–484.

Visots'ka T.M., 1964. On the glassmaking of the Crimea in the late antiquity. *Arkheologiya [Archaeology]*, XVI. Kiiv: Nauk. dumka, pp. 7–20. (In Ukrainian)

Vysotskaya T.N. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok na gorodishche Alma-Kermen. 1961 [Diary book of the archaeological excavations in the Alma-Kermen fortified settlement. 1961]. *Arkhiv Muzeya-zapovednika "Neapol' Skifskiy" [Archive of the Museum-Reserve "Scythian Neapolis"].* Simferopol'. (Unpublished)

Vysotskaya T.N. Otchet o rabote Al'minskogo otryada Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na gorodishche Alma-Kermen za 1961 g. [Report on the activities of the Alma detachment of the Crimean archaeological expedition to the Alma-Kermen fortified settlement in 1961]. *Arkhiv IA NAN Ukrainy [Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]*, № 1961/41. (Unpublished)

Vysotskaya T.N. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok na gorodishche Alma-Kermen. 1959 g. [Diary book of the archaeological excavations in the fortified settlement of Alma-Kermen. 1959]. *Arkhiv IA Kryma RAN [Archive of the Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences],* 1959a.

Vysotskaya T.N. Otchet o raskopkakh na gor. Alma-Kermen u s. Zavetnoye v 1959 g. [Report on the excavations in the fortified settlement of Alma-Kermen at the village of Zavetnoye in 1959]. *Arkhiv IA NAN Ukrainy [Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]*, 1959, № 1959b/9-n. (Unpublished)

Vysotskaya T.N. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Al'minskogo otryada Gorno-Krymskoy ekspeditsii [Report on archaeological activities of the Alma detachment of the Crimean mountain expedition]. *Arkhiv IA NAN Ukrainy [Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]*, № 1960/18-a. (Unpublished)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 85–90

О ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ОПИСАНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2020 г. Е.Е. Васильева

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: veda_lv@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

В публикации ставится вопрос о создании унифицированной системы описания подземных деревянных погребальных конструкций. Автором предложен бланк, разработанный по итогам изучения материалов монастырских, приходских и соборных некрополей эпох позднего Средневековья и Нового времени, расположенных на территории Верхнего Поволжья, и даются подробные комментарии к нему. Предлагаемая система представляет собой практическую разработку для применения исследователями, занимающимися археологическим изучением христианских погребальных памятников.

Ключевые слова: позднее Средневековье, Новое время, погребальные конструкции, унификация системы описания.

DOI: 10.31857/S086960630009074-0

Поводом к постановке вопроса об унификации системы описания деревянных погребальных конструкций послужило исследование материалов монастырских, приходских и соборных некрополей эпох позднего Средневековья и Нового времени, расположенных на территории Верхнего Поволжья. Изучено более 1600 погребений, датирующихся периодом от рубежа XIV–XV вв. до начала XX в. Из них в 596 захоронениях (что составляет почти 40% от общего количества) прослежены остатки деревянных погребальных конструкций, сохранность которых позволяет определить тип, вид, подвид или форму сооружения.

При работах на соответствующих памятниках археологии даже в условиях, не способствующих сохранности органических материалов, нередки находки деревянных гробов или их остатков. Отметим, что даже частично сохранившаяся погребальная конструкция при тщательной фиксации всех деталей может дать исследователю большой объем информации, вплоть до реконструкции типа, вида или способа сложения (Васильева, 2018а. С. 94).

В целях упрощения и унификации фиксации деталей деревянных гробов, обнаруженных в ходе археологических исследований, автором создан двухсторонний бланк, на котором в графическом и текстовом виде собрана информация, необходимая для полного описания погребальной конструкции.

Данная информация включает в себя указание мест взятия необходимых обмеров; данные о форме (в плане и в сечении) как самой погребальной конструкции, так и ее крышки; для составных гробов с креплением досок при помощи пазов – указание мест расположения пазов и/или шипов. Также представлены детали (оформление изголовья изнутри, наличие или отсутствие рельефа на досках гроба и/или крышки), которые могут помочь в датировке погребального комплекса в целом.

На стороне первого бланка собрана информация о деталях **долбленых гробов** (рис. 1). В блоке *а* необходимо отметить, какую форму в плане имеет погребальная конструкция и ее размеры. Для указания высоты колоды (в изголовье и в изножье) предусмотрено место в нижней части блока *а*.

Ввиду простой конструкции, колоды прямоугольной и трапециевидной формы объединены в единый кластер, контуры обозначены линиями разных типов. Колода прямоугольной формы предполагает два обмера в плане – длину и ширину, колода трапециевидной формы – три обмера – длину, ширину в изголовье и в изножье.

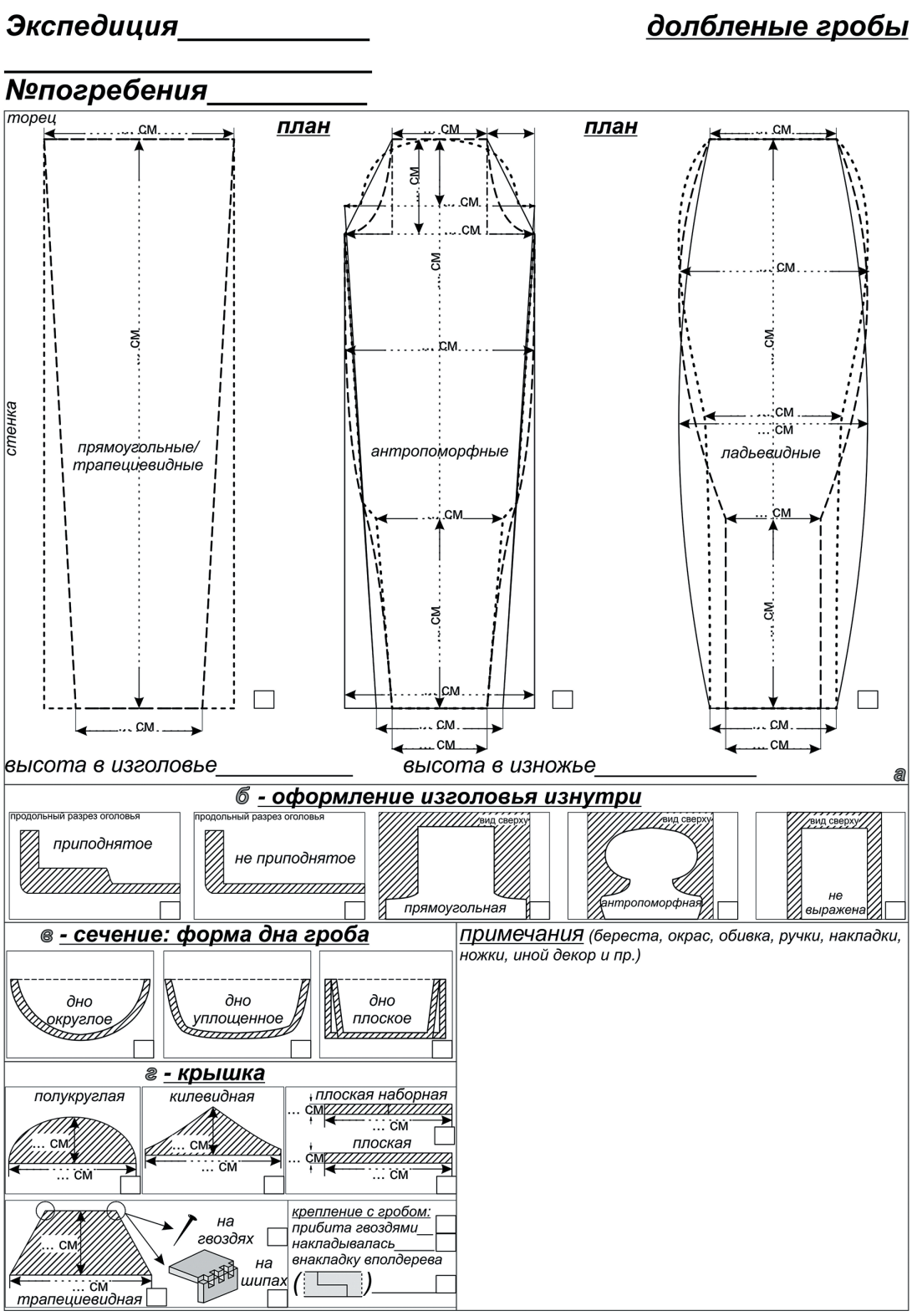


Рис. 1. Бланк описания. Сторона 1.

Fig. 1. Description form. Side 1

Центральная часть блока *а* посвящена колодам антропоморфной формы. Представлено четыре варианта формы оголовья – выступающее трапециевидное, округлое и прямоугольное оголовье с прямыми плечиками и подпрямоугольное оголовье с плавной линией плечиков.

Основная форма конструкции также имеет четыре разновидности – прямоугольная, трапециевидная, антропоморфная с ярко выраженным или плавным сужением в изножье. Контуры обозначены линиями разных типов и толщины. Стрелками указаны места взятия необходимых обмеров – общей длины колоды, длины выступающего оголовья, изножья (в случае его яркой выраженности); ширины в изголовье (при прямоугольном или подпрямоугольном выступающем оголовье), в плечиках, в изножье, в месте сужения к ножной части (для колод с ярко выраженным сужением в изножье).

Все три подвида колод ладьевидной формы (с плавным расширением в центральной части, с расширением в верхней половине, с плавным расширением в центральной части и значительным сужением в ножной) также объединены в единый кластер. Разновидности обозначены линиями разных типов. Стрелками указаны места необходимых обмеров – общей длины колоды, длины изножья (для подвида, имеющего значительное сужение в ножной части); ширины в изголовье, в месте максимального расширения, сужения и в изножье.

Блок *б* иллюстрируют вариативность оформления головной части колоды изнутри. При заполнении блока предполагается отметить, имеет ли гроб приподнятое оголовье или дно гроба изнутри плоское и не имеет возвышения в головной части. Также представлено три варианта оформления ниш для головы, которые могут иметь антропоморфную и прямоугольную форму или могут быть не выражены.

Блок *в* посвящен форме дна долбленой колоды, которое может быть округлым, уплощенным или плоским. В последнем случае поперечное сечение может по форме приближаться как к прямоугольнику, так и к трапеции.

Блок *г* посвящен крышкам гроба. Указано четыре варианты формы сечения крышек – полукруглая, килевидная, плоская (с указанием вариантов – цельная или наборная из нескольких досок), трапециевидная в сечении (встречается также термин “двухскатная” (Беляев, 2011. С. 16)). Для крышек трапециевидной в сечении формы представлены варианты крепления досок крышки друг с другом – при помощи гвоздей или прямых сквозных шипов. Отдельный пункт блока *г* посвящен описанию способа крепления крышки к гробу – крышка могла быть прибита гвоздями, просто накладываться, не имея никаких дополнительных креплений, или крепиться способом внакладку вполдерева; в этом случае мы видим подтесы по периметру крышки, с внутренней стороны и по периметру гроба, в верхней части стенок и/или торцов. Стрелками указаны места необходимых обмеров – ширины и высоты крышки гроба. Для крышек килевидной формы замер высоты производится дважды – в изголовье и изножье. Поскольку случаи, когда длина крышки не совпадает с длиной гроба, единичны, то указание длины крышки (в случае несовпадения) переносится в раздел “*примечания*”.

В бланке предусмотрено место для примечаний, где можно отметить наличие декоративных элементов погребальной конструкции – ручек, накладок под ручки, ножек, тканевой обивки, окраса досок, декоративных наверший и др. Здесь же можно указать и другие, реже встречающиеся детали оформления вместилища для тела погребенного – например, использование бересты, двойные крышки, барельефы, наличие дощатого перекрытия над гробом и пр., а также (при желании) детали погребального обряда – подушки под головой, позу погребенного и др.

На стороне второго бланка собрана информация относительно конструктивных деталей **составных гробов** (рис. 2). Блок *а* имеет два раздела – графический (*а.1*) и текстовый (*а.2*). В графическом разделе необходимо указать форму гроба в плане – прямоугольную, трапециевидную (составные гробы трапециевидной в плане формы и трапециевидные с расширением в плечиках объединены в единый кластер) или антропоморфную. Последняя предполагает следующую конструкцию: дно и стенки гроба представляют собой единый короб, выдолбленный из цельного ствола дерева, торцы – отдельные доски, которые крепятся при помощи гвоздей или шипов. Кроме того, в графическом разделе блока *а* стрелками указаны места взятия части необходимых обмеров. Для составных гробов прямоугольной формы – длина и ширина гроба; трапециевидной формы – длина и ширина в изголовье и изножье; для составных гробов трапециевидной формы с расширением в плечиках необходимо также выполнить замер ширины в месте максимального расширения. Для составных гробов антропоморфной формы, помимо всего прочего, необходимо также измерить длину выделенной ножной части и

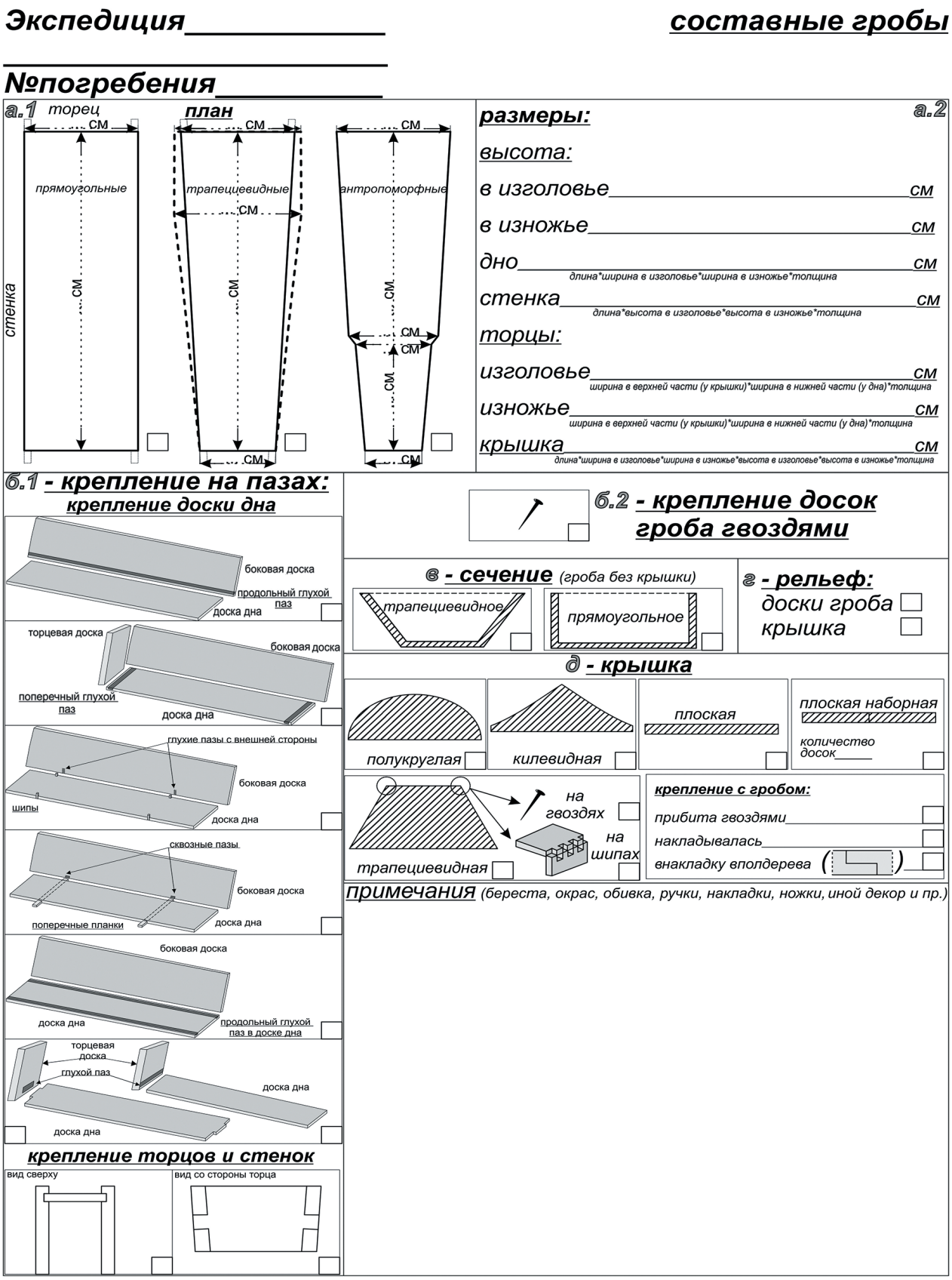


Рис. 2. Бланк описания. Сторона 2.

Fig. 2. Description form. Side 2

ширину в месте начала сужения. Поскольку гробы этого типа составлены из трех–пяти деталей (досок), признано целесообразным введение текстового раздела в блок *а* для указания размеров досок, составляющих гроб. Необходимо указать высоту гроба в изголовье и изножье, размеры доски дна, стенки (или стенок, если погребальная конструкция по какой-либо причине не симметрична) и торцов. В случае, если необходимо взять более одного обмера, под строками указана информация о том, какие именно и в каком конкретном месте берутся измерения. Отдельно стоит отметить, что ширину торцевой стенки необходимо измерять не в центральной части доски, а в верхней (в месте крепления с крышкой) и нижней (у дна) частях, поскольку зачастую визуально сложно определить, имеет гроб в сечении прямоугольную или трапециевидную форму (за исключением составных гробов, распространенных преимущественно в XIX–начале XX в., ширина торцов которых в верхней части значительно превышает ширину торцевой доски в нижней части). В этот же блок вписываются размерные характеристики крышки.

Блок *б* посвящен способу сложения досок гроба. Различают два способа сложения – при помощи пазов (*б.1*) или гвоздей (*б.2*). В случае, если все доски гроба крепятся при помощи гвоздей, можно заполнить необходимый раздел и, в случае необходимости, отметить на схеме, расположенной в блоке *а.1*, места обнаружения гвоздей. В случае если доски гроба крепятся при помощи пазов или шипов, то необходимо заполнить колонку, расположенную в левой нижней части стороны 2 бланка. В верхней части колонки в графическом виде представлены варианты крепления доски дна (приводимое описание вариантов крепления дано в порядке сверху вниз):

– доска дна может вставляться в продольный глухой паз, выдолбленный в нижней части стенок гроба;

– по краям доски дна могут быть выдолблены поперечные пазы для вставки торцевых стенок;

– по краям доски дна, перпендикулярно ей, могут быть вставлены деревянные шипы, которые также вставлялись в глухие пазы, выдолбленные с внешней стороны досок стенок;

– с внешней стороны доски дна могут быть выдолблены поперечные глухие пазы для вставки поперечных планок, края которых вставлялись в сквозные пазы, выдолбленные в нижней части боковых стенок;

– с внутренней стороны доски дна могли быть выдолблены продольные пазы для вставки досок стенок;

– в нижней части торцевых досок могут быть выдолбленные глухие пазы для вставки доски дна, в зависимости от того, продольный паз или глухой, края доски дна могут быть прямыми или иметь глухие шипы, вставляющиеся “впотемок”.

В нижней части колонки блока *б.1* расположен раздел, иллюстрирующий вариативность крепления торцевых досок гроба со стенками. Так (описание вариантов крепления дано в порядке слева направо), торцевые доски могли вставляться в поперечные глухие пазы, выдолбленные по краям досок стенок. Такой способ сложения хорошо вычленяется даже при относительно плохой сохранности деревянной погребальной конструкции (в виде полос и пятен древесного тлена) за счет хорошей видимости выпусков боковых досок за торцевые. Еще один способ крепления торцевых досок гроба со стенками – в сквозной “ласточкин хвост”. Отметим, что этот способ крепления, согласно наблюдениям автора, появляется лишь в XVIII в. (Васильева, 2018б. С. 36).

В блоке *в* необходимо отметить форму гроба в сечении – прямоугольную или трапециевидную.

Блок *г* посвящен такой детали деревянных гробов, как рельеф досок крышки и/или гроба.

Блок *д*, как и на стороне 1 бланка, посвящен форме крышек деревянных гробов. Поскольку размеры крышки вписываются в текстовый раздел блока *а* (*а.2*), то в блоке *д* на стороне 2 бланка, посвященной составным гробам, убраны обозначения для мест взятия обмеров крышки во избежание дублирования данных.

Так же, как и на стороне 1 бланка, в нижней части предусмотрено место для примечаний, где можно отметить наличие вышеперечисленных декоративных элементов погребальной конструкции и других деталей.

Подробное заполнение всех возможных блоков бланка не только облегчает процедуру описания погребальных конструкций, но и позволяет выявить детали, представляющие собой хронологические маркеры, при помощи которых представляется возможным сузить датировку безынвентарных захоронений, а также

реконструировать конструкции относительно плохой сохранности. Безусловно, в настоящем бланке учтены лишь наиболее распространенные конструктивные элементы деревянных погребальных сооружений, в связи с чем возможны последующие корректировки, связанные как с процессом увеличения количества подобного рода материалов, так и с расширением географических рамок применения результатов настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. (Методика полевых археологических исследований). М.: ИА РАН, 2011. 56 с.

Васильева Е.Е. Исследования деревянных погребальных конструкций некрополя Чудова монастыря Московского Кремля // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2018а. Т. 45. № 1 (март). С. 90–96.

Васильева Е.Е. Особенности деревянных погребальных сооружений XVIII века // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы междунар. науч. конф. М.: ИА РАН; Ин-т рос. истории РАН, 2018б. С. 36–38.

THE UNIFIED SYSTEM FOR DESCRIBING WOODEN FUNERARY STRUCTURES OF THE LATE MIDDLE AGES AND THE MODERN PERIOD

Elena E. Vasilyeva

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: veda_lv@mail.ru

The paper raises the question of developing a unified system for describing underground wooden funerary structures. The author proposes a form developed as a result of studying materials from monastery, parish and cathedral necropolises of the late Middle Ages and the Modern Period located in the Upper Volga region and gives detailed comments on it. The proposed system is a practical development to be used by researchers involved in archaeological studies of Christian funerary sites.

Keywords: the Late Middle Ages, the Modern period, funerary structures, unification of the description system.

REFERENCES

Belyayev L.A., 2011. Opyt izucheniya istoricheskikh nekropoley i personal'noy identifikatsii metodami arkheologii. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy) [The experience of studying historical necropolises and personal identification by archaeology methods. (Methodology of field archaeological research)]. Moscow: IA RAN. 56 p.

Vasil'yeva E.E., 2018a. Studies of wooden burial structures of the Chudov Monastery necropolis in the Moscow Kremlin. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya Politologiya [Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political Science]*, vol. 45, no. 1, pp. 90–96. (In Russ.)

Vasil'yeva E.E., 2018b. Features of wooden funerary structures of the 18th century. *Zhizn' v Rossiyskoy imperii: Novyye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Life in the Russian Empire: New sources in the field of archaeology and history of the 18th century: Proceedings of the International scientific conference]*. Moscow: IA RAN; Institut rossiyskoy istorii RAN, pp. 36–38. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 91–110

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ
(предварительное сообщение)

© 2020 г. И.О. Гавритухин*, А.Н. Свиридов**, С.В. Язиков***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: gavritukhin@rambler.ru
**E-mail: a_sviridov@mail.ru
***E-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.05.2019 г.

В статье публикуются сведения о могильнике у с. Фронтовое (Нахимовский р-н г. Севастополь). Экспедицией ИА РАН 2018 г. здесь исследовано 328 могил последних десятилетий I – начала V в. Памятник раскопан полностью, что делает его эталонным для изучения многих вопросов истории варварского населения региона, его взаимоотношений с Херсонесом и другими центрами Римской империи. Определены хронологические зоны некрополя (2 периода, в каждом по 2-3 разновременных участка), датировка которых подтверждена более чем 40 монетами. Господствуют ингумации в ямах с одним (реже двумя) подбоем и каменным закладом. В аналогичных сооружениях зафиксировано 14 кремаций. В периоде 2 появляются 3 погребения в ямах, 12 склепов с длинной входной ямой. Кратко описаны бусы; керамические и стеклянные сосуды; предметы вооружения, в том числе мечи, щиты; наборы конского снаряжения; разнообразные украшения и мелкие бытовые предметы. Ряд изделий выполнен в полихромных стилях. Особенно выразительны изменения, связанные с эпохой так называемых Скифских войн середины III в. и их последствиями, однако преемственность в планиграфии, господствующих погребальных обрядах, ряде категорий инвентаря позволяет считать, что некрополь Фронтовое 3 принадлежал одному населению (общине). Очевидны широкий спектр связей этих людей, открытость влияниям; не исключена и инкорпорация в эту общину носителей других традиций.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, I–V вв., могильник, периодизация.

DOI: 10.31857/S086960630009075-1

Могильник Фронтовое 3 открыт в 2018 г. сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в ходе проведения охранно-спасательных работ на памятниках археологии, попадающих в зону строительства автомобильной трассы Таврида. Он расположен в Нахимовском р-не г. Севастополь, в 1 км к западо-юго-западу от с. Фронтовое. Раскопки велись отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН (начальник С.Ю. Внуков) под руководством С.В. Язикова и А.Н. Свиридова.

Исследована площадь 13 948 м^2. Культурный слой подвергался распашке, насыщен слабо, среди находок отметим монеты: Сахиб Гирей (1-й) бен Менгли Гирей (1532–1550) или Ислам Гирей (II) бен Дэвлет Гирей (1584–1588); Селим (I) бен Бехадыр (1671–1704); Селим (II) бен Каплан (1743–1748)[1]. На юго-востоке раскопа исследовано пять ям с материалами эпохи бронзы и без выразительных находок.

На основной части вскрытой площади открыто 4 погребальных сооружения эпохи бронзы и 328 – римского времени. Эти могильники раскопаны практически полностью (рис. 1, *а, б*); современными мародерами не затронуты. Данная статья посвящена краткой характеристике основной части памятника – некрополя римской эпохи (находки представлены на рис. 2–8).

Могильник – грунтовый; погребальные сооружения вне зависимости от их типов, как правило, расположены рядами. Случаи перекрывания одной могилы другой единичны (см. ниже). В верхней части заполнения входных

[1] Определения И.В. Волкова; античных монет – М.Г. Абрамзона.

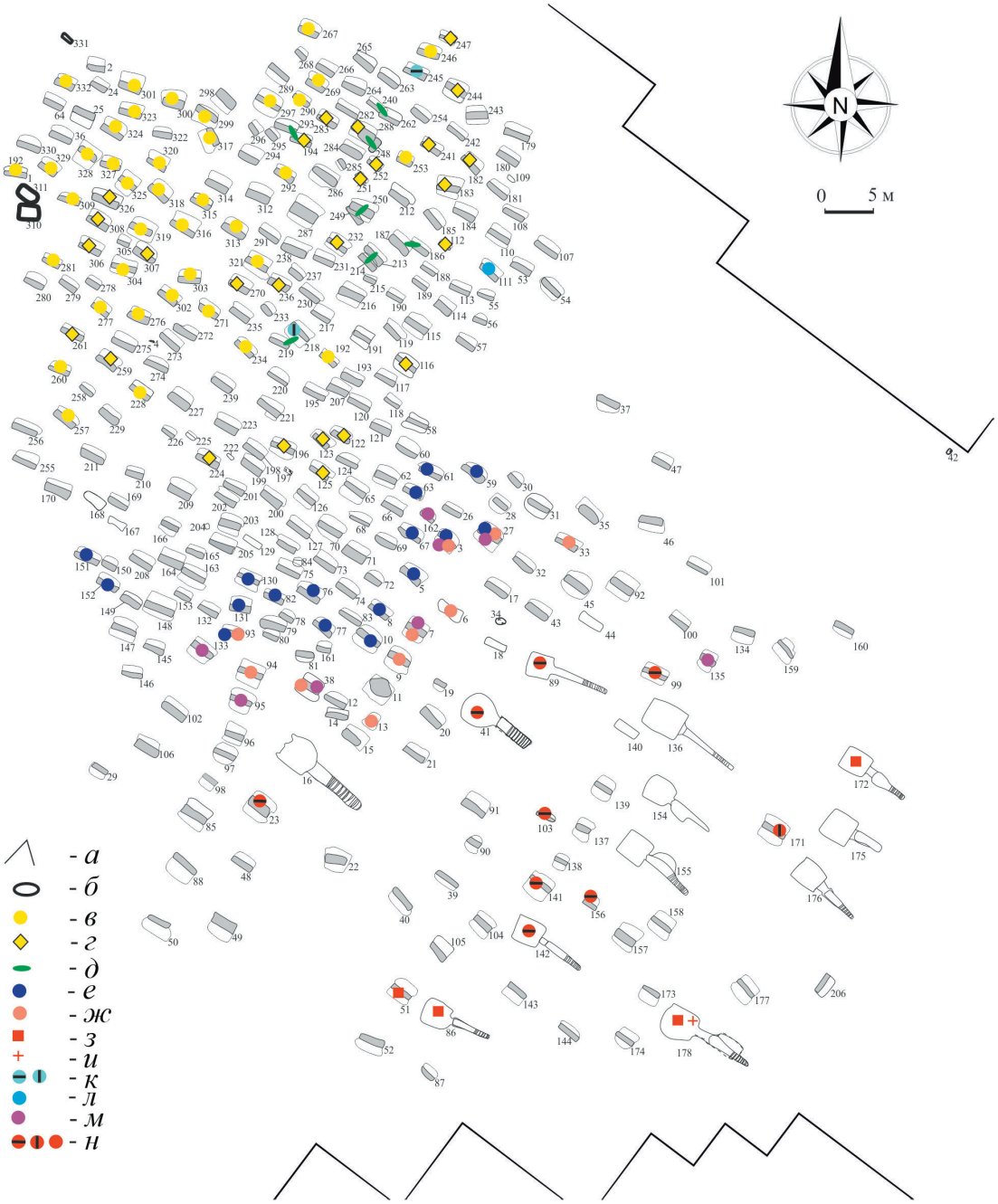


Рис. 1. Фронтовое 3. План могильника. Условные обозначения: *а* – граница раскопа; *б* – погребения эпохи бронзы; *в* – керамика последних десятилетий I–первой половины II в.; *г* – керамика II в.; *д* – могилы, перекрывающие одна другую; *е* – юго-восточная периферия ареала одночленных лучковых фибул; *ж* – северо-западная периферия ареала двучленных лучковых фибул; *з* – индикаторы гуннского времени (не ранее 370-х годов); *и* – пряжки V в.; *к–н* – позднейшие монеты в комплексе: *к* – первая половина I в. и 150–175 гг.; *л* – конец II – начало III в.; *м* – середина III в.; *н* – IV в., из них горизонтальной полосой выделены 306–337 гг. (вероятно, с 309/310 по 320-е годы), вертикальной – 351–355 гг.

Fig. 1. Frontovoye 3. A plan of the cemetery

ям более 20 погребальных сооружений, расположенных на большей части площади некрополя, обнаружены крупные одиночные камни. Скорее всего, они были видимы на древней дневной поверхности и, возможно, могли выполнять функцию надмогильных знаков. Вероятно, были и другие (не фиксируемые археологически) внешние маркеры могил. Все свидетельствует о том, что люди, хоронившие на этом кладбище, знали его структуру.

По распространению ряда узкодатируемых находок, скоплениям могил, особенностям погребальных обрядов на могильнике выделяется несколько зон. Хронологические индикаторы (см. обзоры по категориям ниже) последних десятилетий I – первой половины II в. концентрируются на северо-западе некрополя, образуя его хронологическое "ядро" (рис. 1, *в*). Далее (до первой половины или середины III в.) он рос на восток и юг, где образовалось два "лепестка" плотно расположенных погребений. Наиболее отчетливо финал этого (1-го) периода развития могильника фиксирует смена одночленных лучковых фибул двучленными (рис. 1, *е–ж*).

С середины или второй половины III в. (период 2) могильник расширялся от южного "лепестка" зоны периода 1 на восток и юг, причем плотность расположения могил стала заметно более разреженной. Есть в ранней зоне периода 2 и комплексы IV в. На крайнем юго-восточном (тоже разреженном) участке нет хроноиндикаторов ранее второй четверти IV в., а на его южной и восточной периферии (рис. 1, *з*) найдены стеклянный сосуд, пряжки, ременные накладки и наконечники (рис. 4, *1*; 5, *3–6*), которые распространяются не ранее последней четверти IV в.

К позднейшим хроноиндикаторам относятся пряжки из погр. 178 (рис. 1, *и*; 5, *1, 2*), указывающие на существование могильника в V в. Остальные находки из этого склепа не противоречат такой дате, хотя имеют аналогии и в более ранних комплексах. Судя по всему, некрополь прекратил функционировать в начале или первых десятилетиях V в. Расположенное на юго-восточном краю могильника одноподбойное погр. 206, выделяющееся ориентировкой, к сожалению, безынвентарное.

В западной части восточного "лепестка" периода 1 некрополя зафиксировано семь случаев перекрывания одной могилы другой (рис. 1, *д*). Их инвентарь обычен для могил периода 1 и зачастую невыразителен для узкой датировки. Вероятно, расширение некрополя периода 1 на восток за границу, зафиксированную линией от погр. 179 к погр. 54, по неким причинам было невозможно, и новые захоронения стали делать на освоенных ранее участках. Отметим, что в случае перекрывания более поздняя могила, как правило, задевала только край более ранней. Похоже, что хоронившие старались попасть в межмогильное пространство. Вероятно, в ряде случаев у них это получалось, что надо учитывать при опоре на планиграфическую датировку комплексов этой части памятника.

Южный "лепесток" периода 1 могильника в отличие от восточного развивался, похоже, без таких ограничений. И именно от его наиболее дальней от "ядра" юго-восточной периферии начинается развитие ранних зон периода 2 некрополя.

Из комплексов периода 1, там, где на зону ранних могил накладывается более поздняя, происходят херсонесские монеты (рис. 1, *к*): первой половины I в. н.э., с отверстием для ношения (погр. 245), и 150–175 гг. (погр. 218). В поздней зоне периода 1 найдена римская монета плохой сохранности конца II – начала III в. (погр. 111) (рис. 1, *л*).

В ранней зоне периода 2, близ границы с периодом 1, и на стыке зон этих периодов выделяется группа погребений (рис. 1, *м*), в которых содержится от 1 до 7 монет – за единичным исключением[2], несколько денариев и (подавляющее большинство) антонинианы III в.: Септимия Севера (193–211), Плавтиллы (202–211/212), Гордиана III (238–244), Филиппа I Араба (244–249), Требониана Галла (251–253), Галлиена (253–268). Позднейшие монеты в этой группе: 240 г. (погр. 162; из 2 экз.), 244–247 гг. (погр. 3; из 7 экз.), 246–248 гг. (погр. 133; 1 экз.), 251–253 гг. (погр. 95; 1 экз.), 253–268 гг. (погр. 27; из 2 экз.), 258–259 гг. (погр. 7; из 4 экз.), середины III в. (погр. 38; из 2 экз.). Подавляющее большинство рассматриваемых монет чеканено в Риме и Медиолане, лишь в погр. 7 позднейшие для этого ряда монеты представлены выпусками из азиатских провинций Римской империи. Несомненна связь этого набора с эпохой так называемых Скифских войн. Изменения, отражающие их последствия на юге Восточной Европы, фиксируются и рядом инноваций в культуре периода 2 могильника Фронтовое. Однако очевидна и преемственность традиций местного населения по ряду категорий инвентаря, основным погребальным обрядам, в структуре некрополя.

В более поздних комплексах периода 2 единично представлены монеты более раннего времени, в том числе антониниан 247–249 гг.

[2] Вторая монета в погр. 162 – очень редкая драхма Ариобарзана I (95–63 гг. до н.э.; Каппадокия).

Рис. 2. Бусины и ожерелья. *1–4* – погр. 33; *5* – погр. 89; *6, 7* – погр. 327; *8* – погр. 31; *9, 10* – погр. 13; *11–13* – погр. 174; *14, 15* – погр. 63; *17–20*, *23–27*, *34–43*, *78* – погр. 300; *21* – погр. 287; *22* – погр. 236; *28–31* – погр. 95; *32, 33* – погр. 236; *44* – погр. 22; *45* – погр. 327; *46* – погр. 19; *47* – погр. 123; *48–50* – погр. 128; *51, 55, 56* – погр. 8; *52* – погр. 59; *53* – погр. 96; *54* – погр. 236; *57–60, 67–71, 76* – погр. 205; *61, 62* – погр. 318; *63* – погр. 238; *64* – погр. 123; *65, 66* – погр. 202; *72–74* – погр. 327; *75* – погр. 325; *77* – погр. 236; *79* – погр. 75.

Fig. 2. Beads and necklaces

(Рим; погр. 135; 1 экз.)[3], а господствуют фоллисы эпохи Константина Великого, все они, где определим монетный двор, чеканены в восточных провинциях. Позднейшие из этих монет (рис. 1, *н1*): 309–310 гг. (погр. 103; из 3 экз.), 312–313 гг. (погр. 142; 1 экз.), 313 г. (погр. 41; 1 экз.), 313–314 гг. (погр. 89; 3 экз. + погр. 99; 1 экз.), 324–325 гг. (погр. 23; 1 экз.), 320-х годов (погр. 141; 1 экз.), вероятно, 306–337 гг. (погр. 156; 1 экз.).

Позднейшие для памятника из узкодатируемых нумизматических находок – редкие для Крыма две медные монеты 351–355 гг. из погр. 171 на востоке поздней зоны периода 2 (рис. 1, *н2*). В наиболее позднем по инвентарю погр. 178 (см. выше) найдена медная монета плохой сохранности, вероятно, римская IV в. (рис. 1, *н3*).

Состав монет периода 2 Фронтового наиболее близок выборке из могильника Озерное III, а наличие монет середины IV в. сближает Фронтовое с могильником на землях совхоза “Севастопольский” (Храпунов, 2010, 2013; там иная литература о монетах из могильников Юго-Западного и Центрального Крыма). Полученная по монетам картина совпадает с датировками по другим находкам и дает надежные реперы календарной хронологии зон памятника.

В погр. 178 (с позднейшими для могильника вещами), как и во все склепы крайней юго-восточной линии, и в расположенный рядом склеп 142 были совершены проникновения в древности. При этом непотревоженными или в засыпи остались дорогие вещи, например в засыпи погр. 178 – массивная серебряная пряжка (рис. 5, *1*). Проникновение с разной степенью “выемки” содержимого (в некоторых случаях остались только единичные кости или мелкие вещи) зафиксировано и в 12 одно- или двуподбойных могилах во всех зонах периода 2 и поздних периода 1. Лишь в погр. 328 (ранняя зона периода 1) наблюдалось подзахоронение индивида со смещением более ранних костей и инвентаря к стенке камеры. Вопросы “когда”, “кем”, “зачем” произошли проникновения в могилы без дозахоронений, пока оставим открытыми.

[3] Наличие этой монеты в зоне распространения монет ранней части правления Константина I снимает справедливые до недавнего времени недоумения Н.И. Храпунова (2010. С. 77) в отношении сочетания таких монет в Озерном (см. ниже).

Среди погребальных конструкций (более подробную характеристику погребальных обрядов см. Свиридов, Язиков, 2019) господствуют ямы с подбоями (одним, реже двумя). Они присутствуют во всех зонах могильника. Камеры в большинстве случаев перекрыты каменным закладом, в ранних зонах зафиксированы могилы без него. Преобладает ингумация на спине, головой в юго-восточный сектор. Остатки деревянных конструкций отмечены в 90 погребениях во всех зонах могильника, в том числе в 4 случаях прослежены остатки гробов, в 7 – колод.

В 14 подбойных могилах содержались кремационные погребения. Зафиксировано следующее расположение сожженных костей: рассыпанными по дну могилы полосой (наподобие ингумации), с расположением инвентаря, аналогичным могилам с ингумацией; кучкой, в том числе в комбинации с трупоположением; на камнях заклада кучкой. Все эти могилы расположены в поздних зонах периода 1 или на стыке с ранней зоной периода 2.

В зонах 2-го периода между ям с подбоями открыто 3 могилы с заплечиками и 12 склепов. Во всех склепах подчетырехугольная в плане погребальная камера (до 2.7 × 3 м) является продолжением длиной оси входной ямы (длиной до 5.2 м, с 5–8 ступеньками). В склепах зафиксировано от одного до пяти костяков, расположенных только параллельно либо только перпендикулярно оси входной ямы.

Погр. 18 (период 2) – безынвентарное захоронение коня с подогнутыми ногами, помещенное в прямоугольную яму размерами 2.1 × × 0.7 м; погр. 197 и 222 (период 1) – небольшие ямы с захоронением собаки (предварительные определения).

Из погребений происходит около 20 тыс. находок, в том числе около 15 тыс. экз. бусин и бисера. Зачастую бусины составляли низки ожерелий, в том числе в несколько ярусов, которые дополнялись металлическими и др. подвесками (рис. 2, *76–78*; см. также ниже). Наибольшее количество и разнообразие бус представлено в погребениях периода 1.

Преобладают стеклянные бусины, в том числе шаровидные (рис. 2, *2–4, 67*), бочковидные, цилиндрические (рис. 2, *50*), биконические (рис. 2, *10, 24, 27*), ребристые шаровидной формы (рис. 2, *8, 12*), уплощенные дисковидные (рис. 2, *28, 29*), 14-гранные (рис. 2, *13*). Много бисера – шаровидного и

Рис. 3. Керамические сосуды. *А*: *1* – погр. 329; *2* – погр. 212; *3* – погр. 205; *4* – погр. 313; *5* – погр. 243; *6* – погр. 284; *7* – погр. 287; *8* – погр. 5; *9* – погр. 329; *10* – погр. 192; *11* – погр. 238; *12* – погр. 300; *13* – погр. 318; *14* – погр. 293; *15* – погр. 328; *16* – погр. 162; *17* – погр. 292; *18* – погр. 304; *19* – погр. 180; *20* – погр. 313; *21* – погр. 255; *22* – погр. 118; *23* – погр. 239; *24* – погр. 220; *25* – погр. 292; *26* – погр. 299; *27* – погр. 323; *28* – погр. 125; *29* – погр. 276; *30* – погр. 304; *31* – погр. 292; *32* – погр. 320.

Fig. 3. Ceramic vessels

Рис. 3. Окончание. *Б*: *1* – погр. 317; *2* – погр. 170; *3* – погр. 89; *4* – погр. 51; *5* – погр. 52; *6* – погр. 51; *7* – погр. 52; *8* – погр. 51; *9* – погр. 137; *10* – погр. 154; *11* – погр. 136; *12* – погр. 41; *13* – погр. 52; *14* – погр. 96; *15* – погр. 104; *16* – погр. 178; *17* – погр. 104; *18* – погр. 136.

Fig. 3. The end

цилиндрического рубленого (рис. 2, *11, 31, 66*). Имеются бусины с накладным декором в виде пятен (рис. 2, *53*), пересекающихся линий (рис. 2, *51, 52, 54*), фестонов (рис. 2, *55, 56*) и др. элементов. Немало мозаичных бусин разных форм (рис. 2, *14, 48, 49, 79*).

Второй по массовости материал для изготовления бусин – янтарь. В основном они поперечно сжатые как до формы диска (рис. 2, *30, 35, 38, 39*), так и бочковидные (рис. 2, *9, 34*); но не редки уплощенные овальные (рис. 2, *32, 33, 37, 40, 41*), треугольные и др. форм. В погребениях периода 2 есть янтарные бусы-подвески грибовидной (8-видной, по др. терминологии) формы (рис. 2, *44*).

Бусины из гагата преимущественно шаровидные, в том числе поперечно сжатые (рис. 2, *21, 57*); имеются удлиненные цилиндрические, призматические, 14-гранные с циркульным декором (рис. 2, *6*), в виде топориков и астрагалов, бипирамидальные (рис. 2, *58, 59*) и др.; много цилиндрического бисера.

Среди бусин из сердолика преобладают небольших размеров шаровидные, есть поперечно сжатые и вытянутые (рис. 2, *19, 20, 23, 26*), чуть реже встречены усеченно-биконические и полиэдрические уплощенные со срезанными углами (рис. 2, *5*).

Горный хрусталь распространен в погребениях периода 1, в основном в виде крупных овальных уплощенных бусин с двусторонним сверлением (рис. 2, *70, 71*), есть округлые бусины и немного ребристых шаровидной формы (рис. 2, *7*).

Гораздо меньше бусин из халцедона, в основном округлых голубого, дымчатого, желтоватого цветов (рис. 2, *15–18*). Агат представлен несколькими мелкими призматическими и эллипсоидными бусинами в основном из погребений ранней зоны участка, а также крупной бусиной из погр. 325 (рис. 2, *75*).

Керамических сосудов найдено 587; большинство (402) – краснолаковые. К наиболее ранним (около последней четверти/конца I – первой половины II в.) относятся (при отсутствии указаний на исследователя, атрибуция по: Журавлев, 2010) тарелки понтийской сигиллаты А форм 1, 2, 3 (рис. 3*А*, *32, 26, 30*), в том числе с клеймами *planta pedis* и др., миски форм 10 и 14.3 (рис. 3*А*, *25, 18*), кувшины форм 2.1 (рис. 3*А*, *1*), 8 (рис. 3*А*, *15*), 19 (рис. 3*А*, *7*), 21 (рис. 3*А*, *10*), столовые амфоры форм 1.1 (рис. 3*А*, *12*) и 1.3 (рис. 3*А*, *13*), кружки формы 4 (рис. 3*А*, *23*). В это же время и позднее бытуют кувшины форм 4 (рис. 3*А*, *6*), 11 (рис. 3*А*, *3*), 18 (рис. 3*А*, *4*), столовые амфоры формы 2 (рис. 3*А*, *17*), чаши формы 30.3 (рис. 3*А*, *20*). К индикаторам второй половины II в. принадлежат кувшины форм 3 (рис. 3*А*, 1*6*) и 16 (рис. 3*А*, *8*). К периоду 1 в целом относятся тарелки формы 4 (рис. 3*А*, *29*) и кружки формы 1 (рис. 3*А*, *22*, *24*). Отметим находки овальных рыбных блюд в погребениях периода 1 (рис. 3*А*, *28*). В поздней части периода 1 появляются кувшины форм 20.1 (рис. 3*А*, *11*), 37 (рис. 3*А*, *2*), 39 (рис. 3*А*, *5*), кружки формы 8 (рис. 3*А*, *21*); некоторые из них встречаются и в ранней части периода 2.

Для краснолаковой керамики периода 2 показательны кувшины типов IV.2 (рис. 3*Б*, *6*) и IV.4 (рис. 3*Б*, *4*) по В.А. Нессель (2003), миски типов 4, 6, 7 (рис. 3*Б*, *13, 15, 17*) по классификации для находок из могильника на землях совхоза “Севастопольский” (Ушаков и др., 2017; соответствует типам 4, 3, 6 по: Стржелецкий и др., 2004). Только в поздней зоне известны блюда форм 1 и 2 (рис. 3*Б*, *11, 12*) группы “понтийская краснолаковая” по К. Домжальскому (Arsen’eva, Domzalski, 2002).

Сформованная на круге “красноглиняная” и “сероглиняная” посуда без лакового покрытия встречается редко (11 экз.). Лепная посуда (101 экз.; рис. 3*А*, *19*; *Б*, *5, 7, 8, 9, 10, 14, 16*) появляется в комплексах поздней части периода 1, а в период 2 возрастают ее количество и разнообразие (горшки, кружки, кувшины, миски).

Уникален класнолаковый сосуд в виде быка (рис. 3*Б*, *1*). Светильники немногочисленны: один из погребения периода 1 типа Loeschcke VIII конца I–III в. (рис. 3*А*, *27*); три периода 2 группы “Биконические светильники” (рис. 3*Б*, *18*) конца III–IV в. (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. P. 14, 79). Светлоглиняные позднегераклейские амфоры (по: Внуков, 2016) варианта C IVD (рис. 3*Б*, *2*) представлены в комплексах поздней части периода 1 и ранней периода 2; варианта C IVF (рис. 3*Б*, *3*) – в комплексах периода 2.

Коллекция стеклянных сосудов насчитывает около 230 экз. разной сохранности – от не имеющих утрат до кучки мелких фрагментов. Есть погребения, где найдено до трех сосудов, а, например, в одном склепе (погр. 136) их было пять. Почти все сосуды одноцветные, подавляющее

Рис. 4. Стеклянные сосуды. *1, 2* – погр. 51; *3* – погр. 99; *4* – погр. 105; *5* – погр. 89; *6* – погр. 92; *7–8* – погр. 7; *9* – погр. 85; *10* – погр. 85; *11* – погр. 46; *12–13* – погр. 3; *14* – погр. 62; *15* – погр. 266; *16* – погр. 76; *17* – погр. 5; *18* – погр. 61; *19* – погр. 202; *20* – погр. 83; *21* – погр. 70; *22* – погр. 166; *23* – погр. 286; *24* – погр. 244; *25* – погр. 298; *26* – погр. 232; *27* – погр. 263; *28* – погр. 304; *29* – погр. 319.

Fig. 4. Glass vessels

большинство выполнено из естественно окрашенного стекла. На нижней поверхности дна большинства сосудов имеется след от понтии или стеклодувной трубки. Самую большую группу составляют бальзамарии (не менее 55 экз.; рис. 4, *13, 14, 18, 22–25*), в основном группы 2 типа I (по: Кунина, Сорокина, 1972), характерные для комплексов периода 1; лишь единичные формы зафиксированы в немного более позднем контексте.

К редким находкам из наиболее ранней зоны могильника принадлежат стакан с цилиндрическим туловом, украшенным рельефным орнаментом в виде "венков" и пальмовых ветвей, с греческой надписью "Одержи победу" (рис. 4, *29*); миниатюрная зеленовато-синяя ойнохоя со спиралевидно напаянной нитью непрозрачного белого стекла (рис. 4, *28*). К сравнительно ранним относятся так называемые баночки для притираний (рис. 4, *26*) формы Айсингс-68 (здесь и далее по: Isings, 1957), в том числе "кобальтового" стекла. В не ранних зонах периода 1 найдены сосуд в виде небольшой разноцветной амфоры (рис. 4, *27*) вместе с сосудом формы Айсингс-70; кубок почти бесцветного стекла с округлым венчиком и сплошной подножкой сложной формы (рис. 4, *21*); кубок с оплавленным краем, на поддоне, со сложным орнаментом из напаянных белых и бирюзовых нитей (погр. 65); два питьевых рога (рис. 4, *15*) и др. формы (например, рис. 4, *16, 17, 19, 20*).

В наборах периода 2 представлены слегка закрытые стаканы/чаши с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком с оплавленным краем (рис. 4, *12*), схожие с ними сосуды с обрезанным и зашлифованным краем формы Айсингс-96 (рис. 4, *7*) и др. (рис. 4, *3*), стаканы формы Айсингс-108 (рис. 4, *2*), колбовидные сосуды и бутыли (рис. 4, *6, 8, 11*), кувшины (рис. 4, *4, 5*) и др. формы. К самым поздним относится конический кубок, украшенный каплями синего стекла (рис. 4, *1*), датируемый последней четвертью IV – первой половиной V в. (Gavritukhin, 2017. P. 101–103).

В ранних частях могильника найдено 15 длинных мечей[4] без перекрестий; в погр. 301 меч был уложен в ножны с обкладками из желтого металла. Центральные и концевые накладки от сложносоставного лука происходят из погр. 280. Для центральной части некрополя оружие не характерно. В поздних зонах оно представлено длинными двулезвийными мечами без перекрестий, топором, наконечником копья, "кинжалами" с вырезами у рукояти. Последних – не менее 10, они располагались в районе плеча/головы, рукоятью к ногам; в 3 случаях в ногах были крупные бронзовые обоймы-бусины с остатками дерева, что свидетельствует в пользу реконструкции такого оружия как древкового. К стенкам склепов 41 и 136 (IV в.) были прислонены щиты, от которых остались рукояти и конические умбоны.

В 14 случаях рядом с погребенными обнаружены железные кольчатые двусоставные удила, иногда с бронзовыми зажимами ремней. Со сбруей связаны некоторые пряжки (см. ниже). Отметим узду из комплекса периода 1, включающую псалии, парные разделители, подвески (рис. 7, *8–10*). Ближайший аналог этим псалиям – пара из Херсонеса (Косцюшко-Валюжинич, 1901. С. 119. Рис. 19)[5], подвескам – в Котлубани у схождения Дона с Волгой (Скрипкин, 1989. Рис. 1, *6, 7*). Как и оружие, конское снаряжение не характерно для центральной части памятника.

Ножи или их фрагменты есть почти во всех погребениях. Как правило, они располагались рядом с костью животного и керамическими сосудами у головы погребенного. В некоторых случаях зафиксированы остатки ножен, в том числе с петлей для их подвешивания.

Зеркала представлены не менее чем 24 экз. – дисковидными диаметром до 8 см или меньшими по размерам, имеющими боковой выступ с отверстием и изображение на обратной стороне (рис. 7, *2*) – типы VI и IX (по: Хазанов, 1963). Первые – главным образом из ранних комплексов периода 1; некоторое время они сосуществуют со вторыми, которые господствуют в поздних зонах периода 1, но зафиксированы и в ранней зоне периода 2.

Из ранней зоны происходит пять костяных пиксид, в том числе с розовой пудрой (рис. 7, *11*). В погребениях периода 1 известно 45 бронзовых игл. Для периода 1 и начала периода 2 характерны шкатулки, представленные бронзовыми деталями, в том числе замками, ключи и изделия, которые могли выполнять их

[4] Оружие, как и большинство изделий из железа, очень плохой сохранности; более детальная характеристика этой группы находок будет возможна после завершения реставрации.

[5] Схожие есть в погр. 149 Бельбека IV; они интерпретированы как псалии, использованные в качестве амулетов (Гущина, Журавлев, 2016. Ч. 1. С. 109, 150; Ч. 2. Табл. 92, *1*).

функцию (рис. 6, *19, 24*). В семи комплексах этих же зон имеются подвешенные к кольцам приборы (так называемые игольницы), состоящие из свернутой трубочки, заходящей в наполовину открытый аналогично сделанный футляр; на загнутые концы этих деталей надеты колечки (рис. 7, *7*). Пинцеты и металлические "бусины" (рис. 7, *5*) есть как в ранней, так и в поздней части некрополя. Металлические сферические флаконы с цилиндрическим горлом (рис. 7, *1*) представлены в ранней зоне периода 2 (погр. 6 и 106). В комплексах периода 2 найдено шесть односторонних трехслойных костяных/роговых гребней плохой сохранности, в том числе (по: Никитина, 1969): варианта 2а типа I; варианта 2 типа II или 3 типа I; варианта 2а типа III (рис. 7, *4*).

Фибул разной сохранности известно не менее 450. Большинство – смычковые с верхней или нижней тетивой[6]. Наиболее ранние из более узко датируемых – одночленные лучковые 2-го варианта, небольшие с кнопкой или завитком на конце сплошного приемника (рис. 5, *25*), шарнирная дуговидная. На стыке ранней зоны и примыкающего к ней восточного "лепестка" периода 1 могильника найдены лучковые застежки 3-го варианта и римская (рис. 5, *26*) типа 23а (по: Feugere, 1985). В комплексах периода 1 представлено не менее шести римских фибул с эмалью (рис. 5, *27*), в основном броши геометрических форм и зооморфные, в том числе редких вариантов. Для поздних зон периода 1 показательны одночленные лучковые фибулы вариантов 4 и 5, а господствуют инкерманские (рис. 5, *28, 29*), которые очень разнообразны (их коллекция из Фронтового – наиболее представительная среди известных нам).

В ранней зоне периода 2 могильника преобладают двучленные лучковые фибулы; на стыке зон периодов 1 и 2 есть случаи, когда они сочетаются с инкерманскими в одном комплексе (рис. 1, *г, д*). К редким формам двучленных лучковых относятся фибулы с обмоткой корпуса, как у одночленных лучковых (рис. 5, *21*); с креплением оси пружины вертикальной стойкой, как у прогнутых "черняховских" застежек (погр. 33; аналогично рис. 5, *7*); с широким корпусом, украшенным врезными линиями и сердоликовыми вставками (рис. 5, *22*). Из этой зоны происходит и миниатюрная двучленная сильнопрофилированная фибула (рис. 5, *13*), двучленные прогнутые подвязные застежки с узкой ножкой и вертикальной стойкой для крепления оси пружины, относящиеся к вариантам 2 и 3 (рис. 5, *7*). Только последние варианта 3 и близкие им, но с широким кольцом для крепления оси пружины, представлены в поздней зоне.

Деталей ременных гарнитур[7] разной сохранности найдено около 200 (в том числе около 50 железных пряжек). В зонах периода 1 преобладают пряжки и накладки позднеантичного круга, в том числе пряжка, близкая типу 25 группы А (рис. 5, *24*), единично представленные и в ранней зоне периода 2 (рис. 5, *15*); есть и вытянутые шарнирные пряжки группы D рис. 5, *23*), восточноевропейские пряжки типа П1, наконечники, близкие типу Н3а, и др. Пряжки типа П7 и близкие ему по оформлению язычка (рис. 5, *18, 20*) найдены в зонах поздней части периода 1 и ранней периода 2, в погр. 20 – с пряжкой (рис. 5, *16*), близкой типу 29 группы D.

В период 2 господствуют пряжки типов П9 и П10 разных вариаций (рис. 5, *8, 10, 12, 14, 19*), встречены наконечники Н7 (рис. 5, *17*), пряжки позднеримского круга (рис. 5, *11*) и др. На крайнем юге и юго-востоке могильника (рис. 1, *з*) найдены пряжки, язычок которых огибает рамку на всю ее высоту, С-видные накладки, мечевидные наконечники (рис. 5, *3–6*), распространяющиеся с последних десятилетий IV в. (Безуглов, Ильяшенко, 2000. С. 96, 97; Малашев и др., 2015. С. 100; Gavritukhin, 2018. P. 49, 50). Наиболее типологически поздние пряжки происходят из погр. 178. Часть из них (рис. 5, *2*) относится к очень широко распространенному типу так называемых хоботковидных, появляющемуся, по мнению всех специалистов, около рубежа IV–V вв. Еще одна (рис. 5, *1*) датируется не ранее того и принадлежит весьма редкому типу, хотя и известному от Британии до Казахстана (Казанский, 2019; Бисембаев и др., 2018. Рис. 5).

Коллекция из Фронтового включает около 150 браслетов[8]. Большинство из них имеет

[6] Там, где определение фибул дано без ссылки, имеется в виду терминология и типология А.К. Амброза (1966).

[7] Типы деталей ременной гарнитуры, обозначаемые сочетанием буквы кириллицы с цифрой, даны по: Малашев, 2000; а с указанием на тип и группу – по: Madyda-Legutko, 1986.

[8] В ряде случаев кольца – браслеты, перстни и, возможно, другого назначения – представлены обломками. Дальнейшие исследования предполагают уточнение их атрибуции.

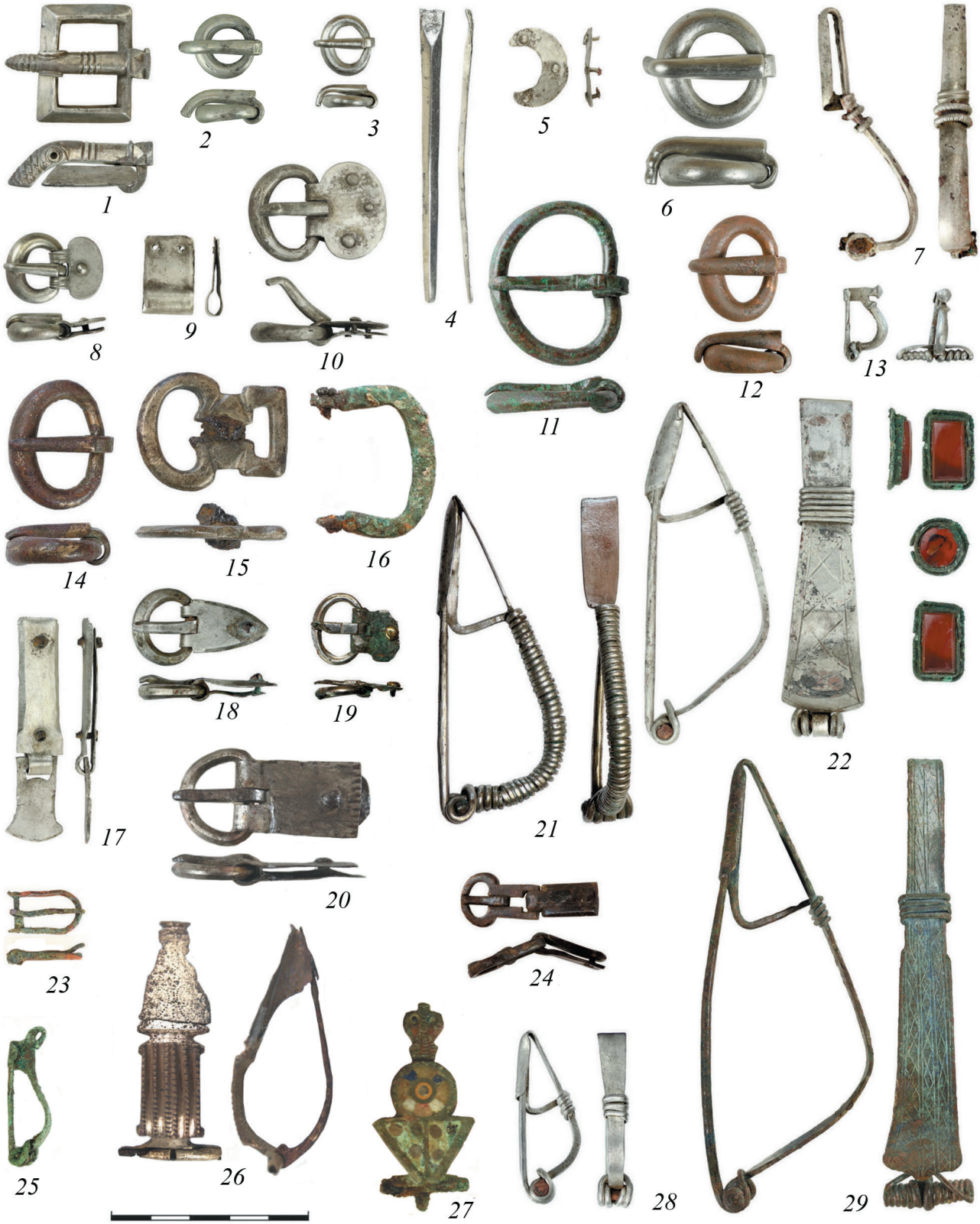


Рис. 5. Металлические детали ременных гарнитур и фибулы. *1, 2* – погр. 178; *3–6* – погр. 172; *7–10* – погр. 41; *11* – погр. 16; *12* – погр. 136; *13* – погр. 13; *14, 15* – погр. 45; *16* – погр. 20; *17, 18* – погр. 3; *19* – погр. 6; *20* – погр. 145; *21* – погр. 6; *22* – погр. 106; *23* – погр. 326; *24* – погр. 316; *25* – погр. 234; *26* – погр. 287; *27* – погр. 236; *28* – погр. 27; *29* – погр. 184.

Fig. 5. Metal parts of belt sets and brooches

Рис. 6. Серьги, подвески, перстни, браслеты, ключи. *1* – погр. 16; *2* – погр. 13; *3* – погр. 27; *4* – погр. 33; *5* – погр. 257; *6–9* – погр. 33; *10* – погр. 273; *11* – погр. 240; *12* – погр. 8; *13* – погр. 257; *14* – погр. 45; *15* – погр. 230; *16* – погр. 3; *17, 26* – погр. 319; *18* – погр. 279; *19, 23, 25* – погр. 184; *20* – погр. 60; *21* – погр. 145; *22* – погр. 230; *24* – погр. 132; *27* – погр. 78; *28* – погр. 163; *29* – погр. 301.

Fig. 6. Earrings, pendants, tinger rings, bracelets, keys

несомкнутые утолщенные концы (рис. 6, *28*). В зонах периода 1 не редки браслеты с окончаниями, расширенными в виде стилизованных змеиных голов (рис. 6, *26*); много – нескольких вариантов с завязанными концами (рис. 6, *29*), в том числе со сложным узлом, с напускными бусинами; единичны – с каплевидным или фигурным утолщением на концах (рис. 6, *27*), с обмоткой корпуса и др. В период 2 распространяются пластинчатые полихромные шарнирные браслеты со щитком, украшенным окантованной вставкой, как правило, из сердолика, в одном случае – геммой (рис. 6, *21*). В погр. 205 (поздняя зона периода 1) такой щиток крепился не шарниром, а крючками. В погр. 21 (период 2) замок браслета образован крючком и петлей, а примыкающая к ним часть корпуса имеет обмотку.

Найдено около 200 перстней, большинство пластинчатые с расширяющимися концами, на которых крепилось гнездо со вставкой. Вставки, близкие полусфере, часто стеклянные (рис. 6, *23*), более характерны для периода 1, уплощенные, часто сердоликовые (рис. 6, *14, 16*), – для периода 2. В нескольких случаях – вставки-геммы (рис. 6, *20, 25*). Есть литые перстни, в том числе с врезным декором и сложных форм (рис. 6, *8*). Среди перстней периода 2 представлены отлитые вместе с гнездом под вставку, сравнительно массивный с овальной вставкой (погр. 16), с прямоугольной коробочкой под вставку (погр. 8) и др. Наиболее разнообразны перстни периода 1: с парными дужками и вставками; с круглой полихромной вставкой; с несомкнутыми концами в виде парных волют; с окончанием в виде извивающейся змеи; с пластинчатым щитком, в том числе гравированным; калачевидный и др. Кроме металлических отметим стеклянный полихромный перстень (рис. 6, *22*).

Серег – около 150 экз. Преобладают варианты, имеющие замок из петли и крючка – простые или с замком, украшенным проволочной спиралью (рис. 6, *3*; 8, *3*). Для поздних зон показательны сравнительно крупные серьги (рис. 6, *1*), выполненные в полихромной стилистике, перекликающейся с упомянутыми шарнирными браслетами (обзор изделий в этом стиле см. Храпунов, Стоянова, 2018). В погр. 136 (поздняя зона периода 2) такая серьга со стеклянной вставкой дополнена золотой подвеской в виде стилизованной амфоры с гроздевидным туловом (рис. 8, *1*). В ранней зоне периода 2 и поздних периода 1 представлены серьги аналогичной схемы, но с небольшими щитком и, как правило, со вставкой или следами от нее (рис. 6, *2*), которые можно рассматривать как прототипы отмеченных выше полихромных[9]. Это, как и упомянутый браслет со щитком из погр. 205, позволяет ставить вопрос об участии населения Юго-Западного Крыма в формировании традиции убора, включающего серьги и браслеты со щитками, оформленными вставкой с прессованной позолоченной обкладкой. В комплексах из Фронтового его дополняли украшенные вставками перстни и фибула из погр. 106 (рис. 5, *22*; 6, *14, 16*).

Из ранней зоны происходят парные золотые серьги: с узкой прямоугольной нижней частью и тремя стержневидными привесками со слегка загнутыми гвоздевидными концами (рис. 8, *4*), к сожалению, не понятно, что крепившими; с витой дужкой, завершающейся у одной пары простыми замками (рис. 8, *2*), у другой (рис. 8, *5, 6*) – утолщениями в виде головы льва[10] и с дисковидными дополнениями замков, украшенными выпуклыми вставками, одна из которых имеет врезное изображение шагающей фигуры, облаченной в длинную одежду, с копьем и щитом (рис. 8, *6а*).

Для уборов периода 1 и начала периода 2 нередки бронзовые и серебряные подвески, зачастую входившие в ожерелья: лунницы (рис. 6, *6, 7*); полусферические и пирамидальные колокольчики (рис. 6, *5*); сферические, как бы собранные из колец (“ажурные”), и кольцевые, в том числе с шишечками (рис. 6, *17, 18*; 7, *6*) и “спицами” (рис. 6, *13*); антропоморфные типов 18 и 19 (здесь и далее по: Алексеева, 1982); птицевидные типа 21; в виде шишечек типа 22 (рис. 6, *10, 11*), амфорок типа 23 (рис. 6, *12*), ведерок типа 26, секиры типа 29. Есть монеты с отверстием, пробитым, наверное, для их ношения, и их имитации. Имеются фигурные подвески из кости и рога (рис. 6, *9*), фаянса (рис. 2, *72–74*), из тех же материалов, что и бусы (см. выше). На корпус лучковых фибул нередко надевали металлическое кольцо,

[9] Облик серег с небольшими щитками и вставками близок еще более архаичным серьгам, с украшенным спиралью основанием петли замка (как рис. 6, *3*; 8, *3*).

[10] А.Н. Ворошилов любезно указал аналогии им среди эллинистических серег, однако ни по обряду, ни по составу весьма богатого инвентаря погребение с ними нельзя выделить из окружающего контекста.

Рис. 7. Стеклянная вставка и слепок с нее (*3* – погр. 141); зеркало (*2* – погр. 184); флакон (*1* – погр. 106); гребень и подвеска с футляром (*4, 7* – погр. 6); “бусина” (*5* – погр. 41); подвески, разделитель, псалий (*6, 8–10* – погр. 319); пиксида (*11* – погр. 322).

Fig. 7. A glass insert and an impression from it (*3*), a mirror (*2*), a bottle (*1*), a comb and a pendant with case (*4, 7*), a “bead” (*5*), pendants, a divider, a cheek-piece (*6, 8–10*); a pixis (*11*)

Рис. 8. Изделия из золота. *1* – погр. 136; *2, 13* – погр. 300; *3* – погр. 10; *4* – погр. 320; *5, 6, 14, 15* – погр. 312; *7, 8* – погр. 313; *9* – погр. 36; *10* – погр. 287; *11* – погр. 234; *12* – погр. 323; *16, 17* – погр. 317; *18* – погр. 205; *19* – погр. 208.

Fig. 8. Golden objects

на застежку из погр. 3 – крупную прямоугольную рамку (аналоги этому случаю нам неизвестны).

В основном в ранней и южной зонах периода 1 немалым числом представлены комплексы с золотыми подвесками, зачастую украшенными сканью, зернью, вставками из камней и стекла. Среди них – 12 лунниц, в том числе с шишечками на концах и у петли (рис. 8, *18*), но в основном – широких, богато украшенных (рис. 2, *78*; 8, *11*). Четыре подвески – цилиндры на петлях; большинство имеет закрытые торцы и украшены еще богаче, чем лунницы (рис. 8, *12*). У сравнительно крупного гладкого цилиндра из погр. 301 торцы были открыты, а внутрь помещены две фаланги пальца человека. Подвески, окаймляющие вставки, имеют форму перевернутой капли или округлую; есть и комбинированные из таких элементов (рис. 8, *19*). На двух подвесках из погр. 287 присутствуют выпуклые изображения женщины с младенцем (рис. 8, *10*).

Эти и другие подвески в ряде случаев образуют ожерелья (рис. 8, *19*). Золотые пронизи могут быть частью описанных уборов, но известны и в поздней зоне. В погр. 312 убор из упомянутых золотых “львиных” серег и обильного ожерелья дополняли золотые подвески и нашивки на одежду (рис. 8, *5, 6, 14, 15*). Последние представлены и в погр. 287; они могут быть гладкими или с бордюром, по форме – треугольные с завитками у одного угла, в виде сегмента сферы, умбоновидные.

Из ранней зоны происходят тонкие гладкие золотые листочки с тремя зубцами (рис. 8, *16*), прямоугольные и неясной формы, а фигурка кабана (рис. 8, *17*) дополнена деталями. В погр. 313 тонкие “наглазник” и “нагубник” (рис. 8, *7, 8*) лежали смятыми на верхней части груди. В погр. 76 (поздняя южная зона периода 1) три миндалевидных лепестка, бывшие, вероятно, нагубником и разорванным на две части наглазником (рис. 8, *9*), находились на груди среди бус и др. вещей.

Стеклянная вставка с сюжетным изображением из погр. 141 (рис. 7, *3*), несомненно, заслуживающая специального исследования, обнаружена на дне нарушенной в древности могилы 141 среди россыпи мелких бус.

Судя по преемственности в планиграфии, господствующих погребальных обрядах, ряде категорий инвентаря, некрополь Фронтовое 3 принадлежал одному населению, хоронившему здесь более 300 лет. Очевидны и широкий спектр связей этих людей, открытость влияниям; не исключена и инкорпорация в эту общину носителей других традиций. Особенно сильные перемены приходятся на эпоху Скифских войн середины III в. или связаны с их последствиями.

Итак, могильник Фронтовое 3 полностью раскопан на современном уровне, не затронут современными мародерами, да и в древности могилы были вскрыты в единичных случаях. Все это, как и богатейшая коллекция находок, ставит его в ряд опорных памятников для решения многих вопросов истории Крыма римской эпохи. Значителен потенциал полученных материалов и наблюдений и для изучения древностей других регионов. Ведется подготовка полной публикации могильника и исследования полученных материалов с привлечением широкого круга специалистов.

Авторы приносят благодарность Е.В. Суханову и Л.А. Голофаст за предварительные наблюдения, которые использованы при характеристике керамических и стеклянных сосудов; О.В. Шарову, А.В. Мастыковой, Д.А. Костромичеву, В.Ю. Малашеву, Д.В. Журавлеву за ряд ценных консультаций. Особая признательность – фотографу Т.Ш. Гацаеву.

Исследование выполено при поддержке фонда РНФ, проект № 20-18-00396 “Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Д1-30). 112 с.

Безуглов С.И., *Ильяшенко С.М.* Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // Донская археология. 2000. № 1. С. 91–100.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Қазақстан археологиясы (Археология Казахстана). 2018. № 1–2. С. 235–244.

Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: в 2 ч. М.: ГИМ, 2016 (Труды ГИМ; вып. 205). 2 ч. (272 + 320 с.)

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам

позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: Деметра, 2010. 320 с.

Казанский М.М. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2019. С. 60–64.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем // Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901. С. 99–123.

Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIII. Л.: Искусство, 1972. С. 146–177.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: МавраевЪ, 2015. 452 с.

Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь: Каламо, 2003. С. 107–123.

Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147–159.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 185–201.

Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 172–181.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя Совхоз-10) // Stratum plus. 2005. № 4/2003-2004. С. 27–277.

Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища и могильника Совхоз-10) // История и археология Крыма. 2017. № 6. С. 54–93.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–72.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. Украшения в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки в Крыму // Stratum plus. 2018. № 4. С. 255–262.

Храпунов Н.И. О монетах из могильника Озёрное III // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 69–79.

Храпунов Н.И. Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторической интерпретации // XIV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории / Ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2013. С. 484–490.

Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. P. 415–485.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma: L'erma di Bretschneider, 1998. 296 p.

Feugure M. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 504 p.

Gavritukhin I. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture // Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám. Brno: Munipress, 2017. P. 83–109.

Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt, 2018 (Archäologie in Eurasien; Bd. 36). P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258, 259, 262, 272, 278, 279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316, 317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412.

Isings C. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters, 1957. 185 p.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropaschen Barbaricum. Oxford: BAR, 1986 (BAR Intern. Series; 360). 233 S.+59 Karten. 26 Taf. und Tab.

THE ROMAN PERIOD CEMETERY FRONTOVOYE 3 IN SOUTHWESTERN CRIMEA (preliminary publication)

Igor O. Gavritukhin*, Aleksey N. Sviridov, Sergey V. Yazikov*****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: gavritukhin@rambler.ru
**E-mail: a_sviridov@mail.ru
***E-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

The article publishes data on the cemetery near Frontovoye village (Nakhimovsky district of Sevastopol). During in 2018, the expedition of the IA RAS examined 328 graves of the last decades of the 1st–the early 5th century. The site was excavated completely, which makes it a reference one for studying numerous issues of the history of the barbarian population in the region, and its relationship with Chersonesos and other centres of the Roman Empire. The chronological zones of the cemetery (2 periods, in each 2-3 different time sections) were determined, their dating is confirmed by more than 40 coins. Pit graves with a niche (or, less often, two niches) which is blocked with stones dominate. Additionally, 14 burials with cremated remains were recorded in similar structures. In the 2nd period 3 pit graves and 12 vaults with a long entrance pit appear.The paper describes beads; ceramic and glass vessels; weapon including swords and shields; sets of horse-riding gear; a variety of jewelry and small household items. A number of objects are made in polychrome styles. The changes associated with the era of the so-called Scythian wars of the mid-3rd century and their consequences are especially remarkable. However, the continuity in its planigraphy, prevailing funeral rites, and a number of categories of the inventory allow the authors to conclude that the necropolis Frontovoye 3 belonged to single population (community). Obvious are a wide range of connections of these people and their openness to influences; so, incorporation of carriers of other traditions into that community cannot be excluded.

Keywords: Southwestern Crimea, the 1st–5th centuries, cemetery, periodization.

REFERENCES

Ambroz A.K., 1966. Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n.e. – IV v. n.e. [Brooches of the South of the USSR's European part of the 2nd century BC – 4th century]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI, D1-30).

Arsen'eva T.M., Domzalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua*, 8, pp. 415–485.

Bezuglov S.I., Il'yashenko S.M., 2000. A rich burial of the Hun period near Tanais. *Donskaya arkheologiya [The Don archaeology]*, 1, pp. 91–100. (In Russ.)

Bisembayev A.A., Khavanskiy A.I., Duysengali M.N., Mamedov A.M., Bairov N.M., Amelin V.A., 2018. Research on the Hun period sites in Aktobe Region in 2018 (preliminary report). *Қазақстан arkheologiyasy (Arkheologiya Kazakhstana) [Archaeology of Kazakhstan]*, 1–2, pp. 235–244. (In Russ.)

Chrzanovski L., Zhuravlev D., 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma: L'erma di Bretschneider. 296 p.

Feugure M., 1985. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique. 504 p.

Gavritukhin I., 2017. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture. *Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám.* Brno: Munipress, pp. 83–109.

Gavritukhin I., 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. *Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery.* Bonn: Habelt, pp. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258, 259, 262, 272, 278, 279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316, 317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412. (Archäologie in Eurasien, 36).

Gushchina I.I., Zhuravlev D.V., 2016. Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [The Roman period necropolis of Belbek IV in the Southwestern Crimea]. Moscow: GIM. 2 vol. (272 + 320 p.) (Trudy GIM, 205).

Isings C., 1957. Roman glass from dated finds. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters. 185 p.

Kazanskiy M.M., 2019. About belts with narrow mounts from the Luchistoye cemetery. *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma [Issues of history and archaeology of the medieval Crimea].* E.A. Khayredinova,

ed., comp. Simferopol': Antikva, pp. 60–64. (In Russ.)

Khazanov A.M., 1963. Origins of Sarmatian bronze mirrors. *SA [Soviet archaeology]*, 4, pp. 58–72. (In Russ.)

Khrapunov I.N., Stoyanova A.A., 2018. Adornments in the Late Roman polychrome style from the cemetery of Opushki in the Crimea. *Stratum plus*, 4, pp. 255–262. (In Russ.)

Khrapunov N.I., 2010. On the coins from the Ozyornoye III necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological, and cultural studies]*, 3(29), pp. 69–79. (In Russ.)

Khrapunov N.I., 2013. Coin finds in the cemeteries of Crimean barbarians of the late Roman period: some prospects of analysis and historical interpretation. *XIV Bosporskiye chteniya: Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskiy ob"yekt v kontekste istorii [The XIV Bosporan readings: The Cimmerian Bosporus and barbaric world in antiquity and the Middle Ages. Archaeological site in the context of history]*. V.N. Zin'ko, ed. Kerch', pp. 484–490. (In Russ.)

Kostsyushko-Valyuzhinich K.K., 1901. An excerpt from the Report on excavations conducted in Chersonesus in 1898 by K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1898 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898]*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, pp. 99–123. (In Russ.)

Kunina N.Z., Sorokina N.P., 1972. Glass balsamaria of the Bosporus. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage]*, XIII. Leningrad: Iskusstvo, pp. 146–177. (In Russ.)

Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropaschen Barbaricum. Oxford: British Archaeological Reports. 233 p. + 59 maps, 26 tables. (BAR Intern. Series, 360).

Malashev V.Yu., 2000. Periodization of belt sets of The late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbours on the Don]*. Yu.K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)

Malashev V.Yu., Gadzhiyev M.S., Il'yukov L.S., 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii: Kurgannyye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e. [The land of Massageteans in the Western Caspian littoral: mound cemeteries in the Caspian Dagestan of the 3rd–5th centuries AD]. Makhachkala: Mavrayev. 452 p.

Nessel' V.A., 2003. Red slip pottery from the Kilen-Balka cemetery. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesos collection]*, XII. Sevastopol': Kalamo, pp. 107–123. (In Russ.)

Nikitina G.F., 1969. Combs of the Cherniakhiv culture. *SA [Soviet archaeology]*, 1, pp. 147–159. (In Russ.)

Skripkin A.S., 1989. A burial complex with a bridle set from Kotluban and some problems of the Sarmatae's ethnic history. *SA [Soviet archaeology]*, 4, pp. 172–181. (In Russ.)

Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2005. The population of the Chersonesos vicinity in the first half of the 1st millennium AD (based on the materials from the Sovkhoz-10 necropolis). *Stratum plus*, 4/2003-2004, pp. 27–277. (In Russ.)

Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2019. Burial rites of the Frontovoye-3 necropolis in the Southwestern Crimea. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 255, pp. 185–201. (In Russ.)

Ushakov S.V., Doroshko V.V., Doroshko O.P., 2017. Chersonese sigillata: main types and chronology (based on the materials of excavations of the Sovkhoz-10 settlement and cemetery). *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, 6, pp. 54–93. (In Russ.)

Vnukov S.Yu., 2016. On the typology, evolution and chronology of light-clay (late Heraclean) narrow-necked amphorae. *RA [Russian archaeology]*, 2, pp. 36–47. (In Russ.)

Zhuravlev D.V., 2010. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red slip pottery of the Southwestern Crimea of the first centuries AD (based on the materials from the Late Scythian necropolises in the Belbek Valley)]. Simferopol': Demetra. 320 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 111–119

ДИСКУССИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И НОВЫЕ ФОРМАТЫ

© 2020 г. И.А. Гринько*, А.Б. Лагутин**, А.А. Гончаров***

Управление музейно-туристского развития ГАУК "МОСГОРТУР", Москва, Россия

*E-mail: IAGrinko@yandex.ru
**E-mail: ALagutin@mosgortur.ru
***E-mail: AGoncharov@mosgortur.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

Данная работа продолжает исследования проблематики скрытого конфликта между профессиональными и общественными интересами при проектировании музейных археологических экспозиций. Основная цель статьи – выявить возможности археологического музея по совмещению интересов профессионального и локальных сообществ, а также туристической аудитории. Для ее реализации были проанализированы запросы профессионального археологического сообщества в Российской Федерации к форматам и контенту археологических музеев, которые были сопоставлены с современными практиками представления археологического наследия в европейских музеях. Инструментарий исследования включал социологический опрос представителей археологического сообщества и полевые исследования в музеях Германии, Великобритании, Испании, Греции, Польши, Эстонии, Израиля и других европейских государств.

Ключевые слова: археология, музеи, археологические музеи, антропология академической жизни, музейное проектирование, музейные экспозиции.

DOI: 10.31857/S086960630009076-2

> *«При переходе к постакадемической науке в исследовательскую культуру повсеместно внедряется "норма полезности", ожидаемые и предполагаемые открытия заранее оцениваются с коммерческой точки зрения. В свое оправдание такие, кажущиеся бесполезными, науки, как астрофизика или классическая археология, должны доказывать обществу свою "культурную ценность"»* (Займан, 2000).

Маловероятно, что археология в эпиграфе была упомянута случайно: "археология не просто заинтересована в них (связях с обществом. – *И.Г., А.Л., А.Г.*), она целиком зависит от того, насколько общество осведомлено о ней и ее задачах, потому что самопроизвольно ее польза мало кому понятна... Да и отношение к археологическим памятникам в нашей стране оставляет желать лучшего. Поэтому для археологии ее связь с обществом – это не только насущная задача, но условие ее существования" (Клейн, 2017. С. 265). Сегодня инструментов для популяризации научного знания более чем достаточно (Pujol et al., 2012; Walker, 2014), однако, даже несмотря на развитие интернета, роль музеев для развития науки все же сложно переоценить (Sturtevant, 1969; Schiele, 2014).

Кроме того, в настоящее время музеи не могут ограничиваться исключительно научно-образовательной функцией. Музеи, в том числе и археологические, продолжают оставаться важным элементом в системе международного и внутреннего туризма (Романчук, 2010; Каплунов, Родионова, Насонов, 2016; Brida, Meleddu, Pulina, 2012). Поэтому в число их задач сегодня входит не просто представление наследия, но и формирование конкурентных локальных идентичностей, то есть брендов территорий (Гринько, 2016; Anholt, 2007). Возникает необходимость включения музеев в социокультурную среду, что уже зафиксировано в межгосударственных соглашениях, например Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (2005). Подобная ситуация требует соблюдения интересов всех заинтересованных сторон, т.е., как минимум, локального сообщества, туристов и профессионального

сообщества. Для археологических музеев работа с локальным сообществом важна особо, поскольку только установление взаимовыгодных отношений с ним дает шанс на бережное отношение и сохранение археологических памятников на конкретной территории (Каменский, 2009).

Однако по-прежнему во многих случаях археология в музее – это все та же "история, вооруженная лопатой", не имеющая своей методологии и не подчеркивающая специфику источниковой базы, что отчасти подтверждается и терминологическими установками: "Археологические музеи – это одна из групп музеев исторического профиля, осуществляющих собирание, хранение, изучение и экспонирование древних вещественных источников. Основу собраний археологических музеев составляют предметы, обнаруженные в процессе исследования памятников археологии" (Дукельский, Фролов, 2001. С. 44, 45). Соответственно и археологические экспозиции в первую очередь должны иллюстрировать исторический нарратив, а не археологический, в "лучшем" случае сводясь к вещеведению.

Ситуация в археологии отягощается классическим профессиональным мифом о том, что "археологические и этнографические коллекции – один из наиболее привлекательных выставочных материалов. В отличие от технических достижений и естественнонаучных материалов предметы материальной культуры являются более понятными и близкими образами для любого человека, даже не имеющего специальной подготовки" (Мурзинцева, 2006). Несмотря на то, что уже два десятка лет назад был поставлен вопрос о том, что "восприятие музейной публикой археологических материалов без историко-культурной или социальной интерпретации практически невозможно" (Жукова, 2000), подобная мифологема до сих пор существует, хотя многие из археологических артефактов непонятны современному посетителю по функционалу и далеко не всегда обладают эстетической привлекательностью. Также этот миф провоцирует появление совершенно непонятных рядовому посетителю текстов вроде "Ойнохоя чернолощеная". Кроме того, акцент на артефактах уводит нас от главного источника – археологического памятника, его контекста и значения в локальной и глобальной истории.

Сложившаяся ситуация в большинстве случаев происходит из представления о том, что музейное проектирование не является специализированным видом деятельности (Музейное проектирование, 2009). В итоге созданием археологических экспозиций занимаются действующие археологи, работающие в музее на постоянной или временной основе. Под воздействием "экспертного проклятия" экспозиции получаются ориентированными скорее на других археологов или, в крайнем случае, на глубоко заинтересованного и эрудированного посетителя, но никак не на массового.

Из данного конфликта и вытекает цель данного исследования: выявить возможности археологического музея по совмещению интересов профессионального и локального сообществ, а также туристической аудитории.

Задачи исследования:

– проанализировать запросы профессионального археологического сообщества в Российской Федерации к форматам и контенту археологических музеев;

– сопоставить эти материалы с современными практиками представления археологического наследия в европейских музеях.

Данное исследование носило не только теоретический характер, поскольку перед авторами была поставлена задача разработки рамочной концепции для археологического музея в ландшафтном парке "Митино" (Москва).

Проблематика скрытого конфликта между профессиональными и общественными интересами при проектировании археологических экспозиций уже поднималась ранее (Жукова, 2000; Андреев, 2014), однако она базировалась больше на гипотезах. Подобные исследования проводились в Западной Европе (Copley, 2010), однако вряд ли возможно напрямую экстраполировать их результаты на восточноевропейские страны.

Исходя из задач, в работе использовался разный инструментарий: были проведены социологический опрос представителей археологического сообщества и полевые исследования в музеях (Германии, Великобритании, Испании, Греции, Польши, Эстонии и других европейских государств).

Опрос состоял из семи закрытых и открытых вопросов. Всего на вопросы анкеты ответили 149 респондентов, 47.7% – мужчин и 52.3% – женщин.

Возрастные категории: 18–25 лет – 12.1%; 25–35 лет – 36.9; 35–45 лет – 26.8; 45 лет и старше – 24.2.

Структура выборки отчасти предопределена инструментарием, поскольку анкета рассылалась по профессиональным сообществам через социальные сети.

Большинство респондентов регулярно посещает профильные музеи и экспозиции, что отчасти связано не только с интересом к музеям, но и структурой профессиональной коммуникации, в том числе: по случаю, раз в несколько лет – 10.7%; раз в год – 21.5; раз в несколько месяцев – 46.3; регулярно, не реже чем в раз месяц – 14,1.

Причины непосещения в целом также оказались довольно банальны: нехватка времени и дефицит доступных выставок и экспозиций: “Не всегда удается выбраться туда, где есть археологическая экспозиция”. Хотя отдельные респонденты признавались, что низкая мотивация к посещению вызвана и качеством музеев: “скучные”, “редкое обновление экспозиции”.

Предсказуемым стал наиболее популярный ответ на вопрос “Что является главным объектом интереса на археологических экспозициях?” – 71.8% респондентов ответили, что это “экспонаты”. При этом на последнем месте по популярности почему-то оказался вариант “Информация / этикетаж / тексты”, который выбрали всего 7.4% опрошенных. Это говорит о том, что при проектировании экспозиционно-выставочных проектов необходимо дозированно размещать сопровождающую информацию. Дизайн экспозиции и вспомогательные объекты оказались интересны лишь 10% посетителей.

Соответственно и на вопрос “Чего вам не хватает в археологических музеях?” больше всего сторонников набрал вариант “Экспонатов” (16.5%)[1]. И этот момент потенциально может стать точкой конфликта интересов между профессиональным сообществом и другими сторонами, поскольку сегодня очевидна тенденция к сокращению количества экспонатов в экспозиции и их ротации, а также сокращение DVI (Diligent visitor index) – относительного числа посетителей, которые осматривают хотя бы половину экспонатов (Yalowitz, Bronnenkant, 2009). Кроме того, очевидна и тенденция к цифровизации экспозиций, с частичной заменой подлинников мультимедийными элементами.

Второе место по популярности (12.8%) разделили “Открытое хранение” и “Материалы по жизни экспедиции / Антропология археологической субкультуры”. Запрос на создание открытых хранений, особенно для массового материала, озвучивался давно (Волков, 2010), однако его привлекательность для массового зрителя остается спорной. Тем не менее подобный формат очень хорошо подходит для проведения различных образовательных программ, поэтому требует особого внимания. Не менее любопытен запрос на “Личный взгляд археолога” (11%), который подсказывает важность персонификации материала.

При этом симптоматично, что вариант “Связь с местом раскопок” оказался на последнем месте с 6.1% голосов, хотя именно привязка археологического музея к локации раскопок сегодня является основной тенденцией и проявляется не только в экспозиции, но даже в архитектуре музеев (Baldwin, 2018).

При всем при этом более трети респондентов сочли, что археологические музеи в принципе не важны для профессионального сообщества (16.4% – не важны, 19.6% – скорее не важны). С тем, что музеи крайне важны, согласны лишь 3.2%. Таким образом, понимание роли музеев в институциализации и легитимации науки не сформировано не только в массовом, но и в профессиональном сознании. Иногда подобное отношение к музеям проскальзывает даже на уровне используемой лексики: “...я был оппонентом на докторской диссертации в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере) РАН. Это бывший Институт этнографии, *разжалованный* (выделено нами. – *И.Г., А.Л., А.Г.*) в Музей” (Клейн, 2017. С. 86). Очевидно, что в негласной табели о рангах музей в сознании профессионального сообщества находится ниже академического института или вуза. Некоторые представители профессионального сообщества говорят об этом открыто: “Музей в научной субкультуре позиционируется как научно-вспомогательное учреждение, что можно рассматривать как более низкий статус, чем музей в общероссийской культуре и практике организации науки за рубежом” (Научное мировоззрение, 2017).

Интересна подборка археологических музеев, которые произвели на респондентов наибольшее

[1] Возможно было дать три варианта ответа.

впечатление. Часто встречаются в ответах Государственный Эрмитаж и Государственный исторический музей, хотя иногда и с оговорками (“сама коллекция” или “исключительно уникальностью экспонатов”). Среди других российских музеев лидерами являются Болгарский государственный историко-археологический музей-заповедник, музей-заповедник “Куликово поле”, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, который занял пятое место в рейтинге наиболее популярных музеев в Российской Федерации (2018)[2]. Последнее входит в явное противоречие с продемонстрированным респондентами низким интересом к экспозиционному дизайну и сопутствующим элементам.

Экспозиции именно этих трех музеев могут служить примерами авторских дизайнерских решений археологических экспозиций. На основании этого можно предположить, что подсознательно профессиональное сообщество все-таки выбирает для знакомства с археологическим материалом комфортную “нескучную” экспозиционную среду.

Очень широким в выборке получился спектр зарубежных музеев, которые численно превосходят отечественные. Однако найти систему в предпочтениях крайне сложно. По частоте упоминаний выделяется Стамбульский археологический комплекс, Археологический музей в Афинах, польские музеи (“Подземелье рынка” в Кракове, Археологический музей в Варшаве, Археологический комплекс на о. Леднице) и немецкие (Берлин, Халле, Биберах) специализированные музеи.

Интересно сравнить позицию российского профессионального сообщества с международной практикой археологических музеев и экспозиций.

Прежде всего стоит отметить, что археологические музеи не теряют привлекательности и пользуются уважением в музейном сообществе. За последние 20 лет сразу три из них выиграли главный европейский музейный приз the European Museum of the Year Award: Археологический музей в Аликанте, Испания (2004); Галло-романский музей (The Gallo-Roman Museum) в Тонгерене, Бельгия (2011); Medina Azahara музей в Кордобе, Испания (2012).

Показательно, что при этом ни один из археологических музеев еще не выигрывал приз Кеннета Хадсона, который выдается за вклад музея в развитие сообщества. Очевидно, что описанный выше конфликт интересов актуален и задача по интерпретации археологического наследия в интересах локального сообщества еще не решена.

Исходя из анализа европейских археологических музеев и экспозиций, можно выделить следующие магистральные тенденции.

Внимание непосредственно к работе археолога и методологии раскопок. Эта тенденция не является узкоспециализированной. Сегодня передовые научные музеи обязательно используют в экспозиции отдельные элементы, описывающие повседневную работу ученых (Музей Блау в Барселоне, Музей науки в Лондоне, Музей коммуникаций во Франкфурте). Современные музеи предпочитают показывать весь цикл археологической работы, а не только представлять ее конечный результат в виде артефактов. Как правило, в мультимедийном формате (видео или интерактивная программа) посетитель может ознакомиться с правилами и последовательностью работы с археологическим памятником от его обнаружения до возвращения первоначального вида. Наиболее яркие примеры подобного подхода: Национальный исторический музей Эстонии (Таллин), Археологический музей (Варшава). В музее Syon House (Большой Лондон) работа археологов представлена в трансмедийном формате: отдельная археологическая экспозиция основана на истории работы в музее команды документального сериала Time team. В археологическом музее крепости Масады (Южный округ Израиля) экспозиция, изобилующая скульптурными группами, и в которую интегрированы витрины с находками, заканчивается скульптурной реконструкцией кабинета Иггаэля Ядина – археолога, долгое время руководившего раскопками в Масаде. В данную скульптурную композицию включены подлинные предметы – личные вещи И. Ядина, в том числе археологические инструменты, его научные книги и статьи, посвященные раскопкам в Масаде.

Ярким примером интеграции археологического музея в жизнь локального сообщества является опыт музея Aboa Vetus & Ars Nova (Турку, Финляндия). Само по себе интересно сочетание в одном музее археологии и современного искусства, которые дополняют друг друга и позволяют привлекать различные по интересам и социально-демографическим

[2] Мой любимый музей // Сайт “Культура РФ”: URL: https://www.culture.ru/s/fm/

показателям аудитории. При этом раскопки частично ведутся на территории музея, а часть экспозиции представляет археологические объекты *in situ*. Однако главное то, как музей работает с представлением археологии в публичном пространстве. Здесь введена такая практика, как "приемная археолога", которая работает каждый четверг в специально отведенное время, где любой гражданин может получить ответы на свои вопросы о раскопках. Также вопросы можно отправлять на сайте музея, в социальных сетях и по е-мейл. Помимо этого, археологи и волонтеры ведут блоги о ходе раскопок[3].

Для включения жителей в процесс раскопок в июле музеем проводятся одно- и двухдневные курсы с практикой на настоящем раскопе. Эти же занятия включены в программы детских городских лагерей, чтобы дети во время отдыха могли познакомиться с наследием города.

Интерактивность. Данная тенденция также является общей для современных музеев, однако в археологических экспозициях она особенно выигрышна и эффективна, поскольку позволяет посетителю полностью понять функциональное назначение представленных объектов.

Более крупные музеи также внедряют в свои экспозиции интерактивные элементы, причем посетитель получает возможность примерить на себя не только роль исследователя (Музей Космокаиша, Барселона), но и, например, первобытного человека, который обрабатывает скребком шкуру (Музей истории Каталонии, Барселона).

При этом зачастую сам процесс "раскопок" сильно увлекает посетителей, особенно самых юных, которые составляют значительную часть музейной аудитории. Вот типичный отзыв из социальных сетей: "Больше часа наши 2–3-летние дети провели в отделе природы (вечные и повсеместные медведи, зайцы, лоси) и археологии! Потому что с ними был прекрасный педагог, и потому что там была песочница, прямо в музейном зале, с косточками и мусором для раскопок. После этого дети спросили, когда мы опять пойдем в музей".

[3] Yleisökaivauksella selviää mitä arkeologit tekevät ja miksi // Сайт музея Aboa Vetus & Ars Nova: URL: https://www.aboavetusarsnova.fi/fi/uutiset/yleisokaivauksella-selviaa-mita-arkeologit-tekevat-ja-miksi?fbclid=IwAR1FY-92FqrPN_BO8VGw7a7hVlnPtCZPqd_xBRvqA4SBIvAwA4-uJmSzohP7o

Интеграция археологического пространства в городское. Вслед за включением археологических памятников в повседневное городское пространство музеи также начали делать акцент на том, что археология является частью повседневной жизни и археологические памятники являются неотъемлемой частью городской жизни.

В экспозициях данная задача совмещения археологического и городского пространства чаще всего решается при помощи наложения археологических объектов на современные карты. Подобные карты могут быть самостоятельным элементом дизайна (Музей античного стекла, Задар) или вспомогательным, как дополнение к этикетажу (Музей Лондона, Музей истории города Праги). Иногда подобные материалы сопровождаются видовыми фотографиями и видео с места городских раскопок, а также элементами дополненной реальности, набирающими популярность в последнее время.

Иногда встречаются более оригинальные варианты. В Музее истории Екатеринбурга общий дизайн экспозиции сделан так, что культурный слой показан как элемент городской жизни: рисунки и коллажи на стенах образно демонстрируют процесс его накопления. Тем самым подчеркивается, что, по сути, горожанин может каждый день ходить по археологическому памятнику. Такой подход направлен на то, чтобы сформировать хотя бы базовое понимание, что городское пространство может являться археологическим памятником, т.е. объектом наследия, что, в свою очередь, должно привести к бережному отношению к городской среде.

В целом, подобные подходы позволяют увеличить эмпатию и интерес к археологическому наследию, поскольку облегчают современную идентификацию с объектами археологии, а кроме того, придают историко-культурную ценность городскому пространству.

Интеграция археологии с локальной историей. Базовые элементы Конвенции Фаро (2005) об использовании культурного наследия часто находят свое отражение в небольших музеях, посвященных истории локальных территорий. Наиболее ярким примером можно считать новый музей Стоунхенджа, в основе концепции которого лежат три главные ценности – люди, смыслы, ландшафт (People – Meanings – Landscape). Последний элемент особенно важен, поскольку подчеркивает важность

природной/экологической составляющей в наследии. Любопытно, что музей Стоунхенджа был построен в нескольких километрах от самого объекта, чтобы не нарушать историко-культурный ландшафт. При этом внутри музея была сделана мультимедийная копия Стоунхенджа, чтобы посетители могли увидеть его изнутри: сейчас вход на территорию самого памятника практически полностью запрещен.

Не менее интересным примером является музей района Югендассе (Франкфурт-на-Майне), где практически вся экспозиция расположена в музеефицированном раскопе, представляя тем самым местную историю практически *in situ*. В самой экспозиции объекты соседствуют с историями или интерактивными элементами, посвященными повседневной жизни района.

Археология как основа реконструкции. В отдельных случаях археологические музеи основное внимание уделяют реконструкциям, выстроенным на основе археологического материала, создавая тем самым трехмерную модель прошлого. В данном случае археологические объекты включаются в более сложные системы, например в реконструкцию торговых путей или структуры древних жилищ, как это сделано в Археологическом музее Кракова. Иногда подобные реконструкции превращаются в самостоятельные музеи, как это произошло с Парком Викингов в Йорке. Однако примеров такого рода не очень много, хотя именно это направление выглядит одним из наиболее перспективных и востребованных, при этом, однако, снова возвращающим археологию к статусу “истории, вооруженной лопатой”.

В интересах прежде всего археологического сообщества воспринимать музеи как канал коммуникации с локальными группами и делать акцент не только на экспонатах, поскольку основная задача современного научного музея “не читать лекции о науке, а стремиться к тому, чтобы давать информацию и вдохновлять” (Inspiring futures..., 2016). И здесь надо обратить внимание на антропологию археологической науки – повседневную жизнь и быт, а также личный взгляд археолога на памятник, артефакт или научную проблему – эти форматы еще недостаточно представлены, но вместе с тем они могут быть интересны и широкому кругу посетителей. Это подтверждает популярность таких современных медиа-проектов, как “10 глупых вопросов” профессионалу. Помимо всего прочего, такой подход позволяет избавить науку от излишней мифологии и романтизации. Технология внедрения комментариев профессионалов в экспозицию в формате мини-интервью уже давно апробирована в научных музеях (Музей Блау, Барселона; Музей коммуникаций, Франкфурт-на-Майне), а кроме того, позволяет создавать кроссмедийные проекты, что повышает интерес к музею и увеличивает его узнаваемость.

Вместе с тем биографии многих представителей археологии в силу своей драматичности могут стать самостоятельным сюжетом для экспозиционно-выставочного проекта.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящий момент в Российской Федерации есть определенный конфликт между интересами и приоритетами профессионального археологического сообщества и магистральными направлениями развития музеев. Данный конфликт может негативно повлиять на дальнейшую судьбу археологических музеев как социокультурного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-1. С. 195–200.

Волков И.В. Охранная археология и музеи [Электронный ресурс] // Открытый текст. 2010. URL: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/roundtable/index.html@id=3161 (дата обращения: 10.12.2019).

Гринько И.А. Музей в создании образа города: анализ инструментария // Брендирование территорий: между маркетингом и фольклором: материалы междунар. науч. конф. / Сост.: М.В. Ахметова, М.И. Байдуж, Н.В. Петров. М.: Дело, 2016. С. 20–23.

Дукельский В.Ю., Фролов А.С. Археологические музеи // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. М.: Прогресс, 2001. С. 44, 45.

Жукова А.В. Возможности применения социоархеологического подхода в музейной экспозиции // Современные концепции первобытной истории: Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. М.: Гос. ист. музей, 2000. (Труды ГИМ; вып. 113). С. 46–49.

Займан Дж. Реальная наука // Социология науки. Статьи и рефераты / Под ред. С.А. Кугеля. СПб.: Гидрометеоиздат, 2000.

Каплунов В.А., Родионова Д.Д., Насонов А.А. Роль комплексного археологического музея-заповедника в развитии внутреннего туризма // Человек и культура. 2016. № 4. С. 110–117.

Каменский С.Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2009. 26 с.

Клейн Л.С. Муки науки: ученый и власть, ученый и деньги, ученый и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 576 с.

Музейное проектирование: сб. / Отв. ред. А.А. Щербакова; сост. А.В. Лебедев. М.: Лаборатория музейного проектирования Российского ин-та культурологии, 2009. 256 с.

Мурзинцева А.Е. Специфика и проблемы деятельности академических музеев Сибири археолого-этнографического профиля // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3-2. С. 84–90.

Научное мировоззрение и будущее страны // Музей. 2017. № 12. С. 11.

Романчук А.В. Музейный туризм: учебно-методическое пособие. СПб., 2010. 46 с.

Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstock: Palgrave Macmillan, 2007. 134 p.

Baldwin E. 10 Archaeology Museums That Combine Modern Architecture with the Ancient Past [Электронный ресурс] // Architizer. 2018. URL: https://architizer.com/blog/inspiration/collections/archaeology-museums/?fbclid=IwAR0OOs42u_63WwsufydjoI0wTFp5dXtXIHg-PmcQaEMMkGpdkBzHiYmz1As (дата обращения: 10.12.2019).

Brida J.G., Meleddu M., Pulina M. Understanding Urban Tourism Attractiveness: The Case of the Archaeological Ötzi Museum in Bolzano // Journal of Travel Research. 2012. V. 51, iss. 6. P. 730–741.

Copley M.S. Towards presenting scientific research in archaeology museums // Museum Management and Curatorship. 2010. V. 25, iss. 4. P. 383–398.

Inspiring futures: strategic priorities 2017–2030 [Электронный ресурс]. London: Science museum group. URL: https://group.sciencemuseum.org.uk/wp-content/uploads/2017/06/Inspiring-Futures-Strategic-Priorities-2017-2030.pdf (дата обращения: 10.12.2019).

Pujol L., Roussou M., Poulo S., Balet O., Vayanou M., Ioannidis Y. Personalizing Interactive Digital Storytelling in Archaeological Museums: the CHESS Project // Archaeology in the Digital Era. 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA) (Southampton, UK, 26-29 March 2012). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. P. 77–90.

Schiele B. Science museums and centres: evolution and contemporary trends // Routledge handbook of public communication of science and technology / Ed. by M. Bucchi, B. Trench. London; New York: Routledge, 2014. P. 40–59.

Sturtevant W. Does anthropology need museums? // Proceedings of the Biological Society of Washington. V. 82. Washington: Biological Society of Washington, 1969. P. 619–650.

Yalowitz S., Bronnenkant K. Timing and Tracking: Unlocking Visitor Behavior // Visitor Studies. 2009. V. 12, iss. 1. P. 47–64.

Walker D. Decentering the discipline? Archaeology, museums and social media // Online Journal in Public Archaeology. 2014. V. 1. P. 77–102.

ARCHAEOLOGICAL MUSEUM: CLASH OF INTERESTS AND NEW FORMATS

Ivan A. Grinko*, Anton B. Lagutin, Aleksandr A. Goncharov*****

Museum and Tourist Development Department of Moscow Agency for Tourism and Recreation "MOSGORTUR", Moscow, Russia

**E-mail: IAGrinko@yandex.ru*
***E-mail: ALagutin@mosgortur.ru*
****E-mail: AGoncharov@mosgortur.ru*

This paper develops the studies in the latent conflict between the interests of professional community and the public in designing museum archaeological exhibitions. The main objective of the article is to identify the possibilities for an archaeological museum to combine the interests of professional and local communities, as well as tourist audience. To implement this task the authors analyzed the requests of the professional archaeological community in the Russian Federation for the formats and content of archaeological museums and compared the obtained results with modern practices of presenting the archaeological heritage in European museums. The research tools included opinion survey among representatives of the archaeological community and field studies in museums in Germany, Great Britain, Spain, Greece, Poland, Estonia, Israel and other European countries.

Keywords: archaeology, museums, archaeological museums, anthropology of academic life, museum designing, museum exhibitions.

REFERENCES

Andreyev V.M., 2014. Interpretive capability of the archaeological heritage and its museum presentation. *Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental research]*, 11-1, pp. 195–200. (In Russ.)

Anholt S., 2007. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstock: Palgrave Macmillan. 134 p.

Baldwin E., 2018. 10 Archaeology Museums That Combine Modern Architecture with the Ancient Past (Electronic resource). *Architizer*. URL: https://architizer.com/blog/inspiration/collections/archaeology-museums/?fbclid=IwAR0OOs42u_63WwsufydjoI0wTFp5d-XtXIHg-PmcQaEMMkGpdkBzHiYmz1As

Brida J.G., Meleddu M., Pulina M., 2012. Understanding Urban Tourism Attractiveness: The Case of the Archaeological Ötzi Museum in Bolzano. *Journal of Travel Research*, vol. 51, iss. 6, pp. 730–741.

Copley M.S., 2010. Towards presenting scientific research in archaeology museums. *Museum Management and Curatorship*, vol. 25, iss. 4, pp. 383–398.

Dukel'skiy V.Yu., Frolov A.S., 2001. Archaeological museums. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [Russian museum encyclopaedia]*, 1. Moscow: Progress, pp. 44, 45. (In Russ.)

Grin'ko I.A., 2016. The museum in creating the image of the city: Analysis of tools. *Brendirovaniye territoriy: mezhdu marketingom i fol'klorom: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Branding of territories: Between marketing and folklore: Proceedings of the international scientific conference]*. M.V. Akhmetova, M.I. Bayduzh, N.V. Petrov, comp. Moscow: Delo, pp. 20–23. (In Russ.)

Inspiring futures: strategic priorities 2017–2030 (Electronic resource). London: Science museum group. URL: https://group.sciencemuseum.org.uk/wp-content/uploads/2017/06/Inspiring-Futures-Strategic-Priorities-2017-2030.pdf

Kamenskiy S.Yu., 2009. Aktualizatsiya arkheologicheskogo naslediya v sovremennykh sotsial'no-kul'turnykh praktikakh: avtoreferat dissertatsii ... kandidata kul'turologii [Actualizing archaeological heritage in modern socio-cultural practices: the author's abstract of a doctoral thesis in Cultural Studies]. Ekaterinburg. 26 p.

Kaplunov V.A., Rodionova D.D., Nasonov A.A., 2016. The role of the integrated archaeological museum-reserve in the development of domestic tourism. *Chelovek i kul'tura [Man and culture]*, 4, pp. 110–117. (In Russ.)

Kleyn L.S., 2017. Muki nauki: uchenyy i vlast', uchenyy i den'gi, uchenyy i moral' [The evils of science: The scientist and power, the scientist and money, the scientist and moral]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 576 p.

Murzintseva A.E., 2006. Specificity and issues of the activity of the academic archaeological and ethnographic museums in Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]*, vol. 5, iss. 3-2, pp. 84–90. (In Russ.)

Muzeynoye proyektirovaniye: sbornik [Museum design: Collected papers]. A.A. Shcherbakova, ed., A.V. Lebedev, ed. Moscow: Laboratoriya muzeynogo proyektirovaniya Rossiyskogo instituta kul'turologii, 2009. 256 p.

Pujol L., Roussou M., Poulo S., Balet O., Vayanou M., Ioannidis Y., 2012. Personalizing Interactive Digital Storytelling in Archaeological Museums: the CHESS Project. *Archaeology in the Digital Era. 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA).* Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 77–90.

Romanchuk A.V., 2010. Muzeynyy turizm: uchebno-metodicheskoye posobiye [Museum tourism: a study and methodology guidebook]. St. Petersburg. 46 p.

Schiele B., 2014. Science museums and centres: evolution and contemporary trends. *Routledge handbook of public communication of science and technology.* M. Bucchi, B. Trench, eds. London; New York: Routledge, pp. 40–59.

Sturtevant W., 1969. Does anthropology need museums? *Proceedings of the Biological Society of Washington*, 82. Washington: Biological Society of Washington, pp. 619–650.

Volkov I.V., 2010. Okhrannaya arkheologiya i muzei (Elektronnyy resurs) [Salvage archaeology and museums (Electronic source). URL: http://www.opentextnn.ru/history/archaeology/roundtable/index.html@id=3161

Walker D., 2014. Decentering the discipline? Archaeology, museums and social media. *Online Journal in Public Archaeology*, 1, pp. 77–102.

Yalowitz S., Bronnenkant K., 2009. Timing and Tracking: Unlocking Visitor Behavior. *Visitor Studies*, vol. 12, iss. 1, pp. 47–64.

Zayman Dzh., 2000. Real science. *Sotsiologiya nauki. Stat'i i referaty [Sociology of science. Articles and abstracts].* S.A. Kugel', ed. St. Petersburg: Gidrometeoizdat. (In Russ.)

Zhukova A.V., 2000. Possibilities of applying the social and archaeological approach to museum exposition. *Sovremennyye kontseptsii pervobytnoy istorii: Problemy interpretatsii pamyatnikov arkheologii v ekspozitsiyakh istoricheskikh, krayevedcheskikh i arkheologicheskikh muzeyev [Modern concepts of primitive history: Issues of interpretation of archaeological sites in historical, local lore, and archaeological museums].* Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 46–49. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 113). (In Russ.)

The scientific worldview and the future of the country. *Muzey [Museum]*, 2017, 12, p. 11. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 120–129

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н.Я. МАРР И С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГ: ПОЛВЕКА ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА
(К 100-летию Российской академии истории материальной культуры)

© 2020 г. В.Г. Ананьев[1,*], М.Д. Бухарин[2,]**

[1]*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия*
[2]*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*

[*]*E-mail: v.ananev@spbu.ru*
[**]*E-mail: michabucha@gmail.com*

Поступила в редакцию 07.05.2019 г.

Основателя РАИМК (ГАИМК) Н.Я. Марра и непременного секретаря АН СССР (ИАН, РАН) С.Ф. Ольденбурга связывали почти полвека тесного сотрудничества в рамках двух академий. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН) и Государственном архиве РФ (ГАРФ) сохранилась обильная документация, которая сквозь тесное сотрудничество Марра и Ольденбурга помогает реконструировать историю советской науки и культуры в целом и историю академической археологии в частности. Особенно ценными являются документы, рисующие борьбу Марра и Ольденбурга против передачи предметов историко-культурного наследия Грузии в 1922–1923 гг. Переписка Марра и Ольденбурга является важным элементом для воссоздания научной и частной биографий обоих ученых, она в значительной степени корректирует стереотипные представления о личности Марра. В ранних письмах к Ольденбургу он предстает ученым-археологом, отчаянно борющимся за развитие науки в стране, более поздние письма наполнены сомнениями в верности избранного им пути. Ольденбург в письмах Марру является в своем традиционном образе – академического ученого, администратора, при любых обстоятельствах отстаивающего интересы науки.

Ключевые слова: советская наука, история археологии, историко-культурные ценности, ГАИМК, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург.

DOI: 10.31857/S086960630009077-3

У истоков советской академической археологии стоял Николай Яковлевич Марр (1864–1934) – яркая личность, ученый, оставивший неоднозначный след в истории науки. С 1919 г. Н.Я. Марр возглавлял Российскую (с 1926 г. – Государственную) академию истории материальной культуры. Более четырех десятилетий Марра связывали дружба и сотрудничество с непременным секретарем академии наук (ИАН, с 1917 г. – РАН, с 1925 г. – АН СССР) Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863–1934). Их судьбы оказались тесно переплетены уже в студенческое время – оба были учениками академика В.Р. Розена (1849–1908). Оба быстро достигли вершин в академической иерархии, оба были ведущими администраторами науки. При этом Марр и Ольденбург были коллегами-академиками не только по Российской академии наук, но и по РАИМК (ГАИМК), в которой Ольденбург возглавлял разряд археологии и искусства Индии и Дальнего Востока Археологического отделения, в 1920 и 1923–1925 гг. был товарищем председателя академии, а в 1920–1923 гг. – председателем Совета академии и ее Археологического отделения (Носов, 2013. С. 372). На протяжении всей своей жизни они поддерживали очень тесные связи – научные, административные, человеческие.

Б.С. Каганович в этой связи пишет: “С течением времени отношения между Ольденбургом и Марром стали вполне дружественными” (Каганович, 2015. С. 4). Неспроста в биографии Ольденбурга Марр занимает из всех представителей научного мира едва ли не наибольшее место (Каганович, 2013. С. 243). Их отношения ранее рассматривались очень кратко (Каганович, 2015. С. 3–15; 2016. С. 136–151), однако письма целиком не издавались, а наиболее драматичный период их совместной деятельности – совместная борьба за сохранение историко-культурного наследия

в первой половине 1920-х годов – не рассматривался вовсе.

Письма Н.Я. Марра С.Ф. Ольденбургу (всего 40 документов) охватывают ровно четверть века: датированные документы покрывают период с 1906 по 1931 г. В них поднимаются различные вопросы научной деятельности Марра: раскопки в Ани, работа с рукописями по исследованию грузинской и армянской литератур, разработка яфетической теории. Неоднократно Марр обращался к вопросам научно-организационным, прежде всего к основанию Анийского археологического и Кавказского историко-археологического институтов. С.Ф. Ольденбург принимал активное участие в судьбе сына Н.Я. Марра, Юрия, его жизнь и научная деятельность в этой связи часто обсуждаются в переписке. Марр не только излагает те или иные факты, в Ольденбурге он определенно стремился найти чисто человеческое понимание своих переживаний, и многие его письма наполнены психологическим драматизмом.

С самого первого письма, отправленного в 1906 г. С.Ф. Ольденбургу – непременному секретарю Императорской академии наук, Марр не стесняется говорить о том, что Академия недостаточно поддерживает исследования на Кавказе. Частные и общественные пожертвования на раскопки Ани значительно превосходили поддержку Археологической комиссии. Академия наук от поддержки его работ самоустранилась. И в дальнейшем Марр не мог найти поддержку своей научной и научно-организационной деятельности на Кавказе со стороны Академии наук. Бюджет Кавказского историко-археологического института был очень скромным, при громадном запросе на развитие науки на Кавказе ассигнований на иные предприятия также не хватало. Не находил Марр понимания в вопросах развития историко-археологических изысканий не только в академической сфере, но и у гражданских властей. Раскопки на Кавказе продолжали оставаться в основном его личной инициативой, которую поддерживали частные лица или общественные организации.

Тем не менее Марр хлопочет перед Ольденбургом за своих наиболее талантливых учеников, прежде всего И.А. Орбели: предлагает к публикации его работы, защищает от обвинений в неблаговидных поступках (при том, что, как показывают письма Ольденбургу, отношения Марра и Орбели были отнюдь не безоблачными), активно участвует в университетской жизни на посту декана факультета восточных языков СПбу, хотя прекрасно отдает себе отчет, что заниматься научной деятельностью, прежде всего организацией и проведением раскопок на Кавказе, и исполнять при этом важные административные функции ему очень сложно. Марр охотно отдавал предпочтение археологии, заведование факультетом определенно страдало от недостатка времени, имевшегося в распоряжении Марра-декана.

Еще одна тема, неоднократно поднимающаяся в письмах к С.Ф. Ольденбургу, – общественные национальные настроения. Марр, полугрузин-полушотландец по происхождению, часто жалуется на травлю в национальных общинах. Особенно показательно письмо от 21 июля 1913 г. (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 30–31 об.) Хотя армянские общественные организации поддерживали материально деятельность Марра, он не мог избежать сложностей в отношениях с обеими общинами – армянской и грузинской. Обвинения, выдвинутые против него, сам он формулировал следующим образом: «Здесь очень скверно. Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, веденной против меня в армянской общине. Когда грузины порочили и клеветали, я еще понимаю: они могли думать, что у меня и в научных изысканиях грузинская археология хотя бы на ½. Но почему у армян претензии требовать от меня их националистические программы и настроения, я не могу понять. Оказывается, что “я Ани отнимаю у армян и передаю русским”, что “в Ани умаляю значение армянской культуры и преувеличенно пропагандирую славу грузинской” и “даже” турецкой культур...» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 30). Сложности такого рода на, казалось бы, родном Кавказе Марр испытывал практически до конца своих дней.

Период 1919–1924 гг. отмечен сильнейшим драматизмом в письмах Марра к Ольденбургу. Эти письма являются уникальным источником информации по целому ряду сюжетов. Так, в письме от 21 января 1919 г. Марр говорит о своем выходе из состава Российской академии наук как свершившемся факте. Подтверждений этим заявлениям в “Протоколах заседаний Общего собрания Российской академии наук” нет. “Я был избран в Императорскую Академию Наук, никто меня не выбирал в Российскую академию наук, и в этом

смысле я считаю безусловно правильным, хотя и запоздалым, мое выбытие из состава Российской академии наук", – заявляет Марр (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 38). Формальным поводом для этого явилась характеристика выступления Марра как "террористического". "При создавшемся положении, не мною вызванном, мое решение бесповоротное", – утверждал Марр. Тем не менее Марр остался действительным членом РАН.

Следующий "рубежный этап" в научной биографии Марра – борьба за сохранение памятников грузинской истории и культуры, отчаянные протесты в ходе этой борьбы, которые Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург заявляли совместно. Этот важнейший элемент научной биографии обоих ученых не нашел еще своего места на страницах работ по истории советской науки и культуры.

Значительное количество предметов из российских музеев, архивов и библиотек оказалось под реальной угрозой передачи Грузии. Представители комиссии, специально составленной для решения вопроса о передаче Грузии "ее национальных собраний и коллекций", приняли соответствующее решение 24 июня 1922 г. Все "научные коллекции, имеющие отношение к Грузии", были разбиты на три категории: 1) предметы и коллекции, эвакуированные из Грузии во время войны и хранящиеся в упакованном виде, 2) случайно попавшие в различные учреждения РСФСР и не вошедшие в научный оборот, 3) вошедшие как органическая часть в музеи и хранилища, имеющие мировое значение. Подлежащими возврату были признаны предметы и коллекции первой категории, за исключением тех, которые имеют явно русское происхождение и в то же время не имеют никакого отношения к Кавказу. Предметы и коллекции второй категории принципиально признавались подлежащими передаче в Грузию, но вопрос о тех предметах, которые необходимо оставить в хранилищах РСФСР, должен был предварительно решаться в Особой комиссии. Наконец, применительно к третьей категории признавалось необходимым сохранение их в пределах РСФСР, за исключением тех предметов, которые могли бы быть переданы Грузии по постановлению Особой комиссии. Для просмотра и отбора предметов второй категории, подлежащих оставлению в пределах РСФСР, и третьей категории, подлежащих передаче в Грузию, в Петрограде следовало образовать Комиссию под руководством председателя Петроградского отделения Академического центра М.И. Кристи в составе двух представителей от Российской академии наук, по одному представителю от Публичной библиотеки и Академии истории материальной культуры и трех представителей от Грузии (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 91).

Так, Н.Я. Марр был втянут в работу по сохранению, а фактически передаче Грузии, предметов историко-культурного наследия, с которыми он сам активно работал.

20 июля Президиум ВЦИК постановил: "Все регалии древней Грузии, вывезенные в Россию и принадлежащие Грузии по удостоверениям в Государственном архиве и Наркомпроса и хранящиеся в Главархиве, Оружейной палате и других музейных хранилищах, возвратить Грузинской Социалистической Советской Республике" (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 1). Фактически этот документ, подписанный А. Енукидзе, открыл дорогу перераспределению культурных ценностей, в том числе рукописей, и передаче их Грузии, что отвечало общим первоначальным установкам советского правительства, еще 16 ноября 1917 г. принявшего декрет о передаче украинскому народу его национальных реликвий. Под влиянием именно этих событий 29 ноября того же года в тифлисской газете "Возрождение" появилась статья "Национальные реликвии Грузии в Петрограде", автор которой, скрывшийся под инициалом Ал., провозглашал: "С разрешением этого вопроса нельзя медлить" (Пиотровский, Соломаха, 2017. С. 58, 253).

10 октября 1922 г. состоялось заседание Комиссии по обсуждению вопроса о передаче Грузии ее древних и художественно-исторических памятников, находящихся в различных хранилищах России, Российскую академию наук в ее работе представлял С.Ф. Ольденбург. Было принято постановление о возможности возврата Грузии рукописей грузинского происхождения. Ольденбург высказал особое мнение, согласно которому термин "возвращение" может относиться только к тому, что было взято. Между тем на заседании речь шла о рукописях, которые были либо приобретены на законных основаниях, либо пожертвованы (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Д. 171. Л. 45 об.–46).

3 ноября 1922 г. эта позиция была доложена в Общем собрании РАН и снискала поддержку

его членов. Именно против этого – любой возможности передачи рукописей Грузии – возражал Н.Я. Марр. Документы, свидетельствующие о развитии вопроса о передаче Грузии объектов историко-культурного наследия, еще только должны быть введены в научный оборот. Определенно, борьба велась с исключительным напряжением.

С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр, вместе и по отдельности, продолжали участвовать в работе Комиссии, в центре внимания которой находились именно рукописи. Их подписи стоят под протоколом заседания от 6 октября 1922 г., на котором было принято следующее решение: 1) относительно предметов материальной культуры разногласий среди представителей РСФСР и Грузинской республики не имеется (в России остаются этнографические коллекции и грузинская часть коллекции оружия, находящейся в Эрмитаже); 2) относительно рукописей, "находящихся в хранилищах мирового значения (Азиатский музей Российской академии наук. Публичная библиотека)", было признано "в принципе право ССР Грузии на обратное возвращение тех рукописей, которые в разное время были вывезены из Грузии в Россию". Для решения вопроса о составе и времени их возвращения создавалась комиссия "с полномочиями решающего органа" (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 45).

На следующем заседании 10 октября 1922 г., в ходе которого была выработана и соответствующая инструкция о принципах отбора и передачи, присутствовал только С.Ф. Ольденбург. Инструкция содержала три принципиальных пункта: 1) все предметы уникального характера, вывезенные из Грузии с 1801 г., немедленно передаются ССР Грузии, за исключением тех из них, над которыми в настоящий момент ведется исследовательская работа в местах их хранения; таковые временно, до устанавливаемого Комиссией срока, могут быть оставлены в РСФСР; 2) все рукописи и предметы, изучением которых никто не занимается в РСФСР, немедленно передаются ССР Грузии; 3) вопрос о передаче ССР Грузии рукописей, не вывезенных из Грузии, а также и рукописей, передача которых не является необходимой с точки зрения интересов грузинской науки, решается Комиссией индивидуально применительно к каждому отдельному предмету (ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 15. Д. 98. Л. 46=СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1923). Д. 9. Л. 5.)

Протокол от 10 октября 1922 г., не подписанный Н.Я. Марром, С.Ф. Ольденбургом был подписан с оговорками. Эти оговорки, составленные со ссылками на мнение Н.Я. Марра, были сформулированы в виде отдельного документа. Оба ученых единогласно утверждали: "Несомненное право на владение научными предметами, приобретенными мирным и законным путем, принадлежит той стране или тому ученому учреждению, особенно если оно имеет мировое значение, которые, приобретя предметы для научного употребления, хранили их, делали доступными всем для работы и сами пользовались ими для научных целей. Без признания этого права немыслимо создание и существование научных художественных хранилищ мирового значения, где только благодаря систематически подобранным коллекциям из разных стран и из быта разных народов становится возможна настоящая научная работа, в том мировом, а не узконациональном масштабе, которого требует современная наука. Распыление мировых сокровищ по хранилищам разных народов должно привести к упадку науки мировой и ко вреду и остальных национальностей в их научном развитии" (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1923). Д. 9. Л. 3).

Таким образом, судьба грузинских рукописей была окончательно решена еще в октябре 1922 г. В течение 1922–1923 гг. проходила активная работа по передаче Грузии предметов, имеющих отношение к грузинской истории и культуре, из российских музейных собраний – Москвы, Петрограда, Ярославля, Казани, причем передавались не только рукописи.

В январе – марте 1923 г. прошло несколько заседаний комиссии, образованной для детального обсуждения и окончательного решения всех вопросов, связанных с передачей Грузии ее древних художественно-исторических памятников, находящихся в различных хранилищах РСФСР. В этих заседаниях участвовали: М.П. Павлович (председатель), М.Н. Покровский, А.Д. Джгушиа, М.П. Орахелашвили, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Генко, К.С. Мекелидзе, А.Г. Шанидзе, П.П. Дехтерев (секретарь).

На первом заседании Комиссии 9 января 1923 г. С.Ф. Ольденбург передал мотивированное заявление от Российской академии наук, согласно которому решение вопроса о передаче Грузии затребованных рукописей должно быть отложено до возвращения Н.Я. Марра из зарубежной командировки – "единственного в РСФСР вполне компетентного и

высокоавторитетного эксперта по данном вопросу". Первое заседание Комиссии закончилось констатацией факта наличия "на территории Объединенных советских республик" двух центров грузиноведения – в Тифлисе и Петрограде, "причем первый центр доминирует над вторым как в отношении количества лиц, работающих в области грузиноведения, так и в отношении масштаба, в котором ведется эта работа" (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 4–4 об.).

10 января 1923 г. состоялось второе заседание Комиссии. Было решено продолжить работу Комиссии, несмотря на отсутствие Н.Я. Марра. В этой связи С.Ф. Ольденбург обратился к Комиссии с просьбой освободить представителей РАН от работы в ней в связи с невозможностью взять на себя моральную ответственность за принимаемые решения "в отсутствие главы школы грузиноведения в России академика Н.Я. Марра". По этому поводу дается разъяснение, что вопрос о передаче Грузии ее художественно-исторических памятников принципиально уже решен, и Комиссии только предстоит обсудить ряд вытекающих отсюда технических вопросов". Ольденбург обратил внимание на то, что определенные рукописи могут находиться в сфере научных интересов Н.Я. Марра, а без него нельзя определенно ответить на вопрос о том, какие рукописи имеют уникальный характер и какие находятся в сфере научных интересов самого Марра в настоящий момент. Комиссия сама приняла решение о том, что уникальными следует считать те рукописи, которые фактически отсутствуют в Грузии и наличествуют в виде дефектных экземпляров (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 6–6 об.).

На третьем заседании Комиссии 11 января 1923 г. Ольденбург продолжил отстаивать максимально широкое понимание вопроса о рукописях, находящихся в центре исследовательского внимания российских кавказоведов, прежде всего Н.Я. Марра. Ссылаясь на п. 2 инструкции от 10 октября 1922 г., Ольденбург стремился очертить круг таких рукописей как включающий еще и памятники, "имеющие ближайшее отношение" к изучаемому предмету. Такое толкование вызвало протест грузинской стороны. Комиссия решила передать все рукописи, которые могли представлять интерес для Н.Я. Марра, но "если рукописи эти окажутся ко времени приезда его в Россию переданными Грузии, то по его заявлению они будут немедленно возвращены ему для окончания начатых работ" (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 6, 7 об.).

"О грузинских рукописях ничего не хочется писать. Я прямо заявляю, и прошу коллег академиков осведомить в форме, в какой вы найдете нужным, что изъятие грузинских рукописей из рук Академии в настоящий момент считаю исключительно ножом в спину, естественно физически направленным или пронзающим меня, и кто это делает, тот постановляет, значит, мое изгнание из России, но куда?" – писал Марр Ольденбургу 13 февраля 1923 г. Мнение Марра отличалось от позиции непременного секретаря РАН Ольденбурга.

Четвертое заседание Комиссии состоялось 17 марта 1922 г. Состав участников был иным: М.П. Павлович (председатель), Д.А. Джгушиа и И.И. Гливенко (члены комиссии), А.Г. Шанидзе, С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковский, Д.Н. Абрамович, А.Н. Генко – эксперты, Б.Н. Молас – секретарь. Заседание было посвящено фактическому разделу рукописного наследия петроградских собраний. По 27 рукописям соглашение не было достигнуто. С.Ф. Ольденбург упирал на то, что российская сторона пошла на исключительное широкое толкование вопроса в пользу Грузии, однако рукописи, принадлежавшие академику Броссе, а также ряд иных коллекций, переданы быть не могут. Он подчеркивал невозможность рассеивания рукописей по различным собраниям из уже существующих коллекций, возможность для грузинских коллег пользоваться петроградскими собраниями для своих научных исследований (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 7, 8 об., 9).

На пятом заседании 19 марта 1923 г. С.Ф. Ольденбург передал через ученика Марра лингвиста А.Н. Генко свое мнение относительно возможности передачи Грузии рукописей исключительного значения: рукописи передаются в обмен на отказ от палимпсестов. Эта уступка была вынужденой, и Генко от себя добавил, что считает ее неверной, идущей во вред науке. Еще раз Ольденбург подчеркнул, что считает недопустимым передачу Грузии рукописей из собрания Броссе, и пригрозил выражением отдельного мнения Российской академии наук, если Комиссия пойдет на поводу у грузинской стороны, а также включением упоминания о таком масштабном изъятии в доклад к 200-летию РАН (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 10–13).

18 марта 1923 г. был составлен список рукописей, подлежащих передаче и фотографированию как для грузинской, так и для российской стороны (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 14).

В шестом заседании Комиссии 20 марта 1923 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 9, 15 об., 17) ни Н.Я. Марр, ни С.Ф. Ольденбург не участвовали. В тот же день, 20 марта 1923 г. был составлен протокол, в котором все рукописи Государственной публичной библиотеки и Азиатского музея были поделены на следующие группы: 1) передать ССР Грузии; 2) оставить в петроградских книгохранилищах; 3) палимпсесты и рукописи из собраний Броссе и Тишендорфа оставить в Петрограде; 4) рукописи, исследованием которых занимались С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, В.Н. Бенешевич, А.А. Алиханян, Ю.Н. Марр, оставить в Петрограде до 1 апреля 1924 г., затем передать Грузии; 5) рукописи из Азиатского музея передаются в недельный срок, рукописи из ГПБ – в трехнедельный; 6) передаваемые и оставляемые рукописи фотографируются, производится обмен фотографиями; 7) на что у СНК РСФСР испрашивается соответствующее ассигнование. Данный протокол был заверен М. Павловичем, Д. Джгушиа (СПбФ АРАН. Ф. 2. ОП. 1 (1923). Д. 9. Л. 18–19 об.).

Изымались, однако, не только рукописи из петроградских коллекций. Изъятия происходили в Оружейной палате, Историческом музее, Синодальной библиотеке, Строгановском музее в Петрограде, других собраниях. “Мне все пути отрезаны, кроме могилы...”, – резюмировал свое положение Марр в письме Ольденбургу 13 февраля 1923 г. Возможно, решение вопроса с изъятием грузинских рукописей (наряду с утратой возможности работать в Ани) сыграло решающую роль в фактическом отходе Марра от науки в ее классическом варианте и смещении всего центра тяжести усилий на разработку и пропаганду “нового учения о языке”.

Определенно 1923 г. был исключительно труден для Марра в психологическом отношении. Он испытывал одиночество не только в научной сфере, но и в обыденной жизни. В письме от 25 мая 1923 г. Ольденбургу он признавался: “Мне было очень грустно, хотя, конечно, ничего особенного, что бы Вам не было известно, не могу я сообщить, однако все-таки было грустно, что разлука наша продлится еще на ряд месяцев, а жизнь теперь идет так стремительно, и все делит, и все разлучает, и все дробит, что я боялся оказаться и тут в одиночестве, не только в яфетической теории” (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 43).

Тема одиночества, ненужности его изысканий в области языкознания не отпускает его и в дальнейшем. В короткой открытке, посланной 12 октября 1927 г. из Испании, Марр дважды жалуется на ненужность и непонимание его деятельности. Он искренне не понимает причин этого одиночества. Так, он пишет Ольденбургу 3 ноября 1927 г.: «...если не употреблять почему-то ненавистного всем термина “яфетический”» (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 50). Причина ненависти к термину и его сути так и остается для него тайной за семью печатями, которую Марр склонен трактовать как проявление равнодушия, недостойного академической науки.

Марр, определенно, устал от административной нагрузки, которая не давала ему заняться научной работой и ее организацией там, где на эту деятельность был спрос – на родном ему Кавказе. “Если бы освободиться от всего прочего в звании члена Академии наук, я думаю, сделал бы больше не только для своей теории и правильного научного направления работ на Кавказе, но и для здорового обмена веществ на местах, а также Академии с местами, если бы ... если бы Академия в какой-либо мере меня поддерживала”, – пишет он Ольденбургу 13 июня 1924 г. (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об.) Показательно, что это письмо написано на бланке директора Государственной публичной библиотеки – и этот пост тяготил Марра. В этом же письме он жалуется Ольденбургу – непременному секретарю РАН – на сокращение штатов Кавказского историко-археологического института, нищенский бюджет одного из детищ Марра – Яфетического института, в который не могут поверить даже на Кавказе, не избалованном ассигнациями на развитие науки, и продолжает с горьким сарказмом: “Не кончить ли свою деятельность землепашеством в моей деревне или перейти в работники одной из республик, где если и не будет широких программ, то не будет и пустых затей, сводящихся не только к положению ликвидационному, как в деле Кавказского историко-археологического института, но и безжизненному прозябанию, как в деле Яфетического института, на деятельность коего дается 20 рублей в месяц!” (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45).

Марр предчувствовал судьбу основанных им учреждений и в столице: “Тоскливо и тяжко, особенно когда через 3 часа предстоит видеть разрушенное дело анийских работ (проеду ведь станцию Ани). Ведь та же участь предстоит моему петербургскому или ленинградскому научному строительству”, – пишет он все в том же письме (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45). В этом отношении Марр оказался близок к истине. Государственная академия истории материальной культуры пережила своего основателя, здравствует она и в настоящее время. Остальные же элементы научного строительства Марра действительно, обрушились: слишком уж шатким оказалось их основание.

Эти письма Ольденбургу рисуют образ Марра в разительном контрасте с тем представлением, которое иногда высказывается относительно его места в науке – всесильного сумасброда, упивающегося своим влиянием (см.: Алпатов, 2004. С. 11–13, 262–264) (следует отметить, что упоминания Марра-администратора в позитивном контексте крайне редки: Васильков 1999: 156–157 (говорится о роли Н.Я. Марра в отсрочке разгрома классического академического востоковедения на рубеже 1920/1930-х годов)). Перед нами предстает одинокий, раздираемый сомнениями человек, не находящий своего места в научном мире. Он бы и рад выйти из игры, однако давление окружавших его младших коллег и учеников, в которых он видит заинтересованность в его административных усилиях, заставляет его продолжать начатое: “...однако я в этом салоне, как на улице в толпе, как в Университете и везде”, – признается он Ольденбургу (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об.).

Далее Марр снова говорит о контрасте между желанием приносить пользу, наличием сил и равнодушием академической среды. Он хотел бы ее покинуть, но нет выбора: “Видеть столько дела, жизни, иметь силы работать и встречать везде, где только..., равнодушие и шипение ... Я все-таки думаю об уходе, вообще, но куда?”. Проезд мимо развалин Ани психологически дается Марру непросто: “Трудно писать”, – так завершает он это письмо, наполненное тяжелыми переживаниями (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об.).

Последние письма Н.Я. Марра С.Ф. Ольденбургу помимо забот административного свойства наполнены попытками внятно растолковать суть “нового учения о языке”.

Марр, как и Ольденбург, тяжело переживал судьбу академической науки на рубеже 1920/1930-х годов. Резкие перепады его настроения, возможно, были связаны именно с тем, что он не мог принять того, что происходило с АН СССР в начале 1930-х годов. Вывод Б.С. Кагановича по вопросу об отношении Марра к политике Советского государства, к академической науке представляется взвешенным: «Марр, несомненно, был в числе тех руководителей “обновленной” Академии, которые, несмотря на все публичные декларации, не желали полного разгрома “старой” науки, и ему (как и Ольденбургу) классическое востоковедение в СССР обязано очень многим... Ныне, по прошествии стольких лет, мы воспринимаем С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра, несмотря на все их различия, как представителей великой, героической эпохи русской гуманитарной науки. Оба они так и не избавились от того беспросветного или небеспросветного идеализма, без которого вообще невозможна наука» (Каганович, 2015. С. 13, 15).

В российских архивных собраниях сохранилось 37 ответных документов, посланных С.Ф. Ольденбургом Н.Я. Марру, – открыток, писем, телеграмм. Самый ранний документ датируется 1892 г., самый поздний – 1933 г., т.е. переписка двух ученых покрывает более 40 лет их жизни. Большая часть документов – открытки, короткие письма. Длинные документы редки.

Тематика сюжетов писем Ольденбурга к Марру весьма разнообразна. Часто это мелкие просьбы: принести, сообщить, передать и т.д.

Затрагивались в письмах и вопросы частной жизни, прежде всего здоровья. Ольденбург проявлял трогательную заботу о здоровье Марра, неоднократно жаловался на свое, выражал беспокойство относительно здоровья своего сына Сергея, состояние которого в значительной степени формировало его образ жизни.

После утверждения Ольденбурга на посту непременного секретаря ИПАН тематика писем расширяется за счет хлопот по академическим делам: пополнение рукописного фонда, бюджеты учреждений, вопросы функционирования высшей школы – все это Ольденбург обсуждал с Марром.

Марр рассчитывал на помощь Ольденбурга в вопросе наполнения бюджета Анийской экспедиции. В письме от 26 июня 1916 г. он

единственный раз ссылается на свой официальный чин: руководитель Ванской археологической экспедиции Императорского Русского археологического общества (фраза “но и член Академии” была вычеркнута). Ольденбург оказывал все возможное содействие коллеге, однако помощь Академии наук была недостаточной, и Марру приходилось наполнять большую часть бюджета за счет частных пожертвований и собственных усилий.

Помощь Ольденбурга как непременного секретаря была не только организационно-финансовой, но и “политической”. Так, С.Ф. Ольденбург принимал деятельное участие в том, чтобы проект Анийского института, который создавал Марр для развития археологических исследований на Кавказе, получил поддержку местной интеллектуальной элиты. Именно Ольденбург уведомил Марра о том, что звание почетного попечителя института “с искренней благодарностью” принял Католикос всех армян – по имени в письме не был назван Маттеос II (Измирлян, 1845–1910).

Интересны и характеристики Ольденбурга, данные органам государственной власти как по вопросам научной политики, так и по более общим проблемам. Не без гордости он пишет Марру 26 июня 1912 г.: “Чувствовалось, что и Государственный Совет, как и Государственная Дума, смотрят на Академию как на главный очаг русской науки”. 25 июня 1915 г. в письме, написание которого было спровоцировано целым рядом обстоятельств, Ольденбург не мог не коснуться политической ситуации: «Сейчас грустно очень, что наши господа левые не желают считаться с положением и стоят на своей допотопной точке зрения “чем хуже, тем лучше”. И от этого много еще будет зла. Правительство тоже не хочет считаться достаточно серьезно с общественными силами и настроениями» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 20 об.). Ольденбург точно подметил столкновение двух недальновидных позиций и возможные результаты этого столкновения. Предчувствия его не обманули.

Либерал, член кадетской партии, Ольденбург в трудные для страны времена прекрасно осознавал роль четкой организации и дисциплины как в науке, так и в общественной жизни: “Возвращаюсь к тому, что говорил: у нас ни в чем почти не умеют организоваться, и штатские лица не понимают совершенно необходимости дисциплины”, – с горечью признавался он Марру в письме 24 июля 1915 г. (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 22).

В хаосе, порожденном войной, сменой власти, работать Ольденбургу было очень непросто. Так, 8 июня 1917 г. он пишет Марру: “Занят я по 15–16 часов в день, устаю очень, и все-таки, вероятно, лишь малая доля этой напряженной работы производительна” (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 30 об.). Тем не менее он не отказался от должности министра просвещения во Временном правительстве, полагая, что долг в трудной ситуации превалирует над личным комфортом.

Весьма показателен обмен писем между Марром и Ольденбургом 20–21 января 1919 г. Марр воспринял слова академика И.П. Павлова (точная цитата в письмах не воспроизводится), который высказался о “терроризирующих” действиях большевиков как о направленных в свой адрес. Марр, тесно сотрудничавший с новой властью, немедленно заявил об отказе от звания академика РАН и попросил Ольденбурга считать свое решение окончательным.

Ольденбург не мог смириться с этим. Во-первых, по мнению Ольденбурга, который в этом вопросе сослался еще и на президента РАН А.П. Карпинского, Марр не разобрался в том, кому были адресованы слова академика Павлова. Во-вторых, Ольденбург посчитал, что личное начало Марра в этой ситуации взяло верх над интересами Академии наук, и он не мог не выразить своего несогласия с такой расстановкой приоритетов. Ольденбург пустил (возможно, и неосознанно) в ход весь доступный арсенал аргументов: ссылку на свое плохое здоровье, апелляцию к дружеским чувствам, к чувству солидарности с коллегами, которые работают, невзирая на обстоятельства, в частности на президента РАН А.П. Карпинского: “У меня только что был Александр Петрович и, хотя мне сегодня очень нехорошо, я не могу не написать Вам, как старый Ваш друг (надеюсь, Вы позволите мне считать себя им?) и товарищ. Вы знаете, как высоко я ценю Вашу работу [...] и в Академии в особенности, ибо здесь Ваша главная научная работа и я отказываюсь даже понять, что Вы в [...] *личной* обиды и раздражения можете все это бросить, и кроме того бросить *нас*, Ваших товарищей, которые работают, так же как и Вы, не жалея себя. Неужели мы для Вас ничто, научная работа ничто, что в такое исключительное время Вы можете все это бросить? Я слишком уважаю и люблю Вас для того, чтобы

этому поверить", – писал Ольденбург Марру 20 января 1919 г. (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 34–34 об.). Ситуацию удалось урегулировать, Марр остался в Академии наук. Совместная работа продолжилась.

В литературе уже указывалось на то, что С.Ф. Ольденбург относился очень сдержанно к лингвистическим построениям Н.Я. Марра, его яфетической теории (Каганович, 2015. С. 10, 11). Тем не менее Ольденбург находил необходимым информировать Марра о ходе работ на яфетическом фронте. Весьма подробно он говорит об этом в письме от 27 января 1923 г. (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 38–40 об.), в котором пишет о яфетических изысканиях совершенно буднично, как о вещах привычных.

Особенностью формальной стороны отношений С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра в 1920-х годах являлось то обстоятельство, что Ольденбург был непременным секретарем РАН (АН СССР), т.е. руководил в данном статусе всей академической наукой в стране. С другой стороны, Н.Я. Марр занимал исключительно влиятельный пост председателя Российской академии истории материальной культуры (с 1926 г. – Государственной), а С.Ф. Ольденбург состоял у него в административном подчинении как руководитель Разряда археологии Индии и Дальнего Востока Археологического отделения. Это обстоятельство было весьма важным, так как давало Ольденбургу дополнительный заработок. Особенно этот вопрос обострился после того, как Ольденбург был снят с поста непременного секретаря АН СССР: опальный ученый значительно потерял в доходах. В письме к Марру от 4 октября 1930 г. он приводил расходы своего семейного бюджета, упирая на то, что после всех необходимых вычетов денег остается совсем немного. Далее свою финансовую ситуацию Ольденбург описывал следующим образом: "Как дальше быть, особенно, если повысят квартплату? Еще уменьшать площадь, значит, лишить себя возможности работать дома. Тогда остается один выход: уходить из Академии, искать иного заработка или на пенсию, но и то и другое значит ставить крест на работе, а я еще могу и хочу работать" (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 706. Л. 48–48 об.).

Работать Ольденбург продолжил. В 1930 г. на базе Азиатского музея был создан Института востоковедения АН СССР, который Ольденбург возглавлял вплоть до своей кончины.

Документы архивных собраний, в частности переписка Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга, документы по их совместной деятельности в области сохранения культурного наследия показывают, что 100-летняя история российской археологии еще не написана, и открытия ожидают историков не только "в поле", но и в читальных залах.

Работа выполнена при поддержке РНФ: грант № 18-18-00367 "Всеобщая история в советской науке, культуре и образовании в 1917–1947 гг.".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. Изд. 2-е, доп. М.: USSR, 2004.

Васильков Я.В. Академик С.Ф. Ольденбург: последние годы (директор Института востоковедения АН СССР) // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тез. XX конф. Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (22–25 ноября 1999 г.). Выпуск XV. СПб., 1999. С. 156–157.

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Нестор-история, 2013.

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург и Николай Яковлевич Марр: Взгляд из XXI века // Armenological Issues (Yerevan). 2015. №2 (5). С. 3–15.

Каганович Б.С. С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр: Взгляд из XXI века // Сергей Федорович Ольденбург – ученый и организатор науки. М.: Наука, 2016. С. 136–151.

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Ответственный редактор-составитель чл.-корр. РАН Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

Эрмитаж от Февраля к Октябрю. 1917. Архивные документы / Под общей ред. действительного члена РАН М.Б. Пиотровского. Составитель сборника Е.Ю. Соломаха. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2017.

N.YA. MARR AND S.F. OLDENBURG: HALF A CENTURY OF FRIENDSHIP AND COOPERATION (To the 100 anniversary of the Russian Academy of history of material culture)

V.G. Ananiev[1,*], M.D. Bukharin[2,]**

[1] *St.-Petersburg University, Russia*
[2] *Institute of World History of the RAS, Moscow, Russia*

[*]*E-mail: v.ananev@spbu.ru*
[**]*E-mail: michabucha@gmail.com*

The founder of the Russian Academy for the History of Material Culture (RAIMK (GAIMK)) N.Ya. Marr and the Permanent Secretary the Academy of Sciences (St.-Petersburg Academy, Russian Academy of Sciences, Academy of Sciences of the USSR) S.F. Oldenburg were connected by almost half a century of close cooperation within the two academies. In The St. Petersburg branch of Archive of Russian Academy of Sciences and the State Archive of the Russian Federation keep plentiful records on close cooperation of Marr and Oldenburg which makes it possible to reconstruct the history of the Soviet science and culture in general and the history of the academic archaeology in particular. The documents reflect Marr and Oldenburg's fight against transferring of historical and cultural heritage of Georgia in 1922–1923. Correspondence of Marr are and Oldenburg is an important element for the reconstruction of scientific and private biographies of both scientists, moreover, it considerably corrects stereotypic ideas of Marr's personality. His early letters to Oldenburg show him as an archaeologist who is desperately fighting for development of science in the country, later letters are filled with doubts in the fidelity of the way he had chosen. Oldenburg's letters to Marr prove the traditional image of the former as an academic scientist and administrator, advocating the interests of science under any circumstances.

Keywords: the Soviet science, the history of archaeology, historic and cultural heritage, the State Academy for the History of Materi.

REFERENCES

Alpatov V.M., 2004. The history of one myth. Marr and Marrism. 2nd edition. Moscow: USSR.

Vasil'kov Ya.V., 1999. Academician S.F. Oldenburg: the last years (Director of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences). *Science and technology, XV. Issues of history and theory. Proceed. of the XX Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee of the History and Philosophy of Science and Technology (November 22–25, 1999).* St.Petersburg, pp. 156–157.

Kaganovich B.S., 2013. Sergey Fedorovich Oldenburg. An experience of biography. St.Petersburg: Nestor-Istoriya.

Kaganovich B.S., 2015. S.F. Oldenburg and N.Ya. Marr: A view from the 21st century. *Armenological Issues (Yerevan)*, 2(5), pp. 3–15.

Kaganovich B.S., 2016. S.F. Oldenburg and N.Ya. Marr: A view from the 21st century. *Sergey Fedorovich Oldenburg – a scientist and an organizer of science.* Moscow: Nauka, pp. 136–151.

Academic archaeology on the Neva banks (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014). E.N. Nosov, ed., comp. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013.

The Hermitage from February to October. 1917. Archival documents. M.B. Piotrovskuiy, ed., E.Yu. Solomakha, comp. St.Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 2017.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 130–141

ПИСЬМО, ИЗМЕНИВШЕЕ СУДЬБУ...
(неопубликованные материалы к биографии В.С. Адрианова)

© 2020 г. Е.Г. Панкратова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Россия

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.2019 г.

DOI: 10.31857/S086960630009078-4

Биографиям ленинградских ученых, чей жизненный путь был прерван в годы политического террора, посвящено большое количество публикаций (Аншин, Алпатов, 1994; Артизов, 1994; Брачев, 2008; 2015; 2016; Зуев, 1995; Панкратова, 2019; Платонова, 2004; Решетов, 2000; 2003; Султанбеков, 2002; Тункина, 2000). Несмотря на то что практически все эти работы основаны на недоступных ранее архивно-следственных материалах, многие факты биографий исследователей до сих пор остаются неизвестными. Так, к примеру, в современной историографии отсутствует исследование, посвященное причинам ареста археолога и палеоэтнолога В.С. Адрианова[1].

Основным источником, позволяющим восполнить пробелы в биографии В.С. Адрианова, являются материалы архивно-следственного дела П-23819, хранящегося в архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО). Дело было заведено в августе 1936 г. в отношении С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова, как обвиняемых в участии и создании “террористической группы Государственной академии истории материальной культуры” (ГАИМК). Архивно-следственное дело состоит из семи томов, сгруппированных по лицам (документы, касающиеся В.С. Адрианова, содержатся в седьмом томе). Основной состав документов: постановления о проведении ареста и обыска; акты изъятия и списки конфискованных материальных ценностей и документов (книги, рукописи, переписка, фотографии, оружие); постановления об избрании меры пресечения; анкета арестованного; протоколы допросов и очных ставок; текст предварительного обвинения; протокол закрытого судебного заседания; справка о расстреле и реабилитации[2]. Из всех этих материалов опубликованы некоторые документы в отношении М.Г. Худякова (Султанбеков, 2002), а также протоколы допросов Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского (Панкратова, 2018). В ходе работы над статьей были привлечены документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН), состоящие из личных дел и трудовых списков В.С. Адрианова.

Василий Степанович Адрианов родился в 1904 г. в Санкт-Петербурге. Выпускник Министерского училища в Ораниенбауме (1911–1914 гг.) и Стрельнинской гимназии (1914–1918 гг.), в 1922 г. он поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета. В 1924 г. был исключен, однако остался вольнослушателем археологического отделения университета. В 1925 г. работал в составе экспедиций П.П. Ефименко[3] (р. Деркул,

[1] Становлению научных интересов ученого посвящена работа А.М. Решетова (2002). Сведения об экспедиционной деятельности В.С. Адрианова на территории Якутии приводятся в статьях А.А. Сулейманова (2015; 2016). Арест и расстрел В.С. Адрианова упомянут в общем контексте исследования Б.Ф. Султанбекова (2002), посвященного М.Г. Худякову.

[2] Документы из архивно-следственного дела приводятся в хронологическом порядке.

[3] Ефименко Петр Петрович (1884–1969 гг.) – археолог, академик АН УССР (с 1945 г.). С 1915 г. работал в Историческом музее (заведующий Отделом крестьянского быта, с 1922 г. – заведующим Отделом славяно-финской археологии); с 1919 г. работал в этнологическом разряде Московской секции ГАИМК. В 1923 г. переехал в Петроград. Работал в Этнографическом отделе Русского музея (1924–1930 гг.), в Музее антропологии и этнографии (1931–1932 гг.) и Эрмитаже (с 1932 г.). Заведующий Сектором палеолита и неолита ИИМК (1938–1950 гг.). Директор Института археологии (1946–1954 гг.) Академии наук УССР (Киев). Преподавал в ЛГУ (1924–1938 гг.).

Харьковская губерния) и А.А. Миллера[4] (Кобяково городище, Воронежская губерния).

В 1926 г. В.С. Адрианов был зачислен в штат Русского музея на должность мастера-реставратора. Вплоть до 1930 г. продолжал научную деятельность в этнографическом отделе музея, за время службы принимал участие в раскопках С.А. Теплоухова[5] на территории Танну-Тувинской народной республики, в 1929 г. под руководством С.И. Руденко[6] в составе Алтайской экспедиции по исследованию Первого Пазырыкского кургана на Улаганском плоскогорье (Решетов, 2000. С. 239).

С 15 ноября 1932 г. В.С. Адрианов состоял в должности научно-технического сотрудника доклассового сектора ГАИМК (рис. 1). В январе 1933 г. он был включен в подкомиссию по экспедициям ГАИМК. В этом же году совместно с научным сотрудником ГАИМК К.Г. Болтенко участвовал в археологических раскопках и разведках на территории БАМлага. В 1934 г. участвовал в раскопках на территории Манычстроя. В ходе этих исследований В.С. Адриановым была сделана серия фотографий, которые являются важнейшим источником для изучения археологических раскопок, проводимых на территории исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

В 1932 г. по просьбе руководства Зоологического института АН СССР В.С. Адрианов была направлен на Ямал, где занимался изучением фауны четвертичного периода. Кроме этих исследований им был отснят фотоматериал, характеризующий быт ненцев и хантов Ямало-Ненецкого национального округа. В 1933 г. эти фотоматериалы были переданы в дар Музею археологии и этнографии (МАЭ) (Решетов, 2000. С. 242).

Важно отметить, что по мере встраивания Академии наук в тоталитарную систему Советского государства, направленность экспедиционных исследований неизбежно менялась. На первый план выдвигались проблемы, связанные с обеспечением задач экономического развития страны и прежде всего с изучением

[4] Миллер Александр Александрович (1875–1935 гг.) – археолог, кавказовед, этнограф, специалист в области палеоэтнологии. Директор (1917–1921 гг.), руководитель этнографического отдела Русского музея (1908–1932 гг.). Арестован в 1933 г. по делу “Российской национальной партии”. Приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок, считая срок с 09.10.1933 г. Умер в заключении 12 января 1935 г. Реабилитирован 28 ноября 1996 г. (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695).

[5] Теплоухов Сергей Александрович (1888–1934 гг.) – археолог, этнограф, антрополог. Преподаватель кафедры и заведующий кабинетом географии и антропологии Томского университета (1919–1922 гг.), где и было начато сотрудничество с С.И. Руденко, Ф.А. Фиельструпом и А.К. Ивановым. С 1920 г. – секретарь естественно-исторического отделения Института исследования Сибири (руководитель – С.И. Руденко). Руководитель Абаканско-Минусинской экспедиции, среди участнков которой работал студент С.А. Теплоухова – М.П. Грязнов. С 1922 г. – преподаватель кафедры антропологии физико-математического факультета Петроградского университета. В 1929 г. был отчислен из числа преподавателей ЛГУ и продолжил работу в должности хранителя этнографического отдела Русского музея. В 1924 г. участвовал в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова; в 1927–1927 и 1929 гг. руководил экспедицией АН СССР в Тану-Тувинской республике. 26 ноября 1933 г. был арестован по делу “Российской национальной партии”. 10 марта 1934 г. покончил жизнь самоубийством, повесившись в камере. Реабилитирован 27 мая 1958 г. (Китова, 2010. С. 166–173).

[6] Руденко Сергей Иванович (1885–1969 гг.) – археолог, антрополог, этнограф. С 1928 г. подвергался травле как “буржуазный специалист”. В 1930 г. арестован по “академическому делу”, 12 лет отбыл в ИТЛ. С 1942 г. возобновил работу в ИИМК АН СССР. В 1947–1949 гг. продолжил крупномасштабные исследования Пазырыкских курганов в Горном Алтае. Материалы его раскопок, представленные уникальными находками из войлока, дерева, кожи (деревянная колесница, одежда, ковры, оружие, украшения), в настоящее время находятся в экспозиции Государственного Эрмитажа. Личный фонд С.И. Руденко хранится в СПбФ АРАН (Тункина, 2006. С. 48–55).

и освоением природных ресурсов (Сулейманов, 2016. С. 395). Этнографические исследования стали объектом дискуссий, касающихся в первую очередь предмета и задач науки. Этнографии предписывалось прежде всего изучение экономики и смены социально-экономических формаций, и в первую очередь – изучение доклассовой формации (Решетов, 2003. С. 161). Безусловно, центром этнографической науки в тот период времени являлся МАЭ, который также переживал ряд преобразований.

2 февраля 1933 г. Общее собрание АН СССР утвердило постановление Отделения гуманитарных наук о слиянии МАЭ и ИПИН. С 15 февраля на этой базе был создан ИАЭ АН СССР, директором которого был назначен Н.М. Маторин[7]. Однако уже 23 декабря 1933 г. он был "освобожден" от должности директора, на которую был утвержден академик И.И. Мещанинов. На должность заместителя директора с 1 января 1934 г. был назначен А.А. Бусыгин[8] (Решетов, 2003. С. 184). Н.М. Маторин остался в ИАЭ в качестве старшего специалиста, вплоть до своего ареста 3 января 1935 г.

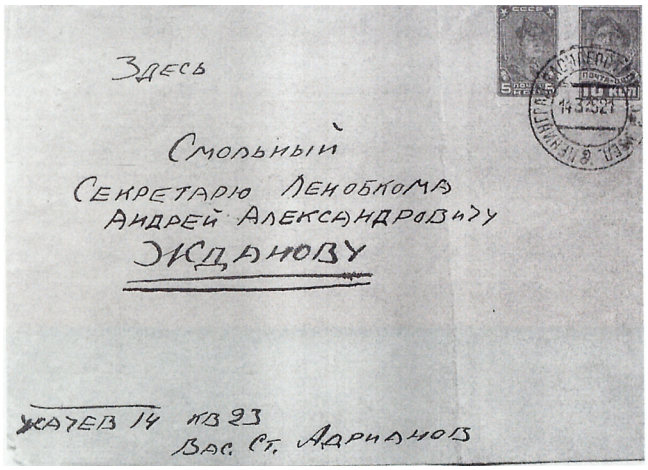
В феврале 1935 г. со стороны директора ЗИН АН СССР в ГАИМК вновь поступило письмо с просьбой командировать В.С. Адрианова на территорию Ямало-Ненецкого округа для изучения останков палеофауны. В ходе научных изысканий на Ямале в 1935–1936 гг. им была открыта уникальная Усть-Полуйская археологическая культура (Сулейманов, 2016. С. 402). Археологические материалы, среди которых были многочисленные фрагменты керамики, ножи, гарпуны, крючки, вызвали большой интерес как среди советских, так и зарубежных исследователей (Сулейманов, 2015. С. 55). В апреле этого же года В.С. Адрианов был переведен в распоряжение АН СССР и оставлен в должности сверхштатного сотрудника в Бюро экспедиционных исследований. 17 февраля 1935 г. между В.С. Адриановым и ИАЭ АН СССР был заключен договор на проведение исследователем археологических раскопок на Ямале (Решетов, 2000. С. 245). 15 октября 1935 г. В.С. Адрианов был принят в ИАЭ АН СССР научным сотрудником I разряда (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4680. Л. 6).

14 марта 1936 г. В.С. Адрианов обратился с личным письмом к первому секретарю Ленинградского обкома А.А. Жданову (рис. 2, 3). В тексте письма (№ 1) он обращал внимание на необходимость организации и финансирования этнографических экспедиций по изучению народностей Севера, обосновывая это важностью наблюдения за сменой общественных форм у малых народов. Он подчеркивал значимость комплексного анализа результатов этнографических исследований и археологических материалов. В качестве примера им упоминалась коллекция из раскопок Пазырыкского кургана 1929 г., предметы из которой хранились в Эрмитаже и Русском музее. Одним из важных аспектов научной работы В.С. Адрианов считал восстановление и поддержание научных связей с западными музеями и институтами, о чем он и упоминал в тексте письма. Судя по всему, ответа на это обращение он не получил, и сам документ был сохранен в архиве канцелярии Ленинградского областного комитета (Смольного).

5 июня 1936 г. В.С. Адрианов был командирован на четыре месяца в район Салехарда для продолжения археологических исследований. Это направление было последней записью в его трудовом списке, поскольку дальнейшие события оборвали не только научную карьеру, но и жизнь ученого. В 1936 г. начались аресты научных сотрудников ИАЭ АН СССР и ГАИМК, подозреваемых в членстве в сети "террористических

[7] Маторин Николай Михайлович (1898–1936 гг.) – этнограф, религиовед, фольклорист. В 1923–1925 гг. был научным сотрудником НИИ марксизма. В январе 1929 г. стал заведующим Отделением этнографического разряда ГАИМК (1929 г.). Профессор Ленинградского государственного историко-лингвистического института (1931 г.); директор Института антропологии и этнографии АН СССР (1933 г.). Председатель Ленинградского областного совета Союза воинствующих безбожников (1929–1934 гг.). 3 января 1935 г. арестован как "активный оппозиционер", приговорен к пяти годам ИТЛ. В феврале 1936 г. по обвинению в членстве в троцкистско-зиновьевской организации приговорен к ВМН и расстрелян (1936 г.). Реабилитирован в 1958 г. Личное дело Н.М. Маторина было затребовано военным прокурором Ленинградского военного округа 22 августа 1957 г. для подготовки документов о реабилитации (СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Т. 1. Д. 1172. Л. 59). Репрессиям подверглись и члены семьи Н.М. Маторина – 8 сентября 1936 г. по обвинениям в ст. 58-10, 58-11 была арестована его сестра, Нина Михайловна. Она была приговорена к заключению в ИТЛ сроком на пять лет (БелБалтлаг НКВД). Расстреляна 2 ноября 1937 г. Реабилитирована 17 ноября 1956 г. *arch_iofe_center*. Дата обращения – 20.04.2019 г.

[8] Бусыгин Александр Александрович (1899–1936 гг.), историк, философ. Заместитель директора ИАЭ АН СССР (1934–1936 гг.). Арестован 1 мая 1936 г., 11 октября приговорен к расстрелу. Реабилитирован 29 октября 1957 г.


Здесь
Смольный
Секретарю Ленобкома
Андрей Александровичу
Жданову
Жачев 14 кв 23
Вас. Ст. Адрианов

троцкистско-зиновьевских групп" Ленинграда. В феврале 1936 г. из Ташкента в Ленинград был этапирован бывший директор ИАЭ АН СССР Н.М. Маторин, арестованный годом ранее. По обвинению в членстве в террористической организации он был приговорен к ВМН и расстрелян 11 октября 1936 г., в один день с заместителем директора ИАЭ, А.А. Бусыгиным, арестованным 1 мая 1936 г.

31 июля 1936 г. на общем собрании членов коммунистической партии ИАЭ АН СССР решался вопрос "о коммунистах, работающих с А.А. Бусыгиным, в первую очередь – о С.Н. Быковском[9], допустившем примиренчество и попустительство по отношению к нему" (ЦГАИПД СПб. Р-1728. Оп 1. Д. 835530/3. Л. 3). По итогам собрания С.Н. Быковский был исключен из партии и 6 августа арестован по обвинению в ст. 58-10. 27 августа по этим же обвинениям был арестован председатель ГАИМК Ф.В. Кипарисов. 9 сентября аресту подвергся научный сотрудник ГАИМК М.Г. Худяков.

На допросах С.Н. Быковский и Ф.В. Кипарисов после систематически оказываемого на них давления "признались" в создании террористической группы, но, назвав ряд нужных следователям фамилий, не упоминали В.С. Адрианова. Не называл его имени на своем первом допросе, состоявшемся *11 сентября*, и М.Г. Худяков. Среди своих "деловых связей с троцкистами" он указал Н.М. Маторина, А.А. Бусыгина, Ф.В. Кипарисова и С.Н. Быковского. *29 сентября*, на втором допросе, проводившемся следователем Н.С. Драницыным[10], М.Г. Худяков признался в том, что его предыдущие показания были ложными и он являлся участником контрреволюционной организации, созданной Н.М. Маториным в Ленинграде в 1930 г. (Артизов, 1994. С. 36). Согласно протоколу допроса, в террористическую группу ГАИМК он был завербован С.Н. Быковским в декабре 1932 г., после чего дал свое согласие на участие в подготовке террористического акта по подготовке убийства С.М. Кирова. Кроме него "в группе на позициях террористической борьбы настаивали: Ф.В. Кипарисов, А.Г. Пригожин, М.М. Цвибак и С.Н. Быковский". На вопрос Н.С. Драницына об обстоятельствах вербовки В.С. Адрианова он ответил, что С.Н. Быковским было дано задание проверить, "является ли В.С. Адрианов подходящим человеком для участия в террористической деятельности". После переговоров с В.С. Адриановым он "убедился, что тот вполне пригоден, о чем и сообщил С.Н. Быковскому" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 18). После личной встречи С.Н. Быковского и В.С. Адрианова в начале 1935 г. последний дал свое согласие на вступление в контрреволюционную группу ГАИМК. Отдельно подчеркивалось, что В.С. Адрианов должен был взять на себя роль физического исполнителя убийства А.А. Жданова, для чего, согласно "показаниям" М.Г. Худякова, "он собирался послать ему подробное письмо по каким-то культурным вопросам с тем, чтобы его заинтересовать и добиться того, чтобы А.А. Жданов его принял" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3. Л. 19).

[9] Сложную ситуацию, сложившуюся в ИАЭ к 1936 г., демонстрирует такой архивный документ, как письмо внештатного сотрудника института А.Н. Дальского к Р.Г. Рубенову от 11 июня 1936 г.: "Считаю своим партийным долгом сигнализировать о ненормальной обстановке в ИАЭ АН СССР. В связи с контрреволюционером А.А. Бусыгиным я хочу осветить поведение члена партии С.Н. Быковского, он был оппозиционер и за беспринципную склоку [в ГАИМК] был снят с должности и получил выговор. В ИАЭ он был правой рукой А.А. Бусыгина, игнорировал И.И. Мещанинова, получил степень доктора исторических наук без защиты. Своим руководством он восстановил против себя большинство специалистов в ИАЭ. Вместе с Волковым он пытается захватить руководящие позиции в ИАЭ, оказывая давление на И.И. Мещанинова, вмешиваясь в его распоряжения" (ЦГАИПД СПб. Р-1728. Оп 1. Д. 835530/3. Л. 5–7).

[10] Драницын Николай Степанович (1912–?) – лейтенант ГБ, помощник начальника 4 отдела УНКВД Ленинградской области. Арестован 27 ноября 1938 г., осужден 10 июня 1939 г., 1 октября 1942 г. направлен на фронт. Информация о дате и месте смерти отсутствует (*arch.iofe.center* – дата обращения 18.04.2019 г.).

Архив.

АРХИВ УФСБ РФ
по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской обл.

КОПИЯ

Чрезвычайно быстро на далеких окраинах нашего
Союза меняются древние формы общества на новую
жизнь. Происходит действительно героическая работа
проведенная при помощи „наших" отечественных
колонизаторов национальных культур. Т. н. малых
народностей. В чумах ненцев, хакасов, ламутов и
Т. д. появляются новые обычаи, сравнятся вопросы
о переходе на оседлость, а кое где и фактически
переходят. Несомненно что, что с каждым годом
этот процесс смены общественных форм в своем
развитии прогрессивно ускоряется.

Там где нет письменности, там где нет архивов
единственное, что может быть материалом для созда-
ния истории, это изучение этнографии, археологии и
антропологии. Но вам для Вас Андрей Александрович
была ясна, что группа Вакоча не в своей среде,
неудовлетворяет своим паспортным уделником, что
и сожалению очень много людей далекого
Т. Сталин, Т. Каганович и Ваши поведения непри-
нято как это следовало бы и как пример.
В „Известиях" от 12 марта в статье о работах в 1936
экспедиции Академии Наук за подписью
секретаря академика Н. Марра
нешмотря на одной экспедиции для изучения
быта той или иной народности. Это очень печальный
факт, результат большое недопонимание быстрых
смены общественных форм на окраинах, что в
городах мало заметно. После революции (в 1926.)
в залах этнографического музея (б. Русский Музей)
открывалась первая и последняя отчетная выставка
этнографических материалов. Это был ~~в высшем смысле~~
праздник, посвященный и часть фундаментальной по характеру праздника
работы. Наличие в числе гостей дипломатов разных
государств дало это выставку в известной степени
значительным политическим фактом. (Среди пар работ
по этнографии буквально свалился на нас и этнографы
под руководством Марина (Грантаст) занимались лишь
изучением нового быта, а археологи, хотя и проделали
значительную работу (давшую много новых открытий
в частности по палеолиту) недоделали отрасли Союза,
единственный памятник древности раскопанный на
Алтае в 1929 (также этнограф. музеем) и имеющий мировое
значение (Пазырыкский курган) давший 10 курганов более с
сохранившимися как гробы погребенные мер-
злоты на свыше чем 2000 летние лежания в кургане,
правда в результате до сих пор еще несоединенные, но
в общем вполне дающий большой доклад, в

АУФСБ РФ П-23819 т. 7 л. 43 письмо ч. 1

Судя по всему, после этих показаний ОГПУ был отправлен запрос в Отдел науки при Ленинградском городском комитете с целью получения официального заключения на отправленное ранее В.С. Адриановым письмо. Проект запрашиваемого заключения (№ 2) был подготовлен сотрудником Отдела науки Муратовым и датируется *29 октября 1936 г.* В тексте указывается на то, что факты, изложенные в письме, "являются лишь частью правды врага народа, умолчавшего о ряде других важных научно-политических фактах и выводах". Под выводами подразумевается вредительская деятельность Н.М. Маторина, А.А. Бусыгина, С.Н. Быковского и Ф.В. Кипарисова, проводивших курс "на ликвидацию археологии и этнографии как науки" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 43). Вместе с тем в заключении оговаривалась необходимость организации ИАЭ экспедиций для изучения северных народностей, проведения этнографических выставок и решения вопроса о хранении Пазырыкской коллекции. Таким образом, задачи, сформулированные В.С. Адриановым, были признаны актуальными и необходимыми к реализации, однако самому автору уже фактически был вынесен обвинительный приговор. Письмо В.С. Адрианова и Проект заключения были затребованы следователем ОГПУ Н.А. Завиловичем для проведения следствия на Шпалерную, 25.

4 ноября 1936 г. был подписан ордер на арест В.С. Адрианова, состоявшийся 5 ноября, по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-10 и 58-11 УК РСФСР. При обыске были изъяты: паспорт, профсоюзные билеты, две тетради, копии дневников, переписка, винтовка Винчестер[11], пять ножей, огнеприпасы и зажимы для патронов. Первый допрос В.С. Адрианова состоялся 9 ноября, его проводил следователь Н.С. Драницын. На просьбу назвать своих близких знакомых им были упомянуты такие ученые, как М.П. Грязнов, А.П. Круглов, Б.Б. Пиотровский, М.Г. Худяков, Г.В. Подгаецкий и А.Б. Адлер (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 6). Среди коллег, репрессированных ранее, были названы: С.А. Теплоухов, А.А. Миллер, Г.А. Бонч-Осмоловский, С.Н. Быковский, С.И. Руденко.

8 декабря сотрудником УНКВД Н.А. Завиловичем[12] из архива Ленинградского областного комитета было получено затребованное ранее письмо и официальное заключение Отдела науки, которые были приобщены в качестве вещественных доказательств к следственному делу В.С. Адрианова. Через несколько дней, 11 декабря, состоялся очередной допрос В.С. Адрианова, на котором он заявил, что "вы меня подозреваете, потому что в моем институте был арестован ряд лиц, с которыми я был в близких отношениях – С.Н. Быковский, А.А. Бусыгин, М.Г. Худяков" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 8). Однако на этом же допросе он "признался" в своем участии в составе контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы, в которую был завербован в марте 1936 г., с той оговоркой, что о всех подробностях "контрреволюционной деятельности мне не известно, так как я совсем недавно привлечен к участию в ней" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 10). Относительно обстоятельств вербовки в протоколе записаны следующие показания: "В контрреволюционную группу С.Н. Быковского я обработан С.Н. Быковским в марте – апреле 1936 г. и завербован М.Г. Худяковым в это же время" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 19).

На следующем допросе, 15 декабря 1936 г., следователь И.В. Федоров[13] предъявил ему показания М.Г. Худякова, касающиеся плана по убийству А.А. Жданова: "Показания М.Г. Худякова также обвиняют Вас в том, что вы выработали план по совершению террористического акта над товарищем А.А. Ждановым, который Вы должны были осуществить лично, и провели практические мероприятия для его осуществления. Вы и после этого будете отрицать свое участие в террористической деятельности Быковского-Худякова?" (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 20). В ответ

[11] Согласно записке В.С. Адрианова от 21 октября 1934 г., хранящейся в его личном деле в НА ИИМК РАН, это ружье находилось у него с 1926 г. Вполне возможно, что оно было получено им для поездок в археологические экспедиции во время службы в Русском музее (НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7. Л. 1).

[12] Завилович Ной Аронович (1903–1940 гг.) – сотрудник ОГПУ/УНКВД. Член ВКП(б) с 1920 г., в ГБ с декабря 1925 г. Арестован 26 мая 1938 г., осужден 3 мая 1940 г. ОСО при НКВД СССР. Умер в заключении. *arch.iofe.center* – дата обращения 20.04.2019 г.

[13] Федоров И.В. (1904–?) сотрудник ОГПУ. 28 ноября 1956 г. был осужден Военным трибуналом Ленинградского военного округа за фальсификацию судебного производства и применение недопустимых методов ведения следствия по делу "Российской национальной партии" в 1934 г. (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 244).

на данные обвинения В.С. Адрианова заявил, “что показания М.Г. Худякова по этому вопросу ложные. Я никогда никакой террористической деятельности не вел. Письмо А.А. Жданову действительно было мной послано, но с целью ознакомления его с положением на историческом фронте. Других целей к посылке письма не преследовал” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 20). Одновременно с допросами в первой половине декабря была проведена очная ставка между М.Г. Худяковым и В.С. Адриановым.

19 декабря[14] было подготовлено предварительное заключение по обвинению С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова. В этот же день состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда РСФСР. На нем был зачитан приговор, которым подтверждалось, что обвиняемые являлись “активными участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации”, осуществившей 1 декабря 1934 г. убийство С.М. Кирова и подготовлявшей в 1934–1936 гг. ряд террористических актов против руководителей ВКП(б). Вынесенный приговор – высшая мера наказания с полной конфискацией имущества – был приведен в исполнение в день суда (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7. Л. 36). Справка о расстреле В.С. Адрианова подшита в следственное дело и пронумерована листом 42; конверт, адресованный А.А. Жданову и квалифицированный как вещественное доказательство, приобщен к делу под номером 43...

В ходе реабилитационного процесса, 27 июня 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда было заявлено, что Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов были привлечены к уголовной ответственности и осуждены необоснованно, “так как в результате дополнительной проверки, проведенной по их делам, вскрыты новые обстоятельства, опровергающие предъявленные им обвинения”. Приговор был отменен, а уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. В выданных родственникам справках о смерти сообщалось, что В.С. Адрианов умер, отбывая срок заключения, 23 января 1939 г. (Султанбеков, 2002. С. 120).

[14] В следственных материалах опечатка – документ датирован 19 *октября,* но ввиду того, что в октябре В.С. Адрианов еще не был арестован, дату следует считать – 19 *декабря*.

В завершение необходимо еще раз подчеркнуть значимость изучения архивно-следственных материалов, которые являются подчас единственным источником, раскрывающим трагедии человеческих судеб. Неизвестные ранее факты позволяют совершенно под другим углом взглянуть на цепь событий, служащих причинами арестов и дальнейшей гибели целого поколения ученых. Сложно сказать, как бы сложилась судьба В.С. Адрианова, если бы он не обращался с письмом к А.А. Жданову. Вполне возможно, что он был бы арестован вместе с другими научными сотрудниками ИАЭ или ГАИМК, на кого пало случайное подозрение, но не исключено также и то, что не будь этого трагичного совпадения молодой исследователь мог бы продолжить свою многообещающую научную карьеру и прожить насыщенную и интересную жизнь.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00539.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Трудовой список В.С. Адрианова. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4680.

Личное дело В.С. Адрианова. НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7.

Дело № 21766. По обвинению М.Г. Худякова. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 3.

Дело № 21766. По обвинению Адрианова В.С. Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аншин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.

Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899–1937) // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 2. С. 33–54.

Брачев В.С. Историк Залман Борисович Лозинский (1898–1936) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 20–26.

Брачев В.С. Советский историк Соломон Исаакович Фендель (1893–1936) // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 3. С. 9–14.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1950. 92 с.

Застрожнова (Панкратова) Е.Г. Репрессии 1930-х годов и исследователи античного наследия Крыма // Античные реликвии Херсонеса: Открытия.

Находки. Теории. Матер. Междунар. науч. конференции (10–12 октября 2017 г.) / Ред.-сост. Д.А. Костромичев. Саки: ИП Бровко А.А., 2017. С. 84–87.

Зуев В.Ю. Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894–1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология / Отв. ред. И.Л. Тихонов. 1995. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. С. 145–156.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подг. Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.

Панкратова Е.Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.). Керчь, 2018.

Панкратова Е.Г. "Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...": к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019. № 2. С. 154–166.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. М.: Звенья, 1999.

Платонова Н.И. "Дело" Сергея Ивановича Руденко: 1930–1957. Невский археолого-историографический сборник. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 126–138.

Решетов А.М. Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете. Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 238–248.

Решетов А.М.. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. Репрессированные этнографы. 2003. Вып. 2. С. 147–192.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и исследование Азиатского Севера в 1930-е – 1941 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 1. С. 51–58.

Сулейманов А.А. Исследования Академии наук СССР в Российской Арктике в 1930-е – 1941 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 392–407.

Султанбеков Б.Ф. Расстрелян как террорист... (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова). Эхо веков – Гасырлар авазы. 2002. 1-2. С. 107–125.

Тункина И.В. 2000. "Дело" академика Жебелева. Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2. С. 116–161.

Приложение № 1

ПИСЬМО

В.С. Адрианова к А.А.Жданову

14 марта 1936

Чрезвычайно быстро на далеких просторах нашего Союза меняются древние формы общества на новую жизнь. Происходит действительно коренная ломка застывших при помощи «наших» отечественных колонизаторов национальных культур, т[ак] н[азываемых]. «малых народностей». В чумах ненцев, хантэ, тавгийцев и т.д. появляются новые обычаи, ставятся вопросы о переходе на оседлость, а кое-где и фактически переходят. Несомненно и то, что с каждым годом этот процесс смены общественных форм в своем развитии прогрессивно ускоряется.

Там, где нет письменности, там, где нет архивов единственное, что может дать материал для создания истории, это изучение этнографии, археологии и антропологии. Но если для Вас, Андрей Александрович, было ясно, что группа [....] ни в коей степени не удовлетворяет своим конспектом учебника, то, к сожалению, очень много людей замечания т. Сталина, т. Кирова и Ваши, по-видимому, не приняла как это следовало бы и как пример:

В «Известиях»[1] от 12 марта в статье о работах в 1936 г. экспедиции Академии наук за подписью непременного секретаря академика Н.П. Горбунова не имеется ни одной экспедиции для изучения быта той или иной народности. Это очень печальный факт, рисующий большое недопонимание быстроты смены общественных форм на окраинах, что в городах мало заметна. После революции /в 1926 г./ в залах Этнографического музея (б. Русский музей) открылась первая и последняя отчетная выставка этнографических материалов. Это был в известном смысле[2] праздник науки, хотя и частью формальный по характеру произведенной работы. Наличие в числе гостей дипломатов разных государств делало эту выставку, в известной степени значительным политическим фактом. С тех пор работы по этнографии буквально свелись на нет и этнографы под руководством Н.М. Маторина /

[1] Известия Академии Наук СССР – научный журнал, издаваемый с 1894 г. В 1936 г. в ходе реорганизации был разбит на новые серии (Серия истории и философии).

[2] Зачеркнуто.

троцкист/ занимались лишь изучением нового быта, а археологи, хотя и производили значительную работу, давшую много новых открытий в частности по палеолиту, не задевали окраин Союза. Единственный памятник древности, раскопанный на Алтае в 1929 г. /также Этногр[афическим] музеем/ и имеющий мировую ценность /ПАЗЫРЫКСКИЙ КУРГАН/[3], давший 10 трупов коней с седлами, сохранившимися как только что погребенные, несмотря на свыше чем 2000-летнее лежание в кургане, правда в мерзлоте, до сих пор еще не опубликован, но в то же время послужил причиной большой борьбы, в результате которой Эрмитаж разобрал выставку в Этнографическом музее, незадолго перед этим одобренную т. А. Бубновым[4] и ныне наиболее ходовые древние вещи экспонированы в Эрмитаже, а этнография и опять-таки часть археологии в Этногр[афическом музее]. Мое письмо, опубликованное по поводу разрушения этой выставки /1933 г./ в Ленинградской правде встретило живейший отклик среди товарищей, но [....]. Эрмитаж, очевидно по традиции, остался владетелем пазырыкских материалов. Остановившись на этом факте подробнее, мне хотелось отметить этим, что еще в начале 1933 г. для молодых научных работников было ясно, что нельзя выставлять отдельно этнографические предметы и предметы археологические одного района.

[....] времени после 1926 г., потребовавший большого напряжения государства для индустриального подъема и последующий момент перехода крестьянства на новые формы хозяйства, естественно отражался на материальном состоянии работ по этнографии и археологии, но уже к 1935 г. государство настолько окрепло, что вряд ли можно объяснить задержку в развитии работ недостатком средств, а тем более непонятно такое положение для 1936 г.

Решившись оторвать Вас от Вашей повседневной работы, быть может, на первый взгляд, ненужными мелочами, мною руководила надежда, что только Вы сможете сдвинуть с мертвой точки столь нужное дело, тем более что все экспедиции по сбору материала по этнографии, археологии и антропологии, в особенности этнографии и антропологии, должны быть закончены в 3-4 года, <u>после делать будет нечего</u>. Есть еще один момент, для меня так же мало понятный, это то, что поездки во вне советские страны сейчас маловероятны, но растут школы, растет культурный уровень и обменом этнографических материалов наши музеи смогли бы показать жизнь зарубежных стран, а этого обмена нет. Возвращаясь снова к причине отсутствия работ по указанным наукам, следует отметить, что новые кадры и [....] подкованные есть и материальные затраты сравнительно настолько ничтожны, что организация экспедиций за сбором материалов вряд ли будет слишком накладным расходом. Выражая здесь свое личное мнение, я не сомневаюсь, что его в принципе разделяют и многие молодые научные работники.

В.Адрианов

14/III 1936 г.

Фонтанка 145 кв. 23

и/о старшего научного сотрудника
Вас. Ст. Адрианов
Ин[ститу]та антропологии, археологии и этнографии

Автограф
Публ. впервые

Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. т. 7. Л. 43 – конверт, страницы письма б/н

Приложение № 2

ПРОЕКТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

по вопросу о состоянии на научном фронте по этнографии, антропологии и археологии

1/ Предложение Адрианова, посланное в Ленгорком партии, относительно необходимости форсирования дела организации экспедиции в отдаленные края Советского Союза, для изучения и выявления этнографических материалов прошлого и настоящего ряда народностей /ненцы, хантэ, вотояков и др./, исходя из того, что там, где нет письменности, там, где нет архивов, единственное, что может дать материал для создания истории — это изучение этнографии, археологии и антропологии /из заявления Адрианова/, заслуживает внимания и является одной лишь частью правды

[3] Раскопки Первого Пазырыкского кургана были начаты Алтайской экспедицией Русского музея в районе р. Улагана в 1929 г. под руководством С.И. Руденко и М.П. Грязнова. Центральное погребение кургана было совершено в двойном срубе. М.П.Грязнов особенно отмечал полную анатомическую сохранность лошадей и хорошую сохранность конского снаряжения. Грязнов, 1950. С. 6.

[4] Бубнов Андрей Сергеевич (1884-1938), народный комиссар просвещения РСФСР (1929-1937).

врага, умолчавшего зато о ряде других важных научно-политических фактах и выводах, касающихся состояния на фронте антропологии, этнографии и археологии в ленинградских научных учреждениях. Те выводы, которые Адрианов, как враг, пытался умолчать, должны сделать мы, на основе изучения конкретного состоянии указанных научных фронтов.

2/ Отметить, что в Институте антропологии, этнографии и археологии Академии наук, благодаря тому, что там в течении ряда лет у руководства сидели контрреволюционеры: Бусыгин /зам. директора/, Быковский, Маторин и др., вредительствовавшие на этом научном участке, эти отрасли науки, вместо того, чтобы успешно развиваться, развитие их тормозилось и отставало от задач, выдвигаемых потребностями социалистического культурного строительства и такие контрреволюционеры типа Быковского и Бусыгиеа и Кипарисова / одни в Институте антропологии, этнографии и археологии, другие в ГАИМКе/ по существу проводили курс на ликвидацию археологии и этнографии, как науки, подобно тому, как они своими «социологицированиями» брали курс на ликвидацию исторической науки.

3/ Считать совершенно ненормальным и вредным ликвидацию в Лен[инградском] гос[ударственном] университете, еще во время работы Маторина, по примеру Московского гос[ударственного] университета, отделений, где готовились кадры студентов – специалистов по этнографии, антропологии и археологии. В результате этого, фактически рост молодых советских кадров по указанным отраслям науки был приостановлен и институты [ГАИМК и ИАЭ] очутились перед фактом острой нехватки для себя кадров по указанным отраслям науки.

4/ Предложить Президиуму Академии наук совместно с представителями Института антропологии, этнографии и археологии, ГАИМК, Эрмитажа и Наркомпроса обсудить вопрос о создании при Московском и Ленинградском государственных университетах циклов / секций или отделов/, готовящих высококвалифицированные кадры музейных работников, кадры по антропологии, этнографии и археологии, ударив решительно по “левацким” тенденциями тех, кто будет препятствовать против восстановления этих циклов и недооценивать важность подготовки кадров по этим отраслям науки.

5/ Предложить Президиуму Академии наук обсудить на ближайшем заседании доклад дирекции Института антропологии, этнографии и археологии относительно плана организации научных экспедиций в отдаленные края Советского союза для изучения этнографии, антропологии и археологии, особенно тех народностей, которые переходят к оседлости, там, где не раньше не было письменности, архивов и т.д. Выработать план организации этнографических экспедиций на 1937 и ближайшие годы ассигновать необходимые для этого средства и связаться в этих целях с местными правительственными советскими и научными учреждениями.

6/ Отметить, что в области организации этнографических экспедиций, экспедиций по изучению быта и фольклора народностей Советского союза, археологии, в Академии наук и было необходимой плановости и направленности. Предложить ИАЭ составить точный план этих экспедиций.

7/ Президиуму Академии наук при участии заинтересованных организаций /Эрмитаж, ГАИМК, ИАЭ и т.д./ обсудить вопрос о порядке и месте хранения материалов этнографических, археологических и антропологических экспедиций, в частности, вопрос о хранении материалов экспедиции И.П. Козлова, материалов экспедиции 1929 г. в Пазырыкский курган, положив конец нецелесообразной, с научной точки зрения, практике разбазаривания этих материалов по частям по разным научным учреждениям, вместо концентрации их в одном месте.

8/ Предложить Институту антропологии, этнографии и археологии, совместно с другими заинтересованными научными учреждениями, обсудить вопрос о возможности организации больших выставок этнографического материала, по примеру выставки, организованной в 1926 году в Русском музее.

9/ Предложить Президиуму Академии наук составить ориентировочный план обмена этнографическими материалами наших музеев с заграницей.

10/ Считать, что перед лицом острой, актуальной необходимости борьбы с фашистскими лженаучными теориями по этнографии, антропологии и археологии, ИАЭ и другие научные учреждения все еще неудовлетворительно развертывают борьбу на этом научном фронте против фашистских теорий.

11/ Сообщить настоящее заключение в Отдел науки ЦК.

12/ Указать Парткому Академии наук о практических мерах, принятых для реализации принятых в этом заключении предложений. Информировать Отдел науки Ленинградского горкома партии.

13/ Копию заключения сообщить в Особый сектор Ленобкома партии, в Партком Академии наук, непременному секретарю Академии наук СССР – Горбунову, в Отдел науки ЦК т. Андрееву, директору Института антропологии и этнографии, в партком ГАИМК, Эрмитажа и Русского музея.

Обследователь Отдела науки
Ленгоркома ВКПб

29/X- 36 г.

Член ВКПб Муратов

с I/1925г.

Авторизованная машинопись с правками
Публ. впервые

Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т.7.
б/н.

[Орфография документов сохранена]

A LETTER THAT CHANGED THE FATE ... (UNPUBLISHED MATERIALS TO THE BIOGRAPHY OF V.S. ADRIANOV)

E.G. Pankratova

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

**E-mail: pankratova0484@yandex.ru*

The article focuses on previously unknown episodes in the biography of the archaeologist V.S. Adrianov restored on the basis of archive materials and an investigation file kept in the Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region. Among the case records an envelope with "physical evidence" was preserved which proved to be a letter to A.A. Zhdanov with a request to include ethnographic trips in the scientific plan of the Academy of Sciences. This document made it possible to completely restore the tragic train of events that eventually led to the arrest and execution of the young researcher.

Keywords: history of science, archaeology, expeditions, political repressions, V.S. Adrianov, Academy of Sciences of the USSR.

ARCHIVE MATERIALS

Delo № 21766. Po obvineniyu Adrianova V.S. [Case No. 21766 against V.S. Adrianov]. *Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region]*, P-23819, T. 7.

Delo № 21766. Po obvineniyu M.G. Khudyakova [Case No. 21766 against M. Khudyakov]. *Arkhiv Upravleniya Federal'noy sluzhby bezopasnosti po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive of the Office of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region]*, P-23819, T. 3.

Lichnoye delo V.S. Adrianova [Personal file of V.S. Adrianov]. *Nauchnyy arkhiv IIMK RAN [Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture]*, F. 2, Op. 3, D. 7.

Trudovoy spisok V.S. Adrianova [List of V.S. Adrianov's works]. *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN [St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS]*, F. 4, Op. 4, D. 4680.

REFERENCES

Anshin F.D., Alpatov V.M., 1994. «Delo slavistov»: 30-e gody ["The case of Slavists": the 1930s]. Moscow: Naslediye. 284 p.

Artizov A.N., 1994. The fate of the historians of M.N. Pokrovsky's school (the mid-1930s). *Voprosy istorii [Voprosy istorii]*, 7, pp. 34–48. (In Russ.)

Brachev V.S., 2008. Historian M.M. Tsvibak and his fate (1899–1937). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*, 2, pp. 33–54. (In Russ.)

Brachev V.S., 2015. Historian Zalman Borisovich Lozinsky (1898–1936). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*, 4, pp. 20–26. (In Russ.)

Brachev V.S., 2016. Soviet historian Solomon Isaakovich Fendel (1893–1936). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye [Society. Environment. Development]*, 3, pp. 9–14. (In Russ.)

Gryaznov M.P., 1950. Pervyy Pazyrykskiy kurgan [The first Pazyryk mound]. Leningrad: Izdatel'stvo GE. 92 p.

Lyudi i sud'by. B, ediobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991) [People and fates. Bibliographic Dictionary of Orientalists – victims of political terror in the Soviet Period (1917–1991)]. Ya.V. Vasil'kov, M.Yu. Sorokina, eds. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2003. 496 p.

Pankratova E.G., 2018. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya antichnykh pamyatnikov Vostochnogo Kryma: ot Oktyabr'skoy revolyutsii do Velikoy Otechestvennoy voyny (1917–1941 gg.) [History of the archaeological study of the East Crimean Antiquity sites: from the October Revolution to the Great Patriotic War (1917–1941)]. Kerch'. 160 p.

Pankratova E.G., 2019. "I do not believe all this could go bad, it would be too unfair ...": to the biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 154–166. (In Russ.)

Petrov N.V., Skorkin K.V., 1999. Kto rukovodil NKVD. 1934–1941 [Who ran the NKVD. 1934–1941]. Moscow: Zven'ya. 502 p.

Platonova N.I., 2004. The "Case" of Sergey Ivanovich Rudenko: 1930–1957. *Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik [The Neva archaeological and historiographic collection]*. St.Petersburg: SPbGU, pp. 126–138. (In Russ.)

Reshetov A.M., 2000. Vasily Stepanovich Adrianov: life interrupted on take-off. *Drevnosti Yamala [Yamal antiquities]*, 1. Ekaterinburg; Salekhard: Ural'skoye otdeleniye RAN, pp. 238–248. (In Russ.)

Reshetov A.M., 2003. The tragedy of personality: Nikolai Mikhailovich Matorin. *Repressirovannyye etnografy [Ethnographers – victims of political repressions]*, 2. Moscow: Vostochnaya literature, pp. 147–192. (In Russ.)

Suleymanov A.A., 2015. The USSR Academy of Sciences and the study of the Asian North in the 1930s – 1941. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]*, 1, pp. 51–58. (In Russ.)

Suleymanov A.A., 2016. Studies of the USSR Academy of Sciences in the Russian Arctic in the 1930s – 1941. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, pp. 392–407. (In Russ.)

Sultanbekov B.F., 2002. Shot as a terrorist ... (through the pages of the investigative case of the historian Mikhail Khudyakov). *Ekho vekov – Gasyrlar avazy [Echo of the centuries – Gasyrlar avazy]*, 1-2, pp. 107–125. (In Russ.)

Tunkina I.V., 2000. The "Case" of Academician Zhebelev. *Drevniy mir i my: Klassicheskoye naslediye v Evrope i Rossii [The ancient world and we: Classical heritage in Europe and Russia]*, 2. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 116-161. (In Russ.)

Zastrozhnova (Pankratova) E.G., 2017. Repression of the 1930s and researchers of the antiquity heritage of Crimea. *Antichnyye relikvii Khersonesa: Otkrytiya. Nakhodki. Teorii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 oktyabrya 2017 g.) [Antique relics of Chersonesos: Discoveries. Finds. Theories: Proceedings of the International scientific conference (October 10–12, 2017)]*. D.A. Kostromichev, ed. Saki: IP Brovko A.A., pp. 84–87. (In Russ.)

Zuyev V.Yu., 1995. Materials for the biography of Grigory Iosifovich Borovka (1894–1941). *Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya [St. Petersburg and Russian archaeology]*. I.L. Tikhonov. St.Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, pp. 145–156. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 142–150

ПУБЛИКАЦИИ

ПАМЯТНИКИ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам 2014–2017 гг.)

© 2020 г. А.Л. Автушкова[1,*], Д.О. Плахута[2,**]

[1]ГАУК НСО "Новосибирский государственный краеведческий музей", Россия
[2]ФГБОУ ВО "Новосибирский государственный аграрный университет", Россия

[*]E-mail: alinanet@ngs.ru
[**]E-mail: plahuta_do74@mail.ru

Поступила в редакцию 18.04.2019 г.

Основной ареал распространения памятников тасмолинской культуры – территории Северного и Центрального Казахстана, Южное Зауралье. В 2014–2017 гг. ряд курганных могильников тасмолинской культуры был открыт в Новосибирской обл. в ходе археологического мониторинга. Был собран обширный подъемный материал, преимущественно в виде предметов конского убора, показавших культурное сходство с аналогичными предметами из памятников раннего железного века Центрального Казахстана, Горного Алтая, Тувы, Средней Азии. Имеются и уникальные вещи, близких аналогий которым пока не найдено. Памятники тасмолинской культуры Новосибирской обл. оказываются синхронными аналогичным памятникам на других территориях. Тасмолинская культура на территории Новосибирской обл. – особое явление, так до сих пор не выявлена история ее происхождения и бытования в данной области. Открытое в ходе повторного обследования тех же памятников в 2017 г. поселение бегазы-дандыбаевской культуры эпохи поздней бронзы, вкупе с последующей распространенной на этом же месте тасмолинской культурой, указывает на наличие ранее неизвестной археологической науке страницы существования кочевых культур раннего железного века далеко на севере от основного места их бытования.

Ключевые слова: Новосибирская область, тасмолинская культура, бегазы-дандыбаевская культура, курганные могильники, конский убор, околокурганные жертвенники.

DOI: 10.31857/S086960630008860-5

В полевые сезоны 2014 и 2015 гг. отрядом ГАУ НСО "Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области" в ходе мониторинга состояния археологических памятников на территории Краснозерского района были обследованы курганные могильники Конево-10, Конево-11 и Колыбелька-4 (Ануфриев, 2014). В 2017 г. отрядом ГАУК НСО "Новосибирский государственный краеведческий музей" был произведен повторный осмотр указанных памятников, их фотофиксация.

Курганный могильник Конево-10 расположен в 1.7 км к СВ от с. Конево, на пашне. Состоит из трех курганных насыпей. Современное состояние памятника аварийное. Курганные насыпи и прилегающее к ним пространство интенсивно распахиваются. При подробном осмотре на могильнике собран подъемный материал в виде фрагмента бронзовых литых псалиев, фрагментов удил и бронзового литого украшения конской упряжи. На южном склоне насыпи кург. 1 зафиксирован фрагмент человеческой челюсти. Все предметы сданы в Новосибирский государственный краеведческий музей и в настоящее время являются частью археологической коллекции музея.

Одиночный курган Конево-11 находится в 1.7 км к СВ от окраины с. Конево, на пашне. Состояние памятника аварийное, насыпь интенсивно распахивается. В результате обследования на могильнике обнаружены бронзовая литая плоская бляха, бронзовая пряжка, втульчатая бронзовая литая бусина, два сильно коррозированных оплавленных предмета (предположительно наконечник ремня и фрагмент застежки-украшения конской амуниции).

Курганный могильник Колыбелька-4 находится в 1 км к СЗ от с. Колыбелька, на пашне.

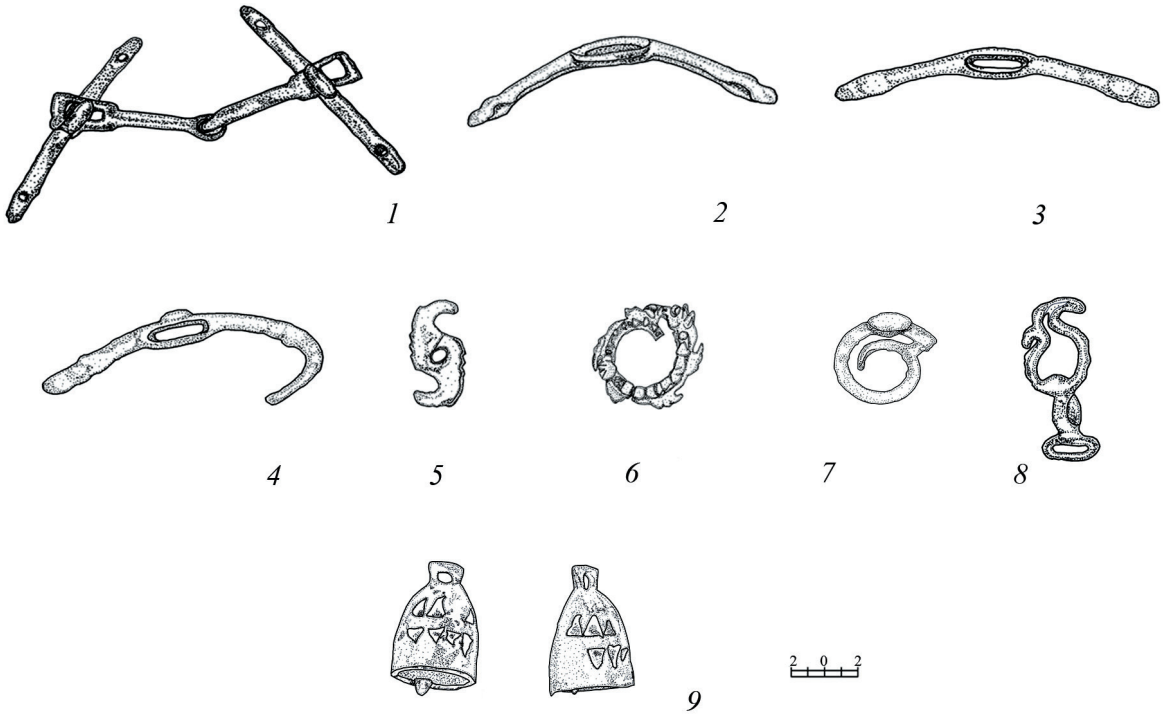


Рис. 1. Предметы конского убора из могильников Колыбелька-4 (*1–5, 7–9*) и Конево-10 (*6*).
Fig. 1. Horse gear items from the burial grounds of Kolybelka-4 (*1–5, 7–9*) and Konevo-10 (*6*)

Состояние памятника аварийное, насыпи активно распахиваются. Могильник состоит из 13 курганов.

В ходе осмотра памятника был обнаружен ряд интересных предметов, частью связанных с курганами, а частью найденных в межкурганном пространстве: два бронзовых колокольчика, бронзовые детали конской узды, фрагменты бронзового котла. Кроме того, в насыпи кург. 5 находились кости животных, а в юго-западной части этой же насыпи – фрагмент человеческого черепа.

В настоящее время все три памятника находятся в аварийном состоянии в связи с непрекращающейся распашкой территории, занимаемой ими.

Собранный материал позволяет разбить бронзовые вещи на две категории: предметы конского набора и предметы быта.

Предметы конского убора. *Псалии* (рис. 1, *1–4*; 2, *1*). Можно выделить две разновидности псалиев: 1) трехдырчатый псалий с отверстиями на концах и с центральным Т-образным "шпеньком-запонкой" из кург. 10 мог. Колыбелька-4 (один экз.) и 2) трехдырчатые слегка изогнутые псалии с двумя отверстиями на концах и центральным прямоугольным, лежащим в другой плоскости (6 экз.), также происходят из мог. Колыбелька-4. Первая разновидность псалиев относится к четвертому типу по классификации Л.С. Марсадолова. Аналогичные псалии найдены на Алтае в кург. 42 Кок-су-I, в Вакулихе-1 (Марсадолов, 1998. С. 5–24; Бородаев, 1998. С. 56–73. Рис. 3, *1–3*), в Северном Казахстане (Грязнов, 1956. С. 8–16), в собрании М.П. Погодина из районов Алтая (Степная полоса..., 1992. С. 411. Табл. 61, *8*), в кург. 33 мог. Уйгарак в Средней Азии (Вишневская, 1973. С. 141. Табл. IX, 17, 19); кроме того, в Восточном Казахстане, Туве (Шульга, 1998. С. 25–49). По мнению П.И. Шульги, такие псалии являлись переходной формой к У-образным псалиям. По аналогии с материалами кург. 33 из Уйгарака такие псалии четко датируются концом VIII–VII в. до н.э (Чугунов, 2005. С. 103–108). Второй тип псалиев является, по мнению П.И. Шульги, распространенным в Приаралье, в Центральном Казахстане и Семиречье в середине VII–VI в. до н.э. Такая форма крепления псалиев к узде представляется способом возврата к ранней форме соединения узды, известной в Передней Азии (Шульга, 1998. С. 25–49). Псалии, тождественные нашим, встречены

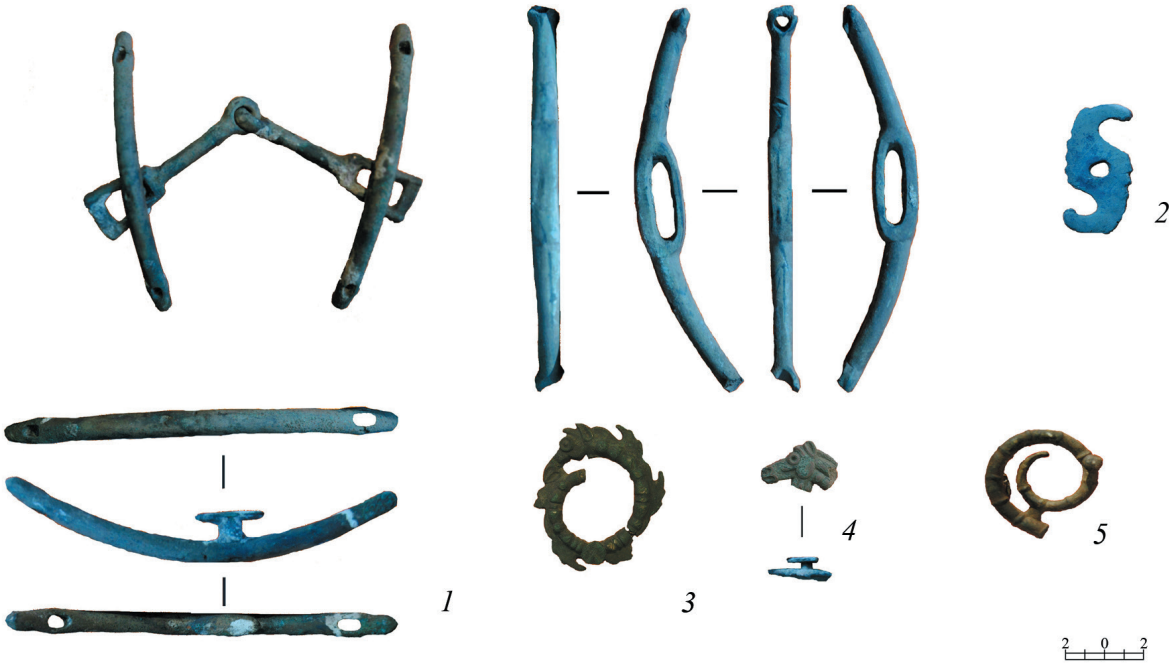


Рис. 2. Предметы конского убора из могильников Колыбелька-4 (*1, 2, 4, 5*) и Конево-10 (*3*) (фото) (по: Ануфриев, 2014).

Fig. 2. Horse gear items from the burial grounds of Kolybelka-4 (*1, 2, 4, 5*) and Konevo-10 (*3*) (photo) (after Anufriyev, 2014)

в мог. Уйгарак, кург. 35 (Степная полоса..., 1992. С. 354. Табл. 4, *4*).

Удила (рис. 1, *1*; 2, *1*) литые со стремечковидным окончанием. Найдены в единственном экземпляре в комплекте с трехдырчатыми Т-образными псалиями из мог. Колыбелька-4, кург. 10. Удила такого типа появляются в конце IX и бытуют до VI в. до н.э. После VI в. до н.э. удила такого типа – это архаизм (Марсадолов, 1998. С. 5–24).

Украшение узды (рис. 1, *5*; 2, *2*) S-образной формы, плоское, в виде двух противостоящих голов лошади, в центре – овальное отверстие для крепления к основе. Происходит из скопления № 5 в 6 м к СЗ от кург. 9 мог. Колыбелька-4. Аналогичные украшения того же типа происходят из памятника Аржан-2, могила 5, а также из сопроводительного погребения на этом же памятнике (Чугунов, 2011. С. 39–60. Рис. 2, *1*; 8, *7*). В украшениях данного облика используется мотив так называемого “сложного завитка”, описанного К.В. Чугуновым (Чугунов, 2011. С. 39–60. Рис. 2, *1*; 8, *7*). Мотив “сложного завитка” был распространен на территории Тувы, Хакасско-Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Казахстана в VII в. до н.э.

Украшение конской упряжи (рис. 1, *6*; 2, *3*) литое в виде конской головы со стилизованной гривой, в форме замкнутой овальной спирали. На внешней и внутренней плоскостях украшения находятся диаметрально противоположные крепления в виде расклепанных шпеньков округлой (снаружи) и овальной (изнутри) формы. Происходит из кург. 2 мог. Конево-10.

Образ лошади в раннескифском искусстве подробно охарактеризован В.А. Ильинской (Ильинская, 1965. С. 86–107). Эта работа ценна тем, что в ней кроме прочих рассмотрены изображения коня, их семантика. Кроме того, немаловажной работой при рассмотрении семантики найденного в Конево-10 украшения служат статьи Е.Е. Кузьминой (1976; 1977), в которых автор охарактеризовала пути проникновения одомашненной лошади в Среднюю Азию и различные стороны культа коня в искусстве индоиранцев и скифов. Одним из его проявлений служит воплощение коня в боге солнца. Культ коня как солнечного бога сложился еще во II тыс. до н.э. в среде ираноязычных народов. Все индоевропейские народы представляли солнце в образе конной колесницы или только ее части – колеса или коня. В Ригведе, в Авесте, в греческой поэзии солнце называется “быстроконным”, а лучи

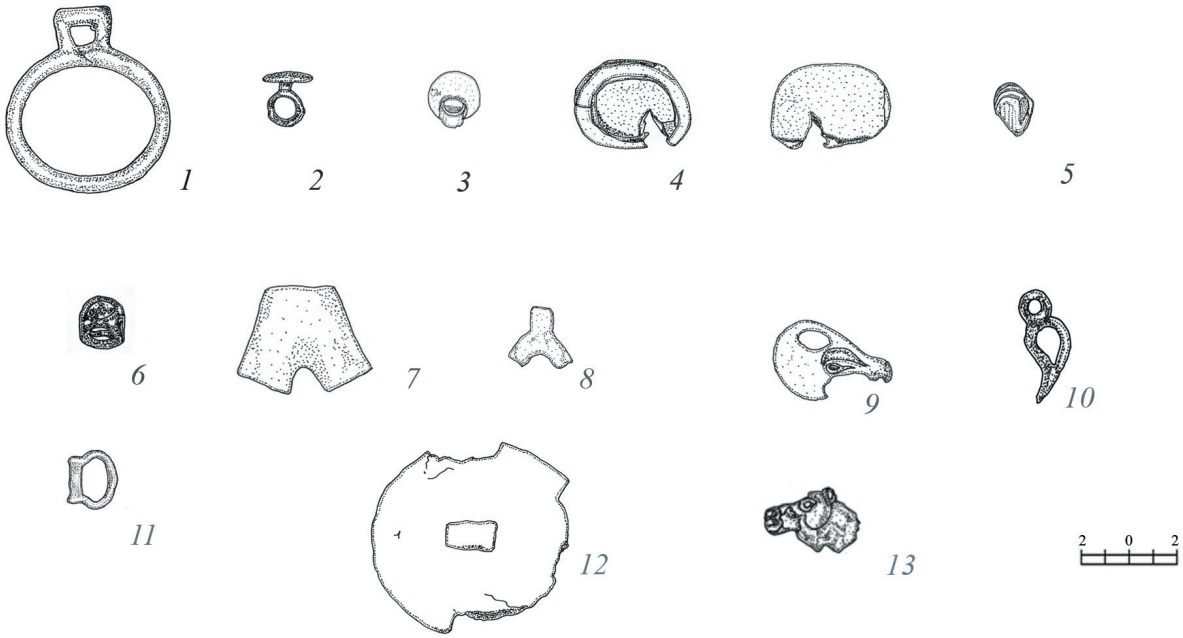


Рис. 3. Предметы конского убора из могильников Колыбелька-4 (*1–10, 13*) и Конево-11 (*11, 12*).
Fig. 3. Horse gear items from the burial grounds of Kolybelka-4 (*1–10, 13*) and Konevo-11 (*11, 12*)

его сравниваются с развевающимися гривами лошадей (Кузьмина, 1977. С. 28–52). В Ригведе солнце Агни везут на колеснице быстрые кони (Ригведа. I. 141. К Агни). Здесь же описан обряд восхваления жертвенного коня (Ригведа. I. 162, 163. Восхваление коня). В Авесте конь является воплощением Митры – бога Солнца (Кузьмина, 1976. С. 52–65). Наша пряжка представляет собой замкнутая спираль в виде конской головы. Логично предположить, что в интерпретации ее заложена семантика культа солнечного коня. По-видимому, спиралевидная форма пряжки – это отражение круглой формы солнца, летящего по небу.

Из скопления № 3 в межкурганном пространстве Колыбельки-4 происходит еще одно *украшение в виде конской головы* (рис. 2, *4*; 3, *13*), плоское, со шпеньком на обратной стороне для крепления к основе. Морда коня изображена четко, особенно подчеркнуты глаз, уши, грива и рот. С двух сторон – со стороны крупа и со стороны имитированного насада под мордой – украшение обломано. Поэтому представить себе, как оно выглядело полностью, мы не можем.

Парные украшения узды в виде рогов барана-аргали, закрученных в спираль (рис. 1, *7*; 2, *5*), со шпеньком на обратной стороне для крепления к основе. Происходят из насыпи кург. 10 мог. Колыбелька-4. Прямых аналогий данным пряжкам нет, но можно утверждать, что в VII–VI вв. до н.э. широко использовались парные пряжки для крепления седельных ремней, путем их наложения и фиксации с помощью грибообразного шпенька на одной из них (Марсадолов, 1998. С. 5–24). Стилистика оформления бороздок и выступов на рогах на нашей находке говорит в пользу этой даты. В V в. в изображении на рогах аргали появляются более широкие выступы с узкими бороздками (Членова, 1967. С. 135, 136).

Парные колокольчики (рис. 1, *9*; 4, *2*) из межкурганного пространства кург. 2 и 4 мог. Колыбелька-4, один из которых с язычком. Тело колокольчиков вытянутой яйцевидной формы, ушко – трапециевидной. На боковых сторонах имеются прорези в виде двух рядов треугольников, некоторые из которых прорезаны не до конца. Колокольчики массивные, длиной 77 мм и диаметром 46–50 мм, толщина стенок 3 мм. Изделия, аналогичные колокольчикам из Колыбельки-4, найдены в могильнике Тасмола V, кург. 2. Отличие их в том, что овально-вытянутые прорези на их стенках занимают почти всю длину тела колокольчика и ушко у них овальной формы. В III в. до н.э. у хуннов Забайкалья в конской упряжи распространяются колокольчики, но они резко отличаются от наших (Давыдова, 1985. С. 50–51; Коновалов, 1976. Табл. VII, 4–9). Датировка

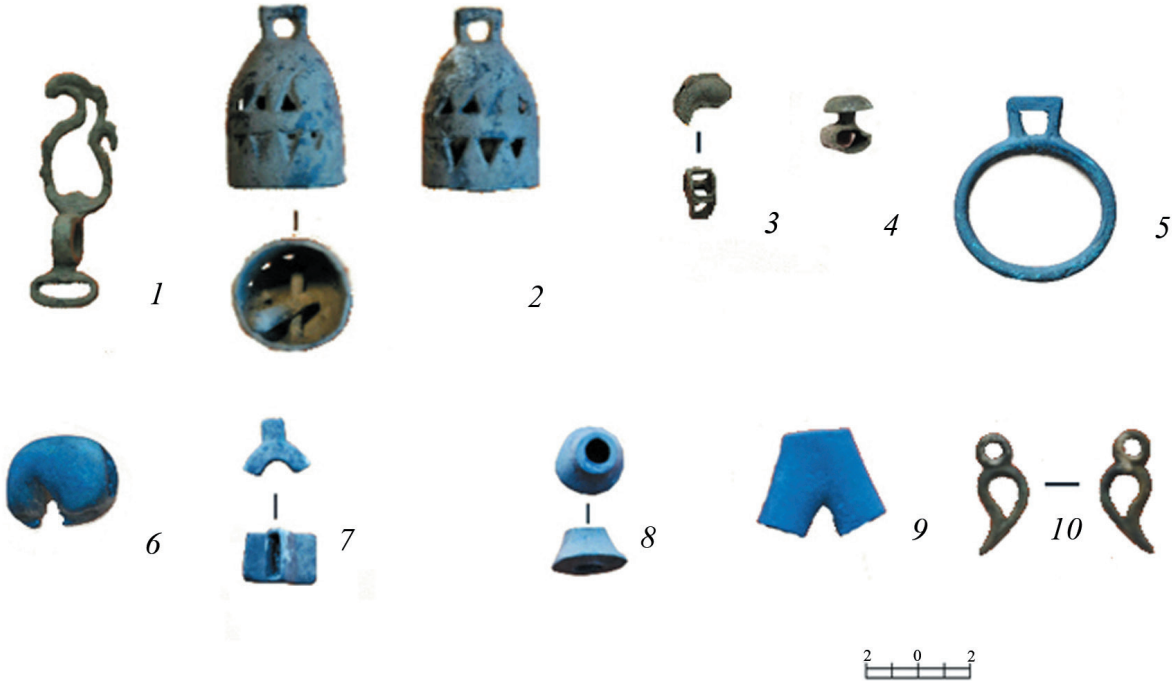


Рис. 4. Предметы конского убора из могильника Колыбелька-4 (фото) (по: Ануфриев, 2014).
Fig. 4. Horse gear items from the burial ground of Kolybelka-4 (photo) (after Anufriyev, 2014)

колокольчиков из Колыбельки-4, по аналогии с Тасмолой V, – VII–VI вв. до н.э.

Налобное украшение в виде стилизованного изображения грифона (рис. 1, *8*; 4, *1*) найдено в насыпи кург. 14 мог. Колыбелька-4. Изображение грифона расположено на двух кольцах из подпрямоугольных в сечении прутов, развернутых в перпендикулярных друг к другу плоскостях. Верхнее кольцо округлой, слегка вытянутой формы, нижнее – подовальной. В качестве аналогии приведем украшение в виде козла, готового к прыжку, укрепленного так же, как и украшение из Колыбельки-4, на двух кольцах (Маргулан и др., 1966. С. 325. Рис. 18). Найдено оно у лба лошади. А.Х. Маргулан и его соавторы высказывают гипотезу об использовании его в качестве султана-начельника, как это имело место в Передней Азии (Маргулан и др., 1966. С. 396). Видимо, наше украшение выполняло ту же функцию. Датируется оно VII–VI вв. до н.э., согласно тасмолинскому предмету.

Распределитель ремней в виде стилизованной головы грифона (рис. 4, *3*) из насыпи кург. 14 мог. Колыбелька-4. Внешняя сторона изделия украшена выпуклым изображением, повторяющим форму изделия. Обратная сторона представляет собой отверстия, разграниченные металлическими стойками. Ряд подобных по форме изделий встречен в кург. 30 мог. Уйгарак (Вишневская, 1973. С. 144. Табл. XII, 10–16). Отличие их в том, что они не орнаментированы, а также некоторые из них имеют крепление со шпеньком. О.А. Вишневская датирует эти предметы VII–нач. VI в. до н.э. в связи с находкой удил с напускными псалиями в кург. 30.

Бронзовые распределители в кург. 19 могильника Тасмола I также аналогичны по форме и креплению, но отличаются орнаментом в виде трехчастной спирали (Маргулан и др., 1966. С. 314. Рис. 5, *2–5*). Датированы они авторами VII–VI вв. до н.э. по сопутствующему инвентарю из кургана.

Такие же распределители, только без орнамента, с боковыми овальными прорезями найдены также на территории Восточного Казахстана в курганном могильнике Камышинка (Степная полоса..., 1992. С. 406. Табл. 56, *27*).

Подвеска в виде головы лося или лошади (рис. 3, *9*) из насыпи кург. 10 мог. Колыбелька-4, с двусторонней отливкой, плоская. Морда животного четко профилирована, обозначены губы, овальный глаз, горбатый нос. Голова животного слита с окружностью, в верхней

части которой вырезана овальная петля для подвешивания.

Полной аналогии предмету не существует. По стилю изображения украшение близко к подвеске в виде головы лося из местонахождения Вакулиха 1 (Бородаев, 1998. С. 56–73. Рис. 7, *1*. Фото 2) и из кург. 47 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973. С. 147. Табл. XV/5; Бородаев, 1998. С. 56–73. Рис. 7/3). Подобная бляшка со стилизованным изображением лося и прорезью в боковой части найдена также в кург. 19 могильника Тасмола I (Артамонов, 1973. С. 32, 33. Рис. 31). В.Б. Бородаев интерпретирует данный предмет как наносник.

Подвеска в виде "запятой" или стилизованного крыла птицы (рис. 3, *10*; 4, *10*), прикрепленная к кольцу меньшего размера. По краю предмета проходит ярко выраженное ребро. Аналогий данному предмету пока не найдено, но несомненно, в составе комплекса найденных с ним предметов уздечного набора, можно датировать его ранним этапом тасмолинской культуры.

Кнопковые обоймы (рис. 3, *3*; 4, *4*) с плоской шляпкой, соединенной с уплощенным или круглым вертикальным кольцом. Такой тип ременных соединений широко распространен на территории Южной Сибири, Алтая, Казахстана и Тувы. В частности, кнопковые обоймы встречены в таких памятниках, как Тасмола I кург. 19 и 24 (Маргулан и др., 1966. С. 317. Рис. 8, *1–6, 20*); Нурманбет IV кург. 3 (Маргулан и др., 1966. С. 346. Рис. 39, *1*), Тасмола V кург. 2 (Маргулан и др., 1966. С. 323. Рис. 15, *4*), Камышинка (Степная полоса..., 1992. С. 406. Табл. 56, *25*), Алды-Бель I (ритуальный клад) (Грач, 1980. С. 221. Рис. 83, *2*), Хемчик-Бом-III кург. 1, 2 (ритуальный клад) (Грач, 1980. С. 247. Рис. 109, *1*), Аржан-2 (Чугунов, 2011. Рис. 8, *5*), Машенка-1 (Шульга, 1998. С. 25–49. Рис. 5, *8, 9*).

Пряжка подпружная (рис. 3, *1*; 4, *5*) цельнолитая в виде кольца из круглого в сечении жгута с трапециевидным ушком для подвешивания из мог. Колыбелька-4. Известны на всем протяжении распространения культур скифского типа, но особое распространение получили в Казахстане, на Алтае, в Южной Сибири, а именно на памятниках: Тасмола V кург. 3 (Маргулан и др., 1966. С. 330. Рис. 24, *1-2*. С. 332. Рис. 26, *1, 2, 4*), Тасмола I кург. 19 и 24 (Маргулан и др., 1966. С. 317. Рис. 8, *11, 17–19*), Тасмола VI кург. 1 (Маргулан и др., 1966. С. 334. Рис. 28, *5, 6*), Тагискен кург. 23 (Степная полоса..., 1992. С. 355. Табл. 5, *7*), Камышинка (Степная полоса..., 1992. С. 306. Рис. 56, *28–29*), Алды-Бель I (ритуальный клад) (Грач, 1980. С. 221. Рис. 83, *2*).

Пронизи ременные с отверстиями для продевания ремней (рис. 3, *6*) из мог. Колыбелька-4. Широко распространены на территории Казахстана, Тувы, Алтая: Камышинка (Степная полоса..., 1992. С. 406. Табл. 56, *26*), Алды-Бель I (Грач, 1980. С. 221. Рис. 83, *1*), случайные находки на Алтае (Грязнов, 1947. С. 9–17), Тасмола I, кург. 19 (Маргулан и др., 1966. С. 317. Рис. 8, *7–9*).

Бляха налобная (рис. 3, *12*) плоская с Т-образным шпеньком на высокой подножке из мог. Конево-11. Крепление, как и край изделия, не сохранился. Две бляхи такого облика встречены в мог. Тасмола V кург. 3 (Маргулан и др., 1966. С. 326. Рис. 24, *7*) и мог. Гилевский мост (Тишкин, 1998. С. 78–90. Рис. 1, *3*). Бляха из Тасмолы отличается ромбовидным шпеньком.

Ворворки-тройники (рис. 3, *7, 8*; 4, *7, 9*) для распределения ремней, *ворворки-пронизки* (рис. 4, *8*) ременные и *пронизка* (рис. 3, *5*) овальной формы сквозная с орнаментом в виде трехчастных волнистых линий происходят из мог. Колыбелька-4. Аналогов данным предметам пока не встречено.

Пряжка подпружная (рис. 3, *11*) цельнолитая округло-фигурная, с овальной рамкой с выраженными окончаниями и круглой в сечении перемычкой для крепления, из мог. Конево-11. Пряжки данного типа широко бытовали на территории Южной Сибири, в Казахстане вплоть до V в. до н.э. (Марсадолов, 1998. С. 5–24).

Бусины-пронизки различных размеров происходят из мог. Колыбелька-4, причем ряд мелких бусин располагался внутри крупных на остатках черного тлена, образуя единый уздечный ремень.

Предметы быта. К предметам быта относятся *фрагменты бронзового котла небольшого размера или бронзовой чаши* из мог. Колыбелька-4.

Таким образом, все три исследованных памятника на основе найденного материала можно датировать эпохой раннего железа, а именно ранним этапом тасмолинской культуры VII–VI вв. до н.э. К сожалению, мы можем дать пока лишь предварительную датировку в связи с отсутствием полномасштабных исследований на этих памятниках. Присутствие предметов конского набора в околокурганных комплексах может быть

одним из подтверждений нашей датировки. Ярким исследователем тасмолинской культуры на территории Центрального Казахстана А.З. Бейсеновым были выделены особенности погребального обряда раннего этапа тасмолинской культуры, среди которых: каменная крепида в основании курганов, грунтовые блоки в насыпи крупных курганов высотой от двух метров, единовременные ординарные погребения под насыпью, наличие дромосных могил, каменные изваяния рядом с насыпью, трепанация черепов погребенных, околокурганные “жертвенники” с предметами узды, связанные с символическим жертвоприношением коня (Бейсенов, 2016. С. 119–126). Комплекс предметов конского набора с памятника Колыбелька-4 может быть таким кладом рядом с курганными насыпями, которые в настоящее время распаханы.

Появление памятников тасмолинской культуры на территории Новосибирской области связано, по-видимому, с проникновением сюда отдельных групп более ранней бегазы-дандыбаевской культуры и формированием здесь путем слияния с местными племенами эпохи бронзы некой отдельной группы тасмолинской культуры, поскольку на памятнике тасмолинской культуры Колыбелька-4 и на соседнем комплексе Колыбелька-1, раннее датированном II тыс. н.э., в 2017 г. найдены фрагменты бегазы-дандыбаевских сосудов. Многие современные исследователи предполагают, что тасмолинская культура является наследницей бегазы-дандыбаевской культуры поздней бронзы (Бейсенов, 2018. С. 386–396), но пока это только предварительные выводы. Дальнейшее исследования позволят разрешить данный вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ануфриев Д.Е. Отчет о проведении работ по созданию топографических планов, определению и координированию границ земельных участков, занимаемых объектами археологического наследия, обследованию технического состояния (инвентаризации) объектов археологического наследия, а также о проведении изыскательских археологических работ (разведок) на участках отвода земель под хозяйственное освоение на территории Искитимского, Колыванского, Коченевского, Краснозерского, Мошковского, Новосибирского, Ордынского, Сузунского и Тогучинского районов Новосибирской области в 2014 году (в 5 томах) // Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. Архив.

Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с.

Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 119–126.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археологія і давня історія України. 2018. Вып. 2 (27). С. 386–396.

Бородаев В.Б. Вакулихинский клад (Комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-1) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. С. 56–73.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; 8). 160 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8–16.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1985. 111 с.

Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1. С. 86–107.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 248 с.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 52–65.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 28–52.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и

средневековье. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. С. 5–24.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. (Археология СССР). 494 с.

Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. С. 78–90.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Чугунов К.В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2005. С. 103–108.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия: сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину: по материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской (2009 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60.

Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. С. 25–49.

THE TASMOLA CULTURE SITES IN THE TERRITORY OF NOVOSIBIRSK REGION (on the materials of 2014–2017)

Aleksandra L. Avtushkova[1,*], Denis O. Plakhuta[2,]**

[1]*The Novosibirsk State Museum of Local Lore, Russia*
[2]*Novosibirsk State Agrarian University, Russia*

[*]*E-mail: alinanet@ngs.ru*
[**]*E-mail: plahuta_do74@mail.ru*

The main distribution area of the Tasmola culture sites is the territory of Northern and Central Kazakhstan, the Southern Trans-Urals. In 2014–2017, a number of Tasmola burial mounds were found in Novosibirsk Region during archaeological monitoring. Significant number of surface finds were collected, represented mainly by horse gear showing cultural similarities with analogous items from the Early Iron Age sites of Central Kazakhstan, Gorny Altai, Tuva, and Central Asia. There are also unique things, close analogies of which have not yet been found. Tasmola culture sites of Novosibirsk Region are synchronous with similar sites in other territories. The Tasmola culture on the territory of Novosibirsk Region is a particular phenomenon: the history of its origin and existence in this area has not yet been revealed. A Begazy-Dandybai settlement of the Late Bronze Age found during a re-examination of the same site in 2017 in combination with the subsequent Tasmola culture spreading in the same area indicates a new, previously unknown episode in the archaeology of Early Iron Age nomadic cultures, which existed far north from the main area of their distribution.

Keywords: Novosibirsk Region, the Tasmola culture, the Begazy-Dandybai culture, burial mounds, horse gear, accompanying altars.

REFERENCES

Anufriyev D.E. Otchet o provedenii rabot po sozdaniyu topograficheskikh planov, opredeleniyu i koordinirovaniyu granits zemel'nykh uchastkov, zanimayemykh ob"yektami arkheologicheskogo naslediya, obsledovaniyu tekhnicheskogo sostoyaniya (inventarizatsii) ob"yektov arkheologicheskogo naslediya, a takzhe o provedenii izyskatel'skikh arkheologicheskikh rabot (razvedok) na uchastkakh otvoda zemel' pod khozyaystvennoye osvoyeniye na territorii Iskitimskogo, Kolyvanskogo, Kochenevskogo, Krasnozerskogo, Moshkovskogo, Novosibirskogo, Ordynskogo, Suzunskogo i Toguchinskogo rayonov Novosibirskoy oblasti v 2014 godu (v 5 tomakh) [Report on developing topographic plans, determining and coordinating the boundaries of areas occupied by archaeological heritage sites, examining the condition (inventory procedures) of archaeological heritage sites, as well as conducting investigative archaeological work (reconnaissance) on land allotments for economic development in the territory of Iskitim, Kolyvan, Kochenevo, Krasnozersk, Moshkovo, Novosibirsk, Ordynskoye, Suzun and Toguchin districts of Novosibirsk Region in 2014 (in 5 volumes)]. *Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Novosibirskoy oblasti. Arkhiv [Research and Production Centre for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of Novosibirsk Region. Archive].* (Unpublished)

Artamonov M.I., 1973. Sokrovishcha sakov. Amu-Dar'inskiy klad. Altayskiye kurgany. Minusinskiye bronzy. Sibirskoye zoloto [Treasures of the Saka. The Amu Darya hoard. Altai mounds. Minusinsk bronzes. Siberian gold]. Moscow: Iskusstvo. 280 p.

Beysenov A.Z., 2016. Sites of the early stage of the Tasmola culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 1(39), pp. 119–126. (In Russ.)

Beysenov A.Z., 2018. The Tasmola culture of Central Kazakhstan in the studies of the early 21st century. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2(27), pp. 386–396. (In Russ.)

Borodayev V.B., 1998. The Vakulikha hoard (An assemblage of finds of the Scythian time from the location of Vakulikha-1). *Snaryazheniye verkhovogo konya na Altaye v rannem zheleznom veke i srednevekov'ye [Horse riding gear in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 56–73. (In Russ.)

Chlenova N.L., 1967. Proiskhozhdeniye i rannyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury [Equipment of the riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Moscow: Nauka. 300 p.

Chugunov K.V., 2005. Bridle sets of the Aldy-Bel culture in the context of the horse gear development. *Snaryazheniye kochevnikov Evrazii [Equipment of the Eurasian nomads]*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–108. (In Russ.)

Chugunov K.V., 2011. The art of Arzhan-2: stylistics, composition, iconography, and ornamentation motifs. *Evropeyskaya Sarmatiya: sbornik, posvyashch. Marku Borisovichu Shchukinu: po materialam konferentsii, provedennoy v ramkakh XIV chteniy pamyati Anny Machinskoy [European Sarmatia: Collected articles dedicated to Mark Borisovich Shchukin: Based on the proceedings of the conference held as part of the XIV Readings in memory of Anna Machinskaya] (2009)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 39–60. (In Russ.)

Davydova A.V., 1985. Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'ye [The Ivolginsk complex (the fortified settlement and burial ground) – a Xiongnu site in Transbaikalia]. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet. 111 p.

Grach A.D., 1980. Drevniye kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in the centre of Asia]. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.)

Gryaznov M.P., 1947. Sites of the Mayemir stage of the early nomadic period in Altai. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, XVIII, pp. 9–17. (In Russ.)

Gryaznov M.P., 1956. Northern Kazakhstan in the early nomadic age. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 61, pp. 8–16. (In Russ.)

Il'inskaya V.A., 1965. Some motifs of the early Scythian animal style. *Sovet. Arkheol. [Soviet archaeology]*, 1, pp. 86–107. (In Russ.)

Konovalov P.B., 1976. Khunnu v Zabaykal'ye (pogrebal'nyye pamyatniki) [The Xiongnu in Transbaikalia (funerary sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo. 248 p.

Kuz'mina E.E., 1976. Scythian art as a reflection of the worldview of an Indo-Iranian group. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scythian-Siberian animal style in the art of the Eurasian peoples]*. Moscow: Nauka, pp. 52–65. (In Russ.)

Kuz'mina E.E., 1977. Spread of horse breeding and horse cult among Iranian-speaking tribes of Central Asia and other peoples of the Old World. *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'ye (istoriya i kul'tura) [Central Asia in antiquity and the Middle Ages (history and culture)]*. Moscow: Nauka, pp. 28–52. (In Russ.)

Margulan A.X., Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orazbayev A.M., 1966. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. 435 p.

Marsadolov L.S., 1998. The main trends in changing the shapes of horse-bits cheek-pieces and horse buckles in Altai in the 8th–5th centuries BC. *Snaryazheniye verkhovogo konya na Altaye v rannem zheleznom veke i srednevekov'ye [Equipment of the riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 5–24. (In Russ.)

Shul'ga P.I., 1998. Early Scythian harness of the 7th–early 6th centuries BC based on the materials from burial sites on the river Charysh. *Snaryazheniye verkhovogo konya na Altaye v rannem zheleznom veke i srednevekov'ye [Equipment of the riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 25–49. (In Russ.)

Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya [Steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: Nauka, 1992. 494 p.

Tishkin A.A., 1998. Finds of some elements of the Scythian horse gear in the Altai foothill area. *Snaryazheniye verkhovogo konya na Altaye v rannem zheleznom veke i srednevekov'ye [Equipment of the riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 78–90. (In Russ.)

Vishnevskaya O.A., 1973. Kul'tura sakskikh plemen nizov'yev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e. Po materialam Uygaraka [The culture of Saka tribes of the lower Syr Darya in the 7th–5th centuries BC. Based on materials from Uygarak]. Moscow: Nauka. 160 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, 8).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 151–166

БОКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРДВЫ

© 2020 г. С.И. Андреев

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия

E-mail: ioptambov@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2017 г.
После доработки 19.06.2018 г.

Статья посвящена результатам исследования грунтового могильника на окраине с. Бокино (Тамбовская обл.). Выявлено 42 захоронения: 19 женских (из них четыре детских), 21 мужское (одно детское); разрушены были еще как минимум два женских. Среди захоронений 35 имели юго-восточную ориентировку, три – строго южную, одно – юго-западную. Мужчины хоронились вытянуто на спине; положение их рук различно: скрещены на животе, вытянуты вдоль тела, либо одна лежала на животе, другая – вдоль тулова. Женщины – на правом боку, лишь в одном случае на левом; ноги были поджаты, руки согнуты так, что ладони помещались перед лицом. Выявлены и отдельные черепа. Картографирование захоронений позволяет предположить наличие на могильнике семейных участков. Опираясь на аналогии особенностей погребального обряда, типов разнообразного инвентаря, можно утверждать, что могильник принадлежал мордве-мокше, проживавшей в непосредственной близости от этого места во второй половине XIII – третьей четверти XIV в. Бокинский могильник – единственный памятник такого рода на территории Тамбовской области. Остается не выясненной причина появления в верховьях Цны мордовского населения, не имевшего генетической связи с предшествующим. В настоящее время в регионе исследовано два памятника этого же времени, на которых совместно проживали русские и мордва при существенном преобладании первых. Уход населения из региона связан с прекращением стабильности в Орде в конце XIV в.

Ключевые слова: Тамбовская область, средневековые памятники, цнинская мордва, могильник, погребальный обряд.

DOI: 10.31857/S086960630009079-5

В июле 2016 г. археологической экспедицией Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина проведены охранно-спасательные раскопки могильника у с. Бокино в Тамбовском р-не Тамбовской обл. (рис. 1, *II*). Земельный участок расположен в южной части современного села. С востока памятник ограничен склоном коренного берега, выходящего к старичному рукаву р. Цна. Могильник располагается в 0.35 км к северо-западу от моста через реку по окружной дороге вокруг Тамбова на высоте 120.7–121.02 м над уровнем моря. Почти вся дневная поверхность некрополя еще до начала наших работ была спланирована строителями. В июне 2013 г. на участке началось возведение жилого дома, при этом была уничтожена часть захоронений (предположительно четыре погребения). Позже установлено, что южная часть некрополя уничтожена полностью, были заметны и следы грабительских раскопов – на поверхности выявлены многочисленные разрозненные человеческие кости.

В результате наших работ исследована отводимая под застройку территория, которая, по всей видимости, является юго-восточной частью некрополя; изучено раскопом 260 м^2, осмотрено около 100 м^2 внутри сооруженного фундамента дома, выявлено 42 захоронения разной сохранности, а также переотложенные костные останки из как минимум 6 захоронений.

Мощность слоя в пределах раскопа составляла от 0.05 до 1.05 м, в среднем 0.4. Стратиграфия по всей площади трехчастная. В непотревоженных местах под слоем дерна прослеживался слой темно-серого гумуса (чернозема) мощностью от 0.05 до 0.45 м. Ниже залегал слой светло-коричневого гумуса с включениями суглинка мощностью 0.2–0.4 м. Его подстилал материк – желтая глина.

Основные данные погребальных комплексов

Basic data of burial complexes

№ погребения	Пол	Возраст	Ориентация	Наличие вещей в комплексе	Сосуд	Сюльгамы	Бусы	Пулокерь	Перстень	Топор	Стрела	Кресало	Поясная (?) застежка	Нож	Напутственная пища	Трофей (человеческие кости)	Отсутствие части костей
1	Ж	3–5	Ю, ЮВ	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	М	30–40	–“–	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+
3	Ж	2–3	–“–	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	М	15–20	–“–	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
5	–“–	20–30	Ю	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
6	–“–	30–40	ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7	–“–	30–40	ЮЗ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
8	Ж	30–40	Ю, ЮВ	+	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
9	Ж	5–6	ЮВ	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
10	М	30–40	ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
11	М	30–40	В, ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
12	Ж	1	Ю, ЮВ	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
13	Ж	10–15	–“–	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
14	М	25–30	–“–	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+
15	Ж	20–30	–“–	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	Ж	10–12	–“– ?	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
17	Ж	20–30	–“–	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
18	М	30–40	–“–	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
19	?	20–30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
20	М	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-
21	Ж	30–40	–“–	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	Ж	20–25	–“–	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	Ж	30–40	–“–	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
24	М	30–40	ЮВ	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-
25	Ж	40-50	Ю, ЮВ	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	М	30–40	ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+
27	Ж	15–20	Ю	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+
28	Ж	20–30	Ю, ЮВ	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
29	М	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
30	?	30–40	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
31	М	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
32	М	30–40	Ю	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	+
33	Ж	3–5	ЮВ	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
34	Ж	40–50	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
35	М	40–50	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
36	–“–	30–40	ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
37	–“–	2–3	Ю	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
38	–“–	30–40	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	-
39	Ж	30–40	ЮВ	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
40	М	40–50	Ю, ЮВ	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Ж	20–30	ЮВ	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
42	М	40–50	Ю, ЮВ	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+

В местах с переотложенным слоем стратиграфия простейшая – перемешанный слой мощностью 0.1–0.4 м и слой гумусированного суглинка мощностью до 0.3 м. Центральная часть раскопа представляла собой полностью переотложенный слой с включением материковой глины. Всего в слое раскопа (в темно-сером гумусе и верхней части светло-коричневого гумусированного суглинка) обнаружено 432 индивидуальные находки, включая немногочисленные фрагменты лепной керамики XIII–XIV вв., часть которых

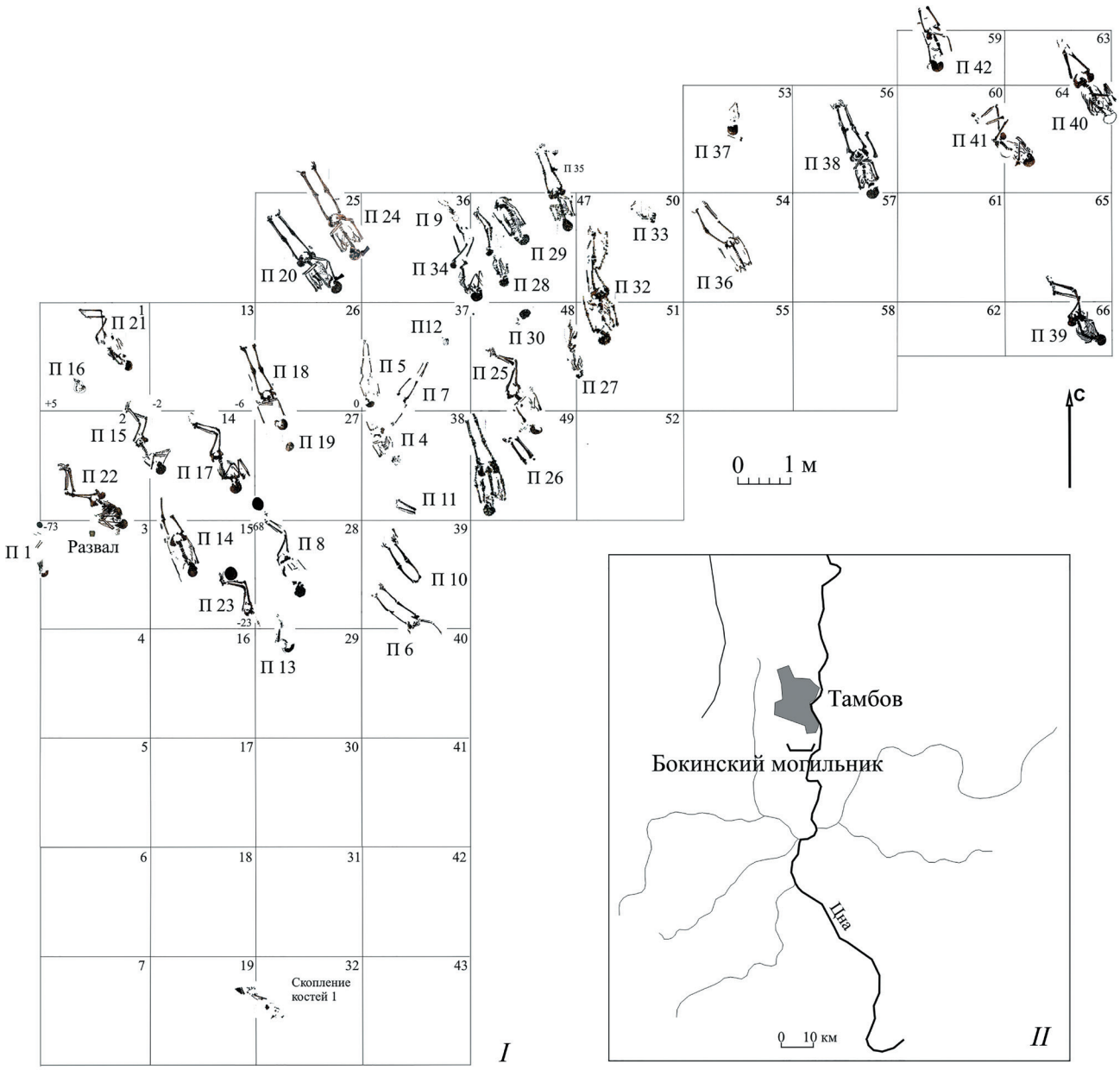


Рис. 1. Бокинский могильник – местоположение (*II*) и планиграфия погребений (*I*).
Fig. 1. The Bokino cemetery – the location (*II*) and planigraphy of burials (*I*)

удалось собрать и реконструировать формы сосудов. Установлено, что иные культурные остатки, кроме связанных с функционированием древнемордовского могильника в XIII–XIV вв., на территории кладбища отсутствуют.

Основная информация о погребениях представлена в сводной таблице. Всего из 42 захоронений 19 женских (из которых 4 детских), 21 захоронение мужское (из которых 1 детское), из разрушенных захоронений как минимум 2 женских. Подавляющее большинство могил ориентировано в юго-восточный сектор. Только одно захоронение имеет юго-западную ориентировку. Мужчины хоронились вытянуто на спине, положение рук различно: скрещены на животе, вытянуты вдоль тела или комбинированное. Женщины – на правом боку, только в одном случае на левом. При этом ноги поджаты, руки согнуты, ладони перед лицом (рис. 1, *I*).

Кроме того, выявлен обряд захоронения черепов. Два можно характеризовать как самостоятельные (погр. 16, 30), череп из погребения 19. возможно был положен в погребение 18,

однако определенно это установить невозможно. Подобный обряд известен в Комаровском могильнике, где в погребении 11 недалеко от черепа погребенного был положен человеческий череп-трофей (Моржерин, 2013. С. 142).

Особенность Бокинского могильника – все выявленные погребения совершены в черноземном слое, поэтому по причине его особенностей полностью отсутствует информация о форме и размерах могильных ям. Глубина захоронений различна: от находящихся практически под дерном (например, погр. 40) до глубины 0.8 м от уровня дневной поверхности (погр. 24). Детали погребального обряда удалось проследить в погребении 21 благодаря окислам меди. Под накосником-*пулокерем* сохранилась часть подстилки погребения в виде небольшого фрагмента луба. Можно предположить, что и в остальных захоронениях использовался луб в качестве подстилки. Следы деревянных гробовин не обнаружены. По анатомическим нюансам некоторых погребений можно предположить наличие савана.

Часть захоронений, как упомянуто выше, пострадала при строительных работах на участке – отсутствуют многие костные останки. Но некоторые погребенные (погр. 27, 29) лишились части своих конечностей при жизни или сразу после смерти. При этом в двух могилах выявлены останки и других людей: в погребении 38 – бедренная кость, в погребении 42 – нижняя челюсть.

В целом, судя по планиграфии погребений, можно говорить о группах захоронений близких родственников. Только одна могила была перерезана более поздней. В остальных случаях умершие хоронились индивидуально или дополнительно к уже погребенному.

Характеристика вещевого материала. В погребение 37 – мужское захоронение (мальчика) – был положен жертвенный набор женских украшений. Предметы всех других погребальных комплексов соответствовали полу покойного.

Самый многочисленный вид находок (не считая бус) – *застежки-сюльгамы* (рис. 2), представляющие собой простые застежки с несомкнутыми концами и с подвижной стержневидной иглой, охватывающей рамку. Опираясь на типологию, предложенную В.И. Вихляевым, А.А. Беговаткиным, О.В. Зеленцовой, В.Н. Шитовым (Вихляев и др., 2008. С. 43), мы разделили находки на группы по материалу и технике изготовления.

К первой группе относятся бронзовые кованые, с округлым в поперечном сечении кольцом, все без орнамента (рис. 2, *1–15*). Часть сюльгам относится к типу 8 (рис. 2, *2, 4–6, 9, 12, 14, 15*), другая часть – к типу 10 (рис. 2, *1, 3, 7, 8, 10, 11, 13*). Пять сюльгам имеют горизонтальные насечки, что является, по всей видимости, особенностью технологии изготовления (рис. 2, *1, 5, 6, 11, 12*). Нижняя часть лопастей одной из сюльгам имеет отверстия и остатки медных колец, использовавшихся для подвешивания других украшений (рис. 2, *12*). Бытование этого типа сюльгам относится ко второй половине XIII–XIV в. (Вихляев и др., 2008. С. 48).

Вторая группа включает в себя бронзовые литые, с округлым в сечении кольцом (рис. 2, *16–30*). Три сюльгамы близки к типу 3 (по В.И. Вихляеву и др.), варианту “а” – без орнамента, только в отличие от типа 3 они плоские, без граней (рис. 2, *22, 23, 26*). Другая часть относится к типу 5. У всех экземпляров этого типа у основания кольца имеется орнаментированный выступ. Орнамент практически не повторяется. Это разные варианты насечек (рис. 2, *16–21, 24, 25, 27–30*) и орнамент в виде округлых углублений (рис. 2, *21*). В одном случае крестовидной насечкой украшена и нижняя часть лопастей (рис. 2, *20*). Данные типы сюльгам, как и предыдущая группа, относятся в ордынскому времени (Вихляев и др., 2008. С. 58).

Третью группу сюльгам представляют шесть экземпляров, изготовленных из серебра или сплава меди с серебром (рис. 2, *31–36*). Все они кованые и орнаментированы, техника орнаментации разнообразна. Это гравировка в сочетании с напайкой растительного и геометрического орнамента (рис. 2, *31, 32, 35*), кручение (рис. 2, *33*), чеканка (рис. 2, *36*). Особенно выделяется экземпляр, изготовленный из высокопробного серебра в технике гравировки, пайки и золочения (рис. 2, *34*). Прямые аналогии данным типам сюльгам находятся в составе инвентаря Муранского могильника, датированного XIV в. (Алихова, 1954. С. 266, 272, 274), Комаровского (Моржерин, 2013. С. 177) и Аткарского (Ляхов, 1997. С. 81) могильников. Только одним экземпляром представлена кольцевидная бронзовая кованая застежка с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами,

Рис. 2. Сюльгамы. *1* – п. 1; *2, 16, 17* – п. 13; *3, 18, 19* – п. 17; *4, 22–24* – п. 25; *5, 25, 32* – п. 27; *6* – п. 28; *7, 8* – п. 39; *10* – п. 37; *20, 21* – п. 22; *31* – п. 15; *33* – п. 37; *9, 11–15, 26–30, 34–36* – из межмогильного пространства. *1–30* – медный сплав; *31–36* – сплав меди с серебром.

Fig. 2. Syulgamas

Рис. 3. Железные предметы. *1–12* – ножи; *13* – косарь; *14–19* – поясные пряжки. *1, 14* – п. 2; *2, 15* – п. 5; *3* – п. 14; *4, 16* – п. 18; *5, 17* – п. 20; *6* – п. 32; *7* – п. 37; *8, 18* – п. 38; *13* – п. 17; *9–12, 19* – из межмогильного пространства.
Fig. 3. Iron objects

не выступающими за ширину поперечного сечения кольца (рис. 2, *27*). Этот тип застежек просуществовал до середины XIII в. (Вихляев и др., 2008. С. 43). В других синхронных могильниках подобный тип сюльгам встречается значительно чаще.

Ножи в Бокинском могильнике представлены 12-ю экз. (рис. 3): 8 из мужских захоронений и 4 из межмогильного пространства. По своему функциональному назначению они относятся к следующим типам: универсальные, 8 экз. (рис. 3, *1–3, 5–7, 9, 10*); столовые, 2 экз. (рис. 3, *11, 12*); 1 экз. предположительно относится к инструментам обработки кожи (рис. 3, *3*); 1 экз. – для обработки дерева (рис. 3, *8*). Один нож был тщательно обработан, имел медное кольцо на перекрестии, а на тыльной части деревянной ручки – костяную набойку (рис. 3, *6*). Подавляющее большинство ножей – с деревянными ручками, только в одном случае в слое могильника найдена костяная рукоять из рога (рис. 4, *9*).

К немногочисленным сельскохозяйственным орудиям относится найденное в погребении 17 ножевидное орудие изогнутой формы (рис. 3, *13*). Оно плохо сохранилось, имеются

Рис. 4. Гребень (*1*), пряслица (*2–8*), рукоять ножа (*9*), кинжал (*10*), накосник-*пулокерь* (*11*). *1, 11* – п. 21; *2* – п. 22; *3, 10* – п. 34; *4–9* – из межмогильного пространства. *1* – дерево; *2–7* – глина; *8–10* – кость; *11* – дерево, кожа, медь.

Fig. 4. Comb (*1*), whorls (*2–8*), knife grip (*9*), dagger (*10*), *puloker* – tubular decorative case for a female plait – (*11*)

две заклепки от накладной рукояти. Можно предположить, что это секач.

Отметим практически полное отсутствие в мужских захоронениях поясной гарнитуры. Только в пяти случаях зафиксированы железные округлые пряжки (рис. 3, *14–18*). В межмогильном пространстве найдена пряжка подпрямоугольной формы (рис. 3, *19*). Эти пряжки больше напоминают элементы конской упряжи. В Комаровском и Аткарском могильниках находки пряжек, считающихся поясными, также единичны.

Бусы в Бокинском могильнике представляют довольно многочисленную категорию находок (рис. 5). Всего в погребениях и межмогильном пространстве найдено 256 бусин, 1 раковина каури и амулеты-подвески из 4-х клыков куницы (рис. 5, *38*), 1-го клыка выдры (рис. 5, *40*), 3-х таранных костей (рис. 5, *41*). Бусины изготовлены из стекла и кашина. Основные типы стеклянных навитых бусин следующие: округлая битрапецоидная, прозрачная синего цвета (рис. 5, *16*); цилиндрическая с накладными нитями стекла, полупрозрачная черного цвета, декор – однократный зигзаг белого цвета (рис. 5, *17*); округлая эллипсоидная, белого цвета (рис. 5, *27*); округлая зонная, черного цвета со спиральным узором, выполненным накладными нитями стекла

Рис. 5. Бусины и подвески. *1* – п. 12; *2–4, 28, 38, 39* – п. 16; *5* – п. 28; *13–15, 41* – п. 27; *23–26* – п. 33; *29–31* – п. 37; *32–37, 46, 47* – п. 39; *40, 42–45* – п. 1; *6–12, 16–22* – из межмогильного пространства. *1–27, 42–47* – стекло; *28–37* – кашин; *38–41* – кость.

Fig. 5. Beads and pendants

желтого цвета (рис. 5, *6*); округлая битрапецоидная, с широким каналом, синего цвета (рис. 5, *7*); округлая зонная, черного цвета со спиральным узором, выполненным накладными нитями стекла белого цвета (рис. 5, *9*); белая, с накладными нитями стекла, декор – многократная линия голубого цвета (рис. 5, *12*).

Отдельные виды стеклянных навитых бусин: две пятнистые зонные, черные непрозрачные, декор многоцветный (рис. 5, *8, 11*); пятнистая бочковидная, черная непрозрачная, декор многоцветный (рис. 5, *10*); округлая шаровидная, синего прозрачного стекла (рис. 5, *1*); округлые зонные, пять – белого цвета, одна – синего и одна – красно-коричневого (рис. 5, *18–21, 25*). Кроме того: бусина эллипсоидная продольно-ребристая, образующая в поперечном сечении розетку (рис. 5, *42*); эллипсоидная черная непрозрачная, декорированная лентой и нитью (рис. 5, *44*); шарообразная непрозрачная (рис. 5, *45*); ребристая битрапецоидная (рис. 5, *43*).

Перечислим остальные виды стеклянных бусин: тип пятнистых, круглых в сечении, зонных, черного цвета с тремя белыми глазками (рис. 5, *2*); две типа многоцветных, орнаментированных, круглых в сечении, зонных, желтого цвета, среднего размера, покрытых белыми спиралями (рис. 5, *3, 4*); две типа навитых, округлых битрапецоидных, одна – голубого цвета (рис. 5, *13*), другая – темно-красного (рис. 5, *15*); из тянутых трубочек лимоновидных по форме, желтых по цвету (рис. 5, *14*). Кроме того: округлая в сечении, черного цвета с белым спиральным узором (рис. 5, *5*); две типа навитых, округлых зонных, белого цвета (рис. 5, *25, 26*); навитая, округлая эллипсоидная (рис. 5, *24*); эллипсоидная крупная, белая, украшенная спиралью зеленого (голубого) цвета (рис. 5, *23*). Еще две бусины относятся к типу навитых пятнистых, цвет основы – синий: одна бело-коричневая, другая – сине-белая; обе сильно расстеклованы, т.е. стекло бусин подверглось выщелачиванию (рис. 5, *46, 47*).

Кашинных бусин найдено 10 экз. Как считает Ю.М. Лесман, поступление кашинных бус на Русь происходило в промежутке между 1238 и 1269 гг., их массовое появление и быстрый (в течение менее столетия) почти полный выход

Рис. 6. Топоры (*1–4*), наконечники стрел (*5–10*), кресала (*11–19*). *1, 14* – п. 20; *2, 12* – п. 24; *3* – п. 35; *5–7* – п. 29; *11* – п. 5; *13* – п. 38; *15* – п. 32; *16* – п. 31; *17* – п. 18; *18* – п. 14; *19* – п. 42. *4, 8–10* – из межмогильного пространства. Железо.

Fig. 6. Axes (*1–4*), arrowheads (*5–10*), fire-steels (*11–19*)

из обихода позволяет предполагать их разовое поступление (Лесман, 1994. С. 191). Они относятся к следующим типам (Лесман, 1994. С. 187). Две бусины голубого цвета (рис. 5, *28, 32*), фигурные с ободками-валиками вокруг отверстия и наклонными решетчато пересекающимися насечками по полю (тип 6). Ближайшая аналогия этим бусинам происходит

из погребения 44 Аткарского могильника XII–XIV вв. (Ляхов, 1997. С. 96). Две ребристые (тип 4) (рис. 5, *33, 37*), одна фигурная с валиками вокруг отверстия и насечками по полю – наклонными и поперечными (рис. 5, *36*), но не образующими правильной решетки (тип 5). Одна бусина с валиками-обводками вокруг отверстия сине-голубого цвета и белыми пятнами (рис. 5, *30*) и две крупные в виде вытянутого эллипса бело-голубого цвета (рис. 5, *29, 31*). Этот тип представлен в основном в могильниках Поволжья. Еще две бусины фигурные с ободками-валиками вокруг отверстия и с бугорками на поверхности (рис. 5, *34, 35*) не описаны в указанной выше типологии Ю.М. Лесмана.

Немногочисленны находки *пряслиц* (рис. 4, *2–8*). Две – из погребений, четыре – вне их и одно происходит из явно переотложенного захоронения. Шесть пряслиц глиняные, хорошо выделанные, заглаженные, имитируют шиферные, из них пять биконических (рис. 4, *2–4, 6, 7*), одно цилиндрическое (рис. 4, *5*). Уникально биконическое пряслице, изготовленное из кости (рис. 4, *8*).

Впервые в регионе найден деревянный (самшитовый) *гребень* (рис. 4, *1*), относящийся к типу двусторонних прямоугольных, украшенных циркульным орнаментом. В Новгороде этот тип гребней бытовал с начала XIII по первую половину XV в. (Колчин, 1982. С. 162).

Необычная находка – *костяной кинжал* (рис. 4, *10*) из женского погребения 34. Он изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости ноги крупного копытного животного. Одна из кромок заострена, поверхность заполирована. Длина кинжала – 28 см, ширина – 3.

Типичное мокшанское женское украшение того времени – *пулокери-накосники* двух типов (Беляев и др., 1998. С. 11). В Бокинском могильнике пулокери найдены в четырех погребениях и один экз. – в межмогильном пространстве. Все относятся к первому типу (по Я.В. Беляеву и др.), у которых основа в виде деревянных сложенных в виде трубки и сужающихся к концу палочек, внутри которых содержатся волосы. Палочки обмотаны ремешком плотно, виток к витку. В свою очередь ремешок обмотан тонкой бронзовой проволокой, так же плотно. Подобный тип пулокерей, по мнению А.Е. Алиховой, типичен именно для XIV в. (1954. С. 272).

Топоры представлены четырьмя экз. (рис. 6, *1–4*). Первые два относятся к типу рабочих, проушных, имеют округлые обух и обушное отверстие диаметром 3.5 см. Общая длина топоров – 20 и 19.5 см, ширина лезвия – 6.5 и 7 соответственно (рис. 6, *1, 2*). Третий относится к типу VI бородовидных с оттянутым книзу лезвием и двумя парами боковых щекавиц (рис. 6, *3*). Топор имеет округлые обух и обушное отверстие диаметром 3.4 см. Общая длина топора – 19.6 см, ширина лезвия – 6 (часть лезвия утрачена). Наибольшее распространение этот тип получил в XI–XII вв. в Восточной Европе (Кирпичников, 1966. С. 38). Четвертый, относящийся к типу VIIIA по А.Н. Кирпичникову, – боевой, с отверстием на лезвии; такие топоры типичны для XII–XIV вв. (Кирпичников, 1966. С. 40). Обушное отверстие овальное, длина топора – 16.2 см, ширина лезвия – 9.

Наконечники стрел. Два наконечника в плохом состоянии, лавролистные (рис. 6, *5, 6*) – тип 63 по А.Ф. Медведеву, время употребления которых – период с рубежа эр по позднее средневековье (Медведев, 1966. С. 74). Третий (рис. 6, *7*) треугольный (тип 37), VIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 62). Четвертый (рис. 6, *8*) относится к типу 67 по А.Ф. Медведеву – срезни в виде узкой вытянутой лопаточки, типичны для XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 75). Пятый (рис. 6, *9*) относится к типу 66 по А.Ф. Медведеву – веслообразные без упора, типичны для XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 75). Шестой (рис. 6, *10*) относится к типу 78 по А.Ф. Медведеву – ланцетовидные ромбического сечения, вариант 2, типичны для XIII–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 79, 80).

В погребениях могильника найдено девять *кресал* (рис. 6, *11–19*) и обломок одного в межмогильном пространстве. Наиболее ранние – три калачевидных кресала, одно без язычка (рис. 6, *11*) и два со слабо выраженным треугольным язычком (рис. 6, *12, 13*), сечение прямоугольное. Остальные кресала овальные, двулезвийные, с овальной прорезью. Сечение как овальное, так и круглое. Четыре орудия относятся к типу овальных коротких (рис. 6, *14, 16, 17, 19*) и два – к типу овальных длинных (рис. 6, *15, 18*).

В погребениях и вне их найдено шесть *перстней* (рис. 7). Три – из женских захоронений (рис. 7, *1, 3, 4*), один – из мужского (рис. 7, *2*) и два – из межмогильного пространства (рис. 7, *5, 6*).

Рис. 7. Украшения. *1–6* – перстни; *7, 8* – височные кольца; *9* – кольцевидная застежка; *10* – браслет. 1 – п. 8; *2* – п. 38; *3, 4* – п. 39; *7–9* – п. 27; *10* – п. 28; *5, 6* – из межмогильного пространства. *1, 4* – серебро, чернение, позолота; *3* – серебро, стекло, перламутр; *5* – серебро; *6* – медный сплав, стекло; *7–10* – медный сплав.

Fig. 7. Ornaments

Два перстня (серебряные с чернью и позолотой) по своему происхождению относятся к кругу украшений Волжской Булгарии. Перстни пластинчатые широкосерединные, с замкнутыми концами. Шинка в одном случае сегментовидная в сечении, в другом случае прямоугольная. Щиток прямоугольный (рис. 7, *1*) и квадратный (рис. 7, *4*). Орнамент в виде розеток геометрического характера нанесен методом гравировки. Щитковый пластинчатый перстень из мужского захоронения изготовлен из бронзы, является подражанием булгарским типам. Щиток прямоугольный без рисунка (рис. 7, *2*). К подражаниям относится перстень, найденный в межмогильном пространстве, – серебряный, щиток подквадратной формы, на нем рисунок в виде косого креста, заключенного в квадрат, нанесен методом гравировки (рис. 7, *5*). Шинка перстня в поперечном разрезе подквадратной формы, спаяна в нижней части.

Уникален перстень из женского захоронения 39 – серебряный со стеклянной вставкой в жуковине, под стекло подложен кусочек перламутровой раковины, под перламутром – глина для придания перстню прочности (рис. 7, *3*). Очень близкая аналогия из Жинвальского могильника Накалакари Восточной Грузии датируется XI–XIV вв. (Крым..., 2003. С. 410. Табл. 126, *6*). В межмогильном пространстве найден экземпляр из медного сплава. Перстень щитковый, на щиток прикреплен полупрозрачный камень красно-коричневого цвета, плоско-выпуклой формы. Возможно, это стекло, оно сильно коррозировалось и имеет желтый отлив (рис. 7, *6*). Крепление вставки остается неясным, возможно, она была просто приклеена.

Височные кольца представлены только одной парой. Это медные перстнеобразные проволочные изделия с несомкнутыми концами, округлые в сечении (рис. 7, *7, 8*). Этот тип широко известен в Северной Руси X–XIII вв., в слое Новгорода Великого – до XV в. включительно (Седова, 1981. С. 13). Возможно

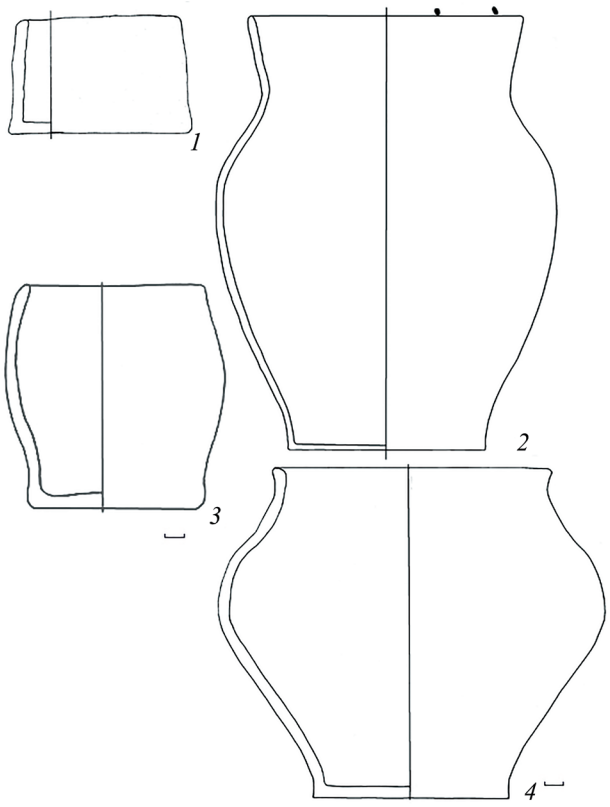


Рис. 8. Глиняная посуда. *1* – п. 1; *2* – п. 8; *3* – из межмогильного пространства; *4* – п. 23.

Fig. 8. Pottery

кольца из Бокинского могильника использовались как серьги.

Также одним экземпляром представлен *браслет* – медный пластинчатый равноширокий, со скругленными концами. Внешняя сторона середины и края украшены крестообразными насечками (рис. 7, *10*). В слое Новгорода близкие по типу браслеты датированы XII–XIV вв. (Седова, 1981. С. 103–106).

Посуда. Всего в погребениях и вне их найдено четыре сосуда. Отметим, что на синхронных памятниках находки глиняной посуды также единичны. Погребение 1 – сосуд-стакан, по форме близкий к кружке, с вертикальными стенками, верхний край несколько загнут внутрь, дно с выраженной закраиной. Тесто плотное, хорошо обожженное с незначительной добавкой шамота среднего размера (рис. 8, *1*). Прямой аналогии сосуда найти не удалось. Близки ему усеченно-конические бокалы, однако такая посуда выходит из употребления в XI в. (Гришаков, 1990. С. 38).

Погребение 8 – сосуд плохой сохранности из-за некачественного обжига. Это горшок с плавно профилированным туловом, расширенным в верхней части, шейка несколько вытянута. Тесто рыхлое, без добавок, край венчика украшен широкими редкими насечками (рис. 8, *2*). По всей видимости, сосуд изготовлен непосредственно для ритуала погребения. Близкие по форме сосуды в Поценье вышли из употребления в XI в. (Гришаков, 1990. С. 33). В материалах Муранского могильника имеются близкие формы (Алихова, 1954. С. 287). Возможно, что эта форма сосуда сложилась под влиянием древнерусской гончарной традиции (Тропин, 2004. С. 133).

Погребение 23 – горшок со стройным усеченно-коническим туловом, плавно выраженными плечиками и несколько раструбообразным горлом. Сосуд плохой сохранности из-за плохого обжига. Тесто рыхлое, без добавок (рис. 8, *4*). Подобная керамика на Верхней и Средней Цне исчезает еще в VIII в. (Гришаков, 1990. С. 36). Однако в Муранском могильнике этот тип доживает до XIV в. По всей видимости, сосуд изготовлен непосредственно для ритуала погребения.

Вне погребений найден сосуд 4. По форме это закрытая банка, тесто плотное, с добавлением мелкого шамота, обжиг хороший (рис. 8, *3*). Среди среднецнинской керамики этот тип сосудов отсутствует, но довольно распространен в погребениях XIII в. Кельгининского могильника (Беляев и др., 1998. С. 165) и XIII–XIV вв. Муранского могильника (Алихова, 1954. С. 285, 286).

Проведенные археологические исследования позволили изучить значительную часть древнемордовского некрополя. Опираясь на аналогии особенностей погребального обряда, типов инвентаря из могил и межмогильного пространства, можно утверждать, что Бокинский могильник принадлежал мордве-мокше, проживавшей в непосредственной близости от этого места во второй половине XIII – третьей четверти XIV в. На сегодняшний день данный памятник – крайний юго-восточный объект такого рода и единственный на территории Тамбовской обл.

К сожалению, значительная его часть оказалась разрушена или ограблена. Это не позволяет в полной мере охарактеризовать основные занятия населения, хоронившего здесь своих умерших. Из 42 погребений 3 – захоронения черепов; 3 костяка ориентированы строго в южном направлении, 1 – в юго-западном, 35 – в юго-восточном. Особенность могильника – отсутствие впущенных в материк

захоронений, т.е. все совершены в черноземном слое. Планиграфия погребений позволяет предположить наличие семейных участков.

Из 11 известных на сегодняшний день могильников среднецнинской мордвы все прекращают функционировать на рубеже XI–XII вв. (Материалы..., 1952; Материальная культура..., 1969; Воронина, 2007; Андреев, 2008а, б). Как считает Г.Н. Белорыбкин (2003), в XII–начале XIII в. произошли крупные изменения в Мокшанско-Цнинской группе мордовских памятников. Территория их распространения резко сокращается, а южная граница сдвигается севернее и тянется уже от среднего течения р. Выша до р. Мокша. Пока нет абсолютно достоверных фактов, позволяющих определить причины исчезновения большой группы мордовских памятников на р. Цна. Возможно, это результат половецкого нашествия, что привело к уничтожению населения или следствие присоединения этих земель к Рязанскому княжеству и ассимиляции населения. Нет никаких следов его миграции. При этом количество памятников мордвы в Примокшанье сокращается (Белорыбкин, 2003. С. 40).

Таким образом, причина появления мордовского населения, не имеющего генетической связи с жившей ранее мордвой в верховьях Цны, пока остается не выясненной. Появление этого населения происходит после установления ордынского контроля, при том, что данная территория пограничная между Рязанским княжеством и улусом Мохши Золотой Орды. Возможно, этот памятник является одним из тех, что отражают феномен того времени – масштабные переселения в глубь ордынских земель многочисленного населения, в основном мордовского.

Известен ряд памятников подобного рода: Муранский могильник и селище в Самарской обл. (Алихова, 1954), Комаровский (Моржерин, 2013) и Аткарский могильники в Саратовской обл. (Монахов, 1991; Ляхов, 1997), Барбашинский могильник на территории Самары (Сташенков, 2014. С. 326) и др. Перечисленные погребальные памятники близки между собой не только по времени, но и по обряду захоронения и вещевому комплексу.

Одно выделяет рассмотренный Бокинский могильник – он находится на территории Рязанского княжества, кроме того, примерно в 0.6 км к югу от могильника располагается обширное (до 20 га) древнерусское селище того же времени (Андреев, 2013. С. 93). Генетически близки по обряду и предметам Бокинскому могильнику погребальные памятники низовий Цны и Мокши, т.е. северного ареала мокши: это захоронения XIII в. Кельгининского могильника (Беляев и др., 1998); Старосотенский могильник (Алихова, 1948. С. 212), Долгоруковский могильник XIV в. (Беляев, Шитов, 1990. С. 92). Можно предположить, что в середине XIII в. группа мордовского населения с территории низовий Цны была принудительно переселена в верховья этой реки. Цель переселения остается неясной. Уход населения (как мордовского, так и русского) связан, по всей видимости, с прекращением стабильности в Орде, т.е. произошел в конце XIV в.

Сплошные разведки, проведенные в верховьях Цны и ее притоках (реки Лесная, Тамбов, Нару-Тамбов, Липовица, Кориан, Сява, Челновая), показали отсутствие на этой территории мордовских поселений вплоть до второй половины XVI в., что подтверждается находками типичных для этого времени украшений и некоторых других предметов (Андреев, 2002, 2003), при этом памятники XV–первой половины XVI в. отсутствуют полностью. Продвижение мордовского населения, судя по всему, происходило с севера на юг. Крайняя южная точка этого продвижения – поселения у с. Малиновка (30 км севернее Тамбова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск, 1948. С. 212–258.

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 42). С. 260–301.

Андреев С.И. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2001 году // Архив ИА РАН. 2002. Р-1. № 23469.

Андреев С.И. Отчет о работе археологической экспедиции Инспекции охраны историко-культурного наследия Тамбовской области в 2002 году // Архив ИА РАН. 2003. Р-1. № 24935.

Андреев С.И. На юго-восточном рубеже Древней Руси. Этнополитическая история населения Окско-Донской равнины в XII–XV вв. Тамбов, 2008а. 340 с.

Андреев С.И. О времени освоения древнерусским населением верховьев реки Цна (Тамбовская область) // Труды II (XVIII) Всероссийского

археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008б. С. 308–311.

Андреев С.И. Никольское городище. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2013. 215 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 2003. 200 с.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск: Красный Октябрь, 1998. 168 с.

Беляев Я.В., Шитов В.Н. Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. II. Пенза: Приволжское кн. изд-во, 1990. С. 92–95.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2008. 352 с.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: ИА РАН, 2007. 164 с.

Гришаков В.В. Керамика Среднецнинской мордвы // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990 (Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР; вып. 99). С. 32–46.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, кистени, булавы IX–XIII вв. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Е1-36). 191 с.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003 (Археология). 533 с.

Лесман Ю.М. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения: материалы конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рожд. основателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского (1992 г.) / Ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. Новгород, 1994. С. 187–193.

Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования. Вып. 2 (1996). Саратов, 1997. С. 79–97.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Моршанск, 1952. 232 с.

Материальная культура Среднецнинской мордвы VIII–XI вв. / Ред. А.П. Смирнов. Саранск, 1969. 176 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; вып. Е1-36). 181 с.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология восточно-европейской степи. Вып. 2. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1991. С. 167–188.

Моржерин К.Ю. Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. Саратов: Науч. книга, 2013. С. 140–179.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3. С. 326–329.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 264 с.

THE BOKINO MEDIEVAL MORDVIN CEMETERY

Sergey I. Andreev

G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

E-mail: ioptambov@mail.ru

The article is focused on the results of studying of a ground cemetery in the outskirts of the village of Bokino (Tambov Region). 42 burials were identified: 19 female (of which four were children's), 21 male (one children's among them) ones; at least two more female burials had been destroyed. Among those burials, 35 had a southeast orientation, three were oriented strictly south, one – southwest. Men were buried stretched on their backs; the position of their hands is different: they are crossed on the stomach, extended along the body, or one laying on the stomach, the other along the body. Women were inhumated on the right side, there is only one case of the body on the left

one; legs were tightened, arms bent so that palms were placed in front of the face. Individual skulls were also identified. Mapping of burials suggests the presence of family areas at the cemetery.

Based on the analogy of the funeral rite peculiarities and the types of various inventory, it can be argued that the cemetery belonged to the Mordvin Moksha, who lived in the immediate vicinity of that location in the second half of the 13th–the third quarter of the 14th century. The Bokino cemetery is the only site of this kind in the territory of Tambov Region. The reason for the appearance of the Mordvinian population in the upper Tsna region, who did not have a genetic connection with the preceding population, remains unclear. At present, two sites of the same period have been studied in the region at which Russians and Mordvins lived together, with the former significantly outnumbering. The departure of the population from the region is associated with the end of stability period in the Horde in the late 14th century.

Keywords: Tambov Region, medieval sites, the Tsna Mordvins, cemetery, funeral rite.

REFERENCES

Alikhova A.E., 1948. The Staraya Sotnya cemetery. *Arkheologicheskiy sbornik [Collected articles in archaeology]*, 1. Saransk, pp. 212–258. (In Russ.)

Alikhova A.E., 1954. The Muranka cemetery and settlement. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceed. of the Kuibyshev archaeological expedition]*, I. Moscow: Izd. AN SSSR, pp. 260–301. (MIA, 42). (In Russ.)

Andreyev S.I. Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Inspektsii okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya Tambovskoy oblasti v 2001 godu [Report on the activities of the archaeological expedition of the Inspection for the Protection of Historical and Cultural Heritage of Tambov Region in 2001]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]*, 2002, R-1, № 23469. (Unpublished)

Andreyev S.I. Otchet o rabote arkheologicheskoy ekspeditsii Inspektsii okhrany istoriko-kul'turnogo naslediya Tambovskoy oblasti v 2002 godu [Report on the activities of the archaeological expedition of the Inspection for the Protection of Historical and Cultural Heritage of Tambov Region in 2002]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]*, 2003, R-1, № 24935. (Unpublished)

Andreyev S.I., 2008a. Na yugo-vostochnom rubezhe Drevney Rusi. Etnopoliticheskaya istoriya naseleniya Oksko-Donskoy ravniny v XII–XV vv. [On the southeastern boundary of Rus. Ethnopolitical history of the Oka–Don plain population in the 12th–15th centuries]. Tambov. 340 p.

Andreyev S.I., 2008b. The time of settling the upper reaches of the Tsna River (Tambov Region) by the Rus population. *Trudy II (XVIII) Vseross. arkheologicheskogo s"yezda v Suzdale [Works of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]*, II. Moscow: IA RAN, pp. 308–311. (In Russ.)

Andreyev S.I., 2013. Nikol'skoye gorodishche [The fortified settlement of Nikolskoye]. Tambov: TGU. 215 p.

Belorybkin G.N., 2003. Zapadnoye Povolzh'ye v sredniye veka [The West Volga region in the Middle Ages]. Penza: Izd. PGPU. 200 p.

Belyayev Ya.V., Shitov V.N., 1990. The 14th century Mordvin cemetery near the village of Dolgorukovo. *Iz istorii oblasti. Ocherki krayevedov [From the history of the region. Studies of local lore experts]*, II. Penza: Privolzh. kn. izd., pp. 92–95. (In Russ.)

Belyayev Ya.V., Vikhlyayev V.I., Zelentsova O.V., Shitov V.N., 1998. Kel'gininskiy mogil'nik. Raskopki 1990-kh gg. [The Kelginino cemetery. Excavations of the 1990s]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. 168 p.

Grishakov V.V., 1990. Pottery of the Mordvins of the Middle Tsna region. Srednevekovyye pamyatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ya [Medieval sites of the Oka-Sura interfluve]. Saransk, pp. 32–46. (Trudy NIIYaLIE pri Sov. Min. Mord. ASSR, 99). (In Russ.)

Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoye oruzhiye [Weapon of Rus], 2. Kop'ya, sulitsy, boyevyye topory, kisteni, bulavy IX–XIII vv. [Spears, darts, battle axes, slung shots, and maces of the 9th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. 191 p. (SAI, E1-36).

Kolchin B.A., 1982. The chronology of Novgorod antiquities. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collected articles. 50 years of the excavations in Novgorod]*. Moscow: Nauka, pp. 156–177. (In Russ.)

Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka [The Crimea, North-Eastern Pontic region and Transcaucasia in the Middle Ages: the 4th–13th centuries]. T.I. Makarova, S.A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, 2003. 533 p. (Arkheologiya).

Lesman Yu.M., 1994. Kashi beads in the Novgorod land: materials for the study of the Russian-Horde ties. *Novgorodskiye arkheologicheskiye chteniya: materialy konf., posv. 60-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda i 90-letiyu so dnya rozhd. osnovatelya Novgorodskoy arkheol. ekspeditsii A.V. Artsikhovskogo [Novgorod archaeological readings: Proceed. of the conference to the 60th anniv. of the archaeological studying of Novgorod and the 90th anniv. of the founder of the Novgorod archaeological expedition*

A.V. Artsikhovsky] (1992). V.L. Yanin, P.G. Gaydukov, eds. Novgorod, pp. 187–193. (In Russ.)

Lyakhov S.V., 1997. Investigations of the Atkarsk ground cemetery of the 12th–14th centuries Mordvins in 1996. *Arkheologicheskoye naslediye Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya [Archaeological heritage of Saratov Region. Protection and Research]*, 2 (1996). Saratov, pp. 79–97. (In Russ.)

Material'naya kul'tura Srednetsninskoy mordvy VIII–XI vv. [Material culture of the Mordvins of the Middle Tsna region in the 8th–11th centuries]. A.P. Smirnov, ed. Saransk, 1969. 176 p.

Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. [Materials on the history of the Mordvins of the 8th–11th centuries]. A.P. Smirnov, ed. Morshansk, 1952. 232 p.

Medvedev A.F., 1966. Ruchnoye metatel'noye oruzhiye. Luk i strely, samostrel. VIII–XIV vv. [Hand throwing weapon. Bow and arrow, crossbow. The 8th–14th centuries]. Moscow: Nauka. 181 p. (SAI, E1-36).

Monakhov S.Yu., 1991. New studies of the Atkarsk ground cemetery. *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi [Archaeology of East European Steppe]*, 2. Saratov: Izd. SGU, pp. 167–188. (In Russ.)

Morzherin K.Yu., 2013. The Komarovka cemetery. *Arkheologicheskoye naslediye Saratovskogo kraya [Archaeological heritage of Saratov Region]*, 11. Saratov: Nauch. kniga, pp. 140–179. (In Russ.)

Sedova M.V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (the 10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 196 p.

Stashenkov D.A., 2014. Barbashina burial ground in the city of Samara: some research results and prospects. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences]*, vol. 16, no. 3, pp. 326–329. (In Russ.)

Tropin N.A., 2004. Sel'skiye poseleniya XII–XV vekov yuzhnykh territoriy Ryazanskoy zemli [Rural settlements of the 12th–15th centuries in the southern area of the Ryazan land]. Voronezh: Izd. Voronezh. univ. 264 p.

Vikhlyayev V.I., Begovatkin A.A., Zelentsova O.V., Shitov V.N., 2008. Khronologiya mogil'nikov naseleniya I–XIV vv. zapadnoy chasti Srednego Povolzh'ya [The chronology of cemeteries of the 1st–14th centuries population in the western part of the Middle Volga region]. Saransk: MGU. 352 p.

Voronina R.F., 2007. Lyadinskiye drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX – nachalo XI veka. Po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983–1985 godov [Lyada antiquities. From the history of Mordvins- Moksha. The late 9th–the early 11th century. Based on materials from the Tsna archaeological expedition of 1983–1985]. Moscow: IA RAN. 164 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 167–176

ПЕРЕКРЕСТИЕ МЕЧА ИЗ РАСКОПА НА УЛ. БОЛЬШАЯ МОСКОВСКАЯ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

© 2020 г. С.Ю. Каинов[1,*], О.М. Олейников[2,**]

[1]Государственный исторический музей, Москва, Россия
[2]Институт археологии РАН, Москва, Россия

[*]E-mail: skainov@mail.ru
[**]E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.05.2019 г.

В Великом Новгороде в 2014 г. на раскопе (ул. Большая Московская, 30) найдены тысячи разнообразных предметов XI–XIX вв. На территории усадьбы выявлена подпольная яма прямоугольной в плане формы размерами 200 × 120 см, углубленная в слой на 150 см. Стены ямы выложены широкими плахами, которые вставлялись в пазы бревен, расположенных по углам ямы. По результатам дендрохронологического анализа это сооружение было построено в 1188 г. и просуществовало до начала XIII в. В заполнении данного подполья среди предметов, в том числе и западноевропейского производства, обнаружено перекрестие меча, которое вписывается в представительную серию предметов вооружения, украшенных серебряной насечкой в виде спиралей и пальметт, найденных в большинстве своем на территории Финляндии и Карелии. Узкая датировка археологического контекста находки важна для определения хронологии бытования мечей, украшенных подобным образом.

Ключевые слова: Новгород, начало XIII в., перекрестие меча, инкрустация предметов вооружения.

DOI: 10.31857/S086960630009080-7

Каждый год раскопки в Великом Новгороде приносят удивительные находки. Исследования в полевом сезоне 2014 г. не были исключением. В ходе работ Новгородской археологической экспедиции ИА РАН на раскопе, расположенном на месте строительства дома по адресу ул. Большая Московская, 30, было обнаружено около 8000 находок XI–XIX вв., характеризующих уклад жизни и социальный статус населения этой территории (Гайдуков и др., 2015). Раскоп площадью 350 м^2 располагался в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода (рис. 1). Мощность исследованных слоев, датируемых XI–XX вв., достигает 6.5 м. На раскопе прослежены части четырех усадеб, прилегающих к ул. Рогатица и ул. Буяна. Хозяйственные и жилые постройки на усадьбах примыкали к частокольным оградам, образуя внутренний двор. На территории усадьбы, которая выходила своей южной стороной на ул. Буяна, обнаружена подпольная яма прямоугольной формы размерами 200 × 120 см, углубленная в слой на 150 см (рис. 2). Стены ямы выложены широкими плахами, которые вставлялись в пазы бревен, расположенных по углам ямы. Плахи уложены и на полу ямы. По результатам дендрохронологического анализа это сооружение было построено в 1188 г.[1] и просуществовало до начала XIII в. После мора 1216 г. данная территория Новгорода запустела и использовалась под огороды. Подполье было засыпано. Усадебная застройка в этой части города возобновилась только в 40-е годы XIII в. Таким образом, формирование придонного заполнения ямы можно с большой долей вероятности отнести к началу XIII в.

На дне подпольной ямы обнаружено много находок, среди которых следует отметить четыре ключа. Три из них, украшенные инкрустацией белого металла, предназначены для навесных замков (рис. 3, *1–3*), два из которых по типологии Б.А. Колчина принадлежат к поздним модификациям типа А, датируются XII–серединой XIII в. (рис. 3, *1, 2*), третий –

[1] Дендрохронологический анализ образцов строительного дерева был выполнен к.и.н. О.А. Тарабардиной в лаборатории дендрохронологии Центра по организации археологических исследований при Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике.

Рис. 1. Ситуационный план раскопов в Великом Новгороде. Условные обозначения: *а* – древние улицы; *б* – современные улицы; *в* – археологические раскопы.

Fig. 1. The situational plan of excavations in Veliky Novgorod

к варианту 2 типа В, распространенному в XIII–конце XIV в. (рис. 3, *3*)[2]. Еще один – небольшой ключ с Т-образной плоской лопастью (рис. 3, *4*) – не представлен в типологии Б.А. Колчина. Подобные ключи относятся к сундучным замкам и крайне редко встречаются в археологических материалах Новгорода XII– первой половины XIII в. (Хорошев, 1997. С. 251. Табл. 5, *7, 8*; Кудрявцев, 2012. С. 121, 122. Рис. 3), зато массово представлены в североевропейских городах (Herrmann, 2005. P. 81, 88).

Помимо ключей на дне ямы найден массивный топор с вытянутой прямоугольной формой обуха (рис. 3, *5*). Большое количество таких топоров найдено в Польше. М. Глосек отнес их к типу IX и датировал концом XIII–XV в. (Glosek, 1996. P. 40–42). По любезному сообщению П. Котовича, один из польских топоров типа IX, найденный на городище Звиняж (Zwiniarz), по мнению авторов раскопок, относится к рубежу XII–XIII вв.[3] (Grążawski et al., 2007. Rys. 6, *10*).

Наиболее примечательной находкой, сделанной на полу подпольной ямы, является целое

[2] Благодарим А.А. Кудрявцева за ценные консультации.

[3] Тем не менее необходимо отметить, что наиболее близкие аналогии новгородскому топору датируются XIII–XV вв. (например: Jodłowski, 1971. Rys. 5, *a*; Kola, 2003. P. 283. Rys. 4, *18*). Благодарим П. Котовича за помощь в поиске аналогий.

Рис. 2. Великий Новгород. Раскоп на ул. Б. Московская, 30. Участок № 4. Подпольная яма конца XII – начала XIII в. Вид с севера. Фото О.М. Олейникова.

Fig. 2. Veliky Novgorod. Excavation site in B. Moskovskaya street, 30. Lot No. 4. Underground pit of the late 12th–early 13th century. View from the north. Photo by O.M. Oleynikov

перекрестие меча[4] (рис. 4). Оно представляет собой сложнопрофилированный стержень, изготовленный методом ковки с последующей слесарной обработкой. В центральной части расположены расширения в виде двух плоских овальных щитков, размерами 24 × 28 мм. Окончания перекрестия оформлены в виде шаровидных расширений диаметром 15–16 мм. Такие же расширения (диаметром 17–19 мм) расположены по центру каждой перекладины перекрестия.

Центральные щитки ограничивают с двух сторон отверстие прямоугольной формы, размерами 8 × 30 мм, предназначенное для черена клинка. Со стороны перекрестия, обращенной к клинку, расположена выборка ладьевидной формы длиной 68 мм, куда помещалось основание клинка.

Общая длина перекрестия – 185 мм, толщина в центральной части – 16, высота в центральной части – 24. Вес 175 г.

На поверхности перекрестия фрагментарно сохранился декоративный слой из белого металла (рис. 4; 5, *1, 2*). Покрытие (проволочки) набито на специально подготовленную поверхность, испещренную тонкими канавками, нанесенными в двух направлениях (рис. 5, *3*).

Рис. 3. Находки из заполнения подпольной ямы конца XII – начала XIII в. *1, 2* – ключи поздней модификации типа А (по Б.А. Колчину); *3* – ключ варианта 2 типа В (по Б.А. Колчину); *4* – ключ с Т-образной плоской лопастью; *5* – массивный топор с вытянутой прямоугольной формой обуха. Железо.

Fig. 3. Finds from filling of the underground pit of the late 12th–early 13th century. Iron

[4] Паспорт находки: участок 4, № 928. Кв. Д-9, гл. -573 см.

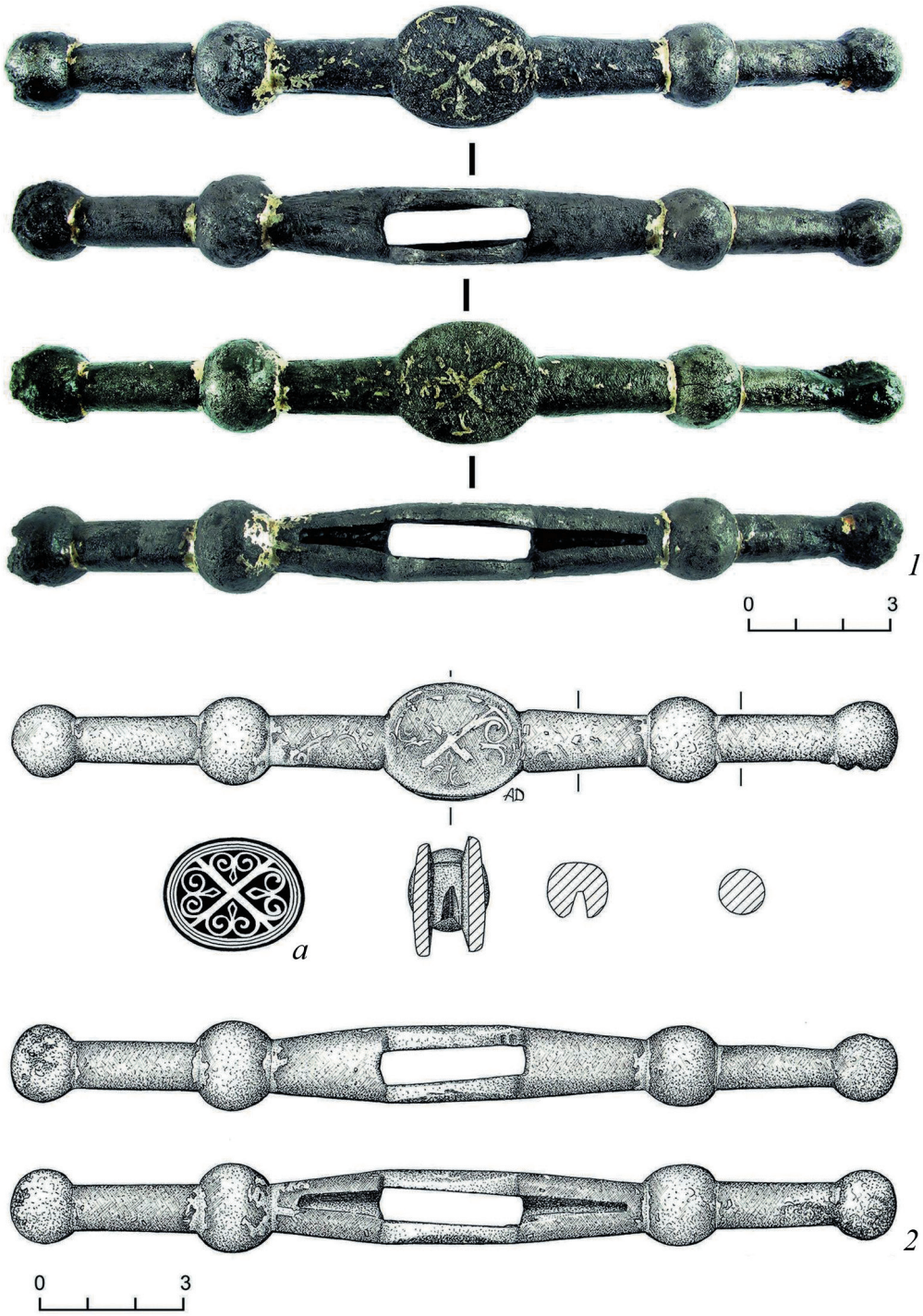


Рис. 4. Перекрестие меча из Великого Новгорода. Железо, серебро, золото. *1* – фотография перекрестия после реставрации; *2* – прорисовка перекрестия: *а* – реконструкция орнамента на центральных овальных медальонах. Фото М.П. Гайдукова, прорисовка А.С. Дементьева.

Fig. 4. A sword guard from Veliky Novgorod. Iron, silver, gold. Photo by M.P. Gaydukov, drawing by A.S. Dementyev

На центральных овальных медальонах инкрустация формирует узор в виде симметричной композиции из четырех пальметт, вписанных между перекладинами косого креста (рис. 4, *2а;* 5, *2*). Орнаментация, судя по фрагментарно сохранившемуся серебряному покрытию и подготовленной поверхности, располагалась как на перекладинах, так и на шаровидных

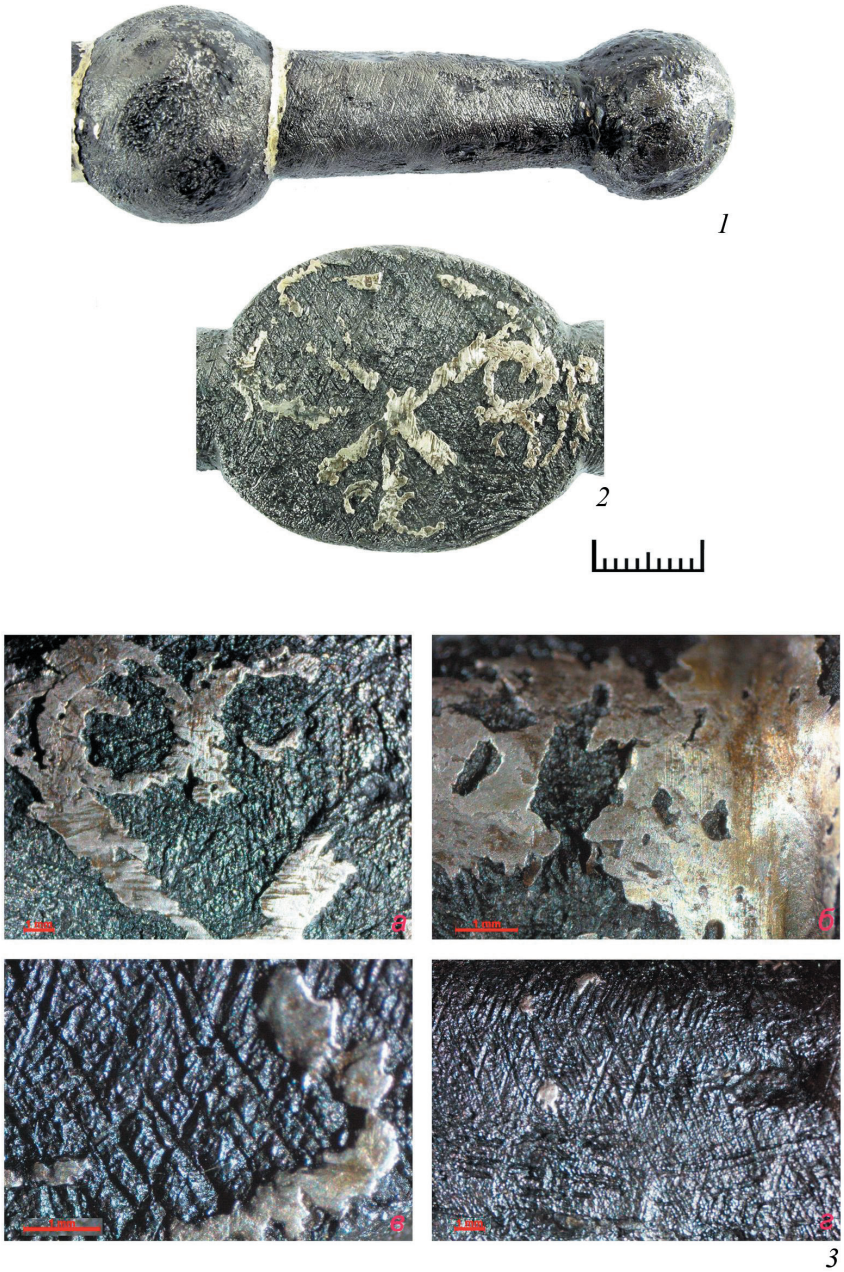


Рис. 5. Детали перекрестия меча из Великого Новгорода. *1* — боковая перекладина; *2* — центральный медальон; *3*: *а* — инкрустация на центральном медальоне; *б* — инкрустация с остатками позолоты на перекладине; *в* — насеченная под инкрустацию поверхность центрального медальона; *г* — насеченная под инкрустацию поверхность перекладины.

Fig. 5. Details of the sword guard from Veliky Novgorod

расширениях (рис. 5, *1*). Характер рисунка ввиду плохой сохранности неясен, предположительно на перекладинах был нанесен спиралевидный орнамент.

Рентгенофлуоресцентный анализ элементного состава покрытия выявил, что оно изготовлено из серебра[5] (таблица). Во всех пробах фиксируется значительное количество золота. Особенно высокие показатели (38%) отмечены в углубленных частях при переходе от шаровидных расширений к перекладинам (проба № 1). Эти зоны наименее подвержены контакту с другими поверхностями, что позволило избежать истирания покрытия. Именно здесь хорошо сохранился слой позолоты, который заметен даже визуально. Присутствие во всех пробах значительного количества ртути

[5] Анализы выполнены с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral.

Элементный состав (%) инкрустированной поверхности перекрестия меча (метод РФА)

The elemental composition (%) of the inlaid surface of the sword guard (by XRD method)

Анализируемая область покрытия	Ag	Au	Hg	Cu	Pb	Zn	Mn	Sn	Bi	As	N
№ 1. Основание шаровидного расширения	39.91	38.0	20.26	0.82	0.27	0.23	0.23	0.1	0.04	0.08	0.07
№ 2. Перекладина	60.99	10.26	25.83	1.55	0.53	0.25	0.34	–	0.08	0.08	0.09
№ 3. Центральный медальон	75.96	3.18	18.56	1.63	0.39	0.14	–	0.03	0.05	0.04	–

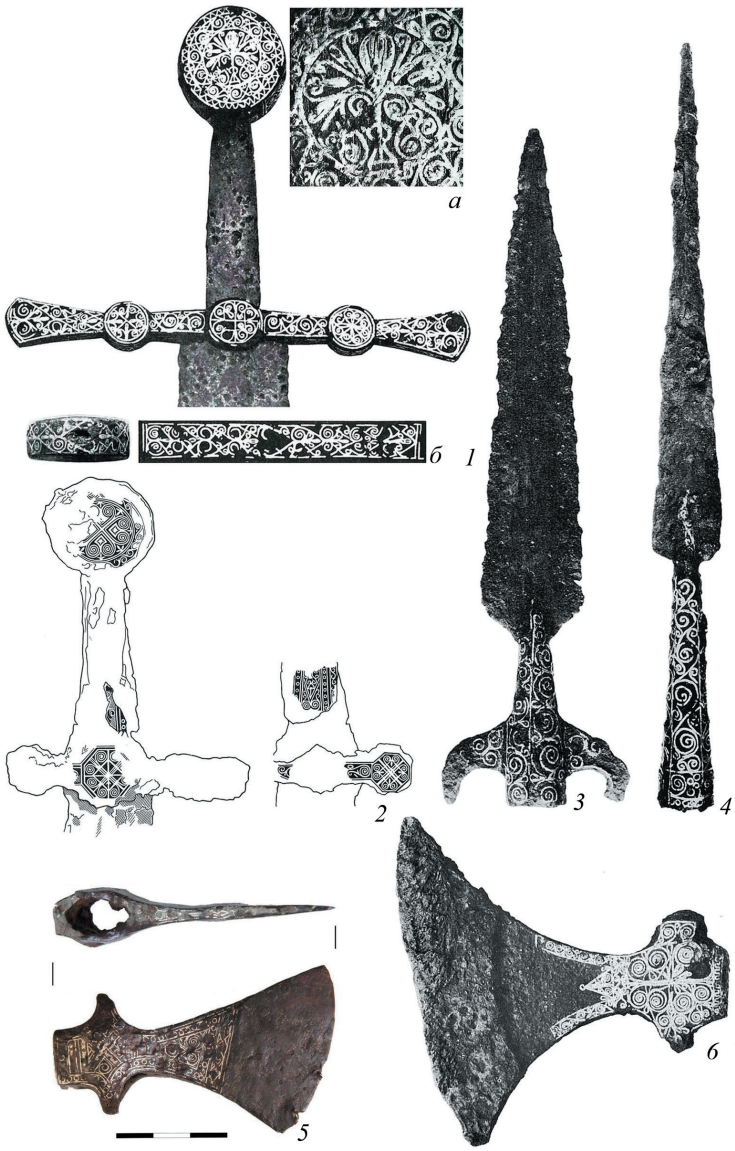


Рис. 6. Аналогии орнамента на предметах вооружения. *1* – меч из Эура: орнаментация фронтальной (*а*) и торцевой (*б*) сторон навершия; *2* – меч из погребения 3:1 могильника Кекомяки; *3* – наконечник копья из Весилахти; *4* – наконечник копья из Мессукиля; *5* – топор из разрушенного погр. 1 могильника Громово 2; *6* – топор из Маску Хумикала. *1–4, 6* – без масштаба.

Fig. 6. Analogies of the ornament on weaponry

свидетельствует, что позолота нанесена методом амальгамирования (ртутного золочения).

Таким образом, изучение поверхности перекрестия и элементный анализ покрытия позволяют утверждать, что перекрестие было полностью инкрустировано серебром, которое затем ртутным способом было позолочено, что создало впечатление покрытия перекрестия золотом.

Новгородское перекрестие меча не имеет аналогий среди древнерусского материала. Близкие по форме, стилистике и способу орнаментации детали фиксируются у нескольких мечей, обнаруженных на территории Финляндии и в Карелии. Л. Томантеря упоминает три таких меча – два из могильника у д. Кекомяки (Карелия) и меч из Эура-Паппиланмяки (Tomanterä, 1980). Еще один меч с дисковидным навершием и сложнопрофилированным перекрестием найден у пос. Мельниково (Ряйсяля) (Кирпичников и др., 2006. С. 46; Титов, 2007. Рис. 31, *1*).

Наилучшей сохранностью отличается меч (рис. 6, *1*) из Эура в Западной Финляндии (Leppäaho, 1964. P. 84–86. Taf. 40, 41). Общая его длина – 113 см, ширина клинка – 5.4, длина рукояти – 8.7. Навершие меча дисковидное, относящиеся к типу G по типологии Э. Оакшота или типу А по типологии Л. Томантеря (Oakeshott, 1964. P. 95, 96; Moilanen, 2015. P. 270–274). Вся поверхность навершия украшена серебряной насечкой, формирующей растительный и геометрический орнамент (рис. 6, *1а*). Перекрестие меча представляет собой сложнопрофилированный стержень с овальным медальоном в центре и двумя шайбообразными дисками по центру боковых перекладин, оканчивающихся расширениями. Орнаментация центрального медальона и дисков перекрестия стилистически и по техническому исполнению совпадает с орнаментацией центрального медальона новгородского перекрестия. Схожие пальметты нанесены и на торцевую поверхность навершия меча из Эуры (рис. 6, *1б*). Перекладины и окончания перекрестия орнаментированы спиралевидным растительным орнаментом (рис. 6, *1*).

Меч из погребения 3:1 могильника Кекомяки сохранился значительно хуже (Leppäaho, 1964. P. 90, 91. Taf. 43; Кирпичников и др., 2006. С. 52, 53). Дисковидное навершие украшено четырьмя крестообразно размещенными пальметтами, окруженными ободком со спиралевидным орнаментом. Центральный медальон и расширения на перекладинах имеют восьмигранную форму и также инкрустированы крестообразно расположенными пальметтами. Перекладины на перекрестии и плохо сохранившейся трубке рукояти украшены спиралевидным орнаментом (рис. 6, *2*).

Характер орнаментации мечей из погребения 1:3 могильника Кекомяки и найденного у пос. Мельниково (Ряйсяля) неясен. Пока можно сказать, что по форме деталей рукоятей мечи схожи с экземплярами, найденными в Эура и в погр. 3:1 могильника Кекомяки.

Помимо сложной морфологии перекрестий детали упомянутых мечей отличает серебряная насечка. На территории Финляндии и Карелии известны еще по крайней мере два меча с дисковидными навершиями, украшенными орнаментом, исполненным в технике насечки (Leppäaho, 1964. P. 88, 89. Taf. 42; Moilanen, 2015. P. 272, 273. Fig. 121)[6]. Но в отличие от мечей из Эура и Кекомяки перекрестия у них простые стержневидные. Мечи – не единственные предметы вооружения, орнаментированные в подобной стилистике и технике. М. Муланен упоминает пять наконечников копий и два топора (рис. 6, *3, 4, 6*), украшенных сходным образом (Moilanen, 2015. P. 273). Еще один топор найден в частично разрушенном погребении 1 могильника Громово 2 в Карелии[7] и еще один – у с. Пожня-Станок в Костромской обл. (Бельский, 2018. С. 187–193. Рис. 59; Смирнов, 1940. С. 304, 305. Рис. 1) (рис. 6, *5*).

А.И. Сакса на основе анализа погребального инвентаря предлагает для двух погребальных комплексов с мечами могильника Кекомяки широкую дату – конец XII–XIII в. (Saksa, 1998. P. 58, 59). С.В. Бельский, предложив собственную хронологию карельских древностей, датирует погребение 1:3 могильника Кекомяки 1230–1290 гг., а погребение 3:1 того же могильника – 1270–1300 гг. (Бельский, 2014. С. 328. Табл. 2).

Обсуждая происхождение двух эстонских перекрестий мечей, украшенных серебряной насечкой, формирующей спиралевидный и

[6] Еще один меч был найден при случайных обстоятельствах в Лахденпохском р-не Карелии и передан в Куркийокский музей (информация С.В. Бельского).

[7] По мнению С.В. Бельского, любезно сообщенному одному из авторов, погребение датируется серединой–третьей четвертью XIII в.

растительный орнамент[8], М. Мандель предположил, что предметы, украшенные подобным образом, производились на территории Финляндии в период с 1110 по 1250 г. (Mandel, 1991. P. 122). Тем не менее в статье, посвященной средневековым мечам Карелии, было высказано предположение, что в качестве места производства подобных мечей могли выступать "ганзейские германские города, возможно остров Готланд" (Кирпичников и др., 2006. С. 46).

Найденное в Новгороде перекрестие меча вписывается в довольно представительную серию предметов вооружения, украшенных серебряной инкрустацией в виде спиралей и пальметт. Узкая датировка археологического контекста находки (начало XIII в.) важна для определения хронологии бытования мечей, украшенных подобным образом.

Вызывает интерес определенная концентрация в подпольной яме импортных предметов. Поиск объяснения этому факту еще предстоит найти в ходе детального анализа находок, происходящих как из самой ямы, так и с территории усадьбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельский С.В. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // Stratum plus. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 317–332.

Бельский С.В. Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2018 (Свод археологических источников Кунсткамеры; вып. 5). 268 с.

Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М., Степанов М.А., Язиков С.В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29: Материалы XXIX конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника / Ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Первый ИПХ, 2015. С. 66–77.

Кирпичников А.Н., Сакса А.И., Томантери Л. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 41–72.

Кудрявцев А.А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.

Смирнов В.И. Костромской декоративный топорик // СА. 1940. V. С. 304–305.

Титов С.М. Очерки военной истории древней корелы. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 2007. 232 с.

Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 14–17.

Głosek M. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa; Łódź: IAE Polskiej AN, 1996. 143 s.

Grążawski K., Marcjanek Sz., Wasilewski R. Badania archeologiczne na grodzisku wczesnośredniowiecznym w Zwiniarzu, gm. Grodziczno, stanowisko 1 // XV Sesja Pomorzoznawcza / Red. K. Nawrolska. Elbląg, 2007. S. 221–229.

Herrmann J. Ralswiek auf Rügen. Teil 3: Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland. Die Funde aus der Hauptsiedlung. Scwerin: Archäologisches Landesmuseum für Mecklenburg-Vorpommern, 2005 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns; 37). 262 S.

Jodłowski A. Badania grodziska w Kopalinach, pow. Bochnia // Badania archeologiczne prowadozne przez Muzeum Żup Krakowskich Wieliczka w roku 1971. Kraków, 1972. P. 11–19.

Kola A. Późnośredniowieczne grodzisko w Skłudzewie w ziemi chełmińskiej // Archaeologia Historica Polona. T. 13. Toruń : Wydawnictwo Uniw. Mikołaja Kopernika, 2003. P. 277–285.

Leppäaho J. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Helsinki: Weilin & Göös, 1964 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; 61). 131 p.

Mandel M. Eesti 8.–13. sajandi mõõkade tüpoloogiast ja dateerimisest // Muinasaja teadus I. Arheoloogiline kogumi / Toim. L. Jaanits, V. Lang. Tallinn: Agu, 1991. P. 101–133.

Moilanen M. Marks of Fire, Value and Faith Swords with Ferrous Inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku, 2015 (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; XXI). 463 p.

Oakeshott R.E. The Sword in the Age of Chivalry. L.: Lutterworth Press, 1964. 204 p.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja Varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 1998 (Studia Carelica humanistic; 11). 258 p.

Tomanterä L. The disc-pommeled swords from Kekomäki in Kaukola // Fenno-Ugri et Slavi 1978: papers presented by the participants in the Soviet-Finnish Symposium "The Cultural Relations between the Peoples and Countries of the Baltic Area during the Iron Age and the Early Middle Ages", in Helsinki May 20–23, 1978. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1980 (Helsingin yliopisto. arkeologian laitos; 22). P. 157–161.

[8] Следует отметить, что орнаментация эстонских перекрестий мечей в деталях отличается от орнаментации предметов вооружения с территории Финляндии и Карелии.

A SWORD GUARD FROM THE EXCAVATION SITE IN BOLSHAYA MOSKOVSKAYA STREET IN VELIKY NOVGOROD

Sergey Yu. Kainov[1,*], Oleg M. Oleynikov[2,]**

[1]*The State Historical Museum, Moscow, Russia*
[2]*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[*]*E-mail: skainov@mail.ru*
[**]*E-mail: olejnikov1960@yandex.ru*

In 2014, thousands of various objects of the 11th–19th centuries were found in Veliky Novgorod at the excavation site (Bolshaya Moskovskaya St., 30). On the estate area, an underground pit of rectangular shape was revealed with dimensions of 200 × 120 cm and deepened 150 cm into the layer. The pit walls were lined with wide half-beams inserted into the grooves in logs located at the corners of the pit. According to the data of dendrochronological analysis, this structure was built in 1188 and lasted until the early 13th century. Filling of this basement among other objects, including those manufactured in Western Europe, produced a sword guard. It fits into a representative series of weapons decorated with a silver inlay in the form of spirals and palmettes, found mostly in Finland and Karelia. A narrow dating of the archaeological context of the find is essential to determine the chronology of the existence of swords decorated in this way.

Keywords: Novgorod, the early 13th century, sword guard, inlaid weaponry.

REFERENCES

Bel'skiy S.V., 2014. Chronology of the 11th–15th centuries funerary complexes of the Karelian Isthmus and Northern Ladoga littoral. *Stratum plus*, 5, pp. 317–332. (In Russ.)

Bel'skiy S.V., 2018. Opornyye arkheologicheskiye pamyatniki i regional'nyye khronologicheskiye skhemy Vostochnoy Evropy [Reference archaeological sites and regional chronological patterns of Eastern Europe]. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: MAE RAN. 268 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery, 5).

Gaydukov P.G., Kudryavtsev A.A., Oleynikov O.M., Stepanov M.A., Yazikov S.V., 2015. Investigations in the southern part of Plotnitsky konets (district) of Veliky Novgorod in 2014 (Rogatitsky-2 excavation site). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 29. V.L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Pervyy IPKh, pp. 66–77. (In Russ.)

Głosek M., 1996. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa; Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 143 p.

Grążawski K., Marcjanek Sz., Wasilewski R., 2007. Badania archeologiczne na grodzisku wczesnośredniowiecznym w Zwiniarzu, gm. Grodziczno, stanowisko 1. *XV Sesja Pomorzoznawcza*. K. Nawrolska, ed. Elbląg, pp. 221–229.

Herrmann J., 2005. Ralswiek auf Rügen, 3. Die slawisch-wikingischen Siedlungen und deren Hinterland. Die Funde aus der Hauptsiedlung. Scwerin: Archäologisches Landesmuseum für Mecklenburg-Vorpommern. 262 p. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns, 37).

Jodłowski A., 1972. Badania grodziska w Kopalinach, pow. Bochnia. *Badania archeologiczne prowadozne przez Muzeum Żup Krakowskich Wieliczka w roku 1971*. Kraków, pp. 11–19.

Khoroshev A.S., 1997. Locks, keys and lock accessories. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Everyday life and culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 14–17. (Arkheologiya). (In Russ.)

Kirpichnikov A.N., Saksa A.I., Tomanteri L., 2006. Swords of medieval Karelia. *Slavyane i finno-ugry. Kontaktnyye zony i vzaimodeystviye kul'tur [Slavs and Finno-Ugric peoples. Contact zones and cultural interaction]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 41–72. (In Russ.)

Kola A., 2003. Późnośredniowieczne grodzisko w Skłudzewie w ziemi chełmińskiej. *Archaeologia Historica Polona*, 13. Toruń: Wydawnictwo Uniw. Mikołaja Kopernika, pp. 277–285.

Kudryavtsev A.A., 2012. Chronology of the locks and keys from medieval Novgorod (based on materials from Nerevsky excavation site). *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 119–124. (In Russ.)

Leppäaho J., 1964. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Helsinki: Weilin & Göös. 131 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 61).

Mandel M., 1991. Eesti 8.–13. sajandi mõõkade tüpoloogiast ja dateerimisest. *Muinasaja teadus I. Arheoloogiline kogumi*. L. Jaanits, V. Lang, eds. Tallinn: Agu, pp. 101–133.

Moilanen M., 2015. Marks of Fire, Value and Faith Swords with Ferrous Inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku. 463 p. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae, XXI).

Oakeshott R.E., 1964. The Sword in the Age of Chivalry. London: Lutterworth Press. 204 p.

Saksa A., 1998. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja Varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta. 258 p. (Studia Carelica humanistic, 11).

Smirnov V.I., 1940. Kostroma decorative hatchet. *SA [Soviet archaeology]*, V, pp. 304–305. (In Russ.)

Titov S.M., 2007. Ocherki voyennoy istorii drevney korely [Studies in the military history of the ancient Korela]. Petrozavodsk: Izd. PGU. 232 p.

Tomanterä L., 1980. The disc-pommeled swords from Kekomäki in Kaukola. *Fenno-ugri et slavi 1978: papers presented at the Soviet-Finnish symposium in Helsinki*. Helsinki: Univ. of Helsinki, pp. 157–161. (Helsingin yliopisto arkeologian laitos, 22).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 177–189

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

© 2020 г. Л.Ф. Недашковский[1,*], М.Б. Шигапов[2,]**

[1]*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия*
[2]*ООО "Поволжская археология", Казань, Россия*

[*]*E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru*
[**]*E-mail: maratshigapov@gmail.com*

Поступила в редакцию 15.01.2020 г.

В статье анализируются украшения с Багаевского селища второй половины XIII–XIV в., располагающегося в округе золотоордынского города Укека в Саратовском районе Саратовской обл. Селище исследовалось экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского в 2002–2003, 2006–2012 и 2014–2016 гг. Багаевское селище является довольно крупным аграрным поселением; площадь памятника – 5.1 га, мощность культурного слоя местами достигает более 0.9 м. Монетные находки с поселения относятся к концу XIII – началу 60-х годов XIV в. Детали поясных наборов представлены пряжкой, накладками, нашивками и наконечниками ремней; украшения рук – перстнями и браслетами. Имеются также мордовская лопастная сюльгама, накладка на клапан кожаной сумки и бляха. Морфологические особенности изделий рассматриваются в статье на основе типологии с привлечением широкого сравнительного фона материалов синхронных памятников. Данный комплекс характеризует материальную культуру золотоордынского села Нижнего Поволжья, которая, судя по публикуемым материалам, отличалась от материальной культуры крупного и малого городов, расположенных неподалеку.

Ключевые слова: сельские поселения, Золотая Орда, Багаевское селище, материальная культура, украшения.

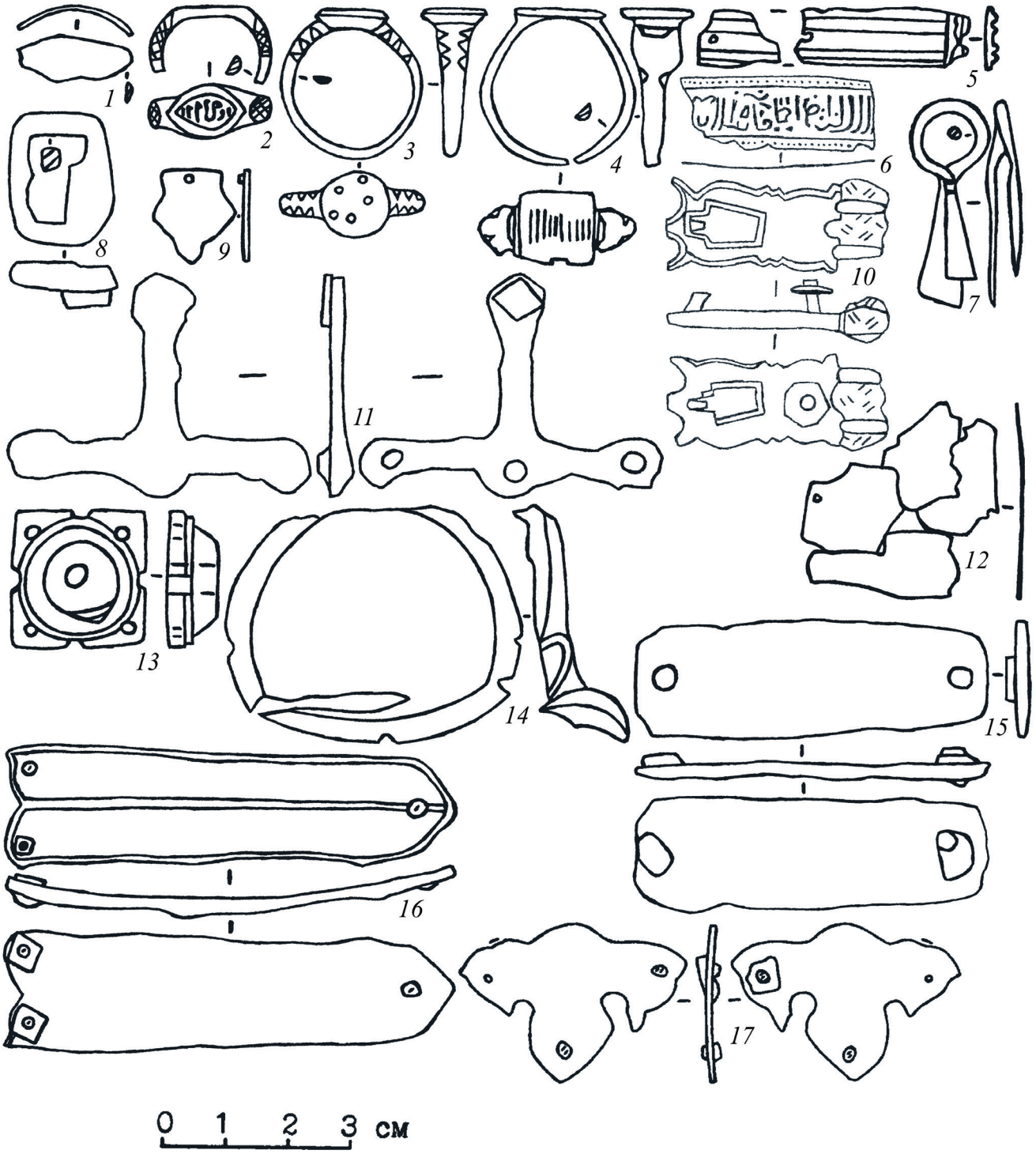
DOI: 10.31857/S086960630008260-5

Представляется необходимым создание подробной и детальной характеристики материальной культуры золотоордынских сельских памятников. Еще сравнительно недавно джучидское государство представлялось исследователями как степная кочевая империя, в которой имелось не очень значительное количество относительно крупных городов, разительно отличающихся от других средневековых городских центров полным отсутствием оседлой периферии. Исследованиями одного из авторов статьи (Недашковский, 2000, 2006а, в; 2010а; Nedashkovsky, 2004) было доказано существование округи у крупных золотоордынских городов, в состав которой входили малые города и сельские населенные пункты. Назрела необходимость сравнения материальной культуры поселений различных типов – крупных и малых городов, сельских аграрных поселений.

Особенно малоизвестной остается материальная культура сельских поселений Золотой Орды, изучение которой позволит получить принципиально новые исторические выводы о культуре и быте населения села Улуса Джучи (о проблеме, которая вообще не отражена в письменных источниках).

Нижнее Поволжье было экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей государства вплоть до его распада. Здесь был домен золотоордынских ханов, кочевали их ставки. В золотоордынское время в Нижнем Поволжье наибольшее количество памятников, и поселений в том числе, отмечается именно в его северных районах, где население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы.

Багаевское селище, с которого происходят анализируемые в данной работе изделия, как раз и было одним из таких аграрных поселений. Оно расположено у с. Багаевка Саратовского р-на Саратовской обл. Селище обнаружено Л.Ф. Недашковским в 1995 г. (Недашковский, 1996. С. 281) и исследовалось им



Перстни (*1–4*), браслеты (*5, 6*), сюльгама (*7*), пряжка (*8*), накладки (*9–11,17*), нашивки (*12, 13*), бляха (*14*), наконечники ремней (*15, 16*) с Багаевского селища. Саратовский областной музей краеведения. *1, 3–5, 9, 12, 13* – раскоп I-2008: *1, 3, 5, 12* – яма 9 (№ 129, -108 см; № 87, -49 см; № 89, -35 см; № 90, -29 см); *4, 9, 13* – культурный слой (№ 9, +5 см; № 31, -20 см; № 46, -24 см); *2, 15, 16* – раскоп I-2016: *2, 15* – культурный слой (№ 5, -11 см; № 8, -15 см); *16* – яма 42 (№ 59, -23 см); *6, 10* – раскоп I-2010, культурный слой (№ 7, -34 см; № 5, -45 см); *7, 14* – раскоп I-2014, яма 36 (№ 12, -130 см; № 9, -38 см); *8, 11* – раскоп I-2012: *8* – культурный слой (№ 3, -11 см); *11* – яма 9 (№ 41, -36 см); *17* – раскоп I-2007, яма 4 (№ 17, -5 см). *1, 3–7, 9, 12, 14* – бронза; *2* – сплав олова со свинцом; *8, 11, 15–17* – железо; *10* – бронза и железо; *13* – кость.

Finger-rings (*1–4*), bracelets (*5, 6*), a syulgama (*7*), a buckle (*8*), mounts (*9–11, 17*), appliqués (*12, 13*), a badge (*14*), belt tips (*15, 16*) from the Bagaevka settlement. Saratov Regional Museum of Local Lore

раскопками в 2002–2003, 2006–2012 и 2014–2016 гг. (Недашковский, 2003. С. 291, 292; 2006б; 2009а; 2010б; 2011; 2013а, б; 2015; Недашковский, Шигапов, 2017, 2018). Размеры поселения – 225 м с севера на юг и 490 м с запада на восток; площадь памятника – 5.1 га. Это довольно крупное сельское поселение, вытянутое вдоль берега р. Петровка. Средняя мощность культурного слоя – 30–40 см, местами она достигает более 90.

Двумя раскопами Л.Ф. Недашковским вскрыты 1023.2 м^2 площади Багаевского селища. Раскопками выявлена часть усадьбы, датированной находками золотоордынских монет конца XIII – начала 60-х годов XIV в. (самая ранняя – анонимный дирхем периода правления Туда-Менгу чеканки Сарая 681 г.х., самая поздняя – пул Хызра чеканки Гюлистана 762 г.х.), на которой исследованы остатки овина, очага, погреба, столбовой, 8 зерновых (одна из них соединялась со вторым погребом) и 11 хозяйственных ям (одна из них соединялась с третьим погребом). В 2008–2012 и 2016 гг. на усадьбе удалось исследовать природное понижение, в южной части которого была оборудована полуземлянка; в створе понижения изучены 2 очага, 2 зерновые и 15 хозяйственных ям. В ходе раскопок доказан факт возделывания культурных растений на поселении, сделаны находки, связанные с земледелием и промыслами. Наблюдается хорошая для селищ насыщенность напластований и объектов памятника различными находками. В результате проведенных Л.Ф. Недашковским работ Багаевское селище, расположенное в ближайшей округе золотоордынского города Укека, является одним из наиболее изученных на сегодняшний день золотоордынских сельских поселений Нижнего Поволжья.

Ранее один из авторов уже обращался к анализу различных аспектов экономики и хозяйства населения Золотой Орды, в том числе ремесла (Недашковский, 2016, 2018; Nedashkovskii, 2009; Nedashkovsky, 2012. С. 229; 2014, 2015). В данной статье внимание сосредоточено на украшениях, найденных на Багаевском селище.

Металлические украшения сравнительно нечасто встречаются при раскопках золотоордынских поселений, причем на сельских памятниках они обнаруживаются еще реже, чем в городах. Например, украшения из драгоценных металлов зафиксированы не на всех крупнейших золотоордынских городищах Нижнего Поволжья (Недашковский, 2009б. С. 78–80. Табл. 1; 2010а. С. 166, 223, 224. Табл. 5). В малых городах, входивших в округу крупных, серебряные и золотые украшения найдены чуть более чем на половине памятников. Для сельских поселений украшения из драгоценных металлов зафиксированы менее чем на одной десятой части известных памятников; для небольших же поселений, которые могут быть отнесены к остаткам деревень, находки таких изделий вообще не известны (Недашковский 2009б. С. 78–80. Табл. 1; 2010а. С. 166, 223, 224. Табл. 5). Дело в том, что оседлая золотоордынская аристократия проживала преимущественно в городах: на рассмотренных территориях округи крупнейших золотоордынских городов Нижней Волги лишь 3,4% известных аристократических захоронений в мавзолеях и склепах располагалось в сельской местности (Недашковский, 2012. С. 11, 12; 2010а. С. 237). На территориях округи крупнейших нижневолжских городов Золотой Орды лишь 10,3% известных захоронений с изделиями из драгоценных металлов располагалось в сельской местности, причем на сельских некрополях золотые украшения отсутствуют вовсе – найдены только изделия из серебра (Недашковский, 2012. С. 12; 2010а. С. 237).

Рассмотрим ниже имеющиеся металлические украшения с Багаевского селища.

Детали поясных наборов. При классификации деталей поясных наборов использовалась система, разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966) для обработки материалов средневековых кочевников Восточной Европы. По функциональному назначению выделяются пряжка, накладки, нашивки и наконечники ремней. Внутри каждой категории по материалу и технике изготовления предметы распределены на группы и разделы, а по особенностям приспособления, формы или орнамента – на отделы и типы.

Пряжка. Имеется подтрапециевидное железное изделие, трапециевидное в поперечном сечении (рисунок, *8*); размеры предмета – 2.1 × 1.7 см, ремень соединялся с пряжкой при помощи оси, составляющей одно целое с рамкой, на эту же ось насаживался и язычок. Не исключено, что данное небольшое изделие могло служить в качестве портупейной пряжки. Аналогии известны с памятников Среднего Поволжья X–XIV вв. (Казаков, 1991. С. 104, 107. Рис. 36, *12*; Руденко, 2000. С. 43, 89. Рис. 13, *45, 47, 48*; 2001. С. 33, 34, 99. Рис. 13,

45, 47, 48); подобные бронзовые пряжки известны из золотоордынских напластований Болгарского городища (Полякова, 1996. С. 202, 203, 219. Рис. 66, *5*).

Накладки. По материалу выделяются следующие группы: 1 – бронзовые (рисунок, *9*); 2 – железные (рисунок, *11*); 3 – изготовленные из бронзы и железа (рисунок, *10*). По технике изготовления выделяются раздел 1 – литые (рисунок, *9*), раздел 2 – кованые (рисунок, *11*) и раздел 3 – литые и кованые (рисунок, *10*). По особенностям приспособления все изделия относятся к отделу А – без петли. Накладки прикреплялись к ремню с помощью специальных шпеньков. По форме накладок выделены их типы.

Раздел 1. Литые.

Группа 1. Бронзовые.

Тип I (1 экз.). Накладка имеет вид подпятиугольной (пальметтовидной?) пластины размерами 1.3 × 1.5 см; толщина изделия – 0.1 (рисунок, *9*). На предмете сохранился шпенек для крепления; согласно результатам спектрального анализа она была отлита из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010в. С. 149, 151. № 186).

Раздел 2. Кованые.

Группа 2. Железные.

Тип I (1 экз.). Железная кованая накладка Т-образной формы с округлыми окончаниями (рисунок, *11*). На обратной стороне сохранились остатки крепления в виде четырех шпеньков, расположенных в середине и на окончаниях предмета; один из шпеньков имеет на конце ромбическую железную пластину. Размеры накладки – 3.5 × 4.8 см, ее толщина – 0.2-0.3; изделие служило в качестве ременного разделителя. Накладка найдена в яме 9, из которой происходят фрагмент дореформенного дирхема Токты и пулы 726–762 гг.х.

Раздел 3. Литые и кованые.

Группа 3. Из бронзы и железа.

Тип I (1 экз.). Фигурная бронзовая литая накладка со сложным вырезом в центре и двумя петлями, соединенными шарниром с плохо сохранившейся железной частью изделия (рисунок, *10*). Бронзовая часть предмета имеет декоративные скосы к краям. Накладка крепилась к ремню при помощи двух шпеньков, один из них имеет на конце медную пластину. Размеры изделия – 1.5 × 3.6 см, его толщина – 0.3, диаметр шарнирных петель – 0.7, размеры отверстия – 0.6 × 1.1. Накладка, согласно данным спектрального анализа, была отлита из оловянистой бронзы (Недашковский, 2013в. С. 77, 79. № 184). Данное изделие имеет сходство с шарнирной зооморфной накладкой с Увекского городища (Недашковский, 2000. С. 32, 35. Рис. 6, *19*).

Ажурные бронзовые литые накладки, наконечники ремней и пряжки такого стиля известны с золотоордынских памятников Среднего и Нижнего Поволжья, в том числе с Увекского городища, а также из материалов Новгорода первой половины XIV в. (Седова, 1981. С. 146, 147, 151. Рис. 57, *16, 17*; 59, *12*; Fyodorov-Davydov, 1984. P. 276. Il. 109, *1*; Полякова, 1996. С. 203, 208, 212, 214, 220, 221. Рис. 66, *43*; 67, *45, 46*; 68, *19, 23, 24*; Недашковский, 2000. С. 32, 34, 35. Рис. 6, *13, 15, 17, 18, 33*; Руденко, 2000. С. 66, 97. Рис. 21, *16–23*; 2006. С. 128, 129, 193. Рис. 19, *1–13*; Недашковский, Шигапов, 2015. С. 36, 37. Рис. 1, *8*). Судя по тому, что в таком же по стилистике полностью сохранившемся поясном наборе из погр. 1 кургана 2 группы Кривая Лука XXXI в Астраханской обл. накладка с Т-образным вырезом служила в качестве пряжки для наконечника ремня с Т-образным концом (Fyodorov-Davydov, 1984. P. 183, 276. Il. 109, *1*), описанная накладка также могла выполнять функцию пряжки в сочетании с наконечником ремня аналогичной формы.

Нашивки крепились при помощи отверстий. По материалу изделия относятся к двум группам: бронзовые; костяные.

Группа 1. Бронзовые.

Тип I (1 экз.). Фрагментированная нашивка в виде тонкой (1 мм) неорнаментированной подквадратной пластины (рисунок, *12*) имела отверстия по краю (сохранилось два из них); размеры изделия – 3.1 × 3.1 см. Нашивка, согласно результатам спектрального анализа, была изготовлена из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский, 2010в. С. 148, 149, 151. № 201). Предмет найден в яме 9, датированной монетами конца XIII – начала 60-х годов XIV в. Подобные изделия бытовали у средневековых кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966. С. 48, 50, 53. Рис. 8, *4,BI*).

Группа 2. Костяные.

Тип I (1 экз.). Костяная квадратная нашивка, пирамидальная в сечении со сквозным отверстием в центре диаметром 3 мм (рисунок, *13*). Навершие усеченно-конической

формы находится на круглой подставке прямоугольного сечения, расположенной в свою очередь на квадратном основании с подпрямоугольными выемками в средней части четырех сторон. По углам выполнено четыре сквозных отверстия диаметром 2 мм, служивших для крепления изделия. Размеры нашивки – 2.2 × 2.2 см, ее высота – 0.8. Очень близкое изделие с циркульным орнаментом происходит из золотоордынских напластований Болгарского городища (Баранов и др., 2016. С. 243).

Наконечники ремней. По материалу изделия относятся к одной группе – железные. По функциональному признаку все наконечники относятся к одному отделу А – они служили для придания жесткости концу ремня, крепились при помощи шпеньков (рисунок, *15, 16*). По форме изделий выделены их типы.

Тип I (1 экз.). Наконечник подпрямоугольной формы, углы зауженного конца изделия закруглены, а углы более широкого конца срезаны (рисунок, *15*). Наконечник крепился к ремню при помощи двух шпеньков, вставленных в сквозные отверстия; размеры предмета – 1.9 × 5.6 см, его толщина – 0.2.

Тип II (1 экз.). Наконечник подпрямоугольной формы с продольной канавкой и со скосами к краям; один конец заужен и приострен, а другой расширен и оформлен в виде фигурной скобки (рисунок, *16*). Изделие крепилось с помощью трех шпеньков (два шпенька на широком конце наконечника снабжены железными пластинками), вставленных в сквозные отверстия; размеры предмета – 1.9 × 7.2 см, его толщина – 0.2. Подобные железные наконечники ремней известны с Увекского и Селитренного городищ, а также из памятников средневековых кочевников Восточной Европы (Недашковский, 2000. С. 30, 38. Рис. 5, *16*; Федоров-Давыдов, 1966. С. 48, 50. Рис. 8, *3, BIV*; Fyodorov-Davydov, 1984. P. 175, 275. Il. 97, *11*). Близкие бронзовые изделия найдены на Водянском городище (Fyodorov-Davydov, 1984. P. 183, 275. Il. 104, *1*) и в золотоордынском слое Болгарского городища (Полякова, 1996. С. 203, 206, 219. Рис. 66, *38*).

Украшения рук. **Перстни** имеются из бронзы и из сплава олова со свинцом. Деление на типы – по форме изделий. Все экземпляры литые и относятся к отделу щитковых.

Тип 1 (1 экз.). Фрагмент тонкого овальнощиткового перстня плохой сохранности без орнамента (рисунок, *1*); размеры предмета – 0.7 × 1.8 см. Согласно результатам спектрального анализа изделие было отлито из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский, 2010в. С. 148, 149, 151. № 206). Фрагмент перстня происходит из ямы 9, датированной монетами конца XIII – начала 60-х годов XIV в. По новгородским материалам литые овальнощитковые перстни датируются концом XII – серединой XV в., причем в слоях этого времени найдены и такие же неорнаментированные изделия (Седова, 1981. С. 128, 134, 135. Рис. 49, *11*; 51, *10, 13, 15*). Овальнощитковые литые перстни без орнамента имеются в материалах Болгарского городища золотоордынского времени (Полякова, 1996. С. 173, 177. Рис. 61, *27, 31*) и поселения XII–XIII вв. в урочище Дарьялык-Куль в Хорезме (Неразик, 1976. С. 107. Рис. 60, *5*).

Тип 2 (1 экз.). Фрагмент перстня с плоским щитком в виде заостренного овала, внутри которого помещен еще один такой же овал (рисунок *2*); в центре щитка – имитация арабской надписи (не исключено, что на этом печатном перстне присутствует зеркально изображенное и искаженное слово “Аллах”). На полукруглой в сечении дужке по обеим сторонам от щитка нанесен орнамент в виде пересекающихся линий, образующих сеточку. Размеры предмета: длина щитка – 1.2 см, его ширина – 0.8, диаметр перстня – 1.9. Перстень, согласно результатам спектрального анализа, был изготовлен из сплава олова со свинцом (Недашковский, 2018. С. 244, 245, 249. Табл. 1. № 221).

Аналогии имеются в материалах Болгарского городища золотоордынского времени (Полякова, 1996. С. 173, 177, 178. Рис. 61, *29, 32*). Изделия со щитком в форме заостренного овала происходят из жилища второй половины XIV в. на Болгарском городище (Полякова, 1996. С. 173, 178, 179. Рис. 61, *33*), с Лаишевского селища XI–XIV вв. (Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 69. Рис. XXV, *35, 39*), Царевского (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С. 156, 157. Рис. 6, *7*) и Селитренного (Fyodorov-Davydov, 1984. P. 182, 275. Il. 101, *7*) городищ, а также известны в материалах Новгорода второй половины XIII – середины XV в. и на памятниках Белозерья второй половины XII–XIV в. (Седова, 1981. С. 126, 138. Рис. 47, *27*; Сумина, 1999. С. 180, 183, 184. Рис. 6, *13–15*). Каменные литейные формы

для отливки перстней с такими щитками происходят с Увекского и Болгарского городищ (Недашковский, 2001. С. 354, 355, 363. Рис. 4, *5*; Nedashkovsky, 2004. P. 48, 227. Fig. 61, *5*; Полякова, 1996. С. 159. Рис. 55, *7*). Такие перстни по форме щитка, очевидно, подражали золотым и серебряным золотоордынским изделиям (Полякова, 1996. С. 173, 176, 178. Рис. 61, *12*; Крамаровский, 2001. С. 134, 135. Рис. 74, *2, 4*).

Тип 3 (1 экз.). Перстень (из ямы 9) с округлым щитком, украшенным пятью небольшими круглыми углублениями (рисунок *3*); на полукруглую в сечении дужку по обеим сторонам от щитка нанесен орнамент в виде треугольных выемок. Диаметр изделия – 2.3 см, диаметр щитка – 1.1. Согласно результатам спектрального анализа перстень был отлит из оловянистой бронзы (Недашковский, 2010в. С. 148, 149, 151. № 199).

Изделия с круглым плоским щитком имеются в материалах Новгорода X–начала XV в. (Седова, 1981. С. 126, 128, 132, 133, 135, 137–139. Рис. 49, *13, 17, 18, 20, 29*; 50, *1–8, 10, 11, 13, 19*; 52, *2*; 53). Перстни, орнаментированные выемками в виде треугольников, известны с Увекского (Недашковский, 2000. С. 41, 44. Рис. 7, *15*) и Селитренного (Федоров-Давыдов, 1994. С. 192, 194. Рис. 42, *1*) городищ. Бронзовый перстень с круглыми углублениями на прямоугольном щитке происходит с Лаишевского селища (Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 69. Рис. XXV, *38*). Каменные перстни с одним (из лазурита), двумя (из бирюзы) и пятью (из янтаря) небольшими круглыми углублениями на щитках найдены на Селитренном городище и в позднезолотоордынском слое Болгарского городища (Полубояринова, 1991. С. 71, 74, 75, 77. Рис. 6, *3, 5, 14*).

Тип 4 (1 экз.). Перстень с прямоугольным щитком и боковыми выступами в виде трилистников (рисунок, *4*); на щитке выполнен орнамент в виде 10 поперечных насечек, дужка полукруглая в сечении. Диаметр изделия – 2.5 см, размеры щитка – 1.1 × 1.2 см. Перстень согласно результатам спектрального анализа был изготовлен из многокомпонентного сплава с преобладанием олова над цинком (Недашковский, 2010в. С. 148, 149, 151. № 183).

Сходное украшение с боковыми выступами и каплевидными линиями на ромбическом щитке происходит с Увекского городища (Nedashkovsky, 2004. P. 25, 204. Fig. 35, *18*). Подобные по форме изделия с прямоугольными щитками и боковыми выступами известны в материалах Увекского, на котором найдена даже литейная форма для изготовления таких украшений (Недашковский, 2001. С. 354, 355, 364. Рис. 5, *4*; Nedashkovsky, 2004. P. 48, 228. Fig. 62, *4*), и Болгарского городищ, Болдыревского могильника второй половины XIV в. в округе Укека, а также Средней Азии, северо-западного Ирана и Турции XII–середины XV в. Рельефные выступы по обе стороны от щитка имеют и некоторые другие перстни из золотоордынских и среднеазиатских городов (Полякова, 1996. С. 173, 179. Рис. 61, *16, 22, 24, 25*; Недашковский, 2000. С. 41, 43, 44. Рис. 7, *12*; Nedashkovsky, 2004. P. 24, 25, 204. Fig. 35, *16, 17*; Руденко, 2006. С. 126–128, 192. Рис. 18, *8–12*).

Браслеты представлены пластинчатыми бронзовыми литыми изделиями, деление их на типы выполнено по орнаментации.

Тип 1 (1 экз.). Имеется браслет (из ямы 9) шириной 0.9 см (сохранились два фрагмента длиной 1.3 и 2.7), украшенный орнаментом из четырех выступающих продольных полос; на большем по размерам обломке видны остатки конца изделия с неясным изображением (рисунок, *5*). В центральной полосе предмета на фрагментах имеются два отверстия диаметром 1 мм, сделанные для скрепления частей сломавшегося еще в золотоордынское время браслета. Согласно результатам спектрального анализа изделие было отлито из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский, 2010в. С. 148, 149, 151. № 200).

Аналогии выявлены на Увекском (Недашковский, 2000. С. 41, 45. Рис. 7, *25–27*) и Болгарском (Полякова, 1996. С. 181, 183, 185. Рис. 62, *8*; 63, *4*) городищах, Хмелевском I (Недашковский, Шигапов, 2015. С. 36, 37, 39. Рис. 1, *18, 19*) и Лаишевском (Руденко, 2006. С. 189. Рис. 15, *27*) селищах, могильнике Песчаный остров (Руденко, 1999. С. 64. Рис. 3, *13*), в Хлынове (Макаров, 1995. С. 174, 185. Рис. 1, *17*), Новгороде (Седова, 1981. С. 108. Рис. 41, *7, 8*) и Отраре (Байпаков, Настич, 1981. С. 25, 26. Рис. 5, *1, 2*, 6). Датируются такие браслеты XIII–XV вв.

Тип 2 (1 экз.). Фрагмент браслета с выпуклой арабской надписью (или имитацией арабской графики), по краям изделия – выпуклые тонкие полоски и ряды точечных выпуклостей (рисунок, *6*). Сохранившаяся длина изделия – 3.1 см, его ширина – 1.1. Браслет, согласно результатам спектрального анализа, был

изготовлен из латуни (Недашковский, 2013в. С. 78, 79. Табл. 1. № 212). Подобный латунный звериноголовый браслет с трудно читаемой благопожелательной надписью "...и здоровье вечное (?) благо", очень близкий рассматриваемому и по химическому составу, происходит с Селитренного городища (Федоров-Давыдов, 1978. С. 286–288. Рис. 1, 2). Золотоордынские бронзовые изделия других типов, но с выпуклыми арабскими надписями известны с Увекского (Недашковский, 2000. С. 41, 44. Рис. 7, *14*) и Болгарского (Полякова, 1996. С. 183–184. Рис. 63, *6*) городищ, Лаишевского селища (Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 69. Рис. XXV, *20*), могильников Новохарьковский и у пос. Сукко (Волков, 2002. С. 106–110. Рис. 45).

Сюльгама. Имеется экземпляр бронзовой лопастной сюльгамы с круглой в сечении дужкой и узкими плоскими в сечении треугольными лопастями (рисунок, *7*); язычок изделия не сохранился. Длина сюльгамы – 3.3 см, диаметр дужки – 1.3, ее толщина – 0.2; длина лопастей – 1,5 и 2. Согласно результатам спектрального анализа изделие было отлито из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом (Недашковский, 2018. С. 245, 246, 249. Табл. 1. № 219). Сюльгама относится к типу, характерному для мордовских древностей XIII–XIV вв.; примечательно, что она найдена в колоколовидной в сечении зерновой яме 36, в которой обнаружено и пять фрагментов мордовской керамики.

Узколопастные сюльгамы широко распространились по мордовским землям в XIII–XIV вв., причем исследователи склонны считать такие застежки украшениями, присущими преимущественно мордве-мокше (Алихова, 1958. С. 70, 75–77. Рис. 1, *46, 47, 56–58*; Васильева, 1993. С. 64, 71–73. Рис. 3, *9*; 4, *5–12, 17*; 5, *23–31*; Недашковский, 2000. С. 46). Помимо территории компактного расселения мордовских племен узколопастные изделия схожего облика и пропорций представлены в материалах селища Дамба I, Болгарского (Полякова, 1996. С. 196, 200. Рис. 65, *21–23*), Билярского, Увекского (Недашковский, 2000. С. 46, 47. Рис. 8, *1*), Селитренного (Федоров-Давыдов, 1994. С. 192. Рис. 42, *5, 8*) и Царевского (Федоров-Давыдов и др., 1974. С. 104, 105, 119. Табл. V, *6*) городищ, причем на последнем из них сюльгама найдена при раскопках усадьбы конца 50 – начала 60-х годов XIV в. Предметы, относящиеся к данному типу, известны и в кочевнических материалах золотоордынского времени (Федоров-Давыдов, 1966. С. 38. Рис. 6, *3I*; Мамонтов, Ситников, 1994. С. 157. Рис. 4, *2*; Гарустович и др., 1998. Табл. XXV, *27*).

Накладка для украшения клапана кожаной сумки была откована из железа и имела подпятиугольную форму (рисунок, *17*). Изделие крепилось при помощи трех шпеньков (сохранилось два), расположенных по краям, один из шпеньков снабжен железной пластинкой; очевидно, что для крепления служили и два прорвавшихся отверстия диаметром 3 и 4 мм. Размеры накладки – 2.5 × 3.6 см, ее толщина – 0.1. Изделие происходит из ямы 4, в которой были найдены пулы Сарая 731 г.х. и Мохши 736 г.х.

Сходные железные накладки закреплялись на клапанах четырехугольных кожаных сумок, известных у средневековых кочевников Восточной Европы, в материалах Нового Сарая, датированных монетами 30–первой половины 60-х годов XIV в., Болгарского и Ковровского городищ (Ляхов, Якубовский, 1993. С. 183. Рис. 5, *4*; Мамонтов, Ситников, 1998. С. 116, 123. Рис. 3, *2*; Недашковский, 2000. С. 94; Федоров-Давыдов, 1966. С. 86. Рис. 12, *7*; Федоров-Давыдов и др., 1970. С. 165. Табл. IV, *6*; Федоров-Давыдов и др., 1974. С. 103, 104, 117. Табл. IV, *6*); очень близкие по форме бронзовые накладки известны с Увекского городища и из золотоордынских курганов Саратовской и Волгоградской обл. (Недашковский, 2000. С. 91, 94. Рис. 23, *10, 11*).

Выпуклая **бляха** округлой формы изготовлена литьем; по краям помятого изделия имеются остатки пришивных отверстий (рисунок, *14*). Размеры предмета – 4.1 × 4.7 см, его высота – 0.5, толщина листа – 0.1. Бляха, согласно результатам спектрального анализа, была изготовлена из оловянистой бронзы (Недашковский, 2018. С. 245, 247, 249. Табл. 1. № 218). Подобные круглые бляхи бытовали очень широко, в частности они известны с Увекского городища и в кочевнических древностях Восточной Европы X–XIV вв. (Недашковский, 2000. С. 32, 36, 37. Рис. 6, *29*; Федоров-Давыдов, 1966. С. 48, 53. Рис. 8, *4, AI-II*).

Рассмотренные металлические украшения с Багаевского селища характеризуют материальную культуру крупного сельского поселения эпохи Золотой Орды. Комплекс украшений позволяет сделать определенные выводы.

Примечательно, что накладка, нашивка, два перстня и браслет (рисунок, *1, 3, 5, 11, 12*) найдены в яме 9, в южной части которой было оборудовано частично заглубленное в землю жилище, а еще один браслет (рисунок, *6*) – в культурном слое над ямой 9. Сюльгама и бляха происходят из зерновой ямы 36, накладка сумки (рисунок, *17*) – из ямы 4 (зерновая, соединенная с погребом), наконечник ремня (рисунок, *16*) – из погреба (яма 42), а пряжка (рисунок, *8*) – из культурного слоя над ямой 31 (хозяйственная, соединенная с погребом).

Представленную коллекцию украшений золотоордынского времени с Багаевского селища можно сравнить с изделиями тех же категорий с других памятников, расположенных неподалеку.

С Увекского городища, на месте которого располагался близлежащий крупный золотоордынский город Укек, наиболее значительный городской памятник Саратовского Поволжья, происходит разнообразная коллекция украшений (Недашковский, 2000. С. 27–48, 91, 93, 94), в которую входят кроме проанализированных в данной статье категорий изделий височные кольца, серьги и колт. Обращает на себя внимание многократное преобладание в материалах Увекского городища пряжек, накладок, нашивок, наконечников ремней, перстней, браслетов, сюльгам и накладок на клапаны кожаных сумок. На основании этих данных представляется, что металлические украшения были более распространены в крупном городе, чем на селе, где в отличие от Укека полностью отсутствуют изделия из драгоценных металлов. Для сельского Багаевского селища были более характерны железные детали поясных наборов, а на Увекском городище таких деталей известно всего две; железной была и накладка для украшения клапана кожаной сумки в отличие от таких изделий из Укека, изготовленных из бронзы.

При сравнении материалов Багаевского селища и Хмелевского I селища (Недашковский, Шигапов, 2015. С. 34–40), близлежащего малого города, обнаруживается их значительная близость, хотя следует отметить отсутствие на Багаевском селище поясных колец, серег и шумящих украшений, но наличие на нем находок нашивок, накладки на клапан кожаной сумки и бляхи. На Хмелевском I селище отсутствуют железные накладки и наконечники ремней, тогда как на Багаевском селище они имеются.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алихова А.Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н.э. // СА. 1958. № 2. С. 66–77.

Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Наука, 1981. С. 20–60.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 2: История тюрко-болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.

Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: Артефакт, 1993. С. 58–76.

Волков И.В. Золотоордынские браслеты с надписями // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002 (Межрегиональные исследования в общественных науках). С. 106–110.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 335 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.

Ляхов С.В., Якубовский Г.Л. Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. Вып. 1. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 175–185.

Макаров Л.Д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 166–189.

Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения курганного могильника Быково III // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград: Перемена, 1994. С. 147–174.

Мамонтов В.И., Ситников А.В. Курганный могильник у хутора Сенной // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград: Перемена, 1998. С. 113–123.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. 1970. № 3. С. 149–161.

Недашковский Л.Ф. Разведки в южной части Саратовского района // АО 1995 года. М.: Фонд археологии, 1996. С. 280–281.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всерос. конф. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 349–364.

Недашковский Л.Ф. Работы на золотоордынских памятниках Саратовского района // АО 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 289–292.

Недашковский Л.Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. 2006а. № 4. С. 74–86.

Недашковский Л.Ф. Раскопки Багаевского селища в 2003 г. // Краеведение и архивное дело в провинции: исторический опыт и перспективы развития: материалы конф. Саратов: Локатор, 2006б. С. 319–320.

Недашковский Л.Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округи // РА. 2006в. № 3. С. 75–84.

Недашковский Л.Ф. Раскопки Константиновского и Багаевского селищ // АО 2006 года. М.: Наука, 2009а. С. 474–475.

Недашковский Л.Ф. Социальный облик крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья и поселений их округи // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009б. Т. 151, кн. 2, ч. 1. С. 72–81.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Восточная литература, 2010а. 351 с.

Недашковский Л.Ф. Раскопки Багаевского селища // АО 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010б. С. 373–375.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округи Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010в. С. 147–151.

Недашковский Л.Ф. Исследование Багаевского селища // АО 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 373–375.

Недашковский Л.Ф. Исторические особенности золотоордынского города // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 3. С. 7–18.

Недашковский Л.Ф. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2013а. Т. 155, кн. 3, ч. 1. С. 7–19.

Недашковский Л.Ф. Работы на Багаевском селище // АО 2009 года. М.: ИА РАН, 2013б. С. 230–231.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов и стекла с Багаевского селища // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013в. С. 77–81.

Недашковский Л.Ф. Исследование Багаевского селища в 2010–2012 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: Нестор-История, 2015. С. 512.

Недашковский Л.Ф. Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округи крупнейших городов) // Stratum plus. 2016. № 6: Pax Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков. С. 151–162.

Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // Stratum plus. 2018. № 6: Балансы истории: ценности и средства. С. 243–254.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Украшения и зеркала с Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 34–45.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Раскопки золотоордынского Багаевского селища // АО. 2015 год. М.: ИА РАН, 2017. С. 345–347.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Исследования золотоордынского Багаевского селища // АО. 2016 год. М.: ИА РАН, 2018. С. 329–332.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. М.: Наука, 1976. 256 с.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ, 1996. С. 154–268.

Руденко К.А. Могильник на острове “Песчаный” // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5). С. 61–76.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 42–102.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. 255 с.

Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология. 2006. № 1–2 (16–17). С. 89–196.

Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. ГУ, 1994. С. 66–71.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Сумина И.А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. М.: ГИМ, 1999 (Труды ГИМ; вып. 111). С. 167–189.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Браслет с надписью с Селитренного городища // СА. 1978. № 2. С. 286–288.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 89–131.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 68–171.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells. Oxford: BAR, 1984 (BAR Intern. Series; 198). 278 p.

Nedashkovskii L.F. Economy of the Golden Horde population // Anthropology and Archaeology of Eurasia. 2009. Vol. 48, № 2. P. 35–50.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery. Oxford: Archaeopress, 2004 (BAR Intern. Series; 1222). 253 p.

Nedashkovsky L.F. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas // Acta Archaeologica. 2012. Vol. 83, № 1. P. 225–255.

Nedashkovsky L.F. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. 2014. Special Issue: Russian Studies. From the early Middle Ages to the present day. P. 291–303.

Nedashkovsky L.F. Trade in the Golden Horde Volga Region // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8, № 7. P. 199–206.

METALLIC WEARING-APPAREL COMPONENTS FROM THE BAGAEVKA SETTLEMENT IN THE LOW VOLGA REGION

Leonard F. Nedashkovsky[1,*], Marat B. Shigapov[2,]**

[1]*Kazan (Volga region) Federal University, Russia*
[2]*Povolzhskaya arkheologiya LLC, Kazan, Russia*

[*]*E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru*
[**]*E-mail: maratshigapov@gmail.com*

The article analyses wearing-apparel components from the Bagaevka settlement of the second half of 13th–14th century located in the vicinity of the Golden Horde city Ukek in Saratov district of Saratov Region. The settlement was excavated by the expedition of Kazan University under L.F. Nedashkovsky in 2002–2003, 2006–2012 and 2014–2016. Bagaevka is quite a large rural settlement with the area of 5.1 hectares, the thickness of its cultural layer in some locations exceeds 0.9 m. Numismatic finds from the site belong to the Golden Horde mintage of the late 13th–early 1360s. Details of the belt sets are represented by girdle clasp, brackets, stripes and tips of belts; hand decorations – by finger-rings and bracelets. There is also a Mordvin blade syul'gama, a bracket on leather bag flap and a badge. Morphological features of the wares are examined in the article based on typology with involvement of the broad comparative background of materials from synchronous sites. This complex characterizes material culture of the Golden Horde village of the Low Volga region, which, judging by the published materials, differed from that of the city and town situated nearby.

Keywords: rural settlements, the Golden Horde, the Bagaevka settlement, material culture, wearing-apparel components.

REFERENCES

Alikhova A.E., 1958. Some chronological and tribal differences in the Mordovian culture of the late 1st and early 2nd millennium AD. *SA [Soviet archaeology]*, 2, pp. 66–77. (In Russ.)

Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G., 2016. Muzey Bolgarskoy tsivilizatsii [The Museum of Bulgarian Civilization], 2. Istoriya tyurko-bolgarskoy tsivilizatsii [History of Turkic-Bulgarian civilization]. Kazan': Glavdizayn. 254 p.

Baypakov K.M., Nastich V.N., 1981. Hoard of silver items and coins of the 13th century from Otrar. *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoy istorii) [Kazakhstan in the period of feudalism (Issues of ethnic and political history)]*. Alma-Ata: Nauka, pp. 20–60. (In Russ.)

Fedorov-Davydov G.A., 1966. Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskiye pamyatniki [Nomads of Eastern Europe under the Golden Horde khans. Archaeological sites]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 274 p.

Fedorov-Davydov G.A., 1978. A bracelet with an inscription from the fortified settlement of Selitrennoye. *SA [Soviet archaeology]*, 2, pp. 286–288. (In Russ.)

Fedorov-Davydov G.A., 1994. Zolotoordynskiye goroda Povolzh'ya [Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow: Izd. MGU. 228 p.

Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Guseva T.V., 1974. Investigations of three estates in the eastern suburbs of New Sarai (Tsarev fortified settlement). *Goroda Povolzh'ya v sredniye veka [Cities of the Volga region in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, pp. 89–131. (In Russ.)

Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Mukhamadiyev A.G., 1970. Archaeological research of the Tsarev fortified settlement (New Sarai) in 1959–1966. *Povolzh'ye v sredniye veka [The Volga region in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, pp. 68–171. (In Russ.)

Fyodorov-Davydov G.A., 1984. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells. Oxford: BAR. 278 p. (BAR Intern. Series, 198).

Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F., 1998. Srednevekovyye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV veka) [Medieval nomads of the Volga region (the late 9th – early 15th century)]. Ufa: Gilem. 335 p.

Kazakov E.P., 1991. Bulgarskoye selo X–XIII vekov nizoviy Kamy [Bulgarian village of the 10th–13th centuries of the lower Kama region]. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo. 176 p.

Kramarovskiy M.G., 2001. Zoloto Chingisidov: kul'turnoye naslediye Zolotoy Ordy [Genghisides' gold: Cultural heritage of the Golden Horde]. St. Petersburg: Slaviya. 364 p.

Lyakhov S.V., Yakubovskiy G.L., 1993. The Zaumorye mound cemetery of the Golden Horde period. *Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]*, 1. Saratov: Izd. Sarat. univ., pp. 175–185. (In Russ.)

Makarov L.D., 1995. Typology and chronology of Khlynov antiquities. *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoy Evropy [Typology and dating of archaeological materials of Eastern Europe]*. Izhevsk: Izd. Udm. univ., pp. 166–189. (In Russ.)

Mamontov V.I., Sitnikov A.V., 1994. Medieval burials of the Bykovo III mound cemetery. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey [Antiquities of the Volga–Don steppes]*, 4. Volgograd: Peremena, pp. 147–174. (In Russ.)

Mamontov V.I., Sitnikov A.V., 1998. A mound cemetery near the village of Sennoy. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey [Antiquities of the Volga–Don steppes]*, 6. Volgograd: Peremena, pp. 113–123. (In Russ.)

Mukhamadiyev A.G., Fedorov-Davydov G.A., 1970. Excavations of a rich manor in New Sarai. *SA [Soviet archaeology]*, 3, pp. 149–161. (In Russ.)

Nedashkovskii L.F., 2009. Economy of the Golden Horde population. *Anthropology and Archaeology of Eurasia*, vol. 48, no. 2, pp. 35–50.

Nedashkovsky L.F., 1996. Reconnaissance in the southern part of Saratov district. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1995 goda [Archaeological discoveries of 1995]*. Moscow: Fond arkheologii, pp. 280–281. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2000. Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga [The Golden Horde city of Ukek and its periphery]. Moscow: Vostochnaya literatura. 224 p.

Nedashkovsky L.F., 2001. Metal products and foundry molds from the Uvek fortified settlement. *Drevniye remeslenniki Priural'ya: materialy Vserossiyskoy konferentsii [Ancient artisans of the Urals: Proceedings of the All-Russian Conference]*. Izhevsk: Udm. IIYaL UrO RAN, pp. 349–364. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2003. Works on the Golden Horde sites of Saratov district. *AO 2002 goda [Archaeological discoveries of 2002]*. Moscow: Nauka, pp. 289–292. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2006a. The Lower Volga Golden Horde city and its neighbourhood. *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 74–86. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2006b. Excavations of the Bagaevka settlement in 2003. *Krayevedeniye i arkhivnoye delo v provintsii: istoricheskiy opyt i perspektivy razvitiya: materialy konf. [Local history and archival management in the hinterlands: Historic experience and development prospects]*. Saratov: Lokator, pp. 319–320. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2006c. Chronology of the Golden Horde city and its periphery. *RA [Russian archaeology]*, 3, pp. 75–84. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2009a. Excavations of the Konstantinovka and Bagaevka settlements. *AO 2006 goda [Archaeological discoveries of 2006]*. Moscow: Nauka, pp. 474–475. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2009b. The social semblance of large Golden Horde cities in the Lower Volga region and settlements in their periphery. *Uchenyye zapiski Kazanskogo univ. Seriya Gumanitarnyye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, vol. 151, book 2, part 1, pp. 72–81. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2010a. Zolotoordynskiye goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga [Golden Horde cities of the Lower Volga region and their periphery]. Moscow: Vostochnaya literatura. 351 p.

Nedashkovsky L.F., 2010b. Excavations of the Bagaevka settlement. *AO 2007 goda [Archaeological discoveries of 2007]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 373–375. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2010c. The chemical composition of non-ferrous metal products from the Golden Horde settlements in Ukek periphery. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of archaeological and ethnographic studies]*, 1. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, pp. 147–151. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2011. Research on the Bagaevka settlement. *AO 2008 goda [Archaeological discoveries of 2008]*. Moscow: IA RAN, pp. 373–375. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2012. Historic peculiarities of the Golden Horde city. *Uchenyye zapiski Kazanskogo univ. Seriya Gumanitarnyye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, vol. 154, book 3, pp. 7–18. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2013a. Research on the Bagaevka settlement. *Uchenyye zapiski Kazanskogo univ. Seriya Gumanitarnyye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, vol. 155, book 3, part 1, pp. 7–19. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2013b. Works on the Bagaevka settlement. *AO 2009 goda [Archaeological discoveries of 2009]*. Moscow: IA RAN, pp. 230–231. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2013c. The chemical composition of products from non-ferrous metals and glass from the Bagaevka settlement. *Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii [Modern solutions to topical issues of Eurasian archaeology]*. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 77–81. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2015. Research on the Bagaevka settlement in 2010–2012. *AO 2010–2013 godov [Archaeological discoveries of 2010–2013]*. Moscow: Nestor-Istoriya, p. 512. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2016. The economic development rate of the Lower Volga region in the Golden Horde period (based on materials from the periphery of the largest cities). *Stratum plus*. № 6, pp. 151–162. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2018. The chemical composition of non-ferrous metal products from the Golden Horde settlements of the of the Lower Volga northern districts. *Stratum plus*, 6, pp. 243–254. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2015. Ornaments and mirrors from the Khmelevka I village. *Uchenyye zapiski Kazanskogo univ. Seriya Gumanitarnyye nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, vol. 157, book 3, pp. 34–45. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2017. Excavations of the Golden Horde Bagaevka settlement. *AO. 2015 god [Archaeological discoveries. 2015]*. Moscow: IA RAN, pp. 345–347. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2018. Investigations of the Golden Horde Bagaevka settlement. *AO. 2016 god [Archaeological discoveries. 2016]*. Moscow: IA RAN, pp. 329–332. (In Russ.)

Nedashkovsky L.F., 2004. Ukek: The Golden Horde city and its periphery. Oxford: Archaeopress. 253 p. (BAR Intern. Series, 1222).

Nedashkovsky L.F., 2012. Golden Horde Antiquities: The development of research ideas. *Acta Archaeologica*, vol. 83, no. 1, pp. 225–255.

Nedashkovsky L.F., 2014. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. Special Issue: Russian Studies. From the early Middle Ages to the present day*, pp. 291–303.

Nedashkovsky L.F., 2015. Trade in the Golden Horde Volga Region. *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 7, pp. 199–206.

Nerazik E.E., 1976. Sel'skoye zhilishche v Khorezme (I–XIV vv.). Iz istorii zhilishcha i sem'i [Rural dwelling in Khorezm (the 1st–14th centuries). From the history of dwellings and family]. Moscow: Nauka. 256 p.

Poluboyarinova M.D., 1991. Ukrasheniya iz tsvetnykh kamney Bolgara i Zolotoy Ordy [Ornaments made of colour stones from Bulgar and Golden Horde]. Moscow: IA AN SSSR. 112 p.

Polyakova G.F., 1996. Products from non-ferrous and precious metals. *Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov [The city of Bolgar: The craft of metal makers, blacksmiths, and casters]*. Kazan': IYaLI, pp. 154–268. (In Russ.)

Rudenko K.A., 1999. The burial ground on Peschany island. *Tatarskaya arkheologiya [Tatar archaeology]*, 1–2 (4–5), pp. 61–76. (In Russ.)

Rudenko K.A., 2000. The Turkic world and the Volga-Kama region in the 11th–12th centuries (archaeological aspects of the issue). *Tatarskaya arkheologiya [Tatar archaeology]*, 1–2 (6–7), pp. 42–102. (In Russ.)

Rudenko K.A., 2001. Tyurkskiy mir i Volgo-Kam'ye v XI–XIV vv. Izdeliya askizskogo kruga v Srednem Povolzh'ye: Issledovaniye i katalog [The Turkic world and the Volga-Kama region in the 11th–14th centuries.

Objects of the Askiz circle in the Middle Volga Region: Research and catalog]. Kazan': Zaman. 255 p.

Rudenko K.A., 2006. The Golden Horde period in the Middle Volga region (based on archaeological data). *Tatarskaya arkheologiya [Tatar archaeology]*, 1–2 (16–17), pp. 89–196. (In Russ.)

Rudenko K.A., Shaykhutdinov R.R., 1994. Non-ferrous metal products of the Laishevo settlement. *Istoriko-arkheologicheskoye izucheniye Povolzh'ya [Historical and archaeological studies of the Volga region].* Yoshkar-Ola: Mar. GU, pp. 66–71. (In Russ.)

Sedova M.V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (the 10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.

Sumina I.A., 1999. Metal rings of medieval Lake Beloye region (Belozerye). *Arkheologicheskiy sbornik. Pamyati M.V. Fekhner [Archaeological collection of papers. In memory of M.V. Fekhner].* Moscow: GIM, pp. 167–189. (Trudy GIM, 111). (In Russ.)

Vasil'yeva I.N., 1993. The II Usa burial ground of the 13th – 14th centuries on Samara Bend. *Novoye v srednevekovoy arkheologii Evrazii [New developments in the medieval archaeology of Eurasia].* Samara: Artefakt, pp. 58–76. (In Russ.)

Volkov I.V., 2002. The Golden Horde bracelets with inscriptions. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy [The Novokharkovka cemetery of the Golden Horde period].* Voronezh: Izd. VGU, pp. 106–110. (Mezhregional'nyye issledovaniya v obshchestvennykh naukakh). (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 2, с. 190–191

ХРОНИКА

X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ” (СЕВАСТОПОЛЬ, 2019 г.)

24–28 сентября 2019 г. в ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический” (г. Севастополь) состоялась Десятая международная научная конференция “Проблемы сарматской археологии и истории”. Конференции с таким названием проводятся раз в три года в различных городах России. Каждая из них являлась общепризнанным крупнейшим научным форумом, целиком посвященным сарматской истории и археологии. Первая конференция состоялась в 1989 г. в г. Азов. На IX конференции, проходившей в 2016 г. в Оренбурге, ее участниками принято решение провести X юбилейную конференцию в Крыму.

В Крыму собрались археологи из 12 городов России, а также из Венгрии. Организаторами конференции стали благотворительный фонд “Наследие тысячелетий”, ФГБУН Институт археологии Крыма РАН и ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник “Херсонес Таврический”. Проведение мероприятия стало возможным благодаря гранту, выделенному фондом “История Отечества”, и финансовой поддержке коммерческих организаций из Симферополя, Краснодара и Екатеринбурга.

По сложившейся традиции к началу форума были изданы не обычные тезисы, а сборник материалов, содержавший подробное изложение будущих докладов. Они составили пятый том продолжающегося издания “Крым в сарматскую эпоху”[1]. Другой необычной традицией конференции является ее регламент. На каждый доклад отводилось 40 минут. За это время докладчик должен сделать доклад, ответить на вопросы и поучаствовать в дискуссии по своему выступлению. Программа конференции была составлена так, чтобы охватить все основные районы проживания сарматов в направлении с востока на запад.

Е.В. Переводчикова изложила результаты исследований произведений искусства аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта. Блок “уральских” докладов открыли *В.Н. Мышкин* и *А.А. Хохлов*, рассказавшие о социальных и культурных изменениях, происходивших у кочевников Самаро-Уральского региона в связи с политической историей ахеменидского Ирана. *А.С. Балахванцев* в своем докладе подчеркнул роль не элит, а людей более скромного социального положения в формировании прохоровской культуры. Как всегда, повышенное внимание было уделено замечательному Филипповскому могильнику. *С.В. Сиротин, Д.С. Богачук, А.Х. Гильмитдинова, К.С. Окороков* в совместном докладе обратились к особенностям погребальных конструкций и планиграфической организации этого памятника. *Н.С. Савельев* изучил дромосные погребения. *О.С. Аникеева* и *Л.Т. Яблонский* представили реконструкцию женского костюма. *Е.Е. Нечвалода* исследовала деревянные, покрытые золотом скульптуры оленей. *А.Д. Таиров* выделил среди кочевников Южного Урала две группы – приуральскую и зауральскую, – принимавшие активное участие в событиях центральноазиатского похода Александра Македонского. *С.В. Сиротин* рассмотрел группу пластинчатых налобников, которые, по его мнению, могут выступать в качестве хроноиндикаторов кочевнических древностей второй половины IV в. до н. э. *Л.А. Краева* собрала случаи заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен.

В нескольких докладах исследователи обратились к древностям Поволжья и прилегающих территорий. *Е.В. Волкова* и *А.В. Денисов* изучили “савроматские” жертвенники из ареала оседлых племен Среднего Поволжья. *А.С. Скрипкин* продолжил давнюю дискуссию о времени появления сарматов и культурной принадлежности сарматских памятников II–I вв. до н. э. *С.Л. Воробьева* исследовала предметы вооружения, обнаруженные в Ново-Сасыкульском могильнике. *А.С. Балахванцев* и *О.А. Шинкарь* еще раз изучили бронзовый котел с греческой надписью, найденный в с. Сосновка Волгоградской области. *С.Э. Зубов* и *Р.С. Багаутдинов* опубликовали позднесарматские комплексы курганного могильника Конезавод I.

Несколькими докладами были представлены сарматские древности Подонья. *А.П. Медведев, В.Д. Березуцкий, И.Е. Бирюков* подвели некоторые итоги изучения сарматских памятников, расположенных на Верхнем и Среднем Дону. *В.П. Глебов* и *С.М. Ильяшенко* исследовали взаимоотношения сарматов и Танаиса во II–I вв. до н. э. *С.И. Безуглов* обратился к той же проблеме, но применительно ко II–III вв. н. э. *В.М. Косяненко* ознакомила участников конференции с результатами исследования аланского стойбища I в. н. э.

Северокавказские материалы в виде удил со строгими насадками из Прикубанья представили *Н.Ю. Лимберис* и *И.И. Марченко*.

В двух докладах исследовались северопричерноморские сарматские памятники. *В.В. Кропотов* предложил рассматривать северо-ориентированные погребения из этого региона как единую группу, не разделяя их на средне- и позднесарматские. По мнению *М.В. Кривошеева* и *В.Ю. Малашева*, позднесарматская культура не была распространена в Северном Причерноморье. Скорее всего северопричерноморские памятники следует рассматривать как самостоятельную археологическую культуру.

Значительный блок докладов естественным образом, учитывая место проведения конференции, относился к крымским памятникам. *И.В. Рукавишникова, Д.В. Бейлин, М.Ю. Меньшиков* познакомили участников конференции с рисунками, сделанными на стенах каменного склепа в кургане Госпитальный, расположенном на окраине Керчи. *И.Н. Храпунов* сделал доклад о сарматах в Крыму по данным археологии. *Ю.П. Зайцев* обратился к изучению некоторых аспектов “сарматизации” Крыма. *А.А. Стоянова* собрала сведения о зеркалах с боковой петлей и конической выпуклостью в центре. *А.А. Труфанов* изучил пряслица с изображениями животных. *О.В. Шаров* выделил три

[1] Крым в сарматскую эпоху. V. Материалы X Международной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории” / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО “Фирма Салта ЛТД”, 2019. 348 с., ил.

модели германского присутствия в Крыму в сарматское время.

Э. Иштванович и *В. Кульчар* обратили внимание на особый тип браслетов IV в. н. э., найденных в Альфельде. Они предполагают либо влияние восточной ювелирной традиции на мастерские Альфельда, либо импорт из Крыма.

Отдельный блок докладов составили исследования антропологов. *А.И. Нечвалода* изучил черепа из первых Аллагуватовских курганов. *М.А. Балабанова, А.С. Пилипенко, С.В. Черданцев, Р.О. Трапезов* привели данные палеоантропологии и палеогенетики о наличии восточного компонента у ранних кочевников Нижнего Поволжья. *С.В. Шарапова*, *С.В. Черданцев, Р.О. Трапезов, А.С. Пилипенко* комплексно проанализировали захоронение женщины из аристократического могильника саргатской культуры Карасье 9. Палеогенетический анализ не исключает возможные южные генетические корни данного индивида.

Два доклада были представлены в виде постеров: *К.Б. Фирсова* о крымских коллекциях сарматского времени в собрании ГИМ и *А.И. Нечвалоды, Е.Е. Нечвалоды, Ю.П. Зайцева*, *И.И. Шкрибляк* о погребениях в кургане Туак-Оба, расположенном в предгорном Крыму.

Участники конференции совершили экскурсии на крепость Ак-Кая и в Неаполь скифский, а также по Херсонесскому городищу, осмотрели экспозицию античного отдела Херсонесского заповедника.

Следующую, XI конференцию “Проблемы сарматской археологии и истории” решено провести в Воронеже в 2022 г.

Крымский федеральный университет, Симферополь *И.Н. Храпунов*

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь *А.А. Стоянова*

К 80-ЛЕТИЮ МАРКА ГРИГОРЬЕВИЧА КРАМАРОВСКОГО

В марте 2020 г. отметил свой 80-летний юбилей ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа доктор исторических наук Марк Григорьевич Крамаровский.

М.Г. Крамаровский родился 3 марта 1940 г. в г. Кременчуге. После окончания машиностроительного техникума и армейской службы он обучался в 1962–1965 гг. на истфаке Уральского государственного университета в г. Свердловске под научным руководством В.Ф. Генинга. Еще в годы учебы Марк Григорьевич начал работать лаборантом кабинета археологии Урала (в 1962–1964 гг.), в 1965–1966 гг. был лаборантом, а в 1967–1970 гг. – ассистентом кафедры истории искусств Уральского университета.

Уже первая курсовая работа М.Г. Крамаровского привела автора к проблемам, которые составили базу открытия золотоордынской торевтики как компонента чингисидской культуры. Эта студенческая работа, посвященная атрибуции серебряной вазы, обнаруженной в составе клада на севере Свердловской области, легла в основу совместной с В.Ф. Генингом научной публикации “Ивдельская находка” (Л.: Аврора, 1973. 30 с.).

Марк Григорьевич участвовал в работах различных археологических экспедиций: Уральской в Западной Сибири (В.Ф. Генинг, 1962–1968 гг.), Пенджикентской (А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, 1969–1972 гг.) и Поволжской (Г.А. Федоров-Давыдов, Т.А. Хлебникова, М.Д. Полубояринова, 1973, 1977–1978 гг.).

В 1969–1973 гг. Марк Григорьевич учился в аспирантуре Эрмитажа под руководством Б.И. Маршака. В формировании молодого ученого трудно переоценить значение внимания выдающейся исследовательницы Византии А.В. Банк.

С 1973 г. М.Г. Крамаровский становится сотрудником Отдела Востока Эрмитажа, где трудится и в настоящее время. Здесь им пройден путь от младшего до ведущего научного сотрудника.

В 1974 г. Марк Григорьевич успешно защитил в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР кандидатскую диссертацию “Торевтика Золотой Орды XIII–XV вв. (по материалам Государственного Эрмитажа)”.

С 1979 г. М.Г. Крамаровский руководит созданной им Золотоордынской археологической экспедицией Эрмитажа, ежегодными работами которой исследуются городище средневекового Солхата и его сельская периферия. Марком Григорьевичем опубликовано более 250 статей.

Работы М.Г. Крамаровского по изучению чингисидского металла привели к созданию нового направления –

торевтики Золотой Орды. До его исследований системного изучения серебра Чингисидов, можно сказать, не существовало, были лишь отдельные работы А.А. Спицына и Я.И. Смирнова, посвященные изделиям “татарской эпохи”.

Марком Григорьевичем описан и учтен основной массив известных артефактов джучидского серебра.

Итоги нескольких десятилетий работ автора по изучению изделий из драгоценных металлов государства Джучидов и смежных территорий подведены в книге “Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды” (СПб.: Славия, 2001. 364 с.).

Автором обозначены основные вопросы развития всадниической культуры монголов конца XII – XIII в. Дана характеристика традиций развития художественного металла Улуса Джучи, выделены три основных периода в развитии культуры: раннеджучидский (первая половина – 50-е годы XIII в.), среднеордынский (вторая половина XIII – первые две трети XIV в.) и позднеордынский (40-е годы XIV – XV в.).

При рассмотрении снаряжения монгольского верхового коня основное внимание уделено седлу и принципам его декора, кратко охарактеризованы элементы конского снаряжения и доспеха. Из убранства всадника рассмотрена типология головных уборов и кратко охарактеризована монгольская бокка. Особое внимание автор уделил раннемонгольским воинским поясам. Им выделены и описаны две группы статусных поясных наборов. Первая – с изображением драконов, отражающая, по-видимому, традицию чингисидской гвардии, и вторая – поясов с “охотничьими” сюжетами. Отдельно охарактеризованы символы власти верховных правителей и монгольские пайцзы.

Особое внимание автора привлекла тема джучидского пира как средства социальных связей. В этом ключе к работе привлечена пиршественная и повседневная посуда монгольских нойонов. Серебряные и золотые сосуды конца XIII – XIV в. (кубки, ковши, чаши, блюда и пр.) разделены на девять групп на основе признаков ремесленных традиций.

Для памятников ордынских городов конца XIV – XV в. выделено несколько групп: “крымско-малоазийская”, “средневолжская”, “греческая” и “латинская”. Отдельно рассмотрены привозные итальянские находки в Крыму и на Северном Кавказе.

При анализе женских украшений рассмотрен стиль спиральный филиграни, его монгольские истоки и распространение в Восточной Европе, в частности в Москве, Византии, в том числе Константинополе, и ремесленных центрах Ближнего Востока. Мимо внимания автора не прошло влияние ордынского серебра на ремесло Балкан и русских земель. Приведем всего один пример влияния золотоордынского ремесла на Русь: поля золотого оклада иконы “Богоматерь Млекопитательница” (конец XIV – начало XV в.) из Новодевичьего монастыря украшены эпиграфическим узором из многократно оттиснутого слова “Аллах”, выполненного почерком “насх”; этот узор прослеживается на материалах из Белореченских курганов и золотых пластинах золотоордынского происхождения.

Десятилетия углубленной работы позволили автору защитить в 2002 г. в Московском государственном университете докторскую диссертацию в форме научного доклада на тему “Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингисидской торевтики XIII–XV вв.)”.

Следует отметить работы М.Г. Крамаровского, посвященные керамике: “Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII–XIV веков” (Л., 1990. 38 с.; в соавт. с В.Н. Залеской), статьи о сельджукской привозной керамике Крыма и солхатской керамической школе (на примере анализа чаши с изображением пира ремесленников-ахи в гранатовом саду). В ряду редких работ для золотоордынской тематики отметим очерки автора о находках стеклянных изделий из Анатолии и Европы (в частности, Северной Италии).

Обращение Марка Григорьевича к характеристике проблем жизни Солхата нашло отражение в монографии “Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия” (СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 496 с.). В последние годы в связи с новыми раскопками возникла возможность более глубокого анализа культуры городских общин Солхата – христианской, в которую входили представители православного, католического, несторианского и армяно-грегорианского приходов, и иудаистской (в связи с раскопками синагоги-кенассы) с ее раббанитским и караимским населением. Самой многочисленной общиной, определившей культурный облик города, стала исламская, в которой одно из ведущих мест заняла традиция сельджукидов Рума.

Исследования М.Г. Крамаровского отличает комплексность подхода к изучаемым материалам, сочетание методов археологии, истории, культурологии, геральдики и других дисциплин. Пример тому – комментарии автора к нескольким абзацам из письма 1367 г. Ф. Петрарки к его другу архиепископу Генуи Гвидо Сете, ставшего историческим свидетельством о бедах Золотой Орды в 1360-х годах.

Не меньшее научное значение, чем монографии и статьи, имеют каталоги выставок, отличающиеся высоким качеством очерков, аннотаций и подбора материалов. Речь идет о трех уникальных археологических выставках по золотоордынской проблематике, проведенных Марком Григорьевичем. Все они созданы на базе собрания Эрмитажа с участием различных музеев страны. Выставки и каталоги (Сокровища Золотой Орды. СПб.: Славия, 2000. 345 с.; Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. 264 с.; Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.) стали заметными событиями в культурной и научной жизни. Заслугой М.Г. Крамаровского является и создание в Эрмитаже первой постоянной экспозиции, посвященной истории и культуре Золотой Орды. Юбиляр принял участие в организации целого ряда зарубежных выставок: “Монголы. Искусство и культура древних номадов” (Германия, Хильдесхайм, 1989 г.), “Кочевые народы Евразии” (США, Лос-Анджелес – Денвер – Вашингтон, 1989–1990 гг.), “Шедевры исламского искусства в Эрмитаже” (Кувейт, 1990 г.), “От тысячелетия к тысячелетию. Сокровища и народы Причерноморья” (Италия, Римини, 1995 г.), “Наследие Чингисхана. Дворцовое искусство и культура Западной Азии, 1256–1353 гг.” (США, Нью-Йорк, 2003 г.), “Чингисхан и его эпоха” (Германия, Бонн – Мюнхен, 2006 г.; Австрия, Леобен – замок Шаллабург, 2007 г.), “Чингисхан и Монгольская империя” (США, Хьюстон – Денвер, 2009 г.).

М.Г. Крамаровский участвовал в основании центра “Эрмитаж-Казань” (2005 г.) и выступил инициатором создания Музея археологии Солхата (Старый Крым, 2019 г.).

Отдельно отметим многочисленные лекции и доклады по вопросам археологии и культуры эпохи Чингисидов, прочитанные юбиляром в разные годы. В их числе лекции 1990–1995 гг. в Международной школе по изучению Восточной Европы (Италия, Эриче) и Школе восточных и африканских исследований (Великобритания, Лондон), спецкурсы

для студентов кафедры археологии и Восточного факультета СПбГУ, участие в работе Крымской музеологической школы “Museum Studio” (Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник “Киммерия М.А. Волошина”).

Вклад юбиляра в развитие науки отмечен медалью “В память 1000-летия Казани” (2005 г.). В годовщину 30-летия работы экспедиции в Солхате Марку Григорьевичу присвоено звание “Почетный гражданин Старого Крыма” (2007 г.). В том же году 7 декабря М.Г. Крамаровский объявлен “Человеком дня” на Радио Свобода. В 2016 г. Марк Григорьевич награжден серебряной медалью Монголии “Найрамдал” (“Дружба”). В связи с открытием первой очереди Музея археологии Солхата (15.08.2019), созданного на материалах Золотоордынской Экспедиции, юбиляр отмечен благодарственным письмом Заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам национальностей Р. Бальбека и благодарностью Главы Республики Крым С. Аксенова.

От имени коллег и учеников желаем дорогому юбиляру здоровья, творческих сил, новых публикаций и успешной работы (в том числе по развитию музея Солхата).

Казанский федеральный университет *Л.Ф. Недашковский*

Российский государственный гуманитарный университет, Москва *Н.И. Недашковская*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации**

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- **принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подпсики на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

АРХЕОЛОГИЯ В ГАУГН (БАКАЛАВРИАТ)

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Программа «Археология» реализуется на базе Института археологии РАН — одного из крупнейших археологических центров страны, широко известного своими научными достижениями в России и за рубежом. Программа обучения направлена на получение выпускником широких знаний и навыков в области основных направлений археологической деятельности, которыми являются разведки и раскопки, археологическое наблюдение и экспертиза, подводные археологические работы, историко-культурная экспертиза, идентификация исторических личностей.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах, организуемых Институтом. Среди них Международная конференция «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации», где обсуждаются научные результаты наиболее значимых экспедиционных исследований; «Археология и геоинформатика», целью которой является продвижение современных геоинформационных технологий в археологических исследованиях.

Выпускник данного направления обладает теоретическими и прикладными навыками в области применения новейших методик археологического исследования — методов дистанционного зондирования, фотограмметрии и трехмерного моделирования, геофизики.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология
- Социология
- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология
- Археология
- Менеджмент
- Юриспруденция
- Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

vk.com/gaugn

gaugn.ru

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.